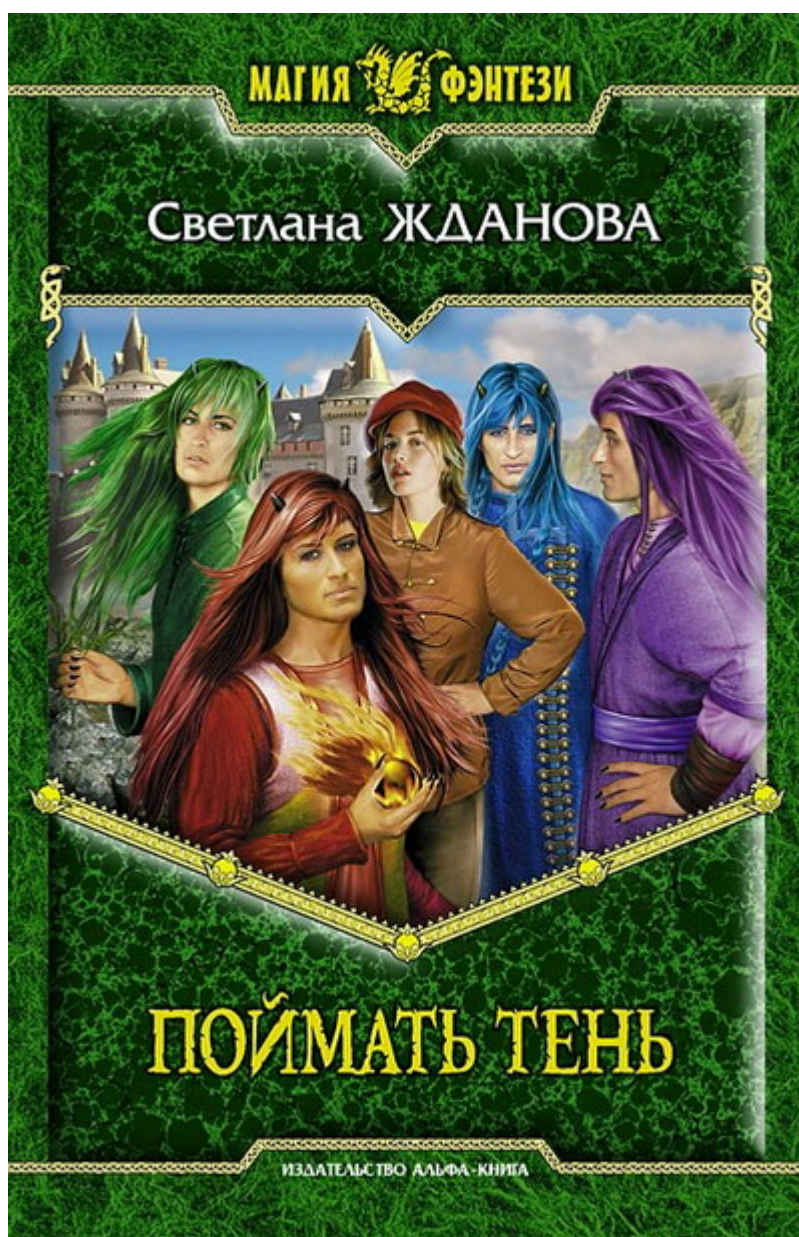


Светлана Жданова
Поймать Тень

Невеста демона – 1



«Поймать Тень»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; Москва; 2009
ISBN ISBN 978-5-9922-0298-4

Аннотация

У них, видите ли, пророчество. У нас клятва. А крайняя, как всегда, я? Что, в королевстве перевелись принцессы? Или взбалмошные особы с магическим даром? Чего эта четверка демонов ко мне прицепилась? Эх, говорили мне «не лезь», но разве я послушаю. Вот и получила жениха и целое царство в придачу. А что мне с ними делать? Тут думаешь, как бы из своего не выгнали. Да, и для начала разъясните, кто он — мой жених? Лишь тень, человек... тьфу ты, демон, которого я люблю, или коварный искуситель?

Что-то много вопросов для одной меня. Особенно если ответы приходится искать

самой. И я найду, не будь я принцессой Лилитаной Вольской. Поймаю этого демона за хвост, и уж тогда... помилуйте боги эти земли.

Светлана ЖДАНОВА

ПОЙМАТЬ ТЕНЬ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИНЦЕССА

Я никогда не думала, что на кону может стоять моя жизнь. Но пришли они... и мир рухнул.

И почему мне никто никогда не объяснял, чем платят за любовь демона. Это надо заучивать любой девице. Меня научили всему, этикету, игре на нервах и других инструментах, магии и колдовству. Всему что должна знать благородная дева. Но не научили бояться.

Наверное, меня неправильно воспитали. Иначе бы не попала я в эту историю.

Глава 1

Чертяги

— **К** лятва, данная более тридцати лет назад, не должна быть нарушена. Я и ваш отец заклинали этот союз на крови наших погибших друзей и родных. И раз пришло время, я не буду противиться, и отказывать вам в этом праве, и моя дочь будет женой вашего наследника. Вот только есть одна проблема... с того момента, как пришло ваше послание, мы не можем ее решить, — король устало вздохнул.

— И какая же? — равнодушно спросил один из послов. Взглянув на него, поймал себя на мысли, что внуками с ярко алыми волосами не может похвастаться ни один из его предков.

— Сущая мелочь, — пожалала хрупкими плечиками королева. — Мы не знаем, какая дочь вам нужна. Видите ли, у моего мужа пять дочерей на выданье. И каждая из них достойная, воспитанная девушка. Уж я приложила к этому все усилия.

Стоящий позади советник вроде бы подавился. Наверно вспомнил, как девочки в свое время громили замок. Надо отдать должное — Игрисса постаралась на славу. Сейчас их и в свет вывести не страшно. Ну, за исключением, конечно...

— Мы не видим в этом проблему, — скучающе заявил тот, что стоял крайним слева, фиолетововолосый. — У вас есть дочь, которую можно выдать замуж, и это главное.

— Нам все равно кто она будет. — Волосы этого были насыщенно зеленые, с флуоресцирующим отливом.

— Выбор за вами. Кого не жалко, — улыбнулся четвертый посол, выставляя на показ внушительные клыки. Густые длинные волосы этого мужчины, заплетенные на висках в две тонкие косички, имели цвет сапфира.

Король уже запутался в этих мальчишках. Все четверо как на подбор высокие, красивые юноши, с властными лицами и непокорными глазами настоящих властителей. Вот сиди тут и вычисляй, кого напроорочил старый знакомый — папаша одного из этих красавчиков — в мужья твоей родной дочери. Все у этих демонов не как у людей.

— Всех жалко, — пробубнил король, глядя на улыбку посла. — Дети все-таки.

— Будь твоя воля, — вмешалась королева, — они бы у тебя вообще замуж не вышли. Так и жили бы с тобой.

— Вот твои вырастут, тогда-то я на тебя и погляжу, — огрызнулся король. Хотя она была в чем-то и права. — Итак, у меня пять дочерей, вы их, разумеется, можете увидеть, и давайте, наконец, решим этот вопрос. А то мы уже извилились все.

— Хорошо хоть девочкам ничего не сказали, — как всегда ядовито добавила

магиана. — А то с вас бы стало и их озадачить этим вопросом. Сидели бы бедняжки и решали, кому за клыкастого идти. И кто оказался бы крайним?...

Придворные дружно переглянулись. Кто им оказался бы, и так понятно.

— А это идея, — просияла ее величество. — Пусть ее и забирают.

— Может тогда лучше тебя под шумок сбавить? — сверкнула молниями в глазах придворная магичка.

Милая женушка покраснела лицом и возмущенно вздохнула. Правда, промолчала.

— По договору, — совершенно серьезно заявил зеленый, — невестой должна быть дочь, а не жена.

— Как жаль, — расстроилась магиана. — А я-то уж надеялась. Так или иначе, свою ученицу я не отдам. Это, во-первых. А во-вторых, ваше величество, вы что, нового скандала хотите? Она им там все разнесет, а виноваты-то мы окажемся.

— Нет, Консуэла. Дочерей у меня пять, вот пусть всех и смотрят. Ведь точно так же можно было отказать в смотре Элоизы, она вообще практически помолвлена. А Беатриче я принцу Измеру пророчил. Вот только заключенная клятва куда сильнее всего остального. От нее зависит успокоение душ уже покинувших нас людей, а чувства этих юных особ второстепенны. Девочки переживут, их женихи тоже. Да и вы, магиана. Что же касается этого ходячего недоразумения, она уже не маленькая, поймет. Итак, господа, — подобрался он, — прошу у вас прощение за эти внутри семейные споры. Мы остановились на том, что вы хотели взглянуть на моих дочерей.

— Мы не хотели. Но избежать нам этого не удастся.

— Лучше если мы сможем не только взглянуть, но и поговорить с девушками, — красноволосый оторвал скучающий взгляд от пола и посмотрел на короля большими вишневыми глазами.

— Мы предлагаем отвести нам по пять минут на разговор с каждой из ваших дочерей. Один на один. — Это уже был фиолетовый юноша. Хотя этому юноше вполне могло оказаться и лет пятьдесят.

Странные они, даже по меркам их народа. И говорят о себе во множественном числе. Как один.

— Об этом не может быть и речи, — возразила магиана. — Оставить юную девушка одну с вами я никогда не позволю. И даже не из-за недоверия к вам, а просто потому как это может травмировать нежную психику принцесс. Они воспитанные девицы и к такому не привыкли.

— Вы нас не поняли. Мы будем говорить с ними один на один, а не все сразу.

— Тогда понятно. Это еще приемлемо.

— Ну, раз вы позволяете, магиана, — усмехнулся король, — наша поборница нравов (с каких это пор), так и порешим. Но опять же возникает проблема. Вас четверо, а дочерей у меня пять.

— Ну и кто опять будет крайним? — захихикала королева.

Раздался вновь дружный вздох, и советник озвучил:

— Лилитана!

Меня уже начало морить ко сну. То ли день сегодня такой, то ли книжка слишком нудная, а может, просто ночью надо было спать, а не в волшебное зеркало пялиться. И почему у меня всегда так — зачаровать зеркало могу на любом уровне, а на простом дубу и яблоко вырастить не получается. Не, ну обидно!

Да еще и магиана Консуэла порадовала. Сама к папе на совещание сбежала, и нет бы ребенка в покое оставила, вот тебе, такое глупое задание дала. Яблок ей, что ль, мало?

Я задремала, прижавшись животом к древесине, примостив голову на подходящие листочки и вытянувшись на ветке как кошка.

Не знаю, сколько я была в блаженном состоянии дремоты, но разбудили меня нагло. Кто-то, что б его, точнее их, довольно громко переговаривался, шагая прямо к моему

любимому дереву. От такой наглости я чуть не свалилась и поэтому крепче вцепилась в толстую ветку всеми четырьмя конечностями.

Ну, они сейчас у меня попляшут. Будут знать, как будить мирно дрыхнувших на ветках злобных принцесс с магическими способностями.

Я уже и фэйрбол приготовила, когда поняла, что что-то с ними не так. Компания расположилась прямо подо мной, поэтому я имела честь лицезреть только их макушки, но и этого хватило, что бы призадуматься, свернуть огненный шарик, замереть и прислушаться.

Их было четверо. Мужчины. Молодые. А дальше начинался беспредел. Волосы у них оказались густые, я обзавидовалась, блестящие, гладкие и... разноцветные. Алые, изумрудные, фиолетовые и синие. Не сразу все конечно, у каждого своего цвета, но и этого хватало. А на лбу у каждого, у самой кромки волос, рожки.

Жены что ль постарались? Это сколько же усилий надо? Знаю я одну такую: только муж за дверь — нее уже любовник.

Лиц возмутителей спокойствия я, к сожалению, не видела, а вот разговор без угрызений совести подслушала.

— Ну и как вам этот балаган?

— Весело, ничего не скажешь.

— Представляете что у них там, наверное, за «достойные, воспитанные девушки»?

— Надеюсь, девушки не в мать пошли.

— А в кого? В эту занозу магичку?

— В советника, — съязвил кто-то.

— Кстати, надо будет проверить действительно ли невеста — его дочь, или кто помог.

— Вот старикашка шаловливый. Это у него пять только совершеннолетних дочерей, а ведь еще есть две маленьких и три сына. Когда успел то?

— Ну, он уже не мальчик. Возраст знатный. К тому же нынешняя королева — его третья жена. Так что старшие принцессы не ее дети.

— Это, надеюсь, к счастью. У нее ведь на лице написано — стерва.

— Спорим, она наверняка не знатного рода. Одна из его любовниц, удачно перекочевавшая из постели на царский трон.

И кто это такой умный, интересно? Посмотреть-то, как хочется!

Я начала медленно перекочевывать по ветке, дабы увидеть лица говоривших столь занятные вещи.

— А я и спорить не буду. Согласен с тобой, Данте. Есть в ней что-то... с душком.

— Представляете, чему такая мачеха могла научить девочек?

— Как заставить короля на себе жениться. Тысяча поз для достижения трона.

Они рассмеялись.

А я меж тем все ближе подбиралась к намеченной цели — их лица стали почти видны. И тут случилось страшное — ветка хрустнула.

«Ну, надо же!» — только и успела подумать я.

А потом с жутким визгом упала вниз.

Надо признать — падение вышло мягким. Ветка была большой, пушистой, так что листва послужила мне неплохой периной. Да и упал сук не совсем на землю.

Когда я вылезла, отплевываясь от листьев, забивших рот, на меня взирали четыре пары недобрых глаз. Побарахтавшись в ветках еще, я все же извлекла все свои конечности и как можно ослепительней улыбнулась:

— Привет!

Они переглянулись. И многообещающе стали подниматься. Вывод был один — будут бить. Взирая на эти перекошенные, местами поцарапанные и побитые лица, я враз забыла о том, что магичка и вообще...

Короче, в восемь рук поваляли меня здорово. Листья я в итоге выковыривала ото всюду. И поцарапалась, ну это правда я сама, пока боролась. А вот как один из них перекинул меня через колено и существенно надавал прутом по заду, я никогда не забуду.

Уж сколько мне раз обещали, а смотри как, все же дождалась.

Но и я в долгу не осталась — лягалась, кусалась, царапалась, руками махала. А как поэтично ругалась матом кому-то на ухо!.. Во время экзекуции прутом я умудрилась засветить пяткой в чью-то челюсть. Хорошо хоть босиком была, так по дереву лазить удобней.

В итоге мы обессиленные развалились на той же уже значительно помятой ветке и шумно задышали. У меня еще не прошли спазмы после щекотки, поэтому время от времени я хихикала, над чем смеялись они, не знаю.

Что-то под спиной здорово мешалось, но не ветка — мы их существенно поломали, и я, засунув туда руку, схватила нечто круглое.

Взвизгнув от удивления, я села. В руке лежало красное наливное яблочко. Дубовое, судя по листику у черенка. Можно сказать — зачет сдала.

— Хм... — услышала я откуда-то слева. — У вас всегда на дубах яблоки растут?

Я подняла голову. Вместо желудей дерево облепили яркие как снегири яблоки.

— Ой! — обалдела я. — И влетит же мне. Надо было всего одно. Дубовое. К экзамену теперь точно не допустят. Ужас! Никто не помнит, чего я там наколдовала?

— Сама разве не знаешь? — Из веток появилась зеленая голова, а за ней и все остальное. Довольно хорошенькое остальное, кстати.

— Откуда? У меня в заклинании только одно яблоко. А тут их штук сто. Чего я вообще говорила?

— Не знаю, что ты говорила, но орала ты знатно, — улыбнулся парень с красной шевелюрой. — Я чуть не оглох.

— При том если ты матом заклинание плела, то это сила, — хмыкнул фиолетовый.

— А мне нравится! Нарядно как-то.

Я обернулась. Прямо за мной развалившись в листве, прохлаждался четвертый. Темно синие волосы, красивое лицо, черные рожки. Обалдеть!

— Нарядно! — разозлилась я. — Да меня за это на неделю запрут. И еще месяц ими кормить будут, — кивнула я на дерево, где блестели, словно восковые, фрукты. — На завтрак, обед и ужин.

— За что это? Ведь получилось даже лучше чем хотела, — удивился красненький.

— По тому, что это не по правилам. Как написано, так и должно получиться. А это... Так не должно было быть. Все, — я вновь упала в листву, закрыла лицо руками, — на карнавал меня сегодня точно не отпустят. А я уже и костюм приготовила. Размечталась, блин.

Вот так всегда. Целый месяц примерного поведения, все из-за этого карнавала, и на тебе. Погуляла! Встало мне это яблочко поперек горла.

— Ну не переживай так, малышка. — Кто-то раздвинул мои ладошки, и я увидела того восторженного почитателя прекрасного. Вот лентяй, так и не встал, просто перекатился так, что бы нависать надо мной. — Хочешь, мы тебе поможем?

— Как? — Вырвав руки из его цепких пальцев, я вновь спрятала в них свое пылающее лицо. Встречаются же такие красивые мужчины!

— Стрясем яблоки. Хочешь? И никто не узнает.

— Хочу! — заявила я, убирая руку.

Синеволосый кивнул и посмотрел на друзей:

— Ну что, поможем девочке?

Те вроде кивнули. И встали.

А я чуть язык не проглотила от удивления. Кроме рогов у этих чертей еще имелись и хвосты с кисточкой на конце под цвет волос.

Мне аккуратненько закрыли рот и попросили:

— Отойди, вдруг заденем.

Четыре разноцветных парня подошли к вековому дубку и уперлись в него руками. Через несколько секунд дерево затряслось, скидывая несвойственный урожай.

Это хорошо, что я отползла подальше, а то под деревом такое началось. Ребята кинулись врассыпную, но к тому времени их уже изрядно побило.

Мы снова лежали на земле, рассредоточившись вокруг дубка, и хохотали.

Уверена, после яблочного града, к нанесенным моими стараниями увечьям, добавилось еще пара новых.

— А их есть можно? — спросил красноволосый.

— Сколько влезет. — Раздался дружный хруст, я не выдержала и хихикнула.

— Какая гадость!

— На вкус словно желудь.

— Ты же сказала, их можно есть.

— Можно, — подтвердила я, и, перевернувшись на живот, посмотрела на четырех болванов, решивших полакомиться волшебными яблочками. — Но невкусно. Разве что для свиней сойдет. Ну ладно, это потом. А сейчас надо как-то ветку вернуть назад. Все-таки я к ней привыкла.

— Чего ты там кстати делала?

— Яблоко. Но, правда, потом задремала, а потом меня вы разбудили. Магиана точно мне в лоб даст, дубок этот еще предок короля нашего сажал. Ну ладно, что-нибудь придумаю, не впервой.

— Что, и раньше падала?

Я кивнула. И не раз. Не буду же я им объяснять, что они не первые мои жертвы.

— Ты кто?

Ну вот, добрались и до этого. Что-то меня насторожило в их разговоре о короле, его жене и их дочерях, поэтому я незамысловато ответила:

— Таня.

— Ты ученица магички?

— Да.

— И много у нее учениц? — как-то странно переглянулись пареньки.

— Пять. Она воспитывает нас чуть ли не с детства. Готовит к придворной жизни. Это очень престижно — учиться у магианы Консуэлы. К ней отдают только талантливых детей из аристократических семей.

— Что ты талантливая, мы уже поняли, — потер ушибленную голову-лужайку один из них.

— А вы кто такие, хвостатые? — склонила я голову на бок, рассматривая этих занятных особей.

Они вроде замялись. Затем синеволосый чертяга ответил, косясь на остальных:

— Мы с посольством прибыли. У нашего короля дело к вашему.

— Значит, вот с кем они с утра совещались! Только мне интересно, что вы за раса такая. Никогда не видела ничего подобного.

— И много видела? — усмехнулся другой чертяга.

— Не-а! Меня далеко не отпускают. А если кто во дворец и приезжает, меня им не представляют. Так кто вы такие?

Синеволосый с надеждой посмотрел на того, чья шевелюра напоминала ультрафиолет. Тот вздохнул и заговорил:

— Мы зовем себя АСУРАМИ, вы зовете нас демонами. Что тебе известно о последней войне, малышка?

— Практически ничего. Историей как-то не увлекалась. А рассказывать о ней у нас не принято.

— Потому и не принято. Вы, люди не любите вспоминать о том, что произошло тогда. И о нас вспоминать ни хотите, — подозрительно равнодушно заявил демон.

— Возможно. Люди вообще... с короткой памятью. Как ваши имена? — Я села и поджала ноги под себя.

— Я — Бальтазар. — Чертяга с ярко красными волосами встал и медленно подошел ко

мне. Его длинный хвост так забавно покачивался из стороны в сторону. Он протянул руку и пожал мою поданную лапку. У него оказались красные коготки, а глаза темные, словно ягоды вишни.

— А я — Аскар, — так же встал зеленоволосый. У него так же были зеленые когти и хвост. А глаза темные, словно древний лес.

— Будем знакомы, — улыбнулась я, вновь протягивая руку, которую тут же мягко сжали.

— Мое имя — Заквиэль. — Подошел ко мне третий. Фиолетовый. И приняв мою ручку, нагнулся и поцеловал.

Я даже слегка растерялась.

— Данталион, — просто представился последний, тот обаятельный лентяй. — Ты нас совсем не боишься?

— А стоит? — тут же насторожилась я.

— Вообще-то нет.

— Костлявая ты очень, — хмыкнул Бальтазар. — Вот повзрослеешь, нарастишь чего-нибудь на костях, тогда и обращайся.

Я скептически осмотрела себя. Да, долго здесь расти. Хотя мне уже исполнилось восемнадцать, выглядела я от силы лет на шестнадцать. Грудь росла нехотя, да и остальные формы оставались все такими же подростковыми. Раньше я не очень и обращала на это внимание. У меня четыре красавицы сестрицы, и на их опыте я знала, каково это — быть прекрасной принцессой. Не очень то и хотелось. Куда как интересней лазить по деревьям, гонять домашних призраков, воевать с местными мальчишками и издеваться над придворными. Консуэла уверяла — однажды я вырасту, но меня это не волновало. Девочкой-подростком быть куда интереснее.

А вот теперь я пожалела, что не такая писаная красавица, как Беатриче, или хотя бы Элька. У тех волосы до ягодиц, лица ангелов, фигуры нимф и голоса сирен. А у Присцилы еще и грудь шикарнейшая. Некоторые теряются от такой красоты. Как я сейчас, смотря на этих четырех мужчин, столь очевидно красивых, что даже меня проняло.

Все как на подбор высокие, статные, хороши каждый по-своему.

А вот она я — не очень высокая, с угловатой фигуркой, вечно покарябанными руками, а иногда и лицом. Волосы грязно каштанового цвета, вечно торчат во все стороны, по причине своей разной длины, и в основе своей доходят до плеч, тогда как некоторые пряди свисают к лопаткам. Носик пуговка покрыт веснушками. Узкий подбородочек, резковатые скулы, от природы ироничные брови. Зато глаза моя гордость, большие, очерченные густыми длинными ресничками, самого необычного цвета какой мне только приходилось видеть — каре-желтые, с переливами и искрами, как «Кошачий глаз».

— Тогда уж я так похожу, — хмыкнула я, рассматривая этих чертей. — Вы братья?

— С чего ты взяла?

Я пожалала плечами:

— Просто спросила. А чего вы такие разноцветные? У вас все такие?

— Да, малышка, — потрепал меня по спутанным волосам Бальтазар. — Свой цвет, своя магия, своя сила. Мы же асуры. Еще вопросы есть?

— Пока не придумала. Но это не надолго, — пригрозила я.

— Так что будем делать с твоим деревом? — приподнял бровь Данталион.

— Лечить. Я могу прирастить ветку назад, но ее сначала надо приставить к месту отлома.

— А как ты делала это раньше?

— Мне помогали. Девчонки левитировали, а я приращивала. — Почесала кончик носа и состроила гримасу. — Если пойду за ними, меня поймает магиана. Так что придется левитировать самой.

Демоны дружно обернулись, примерились взглядом и выдали:

— Мы подержим, а ты прирастишь, согласна?

— Еще бы!

Рассказывать, как мы это делали, в подробностях не буду. Хватит и того, что Бальтазар с Заквиэлем залезли на дерево, я слевитировала им ветку, которую они благополучно тут же уронили на нас с Аскаром. Потом пришлось искать мой рюкзачок, где остались все амулеты, так как силы были уже на исходе. Висящие вниз головой демоны возмущались нерасторопностью и дрянной памятью одной незадачливой ведьмы. Сумку удачно погребли яблоки, и найти ее оказалось не так просто. А потом кто-то коснулся моего плеча, и я ощутила прилив непонятных сил, прошедших по телу мурашками. Готовое заклинание, горящее на кончиках пальцев зеленоватым мерцанием, сорвалось силовым импульсом, не только прирастившим многострадальную ветку, но и заставившим дерево дать новые побеги. Я охнула.

— Так вот почему дубок заплодоносил! — дошло до меня.

Аскар, чуть приобнимавший меня за плечо, хмыкнул.

Вещи мои все же нашлись. Закинув рюкзак на плечо, я отряхнулась, поправила порванную рубашку и посмотрела на демонов:

— Большое спасибо за помощь.

— Да не за что малышка. Мы знатно развлеклись.

— Нам уже начало казаться, что в этом замке нет ни одного нормального существа, — усмехнулся Заквиэль.

— При виде нас все пугаются, либо начинают раскланиваться, что тоже неприятно, — пожал плечами Бальтазар.

— Кстати, ты упомянула о карнавале?

— Сегодня вечером начнется гуляние в городе. Будет большой карнавал. Должно быть весело. Так что сходите. Вот где вас никто не станет бояться. Ваш внешний вид вполне сойдет за хороший морок. А мне пора. Пойду, договорюсь со свинопасом, пусть утилизирует это чудо природы, — кивнула я на красно-зеленый ковер под ногами. И помахав рукой на прощанье, убежала.

Н акинув на себя морок, я прокралась через весь дворец и выскользнула в сад. Облизнув губы, приготовилась к финальному броску. Пробежав по лужайке, тенью юркнула под прикрытие стены. Раскинув руки, вздохнула поглубже и сконцентрировалась — бр-р, терпеть этого не могу — слевитировала на каменную ограду дворца.

Не тут то было! Поднявшись достаточно высоко, почувствовала, как меня потянули вниз.

«Все, попалось», — промелькнуло у меня в голове. И я приготовилась рухнуть на землю.

И тут облом, но какой приятный! Плюхнулась я прямо на руки другой тени, в чьей фосфоресцирующей прическе опознала Заквиэля.

Тут же расслабившись, я развалилась в его руках и облегченно вздохнула:

— Зачем же так пугать? Я думала это магиана меня заловила.

Из темноты послышалось хихиканье.

— Заквиэль, не смешно! Я уже успела подумать, в каком гробу меня будут хоронить.

— Извини! Мы не хотели.

— Ты вроде бы уже должна быть в городе, — это явно голос Данталиона.

— Кто ж меня отпустит. Консуэла прознала про яблоки и закатила скандал.

— Как она узнала? — напрягся Бальтазар.

— По всплеску магии. Все допытывалась, что я такого сделала. Ну не буду же я ей объяснять, что сперва подралась с демонами, а потом с ними реставрировала королевскую реликвию.

— Ты ей ничего о нас не сказала? — вроде бы удивился Данталион.

— Вы представляете, какой это бы был рассказ! Бред сумасшедшей. Я себе не враг. Кстати, меня, может, все-таки отпустят?

- Может быть, — ослепительно улыбнулся Заквиэль. Но даже не шелохнулся.
- Когда еще демоны будут носить тебя на руках, — хмыкнул Бальтазар.
- А они не носят. Он стоит. А я на ту сторону хочу.
- Какие проблемы, малышка? Просто попроси.

Я и рта не успела открыть, как Заквиэль каким-то непостижимым мне способом поднялся в воздух, со мной на руках успешно миновал крепостную стену замка и плавно опустился по ту сторону.

— Но... как? — только выдохнула я.

— Не ты одна умеешь летать, — улыбнулся Данталион, выставляя на показ внушительный арсенал клыков — по две пары сверху и одна на нижней челюсти. Занятно, почему-то у других демонов я такого не замечала. У него клыки длиннее или просто манера улыбаться такая? Срочно захотелось залезть в рот остальным асурам с линейкой.

— Ну, идем развлекаться? — тряхнул головой Бальтазар, отчего коротко стриженные волосы на его макушке обрели еще большее сходство с пламенем. Так и подмывало руки погреть.

— Ты с нами, бесенок, или тебя кто-то уже ждет? — задорно сверкнул глазами сквозь ночную тьму Аскар.

— У стены я была первая, так что это вы со мной.

Меня поставили на землю, и я навела на себя заранее подготовленный морок. У меня тут же вырос длинный пушистый хвост, пара больших ушей на макушке, носик-пуговка стал черным, глаза чуть сузились и задрали внешние уголки выше. Волосы стали совсем коротенькие, наподобие шапочки окружая голову, и поменяли цвет на ярко рыжий. Одежда тоже изменилась, появился комбинезон из бархата, в цвет ему болеро и высокие ботфорты.

— Лиса? — попытался угадать Бальтазар.

— Это белка, — хмыкнул Данталион. — Только хвост нужно по пышнее и кисточки на ушах.

— Так? — спросила я поправив.

— Да.

— Тебе идет, — заключил Аскар.

— Это мы идем. А то так и проторчим здесь всю гулянку.

Подхватив Заквиэля под одну руку, а Аскара под другую я потянула их в сторону города. Каждый из них был выше меня как минимум на голову, так что смотрелись мы забавно.

Лучших товарищей я бы себе в тот вечер и не пожелала. Асуры оказались веселыми ребятами. Мы посмотрели праздничное шествие, покатались на больших качелях, мне даже купили шарик и большущий леденец на палочке. Затем, помню, мы с Бальтазаром соревновались в стрельбе файерболами, меня разумеется разгромили. А когда нам случилось забрести в толпу, Заквиэль вновь брал меня на руки, так как растоптали бы меня, как пить дать, в то время как Аскар и Бальтазар шли вперед и расталкивали народ. Данталион для того же эффекта просто улыбался. Мы смотрели кулачные бои, на мои предложения демонам поучаствовать, те скривили красивые лица и заявили, что это будет не честно — выставлять человека, какой бы он не был сильный, против асура. Тогда на это бахвальство я закрыла глаза, не зная, до чего они правы.

Потребовав у Бальтазара сатисфакции, для чего мы с демонами скрылись от досужих глаз в переулке, я случайно попала в пороховую бочку, подготовленную для салюта. Оказалось, их специально поставили на крышу, подальше от основного гулянья, что бы непутевые маги вроде меня и просто пьяный сброд не испортили приготовления. Зря они думали, что я осталась за надежными стенами крепости, в своей комнате, под неусыпным контролем опытной магички. Вот вам! Скрикошетивший файербол угодил точно в цель.

Фейерверк начался не по плану рано!

Как мы бежали оттуда, описывать так же не буду, так же как трехэтажный мат, несшийся нам в след. Только, смею заметить, крыша все-таки рухнула, а Бальтазар признал

меня победителем. Так даже он не смог бы.

Еще мы танцевали. Я вспомнила, что принцесса и что кое-каким придворным премудростям меня все же научили. Сначала моим партнером оказался обходительный Зак. Потом я увела у хорошенькой пампушки Аскара. В кадрили перетанцевала с едва ли не полгородом. Бальтазар оказался таким же зажигательным танцором, как и был во всем остальном. Ну а Данте сам отбил меня у какого-то симпатичного горожанина и оказался при этом непревзойденно элегантным.

Отвоевав один из столиков, стоящих вокруг танцевальной площадки, мы неплохо поели. А некоторые и попили. Я только успела сунуть нос в кувшин с вином, как мне тут же по нему и дали, заявив, что я еще маленькая. Так как меня мучила жажда, в итоге надо мной смилостивились и, разбавив его водой, разрешили пить.

Наверное, зря. Так как все, что я потом помню, для меня слилось в пеструю картину танца, смеха, разноцветных асуров и теплой ночи.

Зак погладил девочку по пламенно рыжей головке и приложил палец к губам:

— Цс-с! Она кажется, уснула.

— Это ты нам или всей площади, — усмехнулся Бали.

— Ее теперь и взбесившийся вурдалак не разбудит, — согласно кивнул Аскар.

— Ну и пусть спит. Или тебе мешает?

— Нет. Как она может мешать? — улыбнулся Зак, смотря на умилительно хорошенькое личико девчонки, примостившей голову на его плече.

— Да, — согласился Аскар, откусывая кусок пирога, — действительно очаровательный ребенок.

— Ну, по человеческим меркам не такой она уже и ребенок. Сколько ей, лет шестнадцать? У них в это время уже и замуж иногда выходят, — блеснул эрудицией Бали.

— Ну не дворцовая же магичка. — Данте внимательно посмотрел на Таню. — Она совсем еще девчонка. По деревьям лазит, учителя не слушает, из дома сбегает. Куда ей...

Друзья хмыкнули и какое-то время молчали.

— Интересно, можно как-нибудь сделать так, чтобы невеста наследника взяла с собой недоучившуюся колдунью, — подал идею Аскар. — Ну, не так одиноко будет на новом месте.

— Наверное, можно, — кивнул Бали.

— Нам бы с одной девицей разобраться, а вы уже о второй думаете, — остудил их пыл Данте. — Оставьте девочку пока в покое. Давайте лучше подумаем, как нам завтра быть.

— Никак, — хмыкнул Аскар. — Посмотрим на этих сестричек, выберем какую посимпатичней и поедем домой.

— Думаешь, пророчество имело в виду именно такой способ выбора невесты?

— Ну, там же ничего не сказано точно. Хоть какие-нибудь приметы кроме «дочери Вольского короля».

— Это хоть какое-то ограниченное. А то было бы просто «дочери короля», и нам бы пришлось перерывать все человеческие королевства ради одной девицы. Тут их только пять.

— Завтра увидим, кого нам хотят сосватать, — Зак осторожно поменял положение руки, которая уже начала затекать.

— Только договоримся — никаких поспешных решений, — кивнул Данте, следя за ним.

— Вообще пока не обсудим все это, никаких решений, — улыбнулся Бали. И протянул руки: — Дай мне ее.

— Только осторожно. Не разбуди. — Зак вынул руку из-под тела девочки и внимательно проследил, как его друг сажает Таню на колени и осторожно обнимает.

Малышка прижалась головкой к его груди и мирно засопела.

— Умилительный ребенок, — вздохнул Аскар.

Данте все же не удержался и погладил девочку по щеке. Та сквозь сон подалась на

ласку, словно котенок.

Она вырвалась в последний момент. До конца заклинания осталось всего пару слов.

И все началось сначала. Она убегает, я догоняю.

— Стой, зараза! Все равно поймаю, тебе же хуже будет, — кричала я, несясь со всех ног. — Я из тебя муфту сделаю, живность ты недобитая. Стоять, бояться. — Я шарахнула по ней файерболом.

Мы миновали коридор и оказались на площадке перед лестницей.

— Замри, — закричала я. — Сдвинешься с места, и я побацию тебя на ленточки, шкура щипаная!

Она взмахнула рукавами и на четвереньках бросилась вниз.

Не растерявшись, я ухватила ее за край подола. С лестницы мы скатились, накрепко сцепившись, словно две взбесившиеся кошки. Пересчитав ступени спиной, я все же в итоге оказалась сверху и, зажав ее меж бедер, начала душить.

— Вот тебе, будешь знать, как сбегать от меня, шавка ободранная. — Я начала шептать слова заклинания, а шкура затыкать мне рот рукавом.

— Лилит!

Я вскинула голову и встретила взглядом с магианой. Наверное, сидя верхом на быющей шубе, выглядела я не подобающе принцессе, догадалась я. Заминкой так удачно воспользовалась шкура, вырвалась и бросилась прочь. Я зарычала и кинулась следом.

Она обежала обеденный стол и замерла с противоположной стороны, хищно щерясь на меня воротником. Я ощерилась в ответ, оперлась руками о край стола и, используя ближайший стул, прыжком забралась наверх.

— Не буду я с тобой играть, дрань нафталиновая. Куда пошла?! — Не дожидаясь ее дальнейших действий, я прыгнула.

Шуба захихикала и бросилась в сторону. Леветировать было поздно... пол приближался с угрожающей неумолимостью. И когда между ним и моим носом оставались каких-то пара сантиметров, я зависла. Кто-то крепко держал меня за ноги вниз головой.

«У-у, — подумала я, когда меня сверху накрыла моя юбка, — что за вид открывается сейчас с той стороны. Не зря панталоны надевала, Люське особая благодарность за настойчивость».

— Поставьте этого несносного ребенка на ноги, — вздохнула Консуэла.

Меня осторожно перевернули. Побарахтавшись в своих юбках и подъюбниках, я, наконец, имела честь осмотреться. В пылу драки до меня как-то не дошло, что в столовой проходил обед, на который я и должна была явиться. Только более... официально.

Сестры находились в состоянии легкого замешательства, они-то ко мне уже как-то привыкли. Пара придворных дам валялась в обмороке. Лицо его величества пылало. Ее величество, наша мачеха, иронично изогнула брови, типа «ну как всегда». Оба папиных советника совершенно растерянно взирали на разгромленный стол. Магиана сверкала искрами в глазах.

— Ой! — выдохнула я.

За спиной раздался дружный хохот.

— Зак, Бальтазар, прекратите, — обернулась я, что бы увидеть их забавные, рогатые мордашки. — Ой, Данте, тебе плохо? — Чертыга еще раз громко хрюкнул и совсем скатился со стула. Туда, где уже корчился Аскар. — Ну, мальчики, прекратите. — Я схватила со стола бокал с водой и подбежала к сидящим на полу демонам. Осторожно побрызгав их водичкой, я испуганно попросила: — Что с вами?

— Малышка, ты просто чудо ходячее! — выдохнул Зак.

— Мы, кажется, вчера принцессу напоили, — не успокаивался Аскар.

— Так, — встала я и грозно топнула ножкой, — или вы прекращаете ржать, или я вам хвосты бантиком завяжу.

Демоны дружно посмотрели на меня и, последний раз прихрюкнув от смеха...

успокоились. Я помогла Данте встать, отряхнула запачканный камзол Аскара и посмотрела на затихших родителей.

Лица у всех были испуганней, чем когда я дралась с шубой. Оглянувшись и убедившись, что за моей спиной не спрятались жуткие монстры, способные ввести грозную магичку и отважного короля в такой ступор, я начала осознавать, что... что-то здесь ни так.

— Что это с вами?

— Думаю, — склонился к моему уху Бальтазар, — они впервые видят смеющихся асуров.

— А-а, — протянула я. — Ну, это, наверное, потому как меня не было рядом.

— Лилит, — дрожа голосом, попросила Консуэла (я в шоке — испуганная магиана слишком даже для меня), — будь добра объяснить нам, что тут происходит? Ты уже знакома с этими господами?

Я покосилась на «господ». Тут то до меня и дошло, что, наверное, я опять сделала что-то не так, а приличной девушке не пристало общаться с демонами.

Ну, и упырь с ней — «приличной девушкой», я — не она, она — не я.

— Да. А что-то ни так?

Магиана глубоко вздохнула и... промолчала.

— Аскар, прекрати, — чуть слышно прошептал Данте.

Я обернулась. Зеленый демон поглаживал прильнувшую к его ноге шубку, словно собаку.

— Нет, — вмешалась я. — Подержи пока.

Обойдя их вокруг, я открытой ладонью провела по шерсти и быстро прошептала заклинание. Шуба тут же расслабилась и опала.

— Все! — обрадовалась я. — Теперь можно и пообедать.

Демоны дружно кивнули и стали расставлять стулья.

— Лилит, ты, может быть, все-таки потрудишься рассказать, что за балаган ты здесь устроила?

— Ну, — почесав кончик носа, я поглубже вздохнула: — Мы с Люсей, моей горничной искали хоть один целый подъюбник. Кстати, этот был последним, — чуть задрала я юбку, показывая драный подол. — Когда мы добрались до одного сундука, в который уже давно ни лазили, то нашли там вот это, — я кивнула на драный мех. — Носить это я все равно не стала бы, а Люсе шубка приглянулась. И я подумала, что можно ей отдать. Вот только мех за время лежки помялся и потускнел. Ну, я и решила его оживить и придать блеска.

— Оживила, — хмыкнула Элька.

— Я не знаю, как это получилось. Она вдруг озверела и кинулась на Люську. Даже покусала. Не смейтесь! Представьте, каково бедной девушке — быть покусанной шубой.

— Да уж, невесело, — согласилась Беатриче.

— Очень даже весело, — хихикнула Симилла.

Магиана вздохнула:

— Ну что мне с тобой делать, чудо ты ходячее, как заметили наши гости?

— Экзамен отменить, — обрадовалась я.

— Еще чего! Ты мне по полной его сдашь. Наравне с другими девочками.

Позже, когда все успокоилось и, наконец, сели за стол, магиана, как строгая учительница, вновь подняла свой внимательный взгляд на меня:

— Кстати, Лилит, ты не поведаешь нам, почему не присутствовала на завтраке?

— Ну... я...

— До меня дошли слухи, что ты едва ли не полдня проспала. Неужели всю ночь повторяла задание перед экзаменом?

От ее нарочито мягкого, заботливого голоса у меня аж мурашки по коже побежали. Уж лучше бы побыстрее устроила взбучку, и дело с концом. Так нет, будем выеживаться перед гостями. Тьфу, заботливая наставница нашлась. Плеточку-то она всегда с собой носит.

Я молчала. Зачем оправдываться, говорить то, о чем мы обе и так знали.

— Ну?

Раз хочешь объяснений — изволь выслушать. Я разозлилась.

— Вы знаете, где я была. Сбежала, как и всегда это делала. И буду делать. — Сжав в руках чашечку с любимым какао, я подняла голову. — Оправдываться не буду. Запрещая, вы знали, что меня это не удержит. Так что вас смущает, магиана Консуэла? То, что я взломала ваши охранные заклинания, как бы вы их не заговаривали? Мелочь, меня такими не удержать. Я уже взрослая, так что пора прекратить этот фарс.

— Это не фарс, ваше высочество, — чуть заметно дернулась наставница. — Нельзя вести себя как девчонка, а потом надеяться, что к вам будут относиться как к взрослой. Что вы доказали этим побегом? То, что можете уйти без спроса? Так это мы все знаем. Может вы хоть раз докажете, что являетесь принцессой, а не проказливым сорванцом.

— Может быть. На той неделе. — Я ослепительно улыбнулась. — Сразу после экзамена. Нам вроде бы на какой-то бал придется ехать. Вот я буду себя хорошо вести. Обещаю! Не, ну правда!

— И позволишь нам себя прилично одеть? — лукаво сощурилась Симилла.

— Позволю, — обреченно кивнула я.

— И будишь стоять в сторонке, а не носиться по всему залу? — просияла Элька.

— Конечно!

— И без магии? — сощурилась Беатриче.

— Слово даю.

— Не верю, — округлила голубые глазки Присцила. — Только не ты, Лилит. Ты же и пяти минут спокойно не выдержишь без своего чародейства.

— Спорим?! — протянула я руку.

Сестренки озорно сверкнули глазками.

— Спорим! На что?

Я опустила руку и призадумалась. Чего бы захотеть?

— На желание?

— Пойдет, — Беатриче протянула мне руку. — Для каждой.

Пари заключено. Во что я опять вляпалась?

— Кстати, Лилит, раз ты вчера поздно пришла, — посмотрела на меня Консуэла, — может, видела Агриппу. Ночью я слышала ее рыдания.

— Видела, — скуksилась я.

— Ну-ка рассказывай, — взвилась мачеха. Как же ее двоюродную бабушку обидели.

— Разбудила она меня своими нравоучениями. Как всегда кричит, руками машет. Вопит что-то типа: «Как не стыдно, принцесса, голубая кровь, а сама в гостиной на диванчике отдыхает. Не по порядку! Не по протоколу!» Что ей еще остается делать, кроме как кричать. Кстати, — обернулась я к нашим гостям, — Агриппа, это наш семейный призрак. Не одно поколение своими нравоучениями достала. Она же воспитательницей при жизни состояла, а потом один наш шкодливый предок так ее достал, что у бедняжки сердечный приступ случился. Но и после смерти она наше семейство в покое не оставила. Все так же воспитывает, правила и приличия разъясняет. Кого хочешь до заикания заговорит. Вот и меня заговорила. Я ей и ответила, что где хочу, там и сплю. Лучше бы промолчала. Агриппа разошлась. «Да что это такое, да как так можно? Совсем молодежь испортилась, мало того, что посреди ночи домой заявляется, так еще и в таком виде. И это принцесса, образец для подражания, что же тогда обычные люди вытворяют?» Ну, я ее и просветила, что образцом быть не могу по причине прогрессирующей наглости и острых приступов вредности, в купе с дурной привычкой влипать в нехорошие истории. Сама ведь знает, а все туда же. Ох и расшумелась она после этого. Кричит, ругается, говорит: «Совсем стыд потеряла, принцесса. Мало того, что посреди ночи появилась в непотребном виде, так еще и в неприличествующей компании». Ну, я глазки округлила, так как вообще не помнила, как в замке оказалась. Вот меня бонна наша разлюбезная и просветила на повышенных тонах. «Черти, — говорит, — принесли». Я, если честно, сначала даже растерялась. Думаю,

совсем наша старушка из ума выжила — чертей видеть стала. А может, это за ней из Тантраса прибегали. Только потом, после того, как я ей высказалась по этому поводу да еще грешницей заблудшей обозвала, до меня дошло о каких чертях она говорит. Призраки-то не имеют расовых понятий, ну черт и есть черт, а то, что это асуры, ей как-то по боку. Я, конечно, попыталась извиниться. Но только еще больше разозлила. Какой же она крик подняла! Говорит: «Не подобает приличной девице по ночам где-то шляться с четверкой не... вполне... благонадежных мужчин, — ну это я существенно смягчила эпитеты нашего полтергейста, она то выражалась куда более нескромными словами в адрес демонов. Где только таких набралась-то. Не иначе как у портовых грузчиков. — Да еще с рогами и хвостом». Не знаю, чего она к этому хвосту прицепилась, но особо ее возмущал именно он. Я, конечно, с ней согласилась, что не очень прилично получилось. «Ну и что? — сказала я ей. — Я вообще не слишком-то приличная особа. Так что это еще не самое страшное, что могу сотворить. А будешь возмущаться — рассею». Достала она меня, короче. Я ведь ничего такого не сделала. С чего на меня так-то орать? Да еще и асуров сюда приплела. Никакого такта у призрака. Так ведь и до скандала межрасового не далеко. Вот я ей и высказалась обо всем, что думаю по этому поводу. Вы меня в запале знаете — если понесло, никаким заклятием не остановишь. Я и толкнула речь на добрых пять минут о чересчур зарвавшихся призраках, их месте в королевском дворце и в воспитании подрастающего поколения. Да еще о смене моральных устоев за те сто лет, что ее нет в живых. А так же припомнила все те слухи о любовных похождениях нашей бонны при жизни, что ходили по дворцу. — Так же я имела наглости угрожать милой Агриппе, что если она и впредь будет доставать меня своей моралью, то я заведу любовника из числа все тех же чертей. Это я, конечно, погорячилась. У меня раньше и в мыслях такого не было. Все эти глупые подозрения. — Думаю, я во многом не права. Но зачем лезть к человеку в четыре часа утра со своими нравоучениями. Наверное, я ее обидела. Надо было быть помягче в выражениях. Ведь дошло до того, что я пересказала ей все те слова, что кричали нам артиллеристы, когда я крышу взорвала. Ну те, с фейерверками, помните? — посмотрела я на демонов.

Бальтазар и Аскар дружно приснули от смеха, вспомнили, наверное. Данте честно пытался держать чувства в узде, хотя лицо и покривил. А Заквиэль покачал головой:

— Тебе действительно было лучше не говорить этого призраку. Это же натуральная похабщина.

— Правда? Я об этом не подумала. Ой! — поздно спохватилась я.

Данте все же не выдержал.

— Сегодня же вечером пойдешь к Агриппе и извинишься, — строго посмотрела на меня магиана.

— Ни имею ничего против, — уверила я. — Если она тоже извинится.

— Говори это Агриппе. Для нас главное, чтобы во дворце снова настали мир и покой.

— Пока здесь это недоразумение, — ткнула пальчиком мачеха, — во дворце никогда не будет покоя. Когда у вас начинается практика?

— Мы уезжаем через две недели, — смела заверить магичка. — Если, конечно, все сдадут экзамены.

Я вздохнула. Экзамены — мое слабое место. У меня может все великолепно получаться на тренировках, но как только я выхожу на обозрение суровых экзаменаторов, способности сами собой уходят куда то в пятки, вслед за сердцем.

— Лилит, — позвал отец, — что ты там говорила о фейерверках? Ты и здесь приложила свою шаловливую ручку?

Мне разом поплохело.

— Мы должны извиниться, — вмешался Бальтазар, — но это скорей наша вина.

Король хмыкнул:

— Не стоит, господин Бальтазар. Я всегда узнаю о проделках своей непутевой дочки по особому почерку — по нелепости. На той крыше находились три архимага, дом отцепил отряд охраны. И только моя Лилит могла этого не заметить, разнеся всю секретную

подготовку вместе с домом. Архимаги даже ничего понять не успели, когда там все запылало. Неужели ты — мой ребенок? — совсем не злобно, скорей риторически спросил он.

Я просияла. Значит, папа уже пережил мою шалость, и никаких последствий, кроме, может быть, легкого нагоняя в отдельном кабинете, не последует.

А вот заступничество демона заставило сердце сладко заныть.

Что это со мной? Ну да, приятно конечно, меня редко кто пытается отмазать. Но с чего это у меня ручки влажными стали, да краска в лицо бросилась? Хорошо, что кроме этого есть за что краснеть, а то нелепо бы вышло.

— Ваше величество, — улынулась я, — сомнений в принадлежности к нашему великому роду моей скромной персоны нет. Вспомните, в каждом поколении у нас рождались маги и вот такие нелепицы как я. Кто-то должен быть крайним. — Все же, не выдержав, я встала и подбежала к отцу. Крепко обняв за плечи, я посмотрела на него. — Спасибо за снисходительность. Вы лучший отец на свете, ваше величество. И как вы меня терпите эти восемнадцать лет? Я бы с собой и недели в одном доме не выдержала.

Глава 2

Высоко сижу, или о буйной принцессе замолвите слово

К ак и следовало ожидать, меня заперли в башне.

Наверное, забавно — принцесса, запертая злой мачехой и не менее злой магичкой на самом верху самой высокой башни. Да еще загруженная непосильной работы. Нет, конечно, прясть меня никто не заставлял, а плести заклинания очень даже.

Ирония в том, что мою лабораторию в свое время переместили подальше от всех. То есть в башню, где все, что я могла натворить — это просто разнести ее. К великому изумлению окружающих башня не только устояла под яростным напором моей ворожбы и не развалилась до этого времени, но и явно пришлась мне по вкусу. Я могла спокойно запереться на все магические замки, выставить щиты и жить в относительном спокойствии. А со временем чуть ли совсем сюда не перебралась. Только девчонок оставлять было жаль. Да и мою детскую комнату тоже. К тому же здесь не было ванны, вот в чем я нуждалась сверх меры, учитывая, что некоторые заклинания и алхимические опыты оставляли на мне и окружающем слое копоти не меньше чем на три дня черной баньки.

Теперь под предлогом подготовки к экзамену меня заперли здесь на несколько дней. Заботливая мне все же училка досталась. Спрятала.

Но я на нее не в обиде. Обо мне же заботится. Очень ей не понравились мои новые друзья. Я бы даже сказала — напугали. И ведь было чем!

После получасовой лекции Консуэла, не добившись от меня хоть какого-то внимания, просто сунула в руки книгу и велела идти к себе. Я как хорошая девочка послушалась, еще бы — мой лимит на пакости истрачен на неделю вперед.

Фолиант оказался энциклопедией жити и нежити, очень старый и явно редкий экземпляр. Долго искать не пришлось.

И так...

Асуры — «Обладающие жизненной силой», «Не-боги». Высший класс небесных демонов. Обладают колдовской силой **майя**, неподдающейся никакой классификации. После противостояния богам и поражения ушли в Царство Варуны. В небе у них три града — железный, серебряный и золотой. Также имеются города и под землей.

Жестокие, практически бессмертные твари. Запредельная физическая сила делает их хорошими воинами. А врожденные магические способности — непобедимым противником.

Существует версия, что эти демоны изначально были сотворены Богами для совершения зла, как черные ангелы. Но, возгордившись своей великой миссией и наделенной властью, взбунтовались и были свергнуты в мир живых.

Опасны во всех смыслах».

М-да.

Так что им здесь понадобилось, вот что интересовало меня больше всего.

У папочки что ли спросить?

Ага! Как только выпустят.

Фолиант продолжал пылиться в углу со вчерашнего вечера. А я, уморенная модистками и любимыми сестрами, готовившими меня к балу, словно загнанная лошадка валялась на кушетке у самого балкона.

А он, кстати, очень примечательный. Широкий, круговой по периметру всей башни, с выходами со всех четырех сторон. Как я сразу поняла, эта башня предназначалась для обороны замка сверху. Удобное место для магов.

Здесь, на высоте, мне очень нравилось. Город как на ладони, вдалеке темнели леса, где-то под ногами извивалась река. Свобода. Ну почему у меня нет крыльев? А то левитировать я не очень-то люблю. Мутит меня.

И есть хочется.

Все же соизволив встать, я направилась к двери. Побарабанив в нее немного и не дождавшись ответа, вздохнула. А они еще интересуются, почему я постоянно сбегаяю? Как уж тут не начать думать о побеге, когда у тебя с утра во рту ничего, кроме заныканных конфет, не было.

Я вышла на балкон и поманила пролетающую мимо птицу. Вот упырь — ворона. Мне всегда на них везет, хоть бы раз голубок пролетел. Нашептав ей на ушко, ну на головку (кто знает, где у нее ушко) заклинание, я выпустила крылатую живность.

Будем ждать.

Правда, дождалась я совсем не того, чего хотела.

Когда дверь, наконец, открылась, в нее вошла магиана с целым подносом... яблок!

Истеричные спазмы желудка заставили меня отойти поближе к окну и нервно отвернуться.

— Что за поведение, принцесса, — все же не удержалась магичка. — Вроде твое творенье — соизволь откусать. Что бы впредь не делать подобных глупостей, ты сегодня наказана.

— Но что я опять сделала?

— Эта твоя птица влетела во время ужина в столовой зал и, усевшись прямо на стол, озвучила твои требования. Мы ее еле поймали, чтобы выставить. Ты представляешь, какой для птицы это шок — оказаться в комнате, полной королевским семейством, его гостями и цветом аристократии.

Мне ничего не оставалось делать, как опустить голову и скорбно вздохнуть. Ворону я послала к сестрам, вот она и нашла их вместе со всем дворцом.

— Я приду за тобой позже. Провожу в комнату.

— Хорошо, магиана. — С трудом узнала свой лепет. Вот что голод с людьми делает.

— Да, и еще. Я давно хотела тебя спросить, каким образом у тебя это вышло с деревом. Живот болезненно заурчал, а я зло прошипела:

— Как все съем, так и расскажу.

Вот дура, а могла бы обменять знания на столь желанную еду.

Но это унижительно. Это бартер, это шантаж.

Пожав плечами, Консуэла выставила антимагические щиты и удалилась.

Все, теперь мне можно колдовать только в пределах комнаты и достать ничего извне не получится.

Еще час я провозилась с подбором замка к щитам. Ничего пока не выходило. Мне удалось лишь немного разобраться в плетении этого заклятия, но все найденные ниточки тянуться не хотели.

Поплакать что ль?

Заодно такой важный компонент некоторых снадобий соберу, как слезы девственницы. Мало ли для чего пригодятся. Вот припрет, а плакать ни хочется.

Щит, оплетающий комнату наподобие кокона, чуть уловимо зазвенел. Если бы мое внимание и без того не сосредоточилось на нем, даже не заметила бы.

Что за картина мне открылась, стоило только поднять голову! В воздухе, прямо напротив распахнутых балконных дверей, висели четыре фигуры и дружно демонстрировали мне клыкастые улыбки.

Попа самостоятельно попыталась найти опору. Беда лишь в том, что стулья в моей лаборатории завалены всякой дрянью, типа конспектов, разных компонентов магических отваров, бутылочек, колбочек и других опасных предметов. Чуть присев, я тут же на все это и напоролась своим мягким местом. Я взвизгнула, как поросенок, и, подскочив на добрый метр, вынуждена была встать столбом, потирая пострадавшее место.

Ребята тем временем спустились на балкон.

— Привет, малышка! — ослепительно улыбнулся Аскар. — Мы слышали, ты тут не плохо забавляешься?

— Ага, — поморщилась я, — развлекаюсь лучше некуда.

— Привет, котенок, — подошел ко мне Зак и потрепал и без того взлохмаченные волосы.

— Ты чего там так усердно натираешь? — хмыкнул Бали. — Знаешь, говорят, это место чешется к неприятностям.

— Угу, — кивнул Данте, — найдешь приключение на свое мягкое место.

— Уже нашла, — не добро отозвалась я. Голодная, наверно, была очень. Да еще и эти черти разноцветные, так откровенно разглядывают мою бедную попу, что краска сама к щекам приливает. От смущения я всегда наглею. — Вот, принесло тут некоторых.

Внешне в асурах ничего не изменилось, даже улыбочки как прежде остались — приклеены к губам. Лишь в глазах образовалась сталь.

Ох, не стоило мне с ними так. Как там в книжке написано — «опасны во всех смыслах»? Вот-вот! А я тут сразу грубить. Нехорошо вышло. Ну, так нечего было и лезть!

— Вы как щит-то прошли, орлы? — все же не выдержала я.

— Это который звенел?

— Тот-тот. Я уже час с ним вожусь, вскрыть не могу. И где эта гримза только заклинания берет? Ведь можно уже целый гримуар написать по тем замкам, что она ставила, а я вскрывала. А этот даже мне пока не поддается.

— А ты такая сильная колдунья? — откровенно иронично спросил Бальтазар, все еще обижаясь за «теплый» прием.

— Я такая опытная. С десяти лет с Консуэлой боремся. Она запирает, я отмычки ищу. Девчонки, другие ученицы, смеются, говорят, мне с такими талантами в воры надо податься. Вот где опыт пригодится.

— А что, недурная мысль, — потер подбородок Зак. — Разбогатеешь.

— Я принцесса, существо трепетное и к работе неприспособленное. Привыкшее к лени и праздности.

— Хм, — усмехнулся Данте. — Принцесса. Чего ты нам тогда под деревом мозги парила, девочка-магичка?

С одной стороны стыдно, с другой — мне было не в чем себя винить. Не зря же меня столько лет призывали к осторожности. Воззвания нашли отклик в моей заблудшей душе.

— Ну... вы и не спрашивали. Если уж на то пошло, то я ничего не соврала, а тактически умолчала.

Чертята довольно хмыкнули. Видно, ответ им понравился.

— А вы чего встали-то? Садитесь. А я еще постою, пока кожа не затянется.

— Ты на что села?

— Сама не знаю. Здесь стекла навалом. И все-таки не уводите меня от вопроса. Как вы прошли щит?

— Мы его практически и не заметили, — пожал широкими плечами Аскар.
— Только в ушах немного зазвенело, — согласился Бали.
— Но как такое возможно? — Прислонившись спиной к столу, я рассматривала асуров. Что там говорила энциклопедия об их магической силе?

— Наша сила другого рода. — Данте так же уселся на край стола и посмотрел на меня своими внимательными синими глазами. Я, если честно, слегка терялась под их взглядами. — Этот щит для нас не преграда. Мы его очень осторожно подвинули.

— У вас диссонанс с нашей магией?
— Я бы не сказал. Просто она другая.
— Хм, занятно! — задумалась я. — Значит, силу магички можно просто «отодвигать». Я об этом раньше не думала.

Красавец асур усмехнулся. Разгадать мысли, бродившие в этой синей голове, казалось невозможным делом.

— Это она за ворону тебя так? — поднял на меня взгляд Зак.
— И за нее тоже. — Уж больно тяжкий вздох у меня вышел. Сама от себя такого не ожидала.

Он подошел ко мне и мягко обнял, прижав мою многострадальную головку к своей груди. Я от такого обалдела.

— Мы не хотели делать тебе плохо.
— Твоя наставница права, — раздался сзади голос Аскара. Ума не приложу, как у меня получается их различать. — Асуры не лучшая компания для принцессы.

— А для магички? — повернула я голову.
— Ты не понимаешь, детка, — тяжело вздохнул Бали, — с кем связалась. А твоя наставница знает. Она уже жила во время войны.

— Ну, раз вам так не нравится моя компания, — накатила на меня злость. Я попыталась вырваться из железной хватки Зака, впрочем, без особых результатов, — тогда зачем пришли?

— А кто тебе сказал, что не нравится, — лукаво улыбнулся Данте. — Мы-то как раз не против. Только тебе это ничем хорошим не светит.

— Ты циник! Про бескорыстие, как я понимаю, никто не слышал.
— Это глупость, — повел длинным носом красавец Бальтазар.
— Что же вам тогда нужно от меня? — Наконец удалось отбиться от Зака.
— Видишь ли, девочка, нам скучно. Ваши люди нас боятся. Женщины вообще первым делом падают в обморок.

— Глупые, думают, мы ими прельстимся, — презрительно хмыкнул Аскар.
— Но от скуки нас пока спасала только ты и твои милые выходки.
— Ну, это всегда, пожалуйста. В любых количествах и качествах. Пользуйтесь, сколько хотите. Вот как только выйду отсюда, сразу что-нибудь отмочу. Например, совершу варварский набег на кухню.

— Вот четыре дурака, — хлопнул себя по лбу Бальтазар. — Мы зачем сюда пришли?
— Точно!
— Мы хотели тебя от голодной смерти спасти, — смущенно улыбнулся Данте. — А сами болтовней занимаемся. Ты есть будешь?

Моя бедная голова чуть не отвалилась, так активно я ею закивала.
— Все-таки твоя наставница изувер, — вздохнул Бальтазар, разбирая заваленный всякой дрянью стол. — Оставить ребенка голодным, это просто издевательство.

— Она и не оставила. Вон, целый поднос яблок принесла. Ешь сколько влезет. — Я блеснула глазами. — Хотите попробовать?

Асуры дружно скривили лица.
— Пошли на балкон? — предложил Данте. — Там вид красивый.
Возражений не нашлось. Демоны выставили мебель на улицу. Я затребовала в свое личное пользование памятную кушетку. А затем начались чудеса, когда чертяги, как по

мановению волшебной палочки, начали доставать блюда, полные разнообразной еды.

— Но откуда?

— С кухни. Твои сестры собрали.

— Девчонки? Но...

— Мы их предупредили о возможности нашего визита к одной неумной особе. А их так пронял твой голосок из уст вороны, они оказались рады помочь.

— Обалдеть!

— Почему это? — поверх блюда с фруктами взглянул на меня Бали. — Они у тебя умненькие, воспитанные девушки, в отличие от некоторых. Нас почти не боятся.

— Точнее, боятся, но не показывают этого, — поправил Аскар. — К тому же они и сами извелись, не зная как тебе помочь. Принцессы переживают за тебя.

— Я знаю, — опустила я голову. — Но поделаться с собой ничего не могу. У меня хорошие сестры. А знали бы вы братьев. Эльзар, самый маленький, просто очаровательный сорванец. А старшие — настоящие мужчины, лучшие братья, каких только можно желать. Да и принцы они славные.

— Но тебя тяготит жизнь во дворце, — хмыкнул всегда все понимающий Заквиэль.

Я кивнула. Стоит ли им рассказывать, как я жду практику, которая начнется на двух последних годах учебы в Академии? Наверное, нет. Это ведь мои проблемы.

Вместо пустой болтовни я принялась за поздний ужин. Как только первый голод улегся, меня дернуло спросить:

— А что вы делаете в Вольске?

— Это лишнее любопытство, детка, — легко, но с железными нотками в голосе, ответил Данте.

По коже пошли мурашки. Это был не страх, а что-то гораздо глубже и беспощадней. Когда тебе так говорят, хочется никогда не рождаться на свет.

Он, наверное, понял, что перегнул палку.

— Просто есть вещи, которые лучше не знать, — мягко, как ребенку, сказал Аскар.

Словно это может примирить меня с новыми сторонами их натуры, случайно открывшимися мне. Не думаю, что удастся забыть об этом.

— Помнишь, малышка, мы говорили о войне. С тех пор у нас остались кое-какие дела с вашим королевством. — Зак оказался более умным, не выказав никакой слабости. Вот кому не грозит излишняя вспыльчивость.

— Как хотите, — пожала я плечами. — Это ваше дело. Дипломатия отца меня все равно никогда не интересовали. Так не будем и начинать. Оставим политику сестричкам.

— А зачем им-то политика?

— Куда же без нее, раз угораздило вырасти в семье короля. Они же принцессы. Выдадут их замуж, а кому нужна неграмотная госпожа. Вот и вертятся девчонки как могут. С уроков танцев — на урок истории или географии.

— Ваших принцесс так хорошо обучают?

— А вы как думали? — улыбнулась я. Вот так, будут знать, что Вольск — не затерянная на краю мира дыра, а сильное, уверенное королевство. И принцессы наши-не какие-нибудь босячки. — Отец к этому очень серьезно относится. Думаю, это в некоторой степени потому, что так может хоть немного насладиться покоем. А то он когда заработается, нас даже плохо различать начинает. А так мы все при деле.

— А что ж тебя этому не учат? — сощурился Аскар.

Щаз-з, не дожدهшься.

— Учили бы, найди в моем расписании хоть час свободного времени. Меня как лет в десять Консуэле отдали, так и закончилась моя вольная жизнь. Уж лучше бы в Академию отправили.

— Так почему не отправили?

— Жалко стало. Не меня, Академию и бедных преподавателей. Здесь за мной хоть какой присмотр есть, а там? Так что пришлось бедной магичке взваливать на себя еще и мое

обучение. Как будто ей трех других учениц не хватало.

— Ты четвертая, а где пятая была?

— Через два года появилась. У нас обучение идет в зависимости от таланта. Чем его меньше, тем короче. Вот магиана и подгадала так, чтобы мы все закончили обучение одновременно.

Демоны заулыбались.

— А вы что, думаете, до десяти лет меня никто магии не учил? Это опасно для жизни. Стихийный маг с моей активностью разнес бы замок за три дня.

— Мы не хотели тебя обижать, — тут же вступился Бальтазар. — Просто нам интересно.

Я хмыкнула.

— Не в обиде. Вы ведь не знали.

— Расскажи нам лучше о своей семье. У тебя это забавно выходит.

— Что именно?

— Ну, например... где твои братья?

Мне что-то сразу взгрустнулось.

— На тренировках. Завтра рыцарский турнир. Это ужасно, но меня туда не пустят. А я так переживаю за них.

— Они что, первый раз бьются? — приподнял бровь Данте, отчего еще больше стал похож на чертягу. Хотя он таковым и был.

— Нет. Просто... мне как-то страшно. Я обычно всегда присутствую, а здесь мне впервые запретили. Наверное, так всегда бывает, когда не можешь контролировать ситуацию. Когда я на арене, то это вселяет больше уверенности. Еще с детства помню, когда Филипп впервые участвовал, я подавала ему шлем и шепнула: «Ты не бойся. Если что, я удар отведу». Он тогда потрепал меня по голове и улыбнулся. Сказал, что такое будет недостойно для человека с честью. А я ответила, что честь дело наживное, а жизнь одна. Все всегда обходилось. Вдруг сейчас, когда меня не будет рядом... Когда я не отведу...

— Ты совершенно права. Честь честью, но жизнь дороже.

— Не переживай так, малышка. Думаю, там будет достаточно магов, что бы отвести удар, — подбодрил меня Зак.

— Но не будет меня. Что-то я совсем скуксилась. Давайте лучше о другом.

— О чем?

— Ну, — я закинула голову и потянулась. Живот у меня раздулся и слегка мешал. Наконец, я сдалась, думать мне уже не хотелось. — Не знаю. Как же здесь все-таки красиво.

И правда. Небо стало густо синего цвета, зажглось тысячью огоньков и словно подернулось серебряной пленкой. Внизу город, словно передразнивая небеса, тоже озарился блеском огней. Хорошо сейчас там, наверное. Вольготно. Тихие улочки, шумные таверны да корчмы. Где-то идет веселье.

Но мне и здесь, на балконе, было неплохо. Тепло, светло, Бальтазар зажег огненные шарики, а Данте подвесил их прямо в воздухе, очень даже сытно и совсем не скучно. На душе как-то спокойно. Защищено все.

Должна признать — мне нравилось быть рядом с демонами.

С ними приятно даже просто молчать.

Стемнело.

О боги, сейчас же Консуэла заявится!

— Вам лучше уйти.

Парни даже рты раскрыли от такого заявления.

— Это еще зачем? — все же сказал Зак.

— Нам и здесь нравится. — Аскар поглубже вжался в кресло, словно его будут оттуда выковыривать.

— Ну и сидите. Только когда придет магичка, объясняться с ней тоже вы будете.

— Тогда нам действительно пора. А то тебе еще попадет за нас.

Демоны встали.

— Надо мебель на место вернуть, — напредила я. — А то как ей это объяснять. И еду забирайте. Мне же придется изображать из себя изможденную голоданием отшельницу. Хотя... — Животик продолжал нагло выпирать, как бы его не втягивала. — ...не получится. Что ж, придется уверять в волшебной силе дубовых яблочек, которых я с голодухи погрызла. Бе-е, какая гадость. Как вы их ели?

По сморщенным лицам асуров я поняла — лучше об этом не вспоминать.

— Надо парочку куда-то деть. А то ведь с Консуэлы станется их посчитать.

Взяв с блюда несколько плодов, я с чувством пошвыряла их в темноту. Демонам эта забава понравилась, и они, притащив остальные, занялись тем же. Мы весело поиграли в «кто дальше», опустошив всю тарелку.

Победил, кстати, Данте. Еще бы, его снаряд при желании и через весь Вольск перелетит.

— Смотрите-ка что я здесь нашел! — раздался голос Аскара, не участвовавшего в общем веселье.

В руках у него лежала моя энциклопедия. Вот дурочка, могла бы и убрать.

Демоны прочитали интересующую их статью и с удивлением, а вовсе не укором, как я думала, воззрились на меня:

— Ты все знала и все равно не выставила нас сегодня?

— А я должна была?

— Еще бы. Знающие люди бегут при упоминании имени асуров.

— Вы бы видели, как драпает учитель танцев при упоминании моего имени, обзавидовались бы, — парировала я.

— Девочка, ты, видно, не понимаешь о чем речь. С книжкой или без ты так и не поняла.

— Того, что я знаю, мне достаточно. Это мой выбор и никто не смеет указывать, кого я могу видеть в своих друзьях, а кого нет. И вообще, не зови меня девочкой, мне уже восемнадцать. Некоторые в моем возрасте детей имеют.

— Тогда не веди себя как ребенок, — не остался в долгу Бали.

— Детка, — подошел ко мне Зак и погладил по голове, — тебе слово «бессмертные» ничего не говорит? Нам, знаешь ли, тоже не двадцать.

— И даже не двадцать пять, — кивнул Аскар.

— И уж точно не тридцать, — криво усмехнулся Данте.

— А сколько? — совсем без удивления спросила я. Так, что бы знать.

— Восемьдесят шесть.

— Это каждому или на всех? Неужели вы думаете, я такая глупая. Маги тоже живут в несколько раз дольше обычных людей. И хотя бы на основании этого можно сделать вывод, что вы не такие уж и молодые, какими кажетесь на первый взгляд. Потому что на второй становится понятно гораздо больше.

— Что именно? — заинтересовался Зак.

Я лишь лукаво улыбнулась.

«**Н** аверное, именно в этой комнате я встречу старость», — мелькнуло у меня в голове.

А дальше я уснула над огромным трудом архимага Преслава, который рекомендовала прочитать Консуэла.

Заснула я не глубоко. Мысли все еще барахтались на поверхности разума, но как-то тягуче и неохотно, словно кисель в молоке.

Тогда-то и пришел он, тот странный сон, что заставил меня закричать и, даже не успев проснуться, вскочить на ноги.

— Филипп!..

Я рванула к двери и начала истерично колотить в нее руками и ногами. Сердце рвалось от страха и боли. Губы дрожали. А по спине тек холодный, как тающий снег, пот.

После нескольких минут крика и бесполезных попыток вырваться, мои силы закончились. Совершенно разбитая и дрожащая, как осиновый лист, я сползла на пол и, обхватив себя руками, замерла.

Наконец, дверь открылась. За ней стояли одна из помощниц магианы и пара охранников.

— Что за шум вы здесь устроили, принцесса?

— Где Консуэла? Немедленно позовите ее. Надо его предупредить. Филипп... Он же погибнет там. Прошу вас, выпустите меня или позовите магиану.

— Вас не велено выпускать не под каким предлогом. И хватит выдумывать сказки. И брата зачем-то приплела. Как не стыдно. Никуда ты не пойдешь.

— Вы не понимаете. Я видела... тот осколок... и Филипп, — слезы вновь подступили к глазам. — Умоляю, позовите магиану или хотя бы отца и сестер.

— Вот еще, отвлекать его величество из-за истерик обиженной девчонки. Все уже давно у арены. А ты сиди здесь, в другой раз будешь знать, как с дьяволом якшаться.

Дверь закрылась. А я задышала, словно разъяренный бык. Эта тетка, вечно она пинает и издевается надо мной. Да еще так, чтобы никто ни видел и ни знал. Магичка, блин, чтоб ее.

Со злости я начала атаковать магический щит с яростью дикой гарпии, вернувшейся в разоренное гнездо. Он трещал и звенел, словно тысяча колокольчиков, но... стоял. Совсем измотавшись, я села на кушетку и заплакала.

Как не убеждала себя, что это просто нервы, что скрытое желание попасть на турнир играет со мной такую шутку, но видение было слишком отчетливым, чтобы усомниться.

Вдоволь наревевшись, я вновь принялась кричать и звать на помощь. Даже попробовала кидаться с балкона тяжелыми предметами, но они все возвращались ко мне, отскочив от упругого щита.

Ну что, магиана, доигралась? Вот убьют сейчас принца, а виновата будешь ты. Ведь я хотела предупредить. Я звала, я кричала. Но все тщетно.

Так, а что наш прославленный архимаг говорил о подобных случаях.

Все еще слегка дрожа, я взяла фолиант и начала поиски выхода.

...Очнулась же от странного ощущения меж лопатками. Повела плечом, скидывая зуд. А потом шарахнула за спину файерболом.

Обернувшись, я увидела свой огненный шарик в каких то пяти сантиметрах от носа нашего «драгоценного гостя».

— Ой!

— Еще какой, — согласился Данте, рассматривая комок магической ярости. — Тебе стоит быть осторожней, девочка. Мало того, что подпустила меня столь близко, так еще и кидаешься не глядя. А если бы я вернул его? Что с тобой?

Я жестом развеяла файрбол и взглянула в глаза демону. В данный момент я была готова ему душу продать за помощь.

— Ты можешь спустить меня вниз? Или хотя бы найти магиану? Ее надо предупредить. Иначе она не обратит внимания, не отведет удар.

— Что случилось, Лилит?

— Случится. У меня было видение. И... я очень боюсь... — Слезы опять предательски потекли по щекам.

— Тогда идем, — протянул мне руку демон. Надо сказать то еще зрелище, у меня даже слезы высохли. Красавец асур, протягивающий свою сильную длань с острыми темными когтями, мог кого угодно ввести в ступор. — Точнее летим.

— Летим?

— А как еще ты собираешься спускаться. Если быть честным, за этим-то я и пришел. Мы решили, если ты сможешь посмотреть турнир не с королевского ложа, а в общество простого народа, инкогнито, скажем, никому хуже не станет. Идем, нас будут ждать.

— Сейчас. Только переоденусь. А то какое инкогнито в этом балахоне, — развела я руками, указывая на свое одеяние. — Я быстро.

— Вот всегда с вами женщинами так. Сначала торопят, а потом переодеваться бегут.
— Не будь таким занудой, — отозвалась я уже из-за ширмы.
— Хм, меня редко кто смеет так называть. В принципе — никто.
— Просто никто не может тебя долго вытерпеть, чтобы просветить по этому поводу.
— Возможно. А может быть те, кто пытался высказать, что обо мне думает, не проживали достаточно долго, чтобы закончить свою мысль. А потом вообще смельчаков поубавилось.

— Что ж так?

— То ли поумнели, то ли всех перевели.

— Все, идем!

На ходу запихивая ногу в сапог, я вышла, полностью готовая к посещению города.

Встретили меня довольно одобрительно — кивком головы и ровным блеском невозможно синих глаз.

На балконе Данте попытался взять меня на руки, но я отскочила в сторону.

— Разве нельзя сделать это как-то по-другому?

Он опешил:

— Каким образом?

— Ну, как-то ты ребят переносишь стоя.

— К твоему сведению, они и сами могут, только ленятся. А ты прекращай валять дурака. И иди сюда.

Если честно, я растерялась. Одно дело, когда тебя таскает Зак, другое дело — Данте. Я даже коснуться-то его боюсь, по правде. Он какой-то холодный, словно полоса начищенной до блеска стали, зовущаяся острым клинком. Как бы он не смеялся, не выглядел радостным или спокойным, меня это не обманывало. Данте опасный, впрочем, как и остальные асуры, только... Боюсь я его.

Показалось или в синих глазах действительно сверкнуло понимание?

— Я осторожно!

Уж что он там имел в виду, не знаю, но пришлось довериться.

Демон бережно, как хрупкую куклу, взял меня на руки и пошел к бордюру, заставив истерично вцепиться в его камзол.

А потом я забыла обо всем на свете... потому что впервые увидела эти крылья.

Они раскрылись за спиной демона, словно ангельские. Легкие, белые, полупрозрачные перья из ветра и тумана. Изящные линии очерчивали грань меж ними и kloкочущим вокруг воздухом. Видны все черточки, вплоть до легкого пушка, и в то же время, уверена, сквозь них спокойно пройдет рука.

Шаг в пропасть. И взмах!

Ничего подобного раньше не ощущала. Я смотрела на эти крылья во все глаза, следя за каждым их движением, за легким кружением тумана и воздушных потоков.

Так вот что я называла свободой — воздушные крылья!

Немного осмелев и коснувшись крыла, я решила проверить, как же они все-таки прикрепляются к спине, и перегнулась. Ничего особенного — крылья там просто как бы постепенно растворяются, все меньше клубясь туманом.

Тут мне показалось, что что-то ни так. Пришлось поднять голову.

Во-первых, я почти перевалилась пополам через плечо демона, а для этого меня надо было приподнять.

Во-вторых, кладка напротив моего лица практически не двигалась. Ну, может быть на пару сантиметров туда-обратно.

Мы не летели, мы зависли в воздухе и удовлетворяли мое разыгравшееся любопытство!

— Ой, — покосилась я на демона.

Он ответил мне шикарнейшей клыкастой улыбкой.

Осторожно вернувшись в нормальное положение, то есть на руки демона-асура, я попыталась успокоиться и урезонить свой стыд. Так не доверять существу, настолько

потакающему твоим прихотям...

Пролетев в нескольких метрах от земли, Данте опустился в небольшом парке за дворцовой оградой и тут же опустил меня с рук.

— Спасибо, — искренне улыбнулась я.

— Пожалуйста, малышка. Подожди! — И он, смотря на меня сверху вниз этими своими странными глазами, одним коготком заправил выпавший после полета локон под беретик.

Я замерла, словно кролик пред удавом.

Взяв за запястье, чуть выше манжета (все-то он понял!), Данте потянул меня в сторону.

Мы шли через город, он — размашистыми уверенными шагами, я — нелепо семеня следом. Невероятный облик демона прятал длинный плащ с капюшоном, больше похожий на одеяние мага. Вместе мы наверняка проходили на колдуна с нерадивым учеником, так как я в тот момент выглядела как мальчишка-подросток со смазливym личиком. Вот когда моя угловатая фигурка приходилась! Я одела длинный жилет, забрала волосы под шапочку — и ни дать, ни взять пацаненок.

Толпа расступалась пред асуром и при этом словно не замечала высокую темную фигуру. Время от времени я видела на его спине завихрения тумана и воздушные потоки.

Я начала уставать и, чуть дернув его за руку, попыталась заставить демона сбавить ход.

— Куда мы так несемся?

— Спасать твоего брата.

— Так ты веришь, что это может сбыться? — поразилась я.

— Мы, асуры, куда внимательней относимся к нашим снам, чем люди. Я не исключаю возможность...

— Возможность чего?

— Того, что ты права.

— Подожди, так вы... — Я даже замерла...

Вот только Данте об этом не знал и продолжал идти. Сил у него было предостаточно, поэтому я сразу сорвалась с места и полетела следом за ним. Точнее, споткнувшись, упала на мощеную булыжниками дорогу. Демон тут же обернулся.

Синие глазищи опасно сверкнули. Схватив меня за шкирку, как котенка, асур крепко ухватил за руку и продолжил путь.

Дойдя до арены, Данте растолкал народ плечами и довел до площади, засыпанной песком.

— Здесь ты сможешь помочь своему брату?

— Да. Спасибо, Данте.

Он улыбнулся, клычки озорно выглянули из-за красиво изогнутых губ, испугав стоявшую рядом бабку.

«Мне с ним никогда не подружиться», — подумала я, когда демон исчез в толпе. Слишком настороженно я к нему относилась, слишком резок оказался Данте. Что ж, останемся приятелями.

Я стояла недалеко от площадки разделенной для рыцарского турнира на копьях. Вид отсюда был замечательный, все как на ладони. Арена, полукруг скамеек для простолудинов, ложи для аристократии, царская ложа. К моему удивлению, вся четверка уже в сборе. По разные стороны стоят запряженные, облаченные в доспехи кони, нетерпеливо теребящие поводья, зажатые в руках мальчишек-помощников. Знамена брата я обнаружила издалека и подивилась, как точно успела.

Ничего не оставалось, как начать входить в транс, время и так поджигает.

Упругий ветер ударил в лицо, и я медленно провалилась...

Несознательный дух. Что с него возьмешь?

Он закружился над площадью, проскользил над головами мирных граждан, потрепал по холке рыцарского коня, развеял светлые волосы столь безмерно любимого мною человека и устремился в королевское ложе, поиздеваться над магианой. Задрал подол, дунул в лицо, словно играя, словно шутя — «поймай меня». Присцила улыбнулась, получив такой знакомый

воздушный поцелуй в щечку. И быстро передала новость сестрам.

— Лилит здесь, — чуть слышно шепнула она, и девушки захихикали.

Затем дух заметил странные существа, видевишиеся ему фигурами со сверкающими ореолами, какие бывают у великих людей или магов. Только эти были куда больше, краски насыщенней и... выраженней. Красный, зеленый, фиолетовый, синий. Дух обладал тем еще любопытством, поэтому не преминул рассмотреть новичков поближе.

— Ты проводил ее?

— Да. Она вон там, — указал один из них в сторону.

— Уже колдует.

— Пора бы. Будет нехорошо, если девочка все же не успеет.

— Успеет. Она была настроена очень решительно.

— Решительно. Ты сказал ей?

— Нет. У нее было видение. Когда я появился, девочка вся дрожала, глаза на мокром месте. Она сама попросила меня спустить ее.

— Видение? Значит, она сильная. Видеть будущее не всем магам под силу.

— Я же говорил. При передаче силы это чувствуется.

— Ты чего задумался?

— Знаете, по-моему она меня боится.

— Многие боятся.

— Нет. Вас она не боится. А тут, я думал, меня покусают. Честное слово.

— Тебя? Покусают? Да тебя даже любовницы кусать не смеют. Не то что какая-то девчонка.

— Может, она просто боялась летать?

— Вот уж точно нет. Малышка чуть не визжала от восторга. Вам не кажется... какое-то странное чувство...

— Я думал это только у меня.

— Дьявол, натурально, тебе говорю.

— Баб Мань, а мож причудилось?

— Ниче не чудилось. Как тебя видела. Вот туточки стоял и с этим пацаненком чаво-то лопотал. Во, бесовское отродье.

— Эй, мальчишка, — потеревил меня стражник.

Выскользнув из сладкой грезы транса, я рывкнула:

— Руки убери!

— Чего? Негодник!

Я обернулась и блеснула золотыми искрами из глаз.

— Я сказала — убирайся!

Толпа взревела, и я обернулась на звук.

Опоздала.

Длинные копыя скрестились. Одно из них переломилось в нескольких местах, и осколок, пролетев немного, впился в щель доспех, у горла... моего Филиппа!

Я закричала.

Не помню, как оказалась рядом. Очнулась лишь когда сняла шлем. Я и взглянула в зеленые глаза брата.

— Прости меня. Прости меня, Филипп. Я же обещала спасти тебя.

— Не плачь, — чуть слышно прошептал он. На губах пузырилась кровь. — Ты ни виновата. Передай Рогнеде... что я любил...

Сердце мое разорвалось от боли. И я закричала.

Затем меня отстранили от тела брата. Кто-то крепко обнял. Вокруг заголосили, запричитали.

Вырвавшись, я кинулась к магичке.

— Консуэла, спаси его!

— Я ничего не могу сделать, малышка. Спаси можно живого. А Филипп уже мертв.

— Нет. Это не правда. Его можно спасти. Можно! Я хотела, но вы не дали мне. Спасите его, кто-нибудь, — бессильно опустила я на колени.

Филипп! Мой милый братец! Как я могла позволить, как допустила, ведь была так близко?

Слезы жгли глаза. На секунду я их прикрыла и... провалилась...

От тела брата шел легкий дымок. Он поднимался вверх, образуя нечто похожее на облачко. Так вот, значит, что за ореол я вижу! Струйки становились все тоньше, а душа поднималась все выше.

Дух вырвался, раздирая грудь, царапая сердце и смертную плоть острыми когтями.

И не дух это вовсе, а птица. Золотисто-серые перья, блестящие глаза, острые когти, пламя-язык.

Она рванула вверх. Описала круг над толпой, и ястребом бросилась на неясное облачко. Закрутилась, завертелась, трясясь, словно в агонии. Раскрыв клюв, она втягивала в себя душу, поглощала все, до последней крохи. И когда ничего не осталось, победно закричала.

Внизу кричала девушка, прижимавшая руки к разорванной груди. У ее ног лежало мертвое тело.

Поглощенная душа рвалась наружу, но было слишком рано. Птица широко взмахнула крыльями и взмыла выше, туда, где синели небеса. С каждым взмахом призрачных крыльев становилось все трудней. Воплощенный дух слабел, а его земное вместилище начало оседать.

Надо было выбирать, броситься вниз и рискнуть, возможно, погубив себя, или же вернуться в скорбящее сердце.

Сила, неведомая птице ранее, накатила, словно лавина, озарив ее перья тысячью разноцветных огней. Дух воспользовался моментом и, последний раз взмахнув крыльями, сложил их и камнем упал вниз.

Он ударился в неживую грудь.

Чужое тело изогнулось дугой, задрожало, вскрикнуло, его душа запротестовала, но затем стала медленно узнавать самую себя.

Так-то лучше.

Крылатый дух покинул неродное тело и, опустившись к земле, посмотрел на свое собственное.

Забавно!

Так вот что это за прилив сил.

Тоже ангелы нашлись. С нетопыриными крыльями.

— Возвращайся! — прошептал кто-то.

Дух удивился.

Но совет действительно был дельным, и он, обратившись золотистым облачком, втянулся в грудь вместе со вздохом...

На мгновение я открыла глаза.

— Ястребок!

Грудь неимоверно жгло. А в горле пересохло.

Я улыбнулась.

Глава 3

И бой и попой

Приходила в себя медленно. Уже два дня. Могла проснуться, застонать или попросить попить и тут же провалиться в небытие. А могла и лежать, ничем не выдавая свое пробуждение.

На третий день я проснулась окончательно.

Встала. Потребовала у растерянной служанки еды и одежду. Подхватившись, незнакомая мне девчонка бросилась с криками в соседнюю комнату, после чего пришла

Люська.

— Госпожа, вам нельзя вставать!

— Это кто сказал?

— Врачи. И магиана Консуэла.

— Я лучше знаю, что мне можно, а чего нельзя. Вели своим девчонкам принести еды и питья. Да побольше, у меня в животе пусто, как у мачехи в голове. И одежду подай. Только никаких подъяюбников, слышишь? Простое платье.

Чувствовала я себя очень голодным драконом. Так хотелось топтать ногами и рвать все вокруг. Меня переполняла энергия.

Подойдя к зеркалу, я распахнула ворот рубахи. Все еще саднящая, будто от кашля, грудь на первый взгляд была цела. Вот только три тонкие полосочки блестели золотом. Шрам, не шрам, так, словно краской рисованы. Ястребиные когти.

В комнату вошла магичка. Как ни странно — молча. Ее глаза излучали скорей недоумение, чем что-то еще.

— Как ты себя чувствуешь?

— Замечательно, — отозвалась я, все еще любуясь отметиной.

Консуэла молчала.

— Как Филипп?

— Все еще в тяжелом состоянии, но жив. В этом ты, кажется, не сомневаешься.

— Нет. Я слышала сквозь сон, как вы говорили о нем. О мертвеце не говорят, по нему плачут.

— Только не ты. Как... как тебе это удалось? — с трудом спросила наставница.

— Вы видели это? — перебила я, указывая на грудь.

— Да. Они появились в тот день. Мы отерли твою грудь от крови и обнаружили лишь эти шрамы. Где еще минуту назад зияли раны.

— Не мудрено. Он же не дурак — оставлять после себя следы.

— Кто — он?

У Консуэлы дрожал голос. Я в шоке!

— Ястреб. Это он заставил душу Филиппа вернуться обратно. Помните, я вам рассказывала, как управляю духом. Этот был почти такой же, только сильнее. Тот скорей... несознательный, что ли. А птица все знает, все понимает лучше меня самой. Вы слышали о таком?

— Нет. Никогда.

— Я помню — вы не верили мне. Только это действительно так.

— Я не сомневаюсь.

— Давно ли?

— С того момента, когда ваш брат, принцесса, снова начал дышать. Теперь я полностью уверена. Сравнив ваши слова с другими у меня больше нет сомнений.

— Другими, — стало интересно мне. Люся принялась переодевать меня, и я лишь иногда видела растерянное лицо магички.

— Асуры. Они тоже говорили о птице, вырвавшейся из вашей груди.

— Они ее видели?

— Высшие демоны куда более сильные маги, чем люди. К тому же они видят ауру точнее нас.

Я усмехнулась:

— Интересно, они свою-то ауру видели. Бедная птичка чуть хихикать не начала.

— Это еще почему?

В дверях стояла вся четверка. При виде них у меня сами собой растянулись губы в улыбке. Высокие, непередаваемо красивые... демоны, одним словом.

Люська взвизгнула, залилась краской от головы до пят и принялась с остервенением зашнуровывать мне платье.

— Да таким рогам любой козел позавидует. Мечта всех обманутых мужей. Интересно,

это про запас, если жена гулящая попадется?

— С таким рогатым мужем никакой любовник не свяжется. Ведь заботать можно до смерти, — ответил Бальтазар.

О небо, как я их обожаю!

— Как ты, малышка?

— Потрясающе. Готова съесть даже волшебные яблочки. Ни у кого не завалялось?

— Извини, кажется, все съели, — улыбнулся Данте. — Но я могу слетать на свинарню, может, там чего осталось.

Было у меня, что сказать этому нахальному асуру, да язык не повернулся. Еще и магиана как нарочно столбом стоит. А то интересно что бы ответил этот синеволосый демон по поводу двух пар крыльев.

— Ну, раз ты вызвался, слетай на кухню. И ближе, и выбор шире.

— Ага, только колокольчик на шею повешу.

— Тебе подарить?

— По-моему в этот раз она тебя сделала, — покачал головой Заквиэль. — Иди сюда, — распахнул он объятия, куда я так привычно упала. — Мы рады видеть тебя в здравии.

— И даже в своем уме, — поддакнул Аскар, поглаживая меня по голове.

— Ты нас здорово испугала, девочка.

Я отступила на шаг и настороженно посмотрела на них:

— Чего испугались? Вы ведь видели ястреба, правда?

— Видеть-то видели. Но этого мало, чтобы понять.

— Разве вам неизвестно это колдовство? Вы ведь практически всемогущи.

— Мы знаем о духах, живущих в каждом существе. Но никогда не видели, чтобы кто-то вырывал душу из своей груди.

— Я не вырывала...

— Она сама вырвалась, так? — горько усмехнулся Бальтазар.

— Фактически.

— Эх, девочка, — вздохнул Зак, — души не выпрыгивают просто так. Душа может выйти во время транса, и то частично. Это ведь тебя мы почувствовали в ложе?

— Я там была, — пришлось согласиться мне.

— Вот видишь, это было частично. Ты вполне могла управлять ею. А тут, с этой птицей... мы не знаем, что сказать.

— Ничего не надо говорить. Спасибо вам. Если бы не вы, мне не хватило сил закончить.

— Скажи спасибо Данте, — кивнул Аскар. — Это он первым заметил твоего «ястребка». Мы же увидели его только когда дали ему свою силу.

Я подозрительно покосилась на асура.

— Это он у нас любитель играть с тонкими материями, — подтвердил Бальтазар.

Ничего не осталось делать, как протянуть демону руку и примиряющее улыбнуться:

— Спасибо!

— Пожалуйста, — чарующе улыбнулся он. А затем легко склонился и мягко, почти невесомо поцеловал мне руку.

Краской я все же залилась.

— Э то не поддается никаким объяснениям. Такого просто не может быть.

— Не может, но есть. Вы же сами видели.

— В отчаянии и не такое сотворишь.

— Согласен. Но все равно здорово это у нее вышло.

— Еще бы.

— Ястребок! Это надо было так обозвать феникса.

— Феникса она ни разу не видела. Да и об очертаниях своей пташки наверняка имеет слабые понятия. Девчонка, что с нее возьмешь?

— Ну, мы бы не сказали. Хотя и вздорная, но сильная. Упрямая.
— И отважная, как дракон. Вы когда-нибудь такое видели?
— Сильная крепкая душа. Она прекрасна.
— Еще бы!
— Мы хотим ее, ведь верно? Так стоит ли себе в этом отказывать.
— Сейчас это может ее убить. Вы же видели, что она устроила.
— Да, стоит еще немного подождать.
— Или забрать с собой. Ты уже решил с невестой? Думаю, сестру девочка не оставит.
И если мы попросим...
— Пусть сама решает.
— Она поедет. Мы всегда найдем, чем соблазнить ее пламенное сердечко.

Я с замиранием сердца смотрела на окружающую меня обстановку. На высокие стены, на мощную кладку, на высокие столбы колонн. Но в особенности меня интересовали люди. Вот они — настоящие маги и колдуны!

Ученые в Академии недолюбливали таких как я — доморощенных. А от аристократов их вообще тошнило. Что уж говорить о принцессе. Только этого не скрыть, особенно шествуя рядом с магианой. С ней-то все уважительно так здороваются, но стоит лишь кинуть взгляд на охрану за нашими спинами, и от почтения не остается и следа, они быстро понимают, кто плетется следом, сверкая любопытными глазками. Маги морщат носы, кривят лица и смотрят так, словно перед ними не маленькая тощая девчонка, а полуразложившийся зомби с протянутой для подаяния рукой.

И что самое интересное, встретиться они со мной за пределами Академии, почтительно согнулись бы и с благоговением потянулись поцеловать ручку. Конечно — ведь там я принцесса, королевская дочь, особа особо ценная в знакомстве, а здесь — избалованная аристократочка с заявками на обретение диплома магианы. Разумеется, купленного, как будут потом шептаться и сто лет спустя.

И мои способности здесь ни при чем.

Так было всегда.

И я не смела их осуждать. Слишком часто оправдывались подобные подозрения. Не редко в довольно щекотливых ситуациях, подчас стоящих кому-то жизни. Ведь есть разница кого нанимать — дипломированного специалиста или же действительно хорошего мага, что не всегда одно и то же.

Правда, в одну сторону. Каким бы гением ты не был — без диплома тебе светит лишь место деревенского знахаря или же циркового артиста.

Все, чего я хотела, это побыстрее получить свой диплом, и с этим пропуском в большую жизнь туда и отправиться. Подальше от дворца с его нравами и церемониями, подальше от всевластной Консуэлы, прочь от этого города, где каждый знал принцессу и искал моего расположения корысти ради.

У меня ведь не было других друзей, кроме сестер и братьев. Даже ученицы магианы, хоть они и были аристократками, относились ко мне настороженно, стараясь следить за словами. А я мечтала о другом — о вольной жизни свободной магички.

Только кто мне даст. После получения диплома я проработаю где-то с год в Магическом Патруле. А затем меня переведут поближе к дому, к трону, к семье. И однажды я займу место Консуэлы. Двух нас двор не выдержит.

— Сюда! — позвала наставница, указывая на дверь. — Иди. Я скоро подойду.

Большая аудитория была полна людей, я заглянула туда и сразу закрыла дверь.

— С ними не пойду! — ткнула пальцем в дюжих охранников.

— Это еще почему? Твой отец дал строгие указания в отношении твоей безопасности.

— Кто мне там будет угрожать? Шайка магов-недоучек? Ну, хотите, сами щит поставьте.

— Ладно уж, — вздохнула Консуэла, — иди.

Серой мышкой прокравшись в святая святых — в аудиторию, я заняла свободное место и принялась испуганно озираться вокруг.

— Эй, детка, зря ты здесь села. — Кто-то тронул меня за плечо. — Придет Шаласка, мало не покажется.

— Да хоть кто, мне-то что. А кто такая эта Шаласка? — обернулась я.

За моим правым плечом сидел парнишка лет восемнадцати, может больше. Светловолосый, да ладно — белобрысый, с полупрозрачными ресничками и бровками, глазки серо-голубые, умненькие, нос картошка, вечный румянец на щеках. Ничего, забавный.

— Ты че, Шалу не знаешь? Не местная что ль? Оно сразу видно. Ты из какой деревни вылезла-то? Шала — самая крутая магичка на всем курсе. Хотя мнит, что во всей Академии. Так что вали с ее места, а то так поджарит, еще два дня дымиться будешь.

Наверное, меня все-таки неправильно воспитывали. Чувство страха что ли не привили? Или неприкосновенностью избаловали? Потому что я ответила:

— Это мы проверим, кто кого поджарит.

— Глупая ты. Думаешь, первая такая выискалась? Как бы не так. Кстати, я Вадик.

— А я... Таня. Приятно познакомиться. Ты здесь учишься?

— Да. А ты из какой дыры вылезла?

— Из глубокой.

— Ты чай здесь первый раз? Я так и подумал. Ну и как впечатления от столицы?

— Здорово. Только я город мало видела. Наставница у меня строгая.

— Ты давно приехала?

— Недавно.

— А это что за мымра тут расселась!

Я покрутила головой в поисках обладательницы противного голоса. Она стояла у кафедры и грозно сверкала синими искрами глаз. Высокая, фигуристая девица, с длиннющими волосами цвета пшеницы. Платице на ней явно дорогое, синее в серебряных звездах, кожа белая, словно алебастр.

— Ну че на меня вылупилась, дура лохматая. А ну брысь с моего места.

— Но других нет, — растерялась я. — А это я первая заняла.

— Посмотри, первая нашлась, — ткнула в меня пальцем девица, обращаясь к подруге. — Это в общественный туалет ты первая, а здесь коврик половой.

Жаль у меня нет таких клыков, как у асуров, а то оскал вышел бы позначительней.

— Рот заткни, поддувало простудишь.

Аудитория дружно охнула.

Да, не привык у нас народ к королевскому гонору. Что ж, пусть учатся.

Шала (как я поняла, это именно она) побледнела.

— Че ты вякаешь, тля позорная. Вылезла из какой-то дыры, так помалкивай. Тоже нашлась здесь «великая магичка». Тебя, небось, бабка-знахарка натаскивала. Думаешь, умеешь комаров разгонять, так значит ведьма всесильная.

— Я о комарах с колыбели не слышала, а тебя они явно по ночам достают. Сначала их разгонять научись, потом о месте своем заикайся.

— Чего?! Да ты... Я тебя убью, ведьма деревенская.

— Попытайся, — предложила я, откидываясь на стуле и закидывая ноги на стол.

— Сегодня вечером, в парке, у старой беседки, — отчеканила она. — Я, Шалаица Омар Ти'лизар, графиня Тулиркская, вызываю тебя безродная деревенщина на магическую дуэль. Обещаю, ты выживешь, чтобы вечно носить свой позор, — усмехнулась Шала, складывая руки под грудь.

Встав, я прошла через аудиторию и встала напротив. Принимать вызовы меня учили. По правилам мы должны знать имя друг друга и подлинный вид, иначе утаившему грозит бесчестие. Поэтому мне ничего не оставалось, как щелчком пальцев скинуть морок, потрясти головой растрепав каштановые космы и, отвесив элегантный донельзя поклон, ответить:

— Я, Лилитана Эрнест Эл'лил, принцесса Вольская, принимаю твой вызов, графиня

Тулиркская. Обещаю научить тебя быть более осмотрительной в выборе противника. А то, знаешь ли, деревенские ведьмы бывают разными.

Студенты затихли и во все глаза смотрели на принцессу.

В этот момент и открылись двери аудитории, впуская профессоров в длинных мантиях.

— Что здесь происходит? — воззрился почему-то на меня ректор. Вечно я у них крайняя.

— Обмениваемся опытом, — невинности моей улыбки позавидовали бы ангелы. — Магистр Колиостро, можно мне первой выбрать билет. Времени у нас не так много, а мне очень бы хотелось посетить библиотеку Академии.

— Да, конечно, Лилитана. Если это так вам угодно, я ничего не имею против.

Вытянув билет, я, не глядя, отдала его секретарю для записи, церемонно поклонилась преподавателям и, проходя мимо Шалы, шепнула:

— Встретимся через час. Место остается за тобой.

«В от глупая девчонка, — ругала я себя, сидя в библиотеке. — Что я знаю о боевых заклинаниях, кроме простейшего фэйрбола? Ни-че-го! Магиана меня этому не учила».

Я могу вызывать духов, говорить с драконами, общаться с призраками, залечивать кое-какие раны. Еще могу навести морок, отвести глаза. Левитировать умею, но не люблю. Владею некоторыми природными заклинаниями — на случай веточку назад прирастить, цветочки помятые оживить, плод вырастить вне плана. Ну и мелкое хулиганство типа перемещения предметов с последующим их зависанием и опрокидыванием кому-либо на голову. Щит могу поставить.

Ага, и дрыном Шаласку по башке, так что ли?

Может, помолиться, в чем я отродясь замечена не была, а?

Вообще-то при рождении меня посвятили богине луны Эл'лил, и в положенный день я приносила ей дары и читала мантры, правда, если мне напоминали. Так что именно ей и полагалось защищать неразумную принцессу. Но наверняка тоже если напомнят.

Каждого ребенка у людей принято посвящать тому или иному богу. И это делалось так же неукоснительно, как и перерезание пуповины, потому как нечейное дитя доставалось Аиду, богу смерти. Кому же понравится иметь родственников там, в черных чертогах. С «добрым дядюшкой» вообще дела обстояли очень запутанно. Бесспорно, встречи с ним никому не избежать. Это Аид оценивает душу и испытывает ее. Потом, если бог или богиня, кому был посвящен умерший, посчитают его достойным, они забирают душу в свои царства.

То есть мне по идее предстояло стать светилом — звездой.

Только сдается, что ничего из этого не выйдет. Эл'лил я вряд ли понравлюсь, она предпочитает скромных, задумчивых и романтических девиц, не раз вздыхавших, глядя на ее круглый лик или спрятанный в тени профиль. Я же, взирая на ее красу, чаще вздыхала о насущном — под раздачу попала или пакость не удалась.

Так что и сейчас помощи ждать неоткуда.

— Вы простите меня, что я тогда... так с вами...

— Вадик, — оглянулась я. Рядом стоял белобрысый парень и мозолил меня разнесчастным взглядом. — Ты чего трясешься? Я же не монстр. Ну, принцесса, ну и что? И чего все с этим так носятся, будто я не человек. А мне между прочим восемнадцать лет, и заносчивостью я не страдаю. В отличие от вашей Шаласки. А ты садись, чего встал-то.

— Если вы так хотите...

— А ты мне не выкай, не на приеме. Хватит, что дворцовые мне выкают. Знаешь, так, сквозь зубы — «высочество вы наше», а у самих в глазах читается — «чтоб ты провалилась, бесовка». Тьфу. Даже слышать не хочу. Ты чего здесь делаешь-то?

— Вас... то есть тебя искал.

— Зачем?

— Так, извиниться.

Я махнула рукой.

— Мелочи. А вот то, что покроят меня как капусту — это да. Потом ведь действительно позора не оберешься. Слушай, Вадик, а ты боевые заклинания знаешь?

— А ты разве нет? Тогда как же ты драться собралась?

— Ни знаю пока. Погорячилась я, понимаешь. Не люблю этого. Когда выеживаются, а как только родство мое узнают, сразу тухнут. Значит, простолюдинку обидеть не грех, а меня страшно? — Я фыркнула, вновь разойдясь.

— Забавная ты. Я раньше не знал, что принцессы такими бывают.

— Какими такими?

— Живыми. Я думал они холодные, чопорные. А ты не такая.

— Ты моих сестричек не видел. Мы когда все вместе за ужин садимся, такой гул стоит. У меня сегодня последний ужин перед экзаменами. Страшно.

— А мне некуда идти на ужин. Хорошо когда есть дом.

— У тебя его нет?

— Я сирота. Живу здесь, в общежитии. Я вообще-то из Орлии, деревенька такая есть на подъезде к столице.

— Да я знаю. Мне географию родного королевства грех не знать. В детстве гувернантки по три часа заставляли напротив карты сидеть — изучать. Правда, я морок делала и сматывалась, но это дела не меняет. Слушай, а присоединяйся к нам. Я с друзьями иду гулять вечером. Мы с девчонками, другими ученицами магианы, уже договорились. Ну что, идем?

— А куда?

— Найдем. Таверн много. Вот что, жди нас в восемь в маленьком саду, за дворцовыми стенами. Мы тебя найдем. Договорились?

— Конечно. Когда еще с девчонками погуляешь. Так что там с заклинаниями? Ты действительно ничего не знаешь?

— Магиана мне этого пока не давала. Говорит, я и без боевых заклинаний умудряюсь успешно все рушить вокруг себя, а это подождет. Нет, я, конечно, кое-что знаю, но так, на троечку.

— Тогда слушай...

Остальные полчаса мы провели довольно интересно. Вадик что-то пытался вложить в мою нерадивую голову, а это никак не хотело там помещаться. В итоге мозги у меня вскипели окончательно.

Когда час подходил к концу, Вадик забеспокоился.

Он проводил меня на место дуэли, где оказалось уже полно народу. Ну, конечно, такое зрелище пропустить — битва главной задиры и задаваки Академии и неприметной с первого взгляда девочки, оказавшейся принцессой.

Большинство, как и следовало ожидать, болели за Шалу, все таки ненависть к доморощенной аристократии сделала свое дело. Но и на моей стороне оказалось не мало. Видно, колдунья уже здорово кого-то достала.

Нам очистили значительную площадку, и мы разошлись по разным сторонам. Были произнесены слова «честной дуэли», объявившей пространство вокруг нас непроницаемым магическим щитом, чтобы ни покалечить посторонних наблюдателей и не иметь возможности помочь извне. Я, конечно, легонько прощупала его и поняла — мне тут и взламывать нечего, достаточно дунуть чуть посильнее, но делать это незачем.

Мы уже изготовились, как черти кого-то принесли.

Он с легкостью и с тихим звуком чп-по-ок прошел сквозь щит и посмотрел на меня:

— Все в порядке, девочка?

— Да, Бальтазар. Все под контролем.

Демон хмыкнул:

— А это вы так развлекаетесь? Ох, и попадет же вам.

— Мне не привыкать. Что ты тут делаешь. И... где остальные?

— Остальные?

— Хватит прикидываться. Ты где дружков потерял, демон?

— О, — хитро улыбнулся он. — Они делают все, чтобы задержать твоего разгневанного родителя. Так что вам лучше закончить до того, как он тебя поймает. А я послежу, хорошо, малышка?

— Хорошо. Только выйди за щит. — Я уперлась в него ладонями, выталкивая за границы. — Что за манера лезть, куда не следует. То под деревом развалится, то под стенами шастают.

Встав где-то сбоку, народ предпочел расступиться, точнее, разбежаться. Бальтазар подмигнул мне:

— Разбирайся быстрее. А то магичка твоя прибежит, даже я не удержу.

— Ага, — хмыкнула я, поворачиваясь к противнице, — по рогам надает.

А дальше было нечего.

Как я и предполагала, Шала не стала мелочиться: победа над таким противником, как принцесса, было очень престижно и изрядно польстило бы ее самолюбию. Мне же хотелось просто не опозориться. Из ее рук вырвались сразу два огненных шара и, виляя, понеслись ко мне. Щиты здесь не действовали, поэтому пришлось уворачиваться, бросившись в сторону и, уже лежа, посылать жалкий ответ файрболом. Магичка отвела его взмахом ручки. И почти сразу дала заряд молнией. Мне пришлось перекатиться по земле и, резко вскочив, тут же броситься в бок, готовя слова заклинания. Ударила я зарядом плазмы из трех святящихся шариков. И снова мимо.

А вот Шала попала, по бедру чиркнуло что-то обжигающе холодное и острое.

Так я с ней не справлюсь. Знания, данные мне Вадиком, несоизмеримы с ее. Пришлось менять тактику, переходя на привычные заклинания.

— Гаш, шлан ха. Дивас!

Я дважды щелкнула пальцами.

И пред Шалой стояло уже три принцессы.

Обалдевшая противница не нашла ничего умнее, как ударить сразу по трем направлениям. Мы тоже не просто стояли, из рук каждой вылетел огненный шар. И один точно попал, мой, так как другие были лишь иллюзией. Рукав девицы загорелся.

Подумав, она тоже размножилась, но уже до пяти.

Фи, как глупо.

Мне ее удара удалось избежать, зато копии выдали себя.

Потушив их, я собрала энергию дублей в клубок тумана и высоко прыгнула, используя столь ненавистную левитацию. И только тогда ударила им о землю.

Пяти секунд абсолютной невидимости хватило, чтобы войти в транс.

И увидеть настоящую Шалу.

Она-то, наверное, точно не имеет понятие о духах.

Развеяв туман еще до того, как я ступила на землю, колдунья бросила в меня что-то напоминающее большую ледышку.

Только, глупенькая, не знала, что раскрыта.

От нужной я увернулась и ответила огнем.

Шала закричала, но лицо ее так перекосило от злобы, что становилось понятно — бой продолжается.

А я-то надеялась.

Резкий выпад раскрытой рукой вперед, и меня отбросило порывом ветра, прижав к щиту спиной. В руках графини горели огненные кинжалы, о таких приходилось только слышать. Она метнула сначала два, так быстро, что мне едва удалось их заметить. Плечи обожгло, и я закричала. А в ее руках лежали еще два. Хорошенько размахнувшись, она вновь запустила их в меня:

— Проси пощады, принцесса!

— Черта с два.

Но кинжалы до меня так и не долетели, словно растворившись в воздухе.

— С четыре не хочешь!

— Бальтазар, не вмешивайся, — потребовала я, медленно сползая на травку.

— Я отмечаю лишь нарушение правил. В честном бою недопустимо использование амулетов и артефактов. А у этой куколки есть занятная вещица. Меня-то на таких вещах не проведешь. — Он сделал какое-то движение рукой, и в его ладони оказался некий предмет. — Теперь можете продолжать. Игрушку я забираю.

— Как ты смеешь! — завопила Шала, кинувшись к демону. — Козел рогатый.

— На правах владыки огня, — снял капюшон асур. — Хочешь сразиться и со мной?

Девка сразу как-то побледнела. Надо же думать на кого голос повышаешь. Если я еще полчаса после подобного нервничаю, то представляю, как она перепугалась.

Встав и поведя безумно болящими плечами, я выпрямилась и посмотрела на Шалу. Она ответила яростным, безумным взглядом. Очень опасно.

От одного удара я увернулась, второй отразила сгустком чистой магии, от испуга и не такое сделаешь, третий укоротил и без того не очень длинные волосы.

Я разозлилась, снова приходя в то состояние, в каком была в аудитории.

Развела руки, склонила голову и, вложив в движение всю силу и всю обиду, свела ладони в хлопке.

Такой волны никто не ожидал. Он сбил с ног не только Шалу, попутно сдирая с нее одежду, но и разнес хлипкий щит, разметав зрителей по близлежащим кустам.

Закон дуэли таков — кто первый потеряет возможность сопротивляться или же попросит пощады, тот побежден. Шала просить была уже не в силах.

Если честно, я растерялась. Это заклинание было прочитано мной довольно давно, и использовать его я не собиралась. Так, для общего развития. И на тебе! А ведь должен был вызвать лишь небольшую силовую волну в сторону удара.

Почесав немного жгущие царапины на груди, я нахмурилась.

— Готова! — раздался голос позади.

— Бали, дай свой плащ, не лежать же ей здесь так.

— А что, неплохо. Надо будет потом переписать у тебя заклинаньеце. Чтоб всегда так с девушками: хлопнул в ладоши, и они уже раздетые лежат.

— Какой же ты пошлый! Гони плащ, повелитель.

Укутав девушку, я положила на нее руки и начала заживлять раны и гематомы от столкновения с деревом.

— Себе бы сначала помогла, — нежно погладил меня по щеке Бали.

— Себе не могу. Подождем кого-нибудь.

— У нас Аскар хороший лекарь.

— Буду я его жать. Вадик! — пришлось звать мне.

Тот быстро нашелся, но подходить заметно опасался.

— Не бойся, это друг, — успокоила я его. — Ты можешь что-то сделать, что бы так не болело?

— Могу. Но только чтобы ни болело. Целительство никогда не было моей сильной стороной.

— Плевать. Болит же.

Я встала, подошла к магу. Тот положил мне руки на плечи, покраснел, закрыл глаза и что-то зашептал. Кажется, довольно простенькое заклинание.

— Да. Ты себе, похоже, польстил. Бедро заговоришь? А то я ели ногой двигаю. Как замороженная.

— Еще бы. Тебе вообще полагалось после такого столбом упасть, — опускаясь на колени и жутко краснея, поделился Вадик.

— А для чего нужны друзья.

— Бальтазар! — закричала я. — Ты все-таки вмешался.

— Немного. Не мог же я оставить тебя без прикрытых тылов. Так не пойдет, малышка. Ребята меня на мелкие куски порвут.

Ничего не оставалось, как махнуть рукой.

— Спасибо, Вадик, — нагнувшись, я шутливо чмокнула его в лоб. Мне было весело и легко на душе. — Спасибо, Бали, — подошла я к демону и крепко его обняла.

— Всегда пожалуйста, Лилит, — улыбнулся он всеми клыками.

А потом появилась Консуэла и разогнала нас.

Приехал папочка, поднял шумиху. Я пряталась в какой-то аудитории, пока не пришел Аскар и не вылечил меня. На радостях я чмокнула в щечку и его. Поглубже вздохнула и отправилась к королю. Меня, понятное дело, отчитали, посадили под домашний арест, велели не давать сладкое. Я еще добавила, чтобы кислое и горькое тоже не давали, но моим просьбам не вняли. Папа вздохнул, сказал что «раз ты уже магические бои принимаешь, то пороть тебя поздно», и успокоился. Калеп, средний брат, усмехнулся, «значит, теперь у нас в семье дуэлянтом больше». А мачеха кричала что-то о неподобающем поведении, ребячестве и отсутствии хоть какой-то чести и женственности, ну, впрочем, как всегда. Меня не впечатлило.

За ужином мы только и делали, что обсуждали происшедшее. Магиана, конечно, тоже злилась, но по совсем другой причине. Она-то знала, что если вызов брошен, отказаться от схватки, значит, опорочить себя. Знала она и о плохой славе моей соперницы. Теперь же магиана жалела о трех вещах.

Во-первых, ее там не было.

Во-вторых, Консуэла признала пробелы в моем обучении боевой магии.

В-третьих, за всей этой историей ей так и не удалось узнать темы моего билета, иначе бы уже сейчас посадила меня за книги.

Сославшись на усталость, я рано ушла. Магиана заперла меня в комнате и спокойно удалилась. Она так и не узнала, как я вскрыла ее щит в день турнира.

Я даже переодеться не успела, когда со стороны окна разделся шум, точнее, грохот упавшего цветочного горшка. Выглянув из-за ширмы, я увидела демона с самым несчастным выражением симпатичной мордашки, какое только можно представить.

— Оставь, я восстановлю.

— Я не хотел. Правда!

— Да верю я тебе, не расстраивайся так. Подожди, я сейчас переоденусь.

— Тебе не кажется, что это становится традицией: как я ни приду, ты вечно бежишь переодеваться?

— Ну, не надо. Это всего второй раз. И не пойду же я в город в этом шелковом платье с подолом в два метра. Будь моя воля, я бы из штанов не вылезала. И как вы только юбки носите.

— Спокойно. Нам нравится. Я вообще не понимаю, как ваши мужчины с такими кривыми ногами носят брюки. Им их специально сразу колесом шьют?

Я захихикала:

— Теперь понятно, почему вы предпочитаете юбки.

Данте засопел и явно обиделся. Но на это я не стала обращать внимание. Выйдя из-за ширмы, еще раз критично осмотрела себя в зеркале. Что ж, опять получился тот очаровательный мальчишка. Широкие брюки скрыли намечающуюся округлость бедер, длинный жилет — и без того небольшую грудь, а беретик — значительно укороченные за сегодня волосы. Вышло неплохо, мне нравится.

— Хватит разглядывать себя, — поторопил демон. — Идем!

— Идем? Или летим?

Он не ответил. Подойдя к окну, Данте взобрался на подоконник и выжидающе посмотрел на меня. Пришлось поторопиться.

Синие глаза внимательно, с неким ехидством посматривали на меня. Ну да, все он чувствует и понимает. И прекрасно знает, что я опасаясь этого демона, но побороть себя или отказаться от возможности вновь увидеть воздушные крылья не в силах.

Так мы и стояли, смотрели друг на друга и ожидали, кто же первым сдастся. Я была

гордой, асур тем более. Ожидание затягивалось. Хотя демон прав, это ведь мне надо, а не ему.

Я скривила губы:

— Ну, хватит, Данте. Долго ты еще будешь дуться на меня, прямо как маленький.

Он рассмеялся. И одним легким движением поднял меня на руки.

Когда мы перелетели через ограду и оказались на той стороне, асуры нас уже ждали.

После того как Данте вынес меня из комнаты, мне пришлось оставить его и идти за другими ученицами. На их комнаты предусмотрительная магиана тоже наложила щиты, но не такие сильные, как мой. Я справилась с ними играючи. Осталось только навести на себя морок тени и идти в парк за стенами дворца.

— Вы чего так долго?

— Сами подумайте, если я одна столько копаюсь, то сколько могут собираться четыре девицы?

— Да уж, надо было заранее начинать.

— Не вредничайте. Давайте я вас лучше познакомлю. Это Люсинда, Мариша, Ирида и Глаша.

— Приятно познакомиться, — склонились в легком поклоне асуры.

Девочки подозрительно смотрели на них, словно те действительно были дьяволами.

— Да не бойтесь. Они не кусаются. Кстати, вы здесь никого не видели?

— Твой дружок вон там гуляет, — кивнул в сторону Бальтазар. — Только не понимаю, зачем он тебе понадобился.

— Вадик смешной. И он помог мне.

— Веская причина, — хмыкнул Аскар.

Я махнула рукой:

— Подождите меня. Сейчас приду.

И действительно, под одним из кустов сидел мой давешний знакомый.

— Привет. Ты все-таки пришел. Идем, я познакомлю тебя с друзьями.

— Видел я твоих друзей. Это те, с хвостами и рогами что ли?

— Они не такие страшные, как кажутся сначала. Очень милые... существа.

— Кто они?

— Демоны. Ты не пугайся так. Они не плохие. Разве тебе не интересно? Ты же сам видел, Бальтазар нормальный парень.

— Ага. Только заявляет себя владыкой огня, ходит сквозь щит и имеет длиннющий хвост.

— Тогда зачем пришел, ведь мог понять, что у меня за друзья?

— Любопытно!

Мне ничего не осталось делать, как рассмеяться и, протянув руку, сказать:

— Идем. Будет весело. Обещаю!

О да, это я умею.

Как я и думала, мы пришли в чистенькую, большую таверну, заняли столик подальше, да потемней. Мне разрешили пить сильно разбавленное вино, поэтому веселье началось быстро. Я в трезвом-то состоянии очень хорошо себя контролирую, а уж после вина...

В итоге я даже разговорила скрытных асуров.

— А где находится ваша страна?

— Далеко. На юге. Там, где вы на картах рисуете обрывы. Но земли ведь там не заканчиваются. Это мало кто знает.

— Но там кажется неприступные горы.

— Точно. А за горами что?

— Не знаю. И что там?

— Большая долина.

— Наша страна, — вздохнул Бали.

— Царство Варуны, — кивнул Аскар.

— Так называется ваша страна? — продолжала любопытствовать я.

— Да, малышка.

— И там живут асуры?

— Ну не черти же.

— А как одних от других отличить?

— По копытам, разумеется, — вроде бы серьезно ответил Данте. Хотя и не знаешь, когда он шутит, а когда нет.

— А у кого они есть, а у кого нет? Я ваши ноги не рассматривала.

Зак пожал плечами и снял сапог.

— Жалко, — не удержала я разочарованного вздоха. — А то мне всегда хотелось узнать, где это — «у чертовой бабушки», или когда говорят «иди к чертям». Это не к вам случайно?

— Все может быть, — кивнул Бали. — В царство Варуны обычному человеку не попасть. Только по приглашению и с сопровождением.

— Так что идти туда далеко и долго.

— А это правда, что там три города? — опять пристала я к чертягам.

— Железный, серебряный и золотой? Правда. Только помимо них есть ведь и другие города. А эти столицы провинций. — Зак одним глотком выпил добрую половину своего стакана. — В Золотом граде или Доме Солнца живет наш владыка.

— А вы где живете?

— Чаще всего в Серебряном граде.

— И они так красивы?

Все четыре демона дружно хмыкнули.

— А как ты думаешь, что могут построить существа, жизнь которых практически неограниченно долгая. Да еще обладающие властью над всеми стихиями. То, что ваш каменщик вырезает в течении многих месяцев, наш создает лишь силой мысли. И так во всем.

— Да, наверное, там действительно прекрасно.

— Но только очень скучно. Некоторые говорят, что устают от царства уже после первого столетия, — вздохнул Аскар, — но нам даже сейчас тоскливо. Поэтому мы и любим уходить к людям. В вашей хрупкой жизни есть свое очарование. И мы никогда им не насытимся.

— Что значит, не насытимся?

— Ну, — опустил голову Данте, — это значит, что нам никогда не надоест быть среди вас.

Эх, что-то он не досказывает, нутром ведь чую. Ведь не зря у демонов сейчас такое стыдливое ворожение лиц.

— И много ваших среди людей?

— Нет. Но в каждом городе хоть один, да есть.

— И... прям так и ходят, — указала я на забавную мордашку Зака.

— Да. Но это незаметно, если отводить людям глаза. Поэтому нас никто никогда не видит и не замечает. Только долго мы здесь пробыть не можем. Начинает тянуть домой. Да и силы в разлуке с родными местами начинают ослабевать.

— Правда что ль? — хмыкнула я. — Могу поспорить, что на территории вашего царства просто есть что-то, что питает ваши силы. Как дриадаские леса. А поете-то как сладко: «разлука с родными местами».

— Все-то ты знаешь, — улыбнулся ни сколечко не смутившийся Заквиэль. И пересадил меня к себе на колени. Против я не была. — И откуда только у людей появляются такие хорошенькие умненькие девочки?

— Мама с папами по ночам делают, — в тон ему ответила «девочка». — Все тебе рассказывать надо. Прям как маленький. У вас как будто не так же.

— Так, да не совсем. У нас же впереди вечность. Так что мы никуда не спешим как люди. И дети у нас рождаются куда реже.

— И уж точно не как у твоего папочки, в таких количествах, — хмыкнул Аскар.

— А что в этом плохого. Росли мы весело, дружно. Уж если когда и удосужусь выйти замуж, детей у меня тоже будет много.

— Почему это — удосужишься? У людей ведь к незамужним плохо относятся.

— Но только не к магичкам. Мы же живем дольше положенного для человека. А это накладывает свой отпечаток. Консуэла нам в свое время доходчиво все объяснила. Когда Мариша начала чересчур активно общаться с одним из дворцовых служек, магикана принесла нам кучу различной литературы и устроила вечер посиделок. Да так что спать мы легли лишь с петухами. Зато все сразу встало на свои места.

— И о чем же вы так плодотворно говорили? — сощурил свои удивительные черешневые глаза Бальтазар.

— Обо всем, что должна знать женщина и магичка в частности. О том, как молоденькие простушки влипают в нехорошие истории, это для таких, как Маришка. О том, что честь женщины хрупка, как первый снег, чуть сожмешь в руках — и она тает. О том, что дозволяется мужчинам, и что запретно женщине. О том, что такое любовь для магички и как она проходит. О том, как больно бывает от этой любви и как важно не дать ей себя погубить. И о том, что дети мага не обязательно будут обладать силой. И о том, как это — стоять на могиле своего ребенка, умершего от старости. И как это — стоять на могиле своего ребенка, умершего от неизлечимых ран. И что такое одиночество мага, тоже рассказала она. — Я вздохнула, сгоняя с себя непрошеную грусть. — Консуэла делилась своим опытом, и мы ей поверили.

— Ну и зря, — как-то обидчиво надулся Данте. — Если обожглась она, это не значит, что вам тоже надо бояться огня. Так и замерзнуть не долго. Послушай, девочка, и поверь нам, уж мы-то достаточно знаем о долгой жизни, любовь стоит того, чтобы рисковать.

— Легко вам говорить, — горько усмехнулась я, совсем уткнув нос в рубашку Зака. — Мужчинам. Для вас все иначе. Вы жестче, вы грубей.

— Да кто тебе это сказал?

— Оглянитесь, это же мир мужчин. То, что позволено им, в силах погубить женщину. И предать мужчине легче. Сделать больно тоже. Вам этого не понять. А все же прекрасно вижу и знаю. Ну, посмотрите хотя бы на моего отца. Я его безумно люблю. Но кто бы знал, как мне больно за его предательство моей матери. А как больно сестрам и Филиппу? Их-то он вообще предал дважды. Я не хочу, чтобы моя жизнь становилась такой же. А ведь магичка вполне может себе это позволить — избавляться от одного мужа и сразу идти за другого. Вот это больно. Это отличает женщину от мужчины. Мы можем любить одного человека всю жизнь, независимо от ее продолжительности.

— Ты не поверишь, детка, но мужчины тоже могут.

— Не видела, не верю. Вам, асурам, легче. Ваши женщины живут столько же, сколько и вы. А вы попробуйте потерять любимую, и я посмотрю, как долго вы останетесь одни.

— Женщины тоже слишком долго сидят в одиночку, — раздался голос от соседнего стола. Оказывается, музыка стихла, и вся таверна нагло подслушивает наш разговор.

— Да от хорошей ли жизни, — ответил уже от другого стола женский голос. — Будь моя воля, второй бы раз за мужика не пошла. Детей без отца растить не хочется и в хозяйстве мужик нужен. Да и самой не так тоскливо век куковать. Вот только любить-то я его так уже не люблю, как моего Петечку.

Началась дискуссия, в которую мы уже не вступали. Меня же успокаивали мягкие пальцы, гладившие мою растрепанную шевелюру. Быстро погасив тот клокочущий в груди комок, я уже с энтузиазмом поглядывала на окружающих.

А потом, когда все перемирились, начались танцы. Мне так захотелось веселиться, что удержать меня оказалось не под силу даже девчонкам, которые еще побаивались в незнакомой обстановке шумной таверны. А на балу никогда не чурались танцев.

Ну, ничего. Я потащила танцевать притихшего Вадика.

Уж от кадрили не отказался никто.

А потом девчонки меня уговорили, всучив котэ, откуда он взялся в средненькой таверне — тайна, покрытая магией. И я начала петь какую-то волшебную песенку, услышанную мною на одном из отцовских приемов. Слава богам, что когда владеешь магией, научиться владеть инструментом пара пустяков, а то сестры годами мучаются. Ученицы придворной магички тут же станцевали один из дриадских танцев, в которых я, надо признать, не сильна. Все вместе вышло очень достойно и заслужило живейших аплодисментов.

Я же не удержалась и съязвила:

— Если не пройдем экзамены, примкнем к труппе бродячего цирка. Хороший гонорар нам обеспечен. Вадик, ты в доле?

— Еще бы. Я у вас буду этим, как его? Администратором.

— Ты у нас будешь, — обрадовала я, — немощным стариком, подавляющим собирающим. Вон голова у тебя и так что седая, а морщин мы тебе наколдуем.

Такая перспектива магу-недоучке не понравилась, и он начал перечислять, что умеет делать. А мы — чему научила нас магиана. Конечно, боевой магии, заклятьям на крови и знаниям в некромантии можно было позавидовать, но и мы не лыком шиты. База бытовых превращений у нас оказалась куда существенней. А еще целый арсенал знаний по алхимии, в основном — ядам и противоядиям.

Здесь мы были должны признать, что готовили нас к разным сторонам жизни. Его к боевой магии и уничтожению нечисти. А нас к дворцовым интригам и целительству.

— Тьфу, — в итоге сказал Вадик. — Аристократки.

— Ну, ничего, — хитро глянула Ирида. — После сегодняшнего выступления Лилит два года натаскивания на отражение всех и всего нам гарантировано.

— Везет, — вздохнула я.

— Думаешь, тебя она не будет учить боевым заклинаниям?

— Не в этом дело. Консуэла меня сегодня к ректору потащила. Заставила рассказать про духа и то, как ожил Филипп. Ректор послушал и набросил мне еще полгода обучения.

Девчонки охнули. И было с чего. Получается, вся моя практика идет вурдалаку под хвост. Вот и получается, что все надежды зря.

— Не грусти, девочка, — тут же начали подбадривать меня асуры. — Это всего какие-то шесть месяцев. Разве не все равно при той затяжной жизни, к которой ты готовишь себя. А вот с силой тебе действительно лучше лишнее время потренироваться. Не дай боги вновь выпустишь своего «ястребка», а рядом никого не окажется, даже дельного мага, чтобы поддержать тебя.

— Ну, я же осторожно.

— Ты опять это сделала, — как всегда все понял Данте. Меня это уже даже раздражать начало.

— На дуэли. Но это был лишь дух, чтобы увидеть ауру настоящей Шалы.

— Глупенькая, — совсем не злобно, а несвойственно тепло, что заставило меня изумиться, сказал асур и приподнял мое лицо за подбородок так, чтобы я посмотрела в его большие темные глаза. В них же утонуть можно! — Когда же ты поймешь, тонкие материи от того так и называются, что их легко разрушить, излишне заигравшись. И если от простого колдовства ты максимум потеряешь жизнь, то тут на кону твоя бессмертная душа. Думай, чем рискуешь. Не хочешь же ты тысячелетия провести в виде той занятой птички, что называешь «ястребком». Ну, хватит плакать. Ты чего опять испугалась-то?

Только сейчас я заметила, что по моим щекам текут слезы. И смахнула их ладошкой.

А сидевший рядом Бальтазар принялся вытирать мне лицо своим платком, с неодобрением косясь на друга.

— Ну вот, довел девчонку, — тяжело вздохнул Аскар.

— Я лишь хотел предупредить.

Заквиэль покачал головой, типа «горбатого могила исправит».

А я рассмеялась.

На меня с удивлением воззрилась вся наша компания.

— Просто мне пришло в голову, — пояснила я, — какие шалости можно устроить, воплощаясь в птицу. Если уж в качестве бесплотного духа мне удавалось поднимать ветра и слегка прикасаться к людям и вещам, то что может воплощенный? Да и ауру я так вижу гораздо яснее. Ваши крылья и рога я разглядела только тогда. И вот еще загадка, может, вы мне ответите. Кто позвал меня назад? Этого я так и не поняла.

Демоны дружно переглянулись и пожали плечами. Ну да, эти и под пыткой не признаются.

— Слушай, — вмешался Вадик, — а почему ты мне представилась сегодня как Таня. Это что, приколы такой?

— Тебе тоже? — рассмеялись чертяги. — Нам она тоже так себя назвала.

— Тебе еще повезло, парень. Нас она целый день морочила, — разулыбался Аскар.

— Мы даже подрались успели, ведь не поверите, — хмыкнул Зак.

— Ага, а еще похитить бедную, беззащитную принцессу и злостно напоить, — поддакнула я. — У-у, совратители малолетних!

Демоны даже обалдели от моей наглости.

— Это которую беззащитную-то, — не остался в долгу Бальтазар, — ту, которая взорвала крышу со складом фейерверков и тремя архимагами?

— Или ту, — добавил вредный Данте, — которая среди ночи обругала благочестивого призрака хуже портового грузчика?

— Да! — закричал Аскар. — И ведь после того, как отравить волшебными яблочками нас не удалось, пыталась веткой зашибить.

Я весьма неподобающе принцессе хрюкнула и медленно сползла под стол. Туда, где уже лежали, даваясь от смеха, Ирида и Глаша. Они уже слышали историю моего знакомства с демонами и даже видели мой урожай.

— Век тех яблок не забуду, — послышался голос сверху. Явно Бальтазара.

— Хотите, — предложила я, вылезая, — я вам в дорогу еще наколдую.

— Нет уж, уволь. Нас же на границе остановят. Решат что это оружие массового поражения.

— Кстати, раз уж я об этом вспомнила. Вы когда собираетесь покинуть Вольск? Или решили здесь поселиться.

— Ты нас выгоняешь? — приподнял бровь Зак. Хотя было видно, что вопрос его расстроил.

— Нет. Я буду только рада, если вы задержитесь подольше. В каком то веке от кого-то в замке шарахаются больше, чем от меня. Раньше такие «нежные» слова я слышала только в свой адрес. Разумеется, когда думали, что не слышу. Ну, так что, остаетесь? — с надеждой в самых невинных глазах, на какие только способна девица с моими талантами, уставилась я на них.

— Как бы ни хотели, но нет, девочка. Мы скоро уедем. Закончим свои дела и отправимся домой.

— А когда вы их закончите?

— Сами не знаем.

— Понимаешь, малышка, у нас к твоему отцу дело очень деликатного свойства, — внимательно посмотрел на меня Бали. — Ты все узнаешь в свое время, а пока не спрашивай нас, пожалуйста.

— Хорошо. Но... Надеюсь, ничего опасного, — вдруг испугалась я, ощущая внутренний трепет. Как предчувствие чего-то ужасающего.

— Ничего. Тебе ничего не угрожает, — посмотрел на меня Данте. А его глазам я почему-то неизменно верила.

Глава 4

Невозможное возможно, или нестандартные методы

Н у конечно, закончилось все как в прошлый раз.

То есть концовки я не помню.

По словам девчонок, мы еще немного потанцевали. Затем меня заставили еще спеть, но на этот раз я исполнила что-то весьма неприличное, подслушанное у слуг. Хулиганить я умела. Потом мы снова пили за удачную сдачу экзаменов и за победу. Наверняка было что-то еще, но я, как слабый элемент, уснула.

На утро выглядели мы, прямо сказать, помятыми. Ну не привыкли мы, домашние девочки, развлекаться и пить полночи.

Наспех, до прихода магианы, пробормотав заклинание от похмелья, я встала.

Все еще пошатывая, оглядела себя.

Хм, что-то не помню, чтобы раздевалась. А на мне сейчас только длинная давешняя рубашка. Ну и как это понимать?

Еще не рассвело, когда мы, зевая, сели в карету.

Ученицы магички выглядели ужасно. Но хуже всех пришлось Люсинде. Та вообще еле на ногах стояла, так, словно не спала как минимум дня три. И вид у нее был... упыри и те краше.

Нас привезли к большому зданию. Здесь всем найдется место.

Каждому студенту выделили отдельную комнату-лабораторию, где нам предстояло провести следующие сутки.

Я бросила сумку у порога и оглянулась.

Да, вторая неделя экзаменов тяжело сказалась на помещении — стены имеют заметные следы горения, кое-где в кладке зияют вмятины, занавески превратились в тряпки, словно жеванные бешеной коровой, стекол и тех нет, проемы в стене затянуты энергетическими щитами, вся мебель имеет явный признак колченовости и дистрофии. Хотя откуда мне знать, может здесь всегда так?

Знать мне действительно было неоткуда. Раньше экзамены у меня принимала магиана Консуэла, но с этого года каждые шасть месяцев я буду отчитываться о полученных знаниях в Академии Магии и Колдовства. И ведь не знаешь, что лучше, магиана гоняет по практическому выполнению всего курса, а местные даже дополнительные вопросы задают не всегда. Но напряжение то еще.

На столе, переливаясь всеми цветами радуги лежал билет. Но я специально обошла его стороной, тренируя выдержку. Подошла к окну, ничего особенного — корпус с лабораториями для студентов Академии и полигоны для испытаний намеренно вынесли за пределы города, дабы избежать особо разрушительных катастроф. Здесь и так не успевают ремонтировать все, что нахимичат особо талантливые или косорукие детки. Уж мне ли не знать, весь дворец трясется, когда одной принцессе-недоучке вздумается попрактиковаться в башне. А уж о палитре цветов дыма, вырывавшегося из ее окон, лучше вообще скромно умолчать. Не говоря уже о бродивших по замку «чудиках» — любой заповедный лес отдыхает.

Как-то в одном из моих экспериментов вместо простенького волчонка — ну собачку захотелось ребенку — я наколдовала щенка оборотня. Мы довольно мило провели время, вылакав литров пять молока, разбив все, что только можно, и везде, где проходили наши игры, подрались на дорогущем ковре в одной из гостиных, устроили форменный погром на кухне. А как радовались нам животные из минифермы в дальнем конце замкового парка.

Вот только под вечер посреди главного зала появилась огромная, как теленок, волчица и потребовала своего отпрыска обратно. Нет, наши конечно были бы и рады, сами не знают, как избавиться, но ведь двух сорванцов еще и поймать надо. Полночи оборотниха в компании особо раздосадованных детским поведением людей носилась по замку, вылавливая сих мерзких пакостников. А нашли нас мирно спящими в обнимку у камина. После столь

умилительной сцены тут же нас ругать не стали. Волчица подхватила своего щенка за шиворот, пробормотала что-то типа «да лучше сто охотников, чем одна принцесса» и скрылась, как поговаривают, за границу нашего государства. Мне же с утра устроили лекцию, но к тому времени я так к ним привыкла, что и внимания особого не обратила.

Плюнув на все, я первым делом завалилась на постель, которой здесь служила узкая полоска грубо сбитых досок под стареньким матрасом и довольно чистым бельем, и взяла свой билет.

Так, что тут у нас?

Вопрос первый. Раздел теоретической магии.

«Первоисточник Колыбели Огня. Даты и исполнители открытия».

Это совсем просто, магиана любила это заклинание и нередко давала нам его в качестве примера.

Вопрос второй. Раздел магии стихий.

«Магическое образование льда. Его свойства и применение».

С этим тоже худо-бедно справлюсь. Ничего сложного, правда, придется прорепетировать.

Вопрос третий. Раздел магических вызовов.

«Безопасный вызов крылатой гидры. Особенности при вызове нечисти второго разряда».

А вот это уже сложнее. Пентаграмму я с закрытыми глазами нарисую, но с гидрами, и тем более второй степени, я дело никогда не имела. Придется попотеть.

Вопрос четвертый. Раздел некромантии.

«Изгнание буйных духов в условиях магического истощения экзерсиста».

Ничего себе! Я что, портянками Филиппа после трех дневного марш-броска буду его изгонять? Как это будет выглядеть?

Вопрос пятый. Раздел алхимии.

«Приворотные и отворотные зелья. Этика применения».

Обалдеть! Слов других нет. Я-то здесь при чем?

Вопрос шестой. Дополнительный. Раздел магических предметов и приспособлений.

«Создание охранных артефактов при определенных условиях. Условия: срок изготовления — одни сутки; средства — имеющиеся в наличии».

Хрен, как говорится, редьки не слаще. А мне придется выбирать между ними.

Вот только ни в том, ни в другом я не сильна. Помню, проходили мы что-то с магианой, но я на таких уроках предпочитала читать под партой новую приключенческую книжку. Особо мне нравились похождения магов, а в частности — великолепных Наездников Драконов.

Вот и расплачивайся!

Задумавшись, я и не заметила, как уснула, сказывалась прошлая веселая ночь.

Разбудил меня стук в дверь — слуга принес ужин.

Вскочив, я поняла, что потратила столь драгоценное время очень бездарно.

Срочно пришлось заняться подготовкой третьего вопроса.

В лаборатории было предусмотрено специальное место для чтения — отдельный стол с небольшой библиотекой в полке на стене. И, конечно, присутствовала Большая Энциклопедия Нежити, главная книга боевого мага. Я боевым магом не была, но очень интересовалась этим изданием, поэтому без проблем нашла то, что мне нужно.

«Крылатая гидра — змеевидная нечисть, с множеством голов в зависимости от класса. Кожистые крылья позволяют поднимать головы над землей достаточно высоко, что бы напасть или спланировать сверху. Чешуя твердая, окостенелая, цвет окраса варьируется от серого до черного. Острые клыки являются главным и самым опасным оружием гидры. Кроме этого стоит опасаться и хвоста нечести, покрытого шипами. Размеры различны, от полуметра (детеныш) до более пяти метровой особи (взрослая самка). Самки крупнее и опаснее самцов, в особенности в период кладки и выведения детенышей. Яйца предпочитает откладывать в неглубоких, теплых пещерах, обустроенных принесенными самкой ветками и валежником. Срок кладки...» Так, это пропускаем. «Нападает с шипением. Атаки яростные, нередко неожиданные и выматывающие. Вопреки мнению, при отрубании головы крылатой гидры она не отрастает вновь, как у гидры почкующейся (см. стр. 259), но кровь из рубленой раны ядовитая, поэтому так же подлежит прижиганию. Наилучшим способом убийства данной нежити считается распарывание живота с дальнейшим сжиганием тела».

А дальше то, что мне было нужно: магические параметры.

Этих данных хватит для вызова.

Я переписала их на отдельный лист и принялась заучивать. Не хватало только, чтобы при соединении заклинания вызова и параметров гидры, что-то напутать.

Уже смеркалось, когда я подняла голову и заметила, как темно стало в комнате. Щелчком зажгла светильники, подвесив их в воздухе.

Хватит, пожалуй, перед экзаменом лучше все же немного поспать, а значит, у меня осталось ни так много времени.

Займемся духами?

Что я могу предложить в этом случае? Буйных духов во дворце не наблюдалось — все небуйные, а просто неугомонные, типа нашей несравненной Агриппы. В остальных резиденциях их вообще крайне мало. Да и те при моем приезде забивались в самую глубокую нору и не вылезали, пока проказливая принцесса не свалит из их законного дома.

А вот, помню, приехали мы как-то всем семейством к графу Арузкому. Замок у него такой миленький, темненький, есть где порезвиться ребенку с моими способностями. Так еще и парнишки графа, примерно нашего с сестрами возраста, решили покрасоваться перед девчонками. А заодно подразнить. Типа у них живет жутко противный призрак, достающий их род не одно поколение. И если девушки, ну они-то точно рыцари, желают, то можно прогуляться ночью по замку и посмотреть на этого нарушителя спокойствия. Сестрички конечно от такой перспективы чуть в обморок не попадали, только Беатриче, самая старшая, посмеялась над детской выходкой. Что же касается меня, то я оказалась в восторге. Тут-то сестрички и смекнули, как поставить ехидных мальчишек на место. Они спровоцировали их на ночную прогулку по замку в доказательство своей отваги. А чтобы кто-то мог подтвердить, что ребята действительно так храбры, как кичатся, дали в нагрузку наивным детям меня.

Откуда сыновьям герцога было знать, какая дурная слава ходила обо мне в царстве духов.

Вот мы и сходили.

Когда в дальнем конце коридора появился завывающий дух, мальчишки так перетрусили, что даже бежать не попытались, так и осели на пол, вытаращив огромные от испуга глазенки. А глупый призрак подумал, что я остолбенела от испуга, и попытался закончить нападение моей сединой, приблизившись недозволительно близко. Тут встал вопрос кто на кого нападал. Схватив незадачливого старичка за длинную туманную бороду

(благо магии и навыков, чтобы удержать эфир, хватало), я потребовала от обалдевшего от такой наглости привидения полного доклада — его имя, прижизненное прошлое и аморфное настоящее. Призрак пробовал возмущаться и даже попытался отбиться, но не тут-то было — покрепче ухватив ушлого за бороденку, я раскрутила его, и чуть потаскала по полу. Только когда призрак коленопреклоненно попросил пощады, остановила воспитательный процесс. Дух выложил мне все, что только мог узнать за годы жизни и нежизни. В подробностях. Вплоть до посещающих нынешнюю графиню в отсутствие мужа мужчин. Я все приняла к сведению, попросила призрака больше не шалить и не пугать домочадцев до седины, в противном же случае обещала вновь заглянуть на огонек. Тут призрак побелел, хотя и до этого не отличался особыми красками, и, кажется, хлопнулся в обморок.

Отряхнув ручки и пожав плечами, я отправилась в детскую часть замка, где уже давно меня нетерпеливо поджидали сестрички, довольно поглядывавшие на трясущихся мальчишек. Кстати, один из них сейчас добивается руки Элоизы.

За завтраком сестры с довольным видом похвастались результатом ночной вылазки отпрысков двух знатных родов. Бедный граф Арузкий схватился за сердце:

— Дедушку, за бороду?

— Сам виноват, — встряла я, — чего он меня пугать решил? Думать надо, пенек старый. Ой, а это был ваш дедушка? Простите, пожалуйста!

В общем, папа не отделался бы за нанесение тяжкого вреда предку графа, если бы я вовремя не вспомнила поведенные мне дворцовые тайны. Король хитро прищурился и потрепал меня по голове:

— А я уж не знал, как склонить этого индюка на свою сторону. И зацепиться-то было не за что. Пусть теперь попрыгает, а то надо было заломить за помощь такую цену — Верские поля ему подавай. Молодец, Лилит. Но больше так не делай. Во всяком случае, без спроса.

С тех пор меня начали побаиваться не только призраки, но и аристократия.

Но ведь этого призрака нельзя назвать буйным. Шкодливый, скучающий — да, но никак иначе. А буйные вполне способны на агрессивный физический контакт. Убить не убьет, но покалечит без проблем. И что я буду с ним делать, за бороду уж точно не потаскаю.

Где-то здесь был томик «Экзерсиса»...

От фолианта меня отвлек странный звук, показавшийся чем-то знакомым. Я обернулась — никого и ничего. А потом легкий стук.

— Мне можно войти? Точнее влететь.

— Конечно, Аскар, — обрадовалась я его зеленой макушке в своем окне.

Демон с трудом влез в маленькое окно, осторожно втягивая в комнату большие кожистые крылья.

— Ух ты! А можно посмотреть?

И не дожидаясь ответа, я кинулась к асуру.

— Нравятся?

— Потрясающе! Какая прелесть. Где вы их раньше прятали?

— Разве ты их никогда не видела?

— Нет.

— Как себя чувствуешь после вчерашнего?

— Не напоминай. С утра так голова болела.

Вдоволь наигравшись с нетопыриными крыльями, я, наконец, спросила:

— Ты чего здесь делаешь?

— В гости зашел. Ребята послали узнать — может тебе помочь надо или принести чего?

— А... ты в приворотных зельях разбираешься?

Демон растерялся. Похлопал своими огромными зелеными глазищами, а затем и вовсе покраснел.

— Не приходилось, — ответил он с явной заминкой в голосе.

— Ты не пойми меня неправильно, Аскар. Просто мне тоже не приходилось. А задание такое есть. Вот я сижу и думаю, чего бы такого наварить, чтобы за приворотное зелье сошло?

Перевернув стул, чертяга оседлал его, как скакуна, и посмотрел на меня беспомощным взглядом:

— Честное слово, малышка, не знаю. В этом я не силен. Но, — он просиял, — я могу сказать какие травы являются сильным афродизиак. Как тебе такой выход из положения?

— Не пройдет. Профессора придерутся, сказав, что зелье вызывает лишь половое влечение, но не чувство.

— Тогда я вообще ничем не смогу тебе помочь. Прости, Лилит.

— Дополнительный вопрос еще труднее. Создание артефакта за сутки. Конечно, можно было что-то попробовать, но осталась только ночь, и здесь я бессильна. Из шести я могу ответить только на четыре вопроса, да и то с горем пополам. Если я не наберу нужный бал, меня оставят еще на полгода. М-да, придется выкручиваться. Слушай, Аскар, давай сюда список трав, я посмотрю, что можно сделать. Незамужней и черт — мужик, — махнула я рукой.

Еще несколько часов мы занимались зельем. Найдя стандартные запасы трав и отобрав подходящие, Аскар выложил на стол целый ворох вкусно пахнущей растительности. Я все тщательно записала, чтобы потом было что предъявить экзаменаторам, и разожгла огонь в спиртовке. Пока отвар из трав гонялся по всем змеевикам и медленно доходил до нужной консистенции, мне пришло в голову поделиться с демоном проблемой с буйным духом, а также поведать историю о бороде дедушки графа. В итоге Аскар навернулся со стула, окончательно доломав его.

Потом этот горе-мастер начал его ремонтировать. Уж лучше бы сразу выкинул в окно, честное слово. Демон стучал по стулу, пытаясь приладить ножку, переворачивал кверху, что-то там крутил. В итоге стул не выдержал издевательств и скончался, став похожим на подготовленные для камина дрова.

Зелье было готово. Хорошенько подумав, я решила — хуже не будет, немного заговорила его. А так как подходящих слов не знала, то тихо запела одну из любовных песен.

*Тихо, мой котенок, луна уже взошла.
Мне кажется, спросонок с собою позвала.
И тоже небо в звездах, и холодно в ночи.
Но по дороге лунной одной мне не пройти.*

Аскар, чертяга, прекрасно расслышавший слова, заплодировал.

Я показала демону язык и начала разливать зелье по маленьким бутылочкам.

Может что и выйдет.

Прикрыв рот рукой и зевнув, я призналась, что пора сворачивать подготовку и ложиться спать.

Ясноокий асур понял все без слов. Подойдя, он осторожно обнял меня за плечи и улыбнулся так, как могут только эти черти — клыкасто-обаятельно.

— Пока ты тут мудрила, я заварил тебе одну травку, выпьешь ее завтра с утра. И ничего не бойся. У тебя все получится. А что касается призрака, это я у Данте спрошу, все-таки духи по его части. Мы придем на экзамен и если что — подсобим.

— Нет, Аскар, не надо. Я сама должна. Вы и так много для меня сделали. Спасибо!

— Не за что, малышка. — У асура был такой странный взгляд, что я заволновалась. Но он отступил и вновь улыбнулся. — Мне пора. До утра, Лилит. Не шали.

— Крылья береги, — хмыкнула я, следя за тем, как он выбирается из окна.

Р азбудили меня на рассвете.

Подали завтрак, небольшую бадью для утреннего омовения, полотенце и забавный

балахон.

Уже через час я была готова.

Наскоро причесанные волосы заплетены в две коротенькие косички, торчащие в стороны, белое одеяние подпоясано моей собственной ленточкой, а что делать, если сваливается, да еще и юбка длинной оказалась, личико умыто. Наскоро проглотив свой завтрак, я вспомнила наставления Аскара и оставленное им зелье. Пришлось выпить.

Жидкость тягуче разлилась по организму. И уже через минуту меня перестал бить нервный озноб, а в голове прояснилось. Все-таки хороший он лекарь, этот асур. Надо будет спросить, что за травка такая, папе давать перед тем, как рассказывать о своей новой шалости.

В присутствии специального мага я собрала в коробку все, что мне может понадобиться, и захлопнула магический замок. Все, теперь его откроет только ректор Колиостро.

Смешное ему прозвище студенты дали, мне Вадик рассказывал — Колян.

Коридоры оказались полны таких же студентов.

У кого-то краем глаза я замечала шпаргалки, у кого-то тайные артефакты, кто-то явно пользовался заклинанием памяти.

А ведь это все запрещено!

Но не значит, что не используется. Это я, ведунья доморощенная, даже не подумала хоть что-то предпринять по этому поводу, а здешние обитатели давно привыкли к таким экзаменам.

Хм, попробовали бы они отчитаться у магианы Консуэлы.

Внизу, в холле, вывесили списки распределения, и я поспешила к ним.

Так, мое имя в середине списка третьей группы. Что ж, неплохо.

— Лилит, — закричал знакомый голос.

— Привет, — помахала я рукой. — Как у тебя дела?

— Хорошо. — Вадик подошел ближе. — А ты как? Как девочки? Как демоны?

— Все вроде бы живы. Но как же головы у нас с утра болели. Мы с девчонками еле проснулись. А как провели ночь асуры, я не знаю. Я только Аскара видела, а спросить забыла.

— Знаешь, я уже начал бояться, что они мне приснились спяна. Как камень с души. С утра просыпаюсь, говорю соседу по комнате: «Все, больше с демонами пить не буду». А дружок смеется, отвечает: «Совсем ты, Вадька, допился. Черти уже мерещатся. С хвостом и копытами, небось». «Нет, говорю, с хвостом и рогами. Такие, разноцветненькие». Тот вообще в покате. Алкоголиком обозвал.

— Ты не алкоголик. А демоны действительно присутствовали. Слушай, а ты много помнишь из концовки.

— Что ты. Я, наверное, первый под лавку сполз. Кто ж знал, что твоим чертям хоть литр выпить, хоть пять. Помню только, как ты песни похабные пела. Как пили. Как танцевали. И снова пили. — Вадик захихикал. — А еще ты с Данте опять сцепилась. Уж не помню, в чем там суть была, только ты на весь зал обозвала его зловердным бесом и... не очень приличными словами, — покраснел дружок. Видно даже для него слова крепкие были.

— Какими? — заинтересовалась я.

— Маньяком и хвостатым садистом. Слушай, а что это значит?

— Мне бы кто сказал, — округлила я глаза. — Не жалеешь хоть, что пошел?

— Вот еще. Где такое-то увидишь? От демонов я вообще в восторге. Классные парни. И где ты их нашла?

— Под деревом, где же еще, — улыбнулась я. — Идем, нам на экзамен пора.

Экзаменаторы заседали каждый в своем классе, если это можно так назвать. Поэтому для сдачи всех типов магии мне придется много побегать.

Начнем сначала?

Теоретическую магию принимали в обыкновенной аудитории — довольно сухонький

профессор, с жидкой бородашкой и слеповатыми глазами.

Когда подошла моя очередь, я села на стул напротив него и, чуть прикрыв глаза, рассказала все, что знаю о заклинании Колыбель Огня. Даже предложила продемонстрировать его исполнение. Но профессор почему-то отказался. Правильно, вопреки моим знаниям, выходит оно у меня очень неустойчивым, кособоким. Именно поэтому магиана заставила меня вызубрить все исходные данные.

Конечно, что мне могли еще поставить, как не отлично?

Что у нас там дальше?

Магия стихий.

«Магическое образование льда. Его свойства и применение».

Такой сложный предмет принимали на полигоне. Я отправилась туда.

Выждав больше часа и выстояв огромную очередь, я, наконец, предстала перед комиссией.

Протянув свои бумаги и поставив им на стол свой черный ящик, я представилась:

— Лилитана.

Мне кивнули.

— Можете приступать. Вам достался хороший билет.

— Угу, просто геморрой, — прошептала я. А затем сказала громко: — Образование льда...

В общем, кое-как мне удалось сдать и эту дисциплину на вполне сносный балл. Хотя лед я всегда недолюбливала и плохо справлялась с такой сложной текстурой.

Для сдачи третьего вопроса далеко ходить не пришлось. Принимали его в закрытом ангаре неподалеку.

Под бдительным оком трех профессоров я выложила на стол все требующиеся мне компоненты.

— Как именно ты собираешься вызывать нежить?

Я посмотрела на самого молодого из них, именно он задал вопрос. Симпатичный молодой преподаватель с черными локонами до плеч. И чего я не учусь в Академии, раз здесь такие кадры?

— Ну... для начала... — чего-то растерялась я, наверное все же смутилась перед взглядом этого колдуна. Пришлось поглубже вздохнуть, вспомнить хорошенькие мордашки асуров, этот рядом не валялся, и со спокойной душой приступить к объяснению. — Если все подготовлено заранее, как в нашем случае, то начнем с проверки места вызова. — Я посмотрела себе под ноги. — Как я вижу, пол после предыдущего вызова чисто вымыли со всей осторожностью и применением надлежащих чистящих средств. Выбираем центр пентаграммы. Например, здесь. Это помещение напитано энергией, так что думаю в этом случае точность выбора не так важна, как в других. В идеале же следует выбирать наибольшее место силы, подвластной вызываемому. Начертаем пентаграмму. Приступать?

— Да.

Довольно неблагонравно ругая длиннущее одеяние, тут же испачкавшееся и сильно мешающееся, я поползала на коленях, тщательно вычерчивая все линии. Пентаграмма также важна в вызове, как хорошее оружие при охоте на медведя. Если оно плохое, то еще вопрос, кто на кого будет охотиться.

Попутно я случайно стирала уже начертанные руны своим подолом, на что мне и указали профессора. Я ойкнула и, подобрав юбку до самых колен, принялась исправлять.

Когда пентаграмма была начертана, и я сотый раз проверила правильность и соответствие всех рун, то повернулась к экзаменаторам:

— Можно начать вызов?

— Если вы так уверены в правильности своей подготовки, — ответил все тот же молодой колдун.

С сомнением покосившись на свою работу, я вынуждена была признать, что Консуэла все же не зря так гоняет нас.

— Уверена.

Я встала в шаг от пентаграммы и зашептала слова подготовительного заклинания. А затем, когда внутри за клубился дым, развела руки и произнесла:

— Ильяма дель кар. Э лет, эль та. Жусту терлье э мон тепа. Фияма. Шуит. Э дель си льгос. Тимар эль фаран тира грах.

Я послала волну магии, скопившуюся на моих пальцах, внутрь пентаграммы и замерла...

Надолго так замерла. С минуту стояла как дура столбом, пока не осознала, что ничего не получилось.

Профессора, кажется, заскучали.

— Может быть вы что-то неправильно сделали, — с кислой миной как-то нехотя произнес красавчик. Чем-то он мне Данте стал напоминать. Такой же холодный, вреднящий тип.

Я разозлилась:

— Ничего я не напутала. Все верно.

Напутать в таком заклинании значило погубить себя. А я не самоубийца. Представляю, какие гадости могли поползти из открытых дверей со сломанным замком.

А это дельная мысль!

Не иначе как они у себя охранку поставили от непрошенных гостей.

Закрела глаза, а остальное плевое дело. Нашла сигнализацию и запретку. Довольно остороженько вырубил их, благо не слишком хорошо сделаны. У магички дворцовой куда лучше выходит.

Подняв руки и шагнув к пентаграмме, я яростно закричала:

— Ильяма дель кар. Э лет, эль та. Жусту терлье э мон тепа. Фияма. Шуит. Э дель си льгос. Тимар эль фаран тира грах.

Кто бы видел, как вытянулись лица у господ-экзаменаторов, когда клубы дыма сформировались в средней длины змейку. Ну, среднюю для крылатой гидры, около трех с половиной — четырех метров.

«Красивая змейка», — признала я, рассматривая ее.

Меня больно схватили за плечо и развернули на сто восемьдесят градусов.

— Как ты это сделала, глупая девчонка?

— Сам ты глупый, — огрызнулась я, обалдев от такого нахальства. — Напридумывали тоже — поизмываться над студентом, пока он будет думать, в чем же прокололся. Сняла я ваши замки.

— Все? — побелел маг.

— Ой!

Ну, конечно все. Я же когда лезла, думала — как бы этим надутым индюкам гадость сделать, а не о результатах своей диверсионной деятельности.

Вот «змейка» побесновалась, пометалась и разбила мой охранный контур.

Мы дружно полезли под стол.

— Ну сделайте хоть что-нибудь, вы маги или кто?

— Ты натворила — ты и делай.

— Правильно о тебе дурная слава по городу ходит, — зыкнул на меня один из преподавателей. — Ходячая катастрофа.

— А нечего замками все здесь было обвешивать. Я бы в них и не запуталась. Вы можете убить эту тварь или хотя бы отправить туда, откуда ее взяли?

— Попробуем, — кивнул черноволосый маг. И выскочил из-под стола.

Он закричал заклинание, выставив вперед руки.

Гидра с интересом смерила его взглядом и, подумав, раскрыла все пять пасть. От количества кривых, желтоватых клыков мне подурнело. Помирать она явно не собиралась.

Колдун помялся и вернулся под стол.

— Отослать ее не получается. Что будем делать?

— Надо убить тварь.

— Но как? Я не боевой маг, вы ведь знаете, я теоретик, — едва слышно заверещал один из стариков.

— Можно попробовать сжечь ее, — серьезно посмотрел третий, этакий благообразный мужичонка. — Но я о таком никогда не слышал. Если все помнят, гидры мало подвержены магии, их хитиновые пластины каким-то образом отражают ее.

— Меч с собой принести, конечно, никто не догадался?

— Помолчи, чудо природы. А то тебя и отправим за мечем.

— Куда?

— Во двор, конечно. Здание опечатано как от внутреннего, так и от внешнего магического проникновения.

— Если качество щитов то же, что и здесь, то я вполне...

— Нет! — закричали сразу три мага.

— А если по-простому, через дверь?

— Не дойдешь. Вон та змейка не позволит. Гидры очень злобные существа.

— В сторону! — едва успела закричать я и бросилась к ближайшей стене.

В этот момент хвост нежити обрушился на стол, разметав его в щепки. Да, змейка явно устала ждать официанта с обещанным и уже щекочущим ноздри ароматами обедом.

Со страха я выпустила по ней струю огня. Другие сделали то же самое. И на какое-то время пред нами плясала огненная змея в три метра ростом. Вот только пламя действительно ее не брало, только разозлило еще сильнее.

Почувствовала ли она, чьих рук дело это безобразие, или как, но ощерилась гидра почему-то на меня. По стеночке пробираясь к выходу, я не отрываясь следила взглядом за буйной тварью. Первый раз в своей беспокойной жизни встречаюсь с такой зверюгой. И что делать, совсем не знаю.

Проследив за моим передвижением и оставшись недовольной, гидра зашипела и бросилась на меня. Не будь этого звука, может, и достала бы, но я, предупрежденная, кинулась в сторону. Споткнувшись об деревяшку, растянулась на полу и совсем растерялась.

Гидра тем временем бросилась вдогонку. Мои инстинкты сработали правильно, и нападение одной из голов я отбила ударом ноги. В пасть другой запустила фэйрбол. Ей явно не понравился такой обед. Нежить заверещала, тряся обожженной пастью. К счастью, мне под руку попала доска, и я смогла отражать нападения уже ею, да и то пару раз, пока гидра не ухитрилась поймать деревяшку и отбросить ее подальше. Благо мелких щепок вокруг оказалось достаточно, и я закидала тварюгу этими припасами. И даже неплохо приложила одну из ее голов каким-то магическим трудом страниц так на девятьсот. Хи-хи, кто-то кроме меня сегодня помучается от головной боли после знакомства с очередным трудом великого мага прошлого.

Когда под руку попался маленький флакончик темного стекла, я поняла, что экзамену пришел конец. И обиделась. Ох, как обиделась.

Схватив деревяшку побольше, я встала.

— Никто не смеет мешать мне сдавать экзамен, — топнула я ногой.

И уже сама ринулась к змеюке, наподдав по обалдевшей башке, так что та потеряла сознание. Остальные четыре взглянули на это с явным неодобрением. Ткнув дощечкой туда, где по моим представлениям у этой твари поддых, я заставила гидру озадачиться, она явно впервые встречалась с сумасшедшей принцессой-недоучкой. Змейка заметно приосанилась и вжала головы в шею.

И в этот момент объявился-таки спаситель, чего ему скромно в уголочке не сиделось, я не знаю. Слевитировав достаточно высоко, маг что было сил приложил гидру по одной из голов каким-то предметом, на поверку оказавшемся спинкой некогда массивного стула.

Оценив ситуацию, обиженная змейка... поползла прятаться ко мне за спину.

Мы с колдуном переглянулись обалдевшими взглядами и посмотрели на гидру.

Та в свою очередь нежно смотрела на меня и махала хвостом наподобие верного пса.

— Что за черт, — прошептал черноволосый маг, совсем растерявшись.

И тут до меня дошло...

— Ах, Аскар, ах молодец. Знал ведь что подсовывать. Обожаю этого демона.

Змей, заметив такое мое хорошее расположение духа, подобрался к ногам и осторожно так об них потерся.

— Ты знаешь, что с ней?

— Угу. Зелья приворотного наглotalась. Я для экзамена делала. И по случаю такой кутерьмы этой в пасть бутылочку и кинула. А она, наверное, пробку переварила, и жидкость внутрь попала. Кто же знал, что на нее подействует.

Колдун рассмеялся:

— Я, конечно, всякое слышал, но что бы гидру приворожить — ни разу. Это точно в анналы магии войдет. Не зря, ох, не зря тебя, принцесса, в Академии так не любят.

Гидра влюблено взглянула в мое лицо всеми своими головами, одна все же пришла в себя. Ее длинный красный язычок лизнул мне щеки, вызвав улыбку.

— Ой, моя маленькая, — тут же умилилась я и погладила ее по голове. Другие тут же потянулись, требуя ласки и внимания. — Какая прелесть.

— Это прелесть? Ее надо уничтожить, — тут же ожил старичок, который называл себя «лишь теоретиком».

— Вот и уничтожал бы, пока просили, — разозлилась я. — А не прятались бы за нашими спинами. Не дам. Моя змейка, что хочу, то с ней и будет. Пойдешь со мной в замок? Я о тебе заботиться буду.

— Молочком поить, — хмыкнул черноволосый маг. — Ты в своем уме, это же крылатая гидра, второй степени.

— Ну и что?

— Ты просто капризная испорченная девчонка. Пойми — нельзя приручить гидру.

— Вы знаете, моя мачеха всегда говорит, что самого спесивого мужика можно приручить. А некоторые мужчины хуже любой гидры, уж поверьте, я во дворце всякого насмотрелась.

— Принцесса, может вам все же любовника завести, а не гидру.

От фэйрбола этот нахал увернулся, а вот от удара кулаком не успел.

Гидра же, поняв, что на меня каким-то образом посягнули, бросилась на мага. Поваляла, конечно, немного, пока я смогла ее оттащить.

В общем, зачет я получила. Вредный колдун еще добавил, что если бы открыли дисциплину по вскрыванию магических замков, меня бы взяли преподавателем. Я показала ему язык и ушла.

Кстати, зачет по алхимии я получила автоматом, представив ошарашенным преподавателям крылатую гидру, виляющую хвостиком наподобие собаки.

Оставалось лишь сдать некромантию.

Наслышанные о моих похождениях за день, экзаменаторы встретили меня более чем нерадостно. Не нравилась я им, чего скрывать.

Итак — буйный призрак.

На меня надели браслеты, блокирующие часть силы, и выпустили в коридор с высокими потолками. Где-то там, наверху, скрывались смотровые окна — я показала им язык и остановилась в центре.

Дух действительно был буйным, кидался предметами, нелицеприятно ругался, раздувал гобелены на стенах и трепал мои и без того куцые косички. А я стояла посередине этого безобразия и рассматривала поцарапанную руку, магии как раз хватало, чтобы затянуть кожу.

Когда дух вошел в раж и кинулся в меня вазой, терпению пришел конец. Впрочем, как и моему костюму — мало того, что его хорошенько изваляли и порвали в нескольких местах,

так теперь еще и облили тухлой водой.

Я выпрямилась и заорала:

— А ну заткнулся, полтергейст недоделанный. Или ты сейчас покажешься передо мной, или я выволоку тебя за шкуру. Ты меня понял, крыса дохлая?

Дух завопил, но появился. Тощенький всклокоченный мужичонка с длинными руками и уродливой лысоватой головой, одет он был в развевающиеся лохмотья и цепи.

— Ах ты... нахалка малолетняя. Я те покажу, как обзывать. Я ужасный Смит Висельник!

— Ну и что? А я принцесса Лилит. Тоже, знаешь ли, не добрая девочка. А обзывать ты первый начал, труп-недоделка.

— Ах, вот, значит, кто смел меня тревожить. Та самая Лилит, что достала всех благочестивых призраков королевства.

— Да, — с гордостью согласилась я. — У меня есть репутация в ваших кругах. И вот поэтому советую — убирайся подальше. Желательно, чтобы надолго. Ты меня понял?

Дух рассмеялся и, вновь растворившись в воздухе, кинул в меня столиком.

Я высказала все, что думала по этому поводу. При том в тех же словах, что и Агриппе.

Призрак даже заслушался вроде бы, так как ветер стих, а вещи неловко закружились в воздухе. Да, девушка я невоспитанная. Бедная нянюшка.

А вот это идея!

— Агриппа, — закричала я в воздух, вкладывая последнюю магию в вызов. Ведь всем известно, что призрак может ненадолго покинуть место обиталища только по зову своего подопечного или врага на крайний случай.

— Бегу, бегу, девочка моя, — материализовалась нянька в коридоре. — Что случилось, милая?

— Он меня обижает, — загнусавила я, тыкая пальчиком. — Словами нехорошими ругается. Вот даже столиком в меня кинулся.

— Что? — подбоченилась призрак. — Обижать принцессу? Ну, я сейчас ему навешаю, научу, как следует держаться перед ее высочеством. Ну-ка, иди сюда, старый грешник. У-у, каторжник, — погрозила она прозрачным кулаком.

Изловила бабка его все-таки и так отходила плеточкой, что дух бегал по кругу и верещал страшным голосом. Он от нее и по потолку бегал, и за мебелью прятался, и в воздухе растворялся, но Агриппа все равно догоняла и хватала за шкуру. А когда полтергейст чуть присмирел, начала воспитательные работы — научила поклоны перед представительницей королевской семьи отвешивать, обращаться правильно, по полу стелиться по-холуйски. На орехи еще пообещала и этикету научить.

Тут призрак взвыл и, оставив в руках нянюшки приличный кусок своего рванья, бросился ко мне на коленях:

— Не губи, государыня. По глупости я погорячился. Обещаю больше не шалить и вести себя подобающе. Только убери тетку. Я уж и на тот свет согласен, только бы подальше от нее.

— Ах ты, пень проклятый, к ее высочеству и без доклада, да сразу ножки лобызать. Охальник, — набросилась на него няня.

— И правда, Агриппа, замучила ты его. Все же призрак, а не служка дворцовый. Отпусти. Пусть идет с миром. Можно, господа экзаменаторы? — подняла я голову.

В комнату я вернулась в полуневменяемом состоянии. Разделась, омылась и завалилась спать.

В ту ночь мне привидился странный сон.

Я стою в каком-то темном помещении, в углу горят светильники, нос щекочет странный, неизвестный мне запах — нежный, но глубокий и жаркий. Помню свои волосы, заплетенные в венец, покачивающиеся в ушах длинные серьги, каких никогда не носила. Напротив стоит человек в длинной рясе и читает вслух какую-то книгу. Только слова не пойму. Меня берут за руку и крепко сжимают ее.

Я смотрю на того, кто стоит рядом. Черный балахон скрывает его от меня. Лишь рука, сжимающая мою, белую и мокрую. На пальце печатка. Странные вензеля из белого камня.

Поднимаю руку и касаюсь капюшона, чтобы заглянуть — кто же за ним скрывается. На меня смотрит что-то уродливое и страшное. С черными, как ночь, глазами. С лицом смерти.

Проснулась я от крика.

Перевела дух.

И поняла, что навряд ли засну вновь.

Взломав замки комнаты, я вышла в коридор и привычной тенью проскользнула на улицу. Меня трясло и хотелось плакать. Такой испуганной редко приходится бывать.

От нечего делать я прошлась по развороченному за день полигону, дошла до ангаров. В одном из них томила гидра. Преодолев все замки и забравшись к ней, я погладила зверюшку по всем пяти головам.

— Как же мне тебя назвать. Вот что, назову-ка я тебя Нагос. Будем тебя за дракона выдавать.

Гидра довольно заурчала.

Ну, а утро началось с переполоха — оказывается, меня потеряли.

И лишь через час догадались зайти сюда, где я миленько так спала в сене, под боком теплого тельца Нагаса. Неприветливая с утра гидра показала всем клыки и зашипела, собственно именно поэтому я и проснулась.

Меня окончательно разбудили и строго так посмотрели мечущими молнии карими глазищами.

— Так и знал, вы к этому зверю потащитесь.

— А чего это вы меня поутру на «вы»?! — поразилась я. — Вчера вроде все тыкали. Глупой девчонкой да чудом природы называли.

— Ну, — вроде смутился колдун, — я... погорячился.

— Чего, Агриппа и с вами воспитательные беседы провела? — рассмеялась я. — Или так, на всякий случай?

— Ничего подобного. Просто я действительно вел себя неподобающе. Следовало помнить, кто передо мной. Простите, принцесса, я лишь недавно появился в вашей стране и все еще иногда допускаю ошибки.

— Бывает, — хмыкнула я. — Особенно сидя под столом.

— Ты опять воюешь, девочка?

— И без нас!

Я взвизгнула и вскочила на ноги.

— Черти мои разноцветные, как же я рада вас видеть!

Зак осторожно вытащил меня из загона, где мне так сладко спалось, лишь прищипнув на гидру, настороженно поднявшую головы. Та послушно присмирела.

— Мне вас так не хватало, ребята! — призналась я.

— Нам тебя тоже.

— Во дворце сразу стало так тихо, — хмыкнул Данте.

— Если бы ты нам не запретила, мы бы с удовольствием присоединились к твоему веселью, — кивнул Бальтазар.

— Простите, но это было только моим делом. Зак, ну-ка отпусти. — Меня опустили на землю, и я тут же кинулась на шею Аскару. — Ух, ты, чертяга зеленая. — От избытка чувств я даже расцеловала его в обе щеки. — Какой же ты молодец. Обещай, что научишь меня еще чему-нибудь.

— Обязательно. Но, думаю, сила тут не в моих травках, а все же в песне, что ты спела над зельем. Что трава, гидру ей не взять.

— Ты все равно мне помог. Хотя бы тем, что просто был рядом.

— Идемте, — кивнул Зак. — Там ректор ваш рвет и мечет. Не знает, как королю на

глаза показаться. Думает, что дочку его потерял.

Мы уже выходили из ангара, когда я обернулась:

— А вы говорили «гидру приручить невозможно». В этом мире возможно все!

По итогам экзамена я получила довольно средний балл и оглушительную славу.

Процедура объявления результатов проходила очень официально. В большой зале, при флагах и полном преподавательском составе, с одной стороны, проходящих экзамены в этом потоке, с другой, и родственниками учеников, с третьей.

Мои, конечно, выделились. В основном своим количеством. Присутствовали все — отец с мачехой, сестры и оба брата (Филиппу все еще не разрешали вставать), магиана Консуэла и все четыре демона в темных плащах. Всех вместе пятнадцать человек, ну... некоторые нелюди. Такой небольшой отряд моральной поддержки.

Меня обрядили в белое платье до пят. У других поверх подобного одеяния были длинные плащи на одно плечо, травянисто-зеленого цвета, придерживаемые брошью. Это символ начала нашей практики. Мы стояли перед комиссией не мертвы, не живы, слегка дрожа и порываясь упасть в обморок. Ведь некоторые, наверное, такие же, как и я, с нетерпением ждали предстоящей обманчивой свободы.

Месяц практики!

Как сладко звучит.

Я представила, что за восхитительное время это будет.

...У других.

Меня еще ждет полгода учебы.

Вот ведь не везет. Вечно я крайняя.

Когда ректор дошел до моего имени, его даже передернуло, а лица экзаменаторов скривились. Кроме одного — черноволосый маг хитро улыбнулся. Он мне вообще самый низкий бал из всех поставил.

— Чтобы не лезла, куда не следует, — прокомментировал колдун. Чтоб его... гидра покусала.

Это устроить мы можем!

Наверное, в моей шкодливой мордашке ректору что-то не понравилось, ибо он подавился последними словами.

Кстати, мои магические методы были признаны самыми нетрадиционными, за что, посоветовавшись, мне добавили баллы. И попросили разрешения, все-таки принцесса творила, занести этот случай в летопись Академии. Я сделала красивый, царственный жест и дала свое согласие, правда, в конце все впечатление от своего хорошего воспитания смазала, не выдержав:

— Вам дать точный список ругательств, заставивших буйного духа обалдеть, или вы и сами их уже не забудете? Да, и может, мне кто-нибудь подскажет, какой книгой я ударила бедную гидру? Хотелось бы почитать, раз книга оказалась таким полезным оружием против нечисти.

Половина зала, та, которую уже просветили, согнулась от хохота. А я удивленно оглянулась, словно не понимая, что произошло. И мимоходом подмигнула асурам. Те ответили кивком.

Когда ректор, наконец, сел... Не надолго!

Не думала, что защищенного со всех сторон магическими щитами можно было так легко достать простой кнопкой, подсунутой с помощью магии асуров. Ректор орал с минуту, наверное. Правда, и кнопку мы нашли не маленькую, жало сантиметра три.

Злоумышленника не отыскиали, но зал в очередной раз повеселился.

А я стояла с самым невинным выражением нахального лица и смотрела в потолок — только бы не рассмеяться.

Чтобы удержаться, мне пришлось в голову вспомнить что-то страшное. И я вспомнила свой сон. Веселье как рукой сняло.

Обернувшись и посмотрев на демонов, я решила рассказать все им. Если верить Данте,

они в этом что-то понимали.

В памяти, как выжженный, остался след от печатки и тепло руки, держащей меня.

Больше веселиться как-то не хотелось.

Далеко уйти мне не дали. Ректор вызвал к себе. Если честно, я даже слегка испугалась — а вдруг припомнит все мои проделки.

— Сядьте, Лилитана. — Глаза у него были усталыми и какими то прозрачно-серыми.

Я послушно плюхнулась на стул. Сложила ручки на коленках, скромненько потупила взгляд, свела ножки в заметной косолапости, в общем, сиротинушка несчастная вышла.

— Не опоздал? — послышался голос после короткого стука. Мне резко поплохело.

— Нет, мэтр Полуден, вы как раз вовремя. Ее высочество только подошли. Присаживайтесь.

— С вашего разрешения я предпочел бы стоять.

— Как вам угодно. Итак, ваше высочество, повод, по которому я вызвал вас, весьма важен. Как для вас, так и для нас.

Любопытство победило, и я перестала прикидываться невинной овечкой, а с интересом посмотрела на обоих магов.

— Магиана Консуэла доложила в Гильдию Магов о ваших открывшихся способностях, и как вы знаете на основании этих знаний, мы решили добавить к вашему обучению еще полгода. — Я кивнула, не испытывая при этом того вдохновения, что испытывал архимаг. — И как следствие — отодвинуть вашу практику. По этому поводу мы не пришли к определенному заключению. Так же у нас возникла новая проблема по этому поводу — на практику к магиане Консуэле вы не могли попасть по причине отставания от других ее учениц на полгода.

— Какое отставание? — Меня даже затрясло от гнева. — Я училась со всеми на равне и появление новых возможностей... не пойму, почему новых, если духом я чуть ли не с колыбели пользуюсь... нисколько не уменьшает моих прежних знаний. Я вообще не понимаю, почему мне надо было добавлять еще время на обучение, если ничего толкового по этому поводу вы мне сказать не можете.

— С чего ты решила, что не можем? — подал голос чернявый маг.

— Если уж Данте не смог, то на вас я и не надеюсь.

— Ваш Данте сильный эксперт в этой области? — иронично приподнял брови он.

— Еще какой. Данталион — повелитель воздуха. И в тонких материях он разбирается неплохо.

— Это асур? — с ноткой недоверия и страха спросил Колиостро.

— Значит, ваш друг знает не все. Или скрывает это от вас, — чернявый маг недобро улыбнулся.

— Вы ему сами это скажите, — хмыкнула я. За друга мне было обидно — какой Данте ни вредина, а все равно милый. Одни крылья чего стоят.

— Так или иначе — продолжил ректор, — но проходить практику со своей прежней наставницей вы уже не можете. А преподавателя, который мог взять вас в свою группу, мы найти не могли. До недавнего времени. Мэтр Полуден согласился взять вас к себе в группу.

— Да что вы, — разозлилась я. Или, точнее, растерялась, просто маскировала хорошо. — А меня кто спросил?

— Для нас в этом деле ваше мнение неважно. — Серые глазки ректора смотрели на меня с явной неприязнью. Ну-ну, кнопку мне так и не простили, хотя и за руку никто меня не ловил. Что ж, я найду, чем отомстить. — Или вы едете на практику с мэтром Полуденым, или не едете вообще.

Тут я призадумалась. Конечно, на практику очень хотелось. Но не с этим мерзким типом.

Хотя, у меня будет время известить бедного мага.

Судя по хитрой ухмылке колдуна, он моих надежд не разделял. Может, это действительно будет интересно.

— А кто у вас еще в группе?

— Двое студентов. Алегра Изарская и Вадик Орлийский.

— Вадик? — неподдельно обрадовалась я.

— Вы его знаете?

— Еще бы. Хороший парень. Только лекарь никакой.

Маг покачал головой.

— Значит, вы согласны?

— А магиана Консуэла согласна?

— Да. Я с ней об этом уже говорил, — посмотрел на меня ректор.

— Ну, раз даже Консуэла не против, тогда все нормально. Только с одним условием — больше никто не должен знать, что я еду с вами. И желательно, чтобы об этом даже в документах не упоминалось.

— Но как нам тогда провести все через бухгалтерию? И другие документы, — растерялся декан. Вот книжный червь.

— Дайте мне другое имя. В таких случаях я предпочитаю, что бы меня звали Таня.

— Почему Таня.

— Я Лилитана. Все обычно сокращает мое имя до Лилит, а я иногда делаю из него Таню. Ну, вы согласны на это?

— Странно, но ваша наставница потребовала примерно того же.

— Она знает толк в принцессах. И в моей безопасности. Да и еще, хочу вас заранее предупредить, — я уперлась локтями в колени и, сцепив кисти рук в замок, положила на них подбородок. А затем улыбнулась самой яркой улыбкой, какой только могла. — Скучно никому не будет.

— Да я уже понял, — улыбнулся чернявый маг, смотря на меня из-под челки.

— Теперь мне можно идти? Я бы хотела поехать домой, наконец, посетить термы, встретиться с друзьями.

— С асурами? — хмыкнул ректор.

— И с ними тоже. Вы имеете что-то против демонов?

— Эрик, выйди, — попросил Колиостро.

Маг поклонился и вышел. А ректор сощурил свои прозрачные глазки и впился ими в меня.

— А разве ты ничего против них не имеешь? Неужели ты не понимаешь, принцесса, с кем связалась. Это АСУРЫ!

— Я в курсе. Они очень воспитанные молодые... демоны. И всегда представляются при знакомстве.

— Ты знаешь кто такие асуры? Что это за существа? Как они опасны?

— Я читала Большую Энциклопедию.

— Энциклопедия не дает и малого представления о том, кто они такие. Неужели твоя наставница не объяснила тебе, что это за существа? Или король? Это ведь он привел их в наш мир. Это твой отец отдал им свою дочь.

— Подождите, — насторожилась я, — какую дочь? У моего отца семь дочерей, и они все, кроме меня, во дворце.

— Конечно, потому что они еще ни забрали плату. Просто удивительно, как наш король умеет держать свои тайны в секрете. И он не сказал вам, зачем асуры появились при дворце?

— У них какие-то дела. Я никогда не интересовалась, — пришлось соврать мне. Интересовалась, еще как интересовалась, но отец отвечал, чтобы я не лезла в политику, а демоны, чтобы я просто не лезла.

— Как похоже на нашего короля — решать все за чужими спинами. Тогда, во время войны, он тоже решил все сам. Когда ему попался этот асур... Как его звали?... Гремори, кажется. Парийцы убили его женщину и чуть не пришибли самого демона, а наш молодой король пригрозил ему и попросил помощи у мифического народа. Вот и получил. Войну мы

выиграли, но и плата за помощь твоему отцу дорого обойдется. Тогда он не знал, каково это — отдать свое дитя. А теперь они пришли потребовать награду. Понимаешь, принцесса, они заберут с собой одну из твоих сестер. Такова клятва королей — помощь в войне в обмен на принцессу.

— Это не правда! — Я даже встала от возмущения. — Наш отец не мог так с нами поступить. Это ложь. Зачем вы врете? За что ненавидите асуров?

— Они зло, как вы не понимаете. Асуры пьют душу, как вампиры — кровь. Вы ведь об этом не знали? Спросите у своих «друзей», не будут же они вам врать, — подленько улыбнулся ректор.

— Вы не знаете их. Как вы можете так говорить о них.

— Это вы не знаете их, принцесса.

— Ничего вы не понимаете, почтенный маг, — грустно покачала головой я, подходя к двери. — Это как запугать буйного призрака, как приворожить гидру, просто посмотреть на дело с другой стороны. Вы никогда не видели их с моей стороны, со стороны друга. Вы не летали на воздушных крыльях.

Вот что значили для меня асуры. Все равно что воздушные крылья — как бы я ни боялась, ни остерегалась, ни знала опасности Данте, удовольствие от крыльев куда сильнее. Так и демоны, я знаю, что они не так просты, как кажутся, что клыки и когти у них не для красоты, и сила их не для ярмарочной выставки, но лучших друзей у меня еще не было. Еще никто не смотрел на мои проделки с той же непосредственностью, что и я сама, еще никто не смеялся так со мной и не гладил по голове. И не принимал меня так легко.

— Ну, наконец-то, — обрадовался Заквизль.

— Мы уже начали опасаться, как бы ваш ректор не устроил тебе скандал, припомнив все сразу, — усмехнулся Аскар.

— Я... — девочка повела плечом. — Давайте позже, хорошо?

Она лишь на мгновение подняла на них глаза, но показалось — успела заморозить обоих.

Заквизль переключил зрение и увидел ауру принцессы. Она металась, как буря, и уже не розово-золотая, как обычно, а с заметными всполохами малинового.

— Что это с ней? — удивился Аскар, провожая Лилит взглядом.

— Не знаю. У нее душа мечется. Что-то произошло.

— Думаешь, этот маг мог ее обидеть?

— Что ты! Она сможет за себя постоять. Но... ей больно. Ох, есть у меня одно подозрение, но я даже думать о нем не хочу.

— Пойдем, расскажем ребятам, может, они что поймут.

Глава 5

Мстя — мстю и мстеть хочу!

О тец сидел над бумагами в своем любимом кабинете.

— Мне можно с тобой поговорить?

— Позже, Лилит.

— Нет сейчас. Папа, пожалуйста, объясни мне... — Самой собственный голос не понравился, не говоря уже об отце, тот даже побледнел.

— Что случилось, мой ангелочек?

— Папа, объясни мне, что случилось во время войны? Почему о демонах никто не знает, кроме тебя и некоторых магов? И, наконец, скажи мне — что здесь делают асуры?

— Что тебе рассказали и кто? — разозлился король. Да еще как!

— Не важно. Просто ответь.

— Сядь, Лилит. — Я послушно забралась в кресло с ногами. — Мне стоило рассказать тебе это еще раньше, когда стало понятно, что ты завязала с ними знакомство, но я все откладывал. Сама знаешь, я не любитель читать нравоучения. Во дворце и без меня полно

охотников до этого. Я расскажу тебе, как началась и закончилась война. Это было тридцать два года назад. Пария напала на нас, воспользовавшись слабостью моего старика-отца. Старшему брату было уже под тридцать, но он славился своим пристрастием к выпивке и дурным компаниям. Мне же исполнилось только двадцать три года. Король умирал, а вся ответственность легла на мои плечи. Я был первым паладином, поэтому принял командование над армией. Нас сминали — войско Парии было хорошо подготовлено, а наше просто запущенно. Гибли люди, наш народ, Лилит. Тогда ко мне и попал он. Солдаты притащили его из отбитого у парийцев дома и отправили мне, подивиться на невидаль. Паренек с оранжевыми волосами и маленькими рожками. Захватчики успели вдоволь поиграться с занятым типом, избили до полусмерти, остригли, даже хвост обрубали, садисты. Не волнуйся так, малышка, он его потом успешно отрастил. Асуры живучие. Этого звали Гремори. Парнишке оказалось больше ста лет, — усмехнулся папа. — Он случайно попал к парийцам. Поехал за своей женщиной, когда узнал о войне. К тому времени она уже была мертва, но об это мы узнали позже. Я долго изучал его. Мы даже успели подружиться. Как ты с этими асурами, поэтому я не был особенно против вашего общения. Сам такой же. Все бы ничего, да войну мы проигрывали. Тогда я спросил у Гремори, может ли его народ помочь нам. Тот покачал головой, асуры давно не вмешиваются в людские дела. Он даже мысль об этом просил оставить. А потом мы узнали, как погибла его возлюбленная. Она была обычной человеческой женщиной, ведуньей из какой-то захолустной деревни на границе. Тогда Гремори рассвирепел. И пошел к своему повелителю. Тот, к нашему удивлению, откликнулся. Даже сам прибыл ко мне, пообещав дать мне свою армию. На его условиях естественно.

— Ты должен был расплатиться с ним одной из нас, — тихо произнесла я, — своих дочерей.

— Все ни так, как ты думаешь, Лил. Их царь — Веельзевул, сказал, что никто из простых людей не должен знать об их участии в битве. Поэтому моя армия видела асуров как колдунов в длинных черных балахонах. И лишь избранные маги знали об истинном происхождении нашего пополнения. Другим же условием нашего договора было то, что я должен отдать свою будущую дочь. Посмотри на меня Лилит. И постарайся понять. Гибли люди, мои близкие и мой народ. Я бы свою жизнь отдал ради спасения страны, и не раз. Я бы душу продал за спасение. А Веельзевул просил то, чего у меня еще не было и могло не быть, не спаси он наше царство. В тот момент я не задумывался о том, что когда-то мне придется пожертвовать своим ребенком. Это сейчас я смотрю на вас и боюсь за каждый ваш шаг. Вы мои дети, и я безумно люблю вас. Но тогда само ваше существование было под угрозой. И я согласился. При том заметь, Лил, я отдал свою дочь не в рабство. По нашему условию я должен был отдать свою дочь в жены его сыну. В жены принцу асуров.

— Что? — обалдела я.

— А ты как думала? Это и было условием помощи. Мы заключили клятву на крови. И не на своей крови, а тех, кто погибнет в битве. И если клятва будет нарушена, души погибших тогда людей или асуров останутся в Тантресе навечно. Мы ведь ни хотим этого? Так что придется выполнять клятву. В той битве мы победили, разгромив все войско Парии. Против армии асуров не устоит не одно государство. А утром после битвы асуры пропали без следа. Все. Лишь на коронации я увидел Гремори. Он принес мне память о клятве. И сказал, что однажды ко мне придет их наследник, за тем, что принадлежит ему — за невестой демона. Гремори тогда еще пошутил, чтобы я ни смел нарожать одних сыновей, а то принц асуров попадет в неловкое положение. Но это, наверное, чары демонов, ведь у меня одна за другой родились четыре дочери, хотя первым был все же сын. Потом появился Калеп, а за тем ты. А потом еще Маргарита и Альберта. Теперь еще есть и Эльзар. Много детей получилось. Вот только одну из своих девочек мне придется отдать в мужа демону.

— Кого именно?

— Я не знаю, — пожал плечами отец. — С месяц назад ко мне пришло послание от Веельзевула. В нем говорилось, что пора платить по счетам. Не более. В нем не уточнялось,

кого именно я должен отдать. Затем появилась эта неразлучная четверка. Помнится, у них были такие каменные, скучающие лица, что я подумал, как отличаются они от моего друга. Им было все равно, кто будет невестой принца. Хотя я до сих пор теряюсь в догадках, кто из них настоящий принц, асуры предпочли это скрыть. Думаю, у них есть на то основания. Мы решили, пусть они пока поживут во дворце и познакомятся с моими дочерьми.

— А потом им на головы упала я. В прямом смысле.

— Да, милая. А в тот день, когда ты соизволила гоняться за шубой, я понял — не так они уж и отличаются от других. И что не холодны, не кичливы, а весьма доброжелательны. А я ведь полночи ворочался, боялся, что придется отдавать свое дитя замуж за этакий кусок льда. Но оказалось, асуры не просто умеют смеяться, они еще и неплохие товарищи, раз ты с ними уже что-то разгромить успела. В общем, вот так обстоят дела, моя девочка. Ты все поняла?

— Не совсем. Но мне этого хватит. Тебе стоило раньше рассказать мне, и я бы не допустила столько ошибок. Теперь стоит решить, кого следует идти громить первым — асуров или ректора Колиостро?

— А его-то за что? Это он сказал тебе.

— Скорей перепугал. Ну ничего, найдется и на него гидра. Кстати, ты слышал — у нас пополнение в зверинце.

— Крылатая гидра? — хитро сощурил глаза король. — Что ж, я рад. Мало кто из королев может похвастаться таким редким экземпляром. Будем к ней делегации водить. Как посол какой прибудет, мы его сразу к чудищу твоему. Десять раз подумают, прежде чем слово поперек потом сказать.

Да, характером я в папочку.

П отом были термы.

Мы забрались туда всей девичьей командой, включая учениц и сестер.

Я поделилась радостной новостью о практике. Мне активно позавидовали.

— Вечно тебе везет, Лилит, — вздохнула Глаша, подплывая к бортику бассейна.

— В чем это?

— Да в том, — Мариша посмотрела не меня своими вечно томными темными глазами, — видела я того учителя, когда вызовы сдавала. Высокий такой, волосы как воронье крыло. Молоденький. С таким на практику я бы не отказалась.

— Ты как всегда в своем репертуаре, — сморщила носик Симилла. — У тебя все мысли о неприличном.

— Вы с сестричкой, — бросила она взгляд в мою сторону, — просто еще не доросли. У нее-то еще лет двести на это будет. А тебе уже пора призадуматься и обращать внимание не только на наряды, но и на заезжих принцев.

— Маришка, хватит, — спохватилась Беатриче. — Не порть нам сестер. Если у тебя такие свободные нравы, то это не значит, что мы должны слушать обо всем этом.

— Лилит сама кого хочешь испортит. Теперь вот с магом этим связалась. А ведь у тебя был еще какой-то паренек. Тот, что пил с нами тогда.

— Вадик, — подсказала Ирида, покраснев как маков цвет. Понравился ей мой боевой товарищ.

— Какой еще Вадик? — удивилась Присцила.

— Ничего себе, Лилит, — округлила глаза Элька. — А как же твои черти?

Я сразу как-то сникла.

— Кстати, — Мариша взяла гребень и принялась расчесывать свои шикарные каштановые локоны. Мне мои разве что три раза щеткой провести. — Долго они еще у нас пробудут?

— Не знаю. Как получится. А что?

— Вот сидела я там, в таверне, смотрела на них и думала, чего это раньше их боялась. Красивые они, черти твои.

Я напряглась. Но решила развивать тему.

— Еще бы. Значит, понравились тебе демоны. А какой больше?

Тут пошло выяснение кто кому понравился. Обычный женский треп «про мужиков». О чем еще в бани говорить?

Чаще всего выбор моих подружек падал на Аскара, этого обаятельного вечно молодого милашку. Мудрость Заквиэля оценили лишь Ирида и Элька, в чем я не сомневалась. Мариша и Симиλλα предпочли Бальтазара, моего занятого судью. А вот Беатриче, хотя остальные девчонки долго не могли остановиться с выбором, сразу твердо указала на Данте.

— Ты еще его крылья не видела, — хмыкнула я.

— Самой-то тебе кто нравится больше?

— Нагос.

— Это кто?

— Моя гидра. Вот я плаваю и думаю, на кого его первым натравить — на ректора или на этого Полудена. Ну, первый очень уж крут, архимаг все же. А второго гидра уже погоняла. У Нагоса еще прошлая головная боль не унялась.

— Не, ну а если честно, — пристала репейником Симиλλα. — Кто больше нравится?

— Наверное, Зак, — подумав, решила я. — Он всегда меня защищает, все понимает, не дает хамить Бальтазару, приструнивает Данте. Ну, Аскар мне вообще никогда ничего плохого не делал. Не знаю. Все они мне нравятся. Только я сегодня их снова бить буду. Чтоб свое тактическое умолчание на мне больше не испытывали. Покажутся им еще мои яблочки амброзией.

О том, что магия на них не действует, я знала, так что о ней даже не вспомнила.

А вот вспомнить проделки своего буйного детства пришлось. Еще и сестричек для этих целей подрядила. Они у меня девчонки боевые, всегда пошалить были рады. Особенно если крайней все равно оставалась я.

Пара часов у нас в запасе было, я упросила Калепа позвать асуров с собой за гидрой. Ведь она же послушалась тогда Зака.

Когда они вернулись, все что мне осталось — это вымазать лестницу вазелином.

А потом я попросила служанку позвать асуров к ужину.

Свалились с лестницы только Аскар и Заквиэль, Бальтазар успел вцепиться в поручни, а Данте миленько так проплыл над этим безобразием. Пока демоны еще не успели прийти в себя, я слевитировала целую кастрюлю замечательного клюквенного киселя и обрушила им на головы. Ну, точнее — едва не утопила. Но так им и надо! Пока чертяги ругались, глядя на перила третьего этажа, где я уже успела спрятаться, к делу приступили Симиλλα и Элька.

Перемазанным демонам ничего не оставалось, как идти переодеваться, уж об абсолютной устойчивости киселю к магической чистке мне известно не понаслышке. После очередной нашей шалости в детстве, меня заставили перестирать три костюма эрлийских послос, результат был плачевен — для костюмов. Их пришлось выбросить.

Хлопнула дверь, раздался звон и... мат.

Как они ругались, я заслушалась!

Молодцы девчонки, правильно тазик с перьями установили. Обожаю своих škодливых сестричек.

А уж когда демоны обнаружили хорошо заштопанную одежду...

Что тут было!

Беатриче и Присцила всегда славились своей вышивкой и теперь, перезашив рукава и штанины демонов, наверняка войдут в анналы рукоделия.

И пусть говорят — банально. Вы хоть раз видели скользких, липких чертят в перьях? Да еще с такими горящими глазами. Даже немного страшно, честное слово.

Они возникли прямо за следующим поворотом, когда я, довольно хихикая, пробиралась к своей комнате.

Испуганно взвизгнув, я бросилась прочь, чем дальше, тем лучше.

Пару раз меня пытались достать магическим арканом, но при моем умении уворачиваться ничего хорошего у них не получилось.

Мы бежали по коридорам и залам дворца как сумасшедшие, демоны что-то кричали мне в след, я не находила лишней секунды на вдох, чтобы ответить. Конечно, они были куда сильнее и быстрее меня, но игра-то на моем поле. С детства зная каждый поворот и закуток замка, я с поразительной регулярностью обдуряла их. А еще ведь были потайные ходы, вот только демоны все равно находили меня, причем всякий раз были еще белее злые, чем до этого.

Поймать меня им удалось только через полчаса, окончательно перепугав слуг и охрану дворца.

Меня повязали, отлупили, растрепали многострадальные пакли, а в довершение ко всему, договорившись между собой на каком-то странном языке, перекинули через плечо и куда-то потащили.

Я сопротивлялась. Мне еще наподдали по заду, довольно вежливо попросив заткнуться. Рот у меня к тому времени был забит какой-то тряпкой, но даже при этом звуки, издаваемые мной, выходили какими-то матными.

Демоны все еще были липкими и сладкими, все в перьях, а теперь и в пыли самых потайных закутков моего родного дома.

Вот в таком виде мы внезапно, точнее они внезапно, я-то прекрасно видела, куда прут демоны, оказались посреди тронного зала, где мой дорогой папочка принимал какого-то делегата. По виду это был очень ошарашенный эльфийский посол. Ох и достанется же мне за этот концерт! Пришлось прикинуться трупом, очень достоверно обмякнув на плече Зака.

Наша славная четверка так обомлела от неожиданности, что и слова сказать не могла.

Поэтому папочка решил избрать крайним мой хладный труп.

— Лилит, ты не могла бы развлекаться где-то в другом месте.

Я что-то промычала сквозь кляп.

Аскар покраснел и вынул его из моего рта.

— Я хотела сказать, что... сами виноваты, нечего было меня за нос водить. Вот пускай и ходят в перьях.

Для пущей убедительности я еще и подзатыльник Заку отвесила. Локтем.

Наверное, больно получилось, потому как демон, охнув, чуть расслабил хватку, и меня потянуло вперед, точнее — вниз. Я завизжала. И вот когда мое лицо находилось где-то в районе «чуть ниже спины» асура, меня ухватили под коленками, предотвратив сползание. Только мне от этого не легче. Тыкаться носом в чужой зад не очень-то приятно.

Упершись локтями в его поясницу, я приподняла голову.

— Или меня поставят на пол, или я ни скажу, кому именно в постель подложиладохлую крысу. По запаху искать будете.

— Ну, — покосился Бали на короля и его белого как мел собеседника, руками меж тем поправляя меня на спине друга. — Мы, пожалуй, пойдем?

Папочка вздохнул:

— Идите. Только вы... с девочкой осторожней. Она злопамятная.

Ну, спасибо, папочка, удружил.

— Отпустите меня. Ну, отпустите. Я ведь ничего не сделала. Развлеклась немного, всего-то. Разве вам не весело? Нет, куда вы меня несете? Мне это не нравится. Поставьте меня. Я, между прочими, принцесса. Я разозлюсь. Я злопамятная! Вот так всегда, — тяжело вздохнула я, — только решишь детство вспомнить, как натыкаешься на таких бесчувственных болванов с полным отсутствием чувства юмора.

На этом мое верховое путешествие закончилось, и меня, наконец, сбросили.

Да, именно так, банально кинули в грязь. Это была самая древняя и непереводаемая лужа на всем нашем заднем дворе, он же миниферма. Арканы на моих конечностях тут же распались, и я уже просто лежала в этой жиже, пахнущей болотной тиной.

Я подняла лицо, отерла глаза и губы чистым краем рубахи и посмотрела в след

уходящим асурам.

Ну ладно, сами напросились.

И, сев на пятую точку, я щедро зачерпнула коричневой жижи и запустила в четверку.

Попала, обалдеть!

Бали обернулся.

Вдохновленная этим успехом, я, уже магическим способом поднимая в воздух все новые и новые порции грязи, от души покидалась ими в демонов. Те, конечно, пытались честно отбиться. Но и мы не лыком шиты, так что чертям все-таки досталось.

Развлекалась я так до тех пор, пока лужа не обмелела и материала для оружия не осталось.

Поняв это, я подняла руки вверх:

— Только не бить!

— Да кто тебя?... — вроде даже не злился, а скорей растерялся Данте. — Мы тебя хоть раз пальцем тронули?

— А кто меня по заднице отшлепал? И нечего так краснеть, я все видела. Это надо, — ринулась я в атаку, — меня даже в детстве не били...

— И зря делали.

— ...а тут являются какие-то рогатые хамы и избивают бедную, невинную принцессу, прямо по холеному месту. У, изверги! — погрозила я им. — Правильно про вас говорят — злобные, лживые твари. Тьфу. — Я так распалила себя, что и остановить-то не могла. Все прежняя боль выплыла наружу. — Даже говорить с вами не хочу. — Мне пришлось обходить их, при том стараясь, чтобы мое измазанное грязью лицо не выглядело таким жалким, каковой я себя на самом деле чувствовала. — Ведь предупреждали меня, дуру наивную. И надо было мне связаться... И чего мне в тот день в башне не сиделось? Сожгу этот дуб. Хватит шишки набивать. — Я медленно брела к замку, попутно размазывая по лицу непрошеные слезы и бормоча себе под нос: — Ну почему вечно все самое плохое достается мне. Как что случается — Лилит постаралась. Как найти какую дурочку — я тут как тут. Ну это надо было — так влипнуть! И кто меня дергал? — Я хмыкнула. — Сама виновата. В другой раз не буду такой идиоткой малолетней. Права магичка, взрослеть пора. И не будут меня разводить. Ну надо же, принцесса, волкодлак меня покусай, довела себя. Это надо было позволить с собой обращаться, как с котенком слепым. Ничего, привыкнем. Правильно магичка говорит — у короля и мага друзей быть не может.

— Лилит!

Я обернулась и уже почти безразлично посмотрела на демонов, которые, оказалось, брели за мной.

— Что вам еще?

— Лилит, что случилось? — взглянул на меня Аскар своими бесподобными темными глазами.

— За что ты так с нами? — страдальчески смотрел Бали, но на меня это не подействовало.

— Все так, как я и думал, — тяжело вздохнул Заквиэль, качая головой. Он в глаза мне не смотрел.

— Она знает зачем мы здесь. Так ведь, девочка?

Ненавижу его!

Развернувшись, я пошла дальше.

— Лилит, подожди! Дай нам все объяснить.

— Ни к чему это.

— Да остановись ты, — дернули меня за плечо, разворачивая.

— Мы не могли сразу рассказать тебе все, пойми. Это даже не наш секрет.

— Не надо, Бальтазар. Зачем оправдываться.

— За тем, малышка. Мы хотим быть твоими друзьями.

— Зачем?

— У тебя есть сердце. И есть душа. Чистая, как первый снег. Она прекрасна. — Аскар провел мне по лицу. — Ты прекрасна, понимаешь.

— Мы все тебе объясним, только не отталкивай нас.

— Я... — Я растерялась.

— Тш-ш, — услышала я за спиной.

На шею легли мягкие пальцы и заскользили к подбородку. Оцепенев, я позволила чуть запрокинуть голову.

— Не бойся, мы хотим лишь помочь тебе.

Напротив встал Аскар:

— Я заберу лишь то, что тебе не нужно.

Он склонился к моему рту и, почти коснувшись губ, глубоко вздохнул.

Что-то пронзило сердце, в горле стало горячо. Через секунду это прошло. Как и боль, терзавшая меня весь день.

В рот дуло чем-то прохладным, разлившимся в организме словно мед. Мне стало легко и спокойно.

А потом я потеряла сознание.

Я слизнула с губы солнечного зайчика примостившегося там с минуту назад. Голову от подушки отрывать не хотелось, открывать глаза тем более.

Потянувшись до хруста в костях, я забралась поглубже в сплетенный за ночь кокон из одеяла. Ничто меня отсюда в ближайшее время не выманит. Ни вредная магичка, ни вездесущие сестрички, ни Агриппа с ее нравоучениями, ни аромат свежих булочек, доносящийся откуда-то.

А есть хотелось. От мысли о завтраке заурчало в животе.

Но встать и вновь натягивать на себя платье никак не хотелось.

Поэтому я одевалась лежа. Натянула штаны и рубашку, засунула ноги в сапоги и только тогда предпочла подняться в вертикальное положение. Люська тут же прибежала с расческой и принялась выдирать мои бедные космы. Те мигом распушились до состояния шарика и с трудом позволили заплести из себя что-то весьма смутно напоминающее косичку. Нет, надо решать вопрос с их буйным поведением. Наверняка ведь есть способ урезонить распоясавшуюся прическу. Ну, хотя бы отрастить до нормальной длины, а то эти невнятные лохмы я вечно поджигаю или усекаю во время опытов.

По пути Люся успела сунуть мне теплый камзол и дорожную сумку.

Перед тем как идти на кухню, я заглянула в столовую, где собралось полдворца на завтрак:

— Я на пикник. Кто не с нами, тот против нас. Даю полчаса на подготовку.

Все желающие поджидали меня у входа в конюшню. Конечно, дворцовый парк слишком мал для нормального пикника, но как мы пройдем через город такой компанией?

Я слегка смутилась. Затем вздохнула.

— Едем до поместья графа Арузкого. Там оставим лошадей. Захватим ребят, если они поедут, конечно, и пойдем в ближайший лесок. Помнится Элоиза красочно рассказывала о его прекрасах, — покосилась я в сторону сестры, заставив ее покраснеть. Знаю, какие такие «прикрасы» они там изучали с графским сыном.

Мою идею приняли. Сестры и магички сели в открытые коляски. Я же решила привыкать к конной поездке и залезла на резвую кобылку, которую почему-то все называли моей. Впервые ее вижу.

Приманив птицу, как всегда ворону, я наговорила ей текст и стряхнула с руки.

Коляски двигались медленно, и всадники значительно обогнали их. Чему я была рада. Потому как кроме меня отважиться на верховую прогулку решила только неизменная четверка.

Лично мне было очень интересно, как они ездят с таким хвостом. Ничего, поджали под себя и удобненько так устроились на офигевших лошадаках.

Мы обогнули конюшни и замерли.

Я честно пыталась сдержать смех, но в итоге меня доконало нервное похрюкивание из колясок. У девчонок случилась истерика. А бедный Калеп едва не свалился в лужу от увиденного.

И как я могла забыть!

На ставшем уже легендарном дубе, развеваясь от ветра наподобие флагов, висели разноцветные порты.

От истерического хохота я даже с лошади начала сползать.

Бедная Люська, я вчера ввела ее в недоумение, заставив найти в замке подштанники четырех четко обозначенных цветов. А как весело было их развешивать.

— Ну и что это такое?

— Э-э... — Я почесала кончик носа. — Кто последний, тот дурак! — И двинула лошади по бокам пятками.

Наверное, опять погорячилась, так как первой была я, вот только радости никакой. Оказалось, что чтобы удержаться на спине злой кобылы, пришлось вцепиться ей в гриву, что опять таки не привело строптивое животное в восторг. Остановилась она, только когда кого-то чуть не раздавила. К моему сожалению, зря не раздавила — это оказался маг. Как его там?...

Но лошадка резко встала, как вкопанная. Отчего ее наездница с громким криком перелетела не только через любезно опущенную голову кобылы, но и через колдуна, успевшего пригнуться. Остановили меня чудесные можжевеловые кусты, вдобавок ко всему поросшие крапивой. Какая «счастливая» я оттуда выползла, ругаясь на все лады.

— Доброе утро, принцесса.

Я подняла голову из положения «стоя на карачках». Где бы мне его порты повесить?

— И вам... того же, — пробурчала я, садясь на пятую точку и начав выдирать иголки.

— Сдаемся, — обрадовал меня подоспевший Бали. — Ты выиграла. Так красиво летать даже Данте не умеет.

Фыркнув, я страдальчески посмотрела на Аскара. Тот все быстро понял и слез с лошади. Сев рядом, он занялся вылечиванием моих шишек и царапин. Святой... демон!

— Вы куда-то собираетесь, принцесса? — подал голос Полуден.

— Нет. Ландшафтным дизайном занимаюсь, — кивнула я на существенно поредевшие и помятые кусты. — У меня свой метод.

Аскар, сидящий рядом, хрюкнул, видно, вспомнил издевательства над дубом.

— Я предупреждал вашу наставницу, что прийду сегодня, и просил, чтобы вы не уходили. Так что вам лучше вернуться, принцесса.

— Что мне лучше, я сама решу. Консуэла мне ничего не говорила, и можете считать, что не видели меня.

Я встала и отряхнула брюки. Затем подошла к кусту и поправила его с помощью магии, заодно присушив душащий выюнок.

— Есть вопросы, которые надо решить.

— В другой раз. Мы уезжаем.

— Вы не можете уехать.

— Лилит, кажется, сказала, что уезжает. Кто вы такой, чтобы командовать ею? — нахмурился Заквизль.

— Ее наставник на время практики, — дерзко посмотрел на асуров колдун.

— Сочувствуем, — качнул синей гривой Данте.

За что был безжалостно дернут за хвост.

Он вскрикнул и ухватил меня за шкуру, приподняв над землей. Я немного помахала свободно висящими ногами и запустила фэйрбол. Конечно, практика у него была, и Данте спокойно отвел его в сторону. Подняв меня выше, демон вопросительно так, типа «ты чего творишь», заглянул мне в глаза. После чего получил в челюсть. Будет знать, как издеваться над детьми. Деть — это я.

Пока Данте прибывал в растерянности, я успела вынуть руки из камзола и свалиться на землю. Меня попытались выловить повторно.

Вы хоть раз бегали от лошади? Вот и я долго экспериментировать не стала. Просто навела на себя хорошо проверенный морок.

Лошадь, увидав такой чудовище, затормозила.

А Данте повторил мои исполненные ранее кульбиты в воздухе.

Я цокнула языком — у него вышло лучше.

Этот чертяга в итоге перевернулся в воздухе и встал на ноги.

Пока я разглядывала все это с любопытством щенка, следящего за матерым волчарой, асур очаровательно улыбнулся во все клыки и бросился на меня.

Сцепившись как два мартовских кота, мы прокатились по траве. Я кусалась, царапалась, дергала ногами и орала, Данте просто безжалостно щекотал.

В итоге куст был снова помят.

— Вот тогда и будете распоряжаться временем принцессы, — заявил Зак, поглядывая на нас. — Если она вам позволит. Эй, вы, хватит устраивать здесь цирк.

Мы уже и так успокоились. Просто толкали друг друга локтями, сидя у куста и вытаскивая из себя колючки. Данте толкнул чуть сильнее, я упала на бок. Ну и, не долго думая, пнула его ногой.

— Так, — рявкнул Заквиэль. Мы распахнули глаза и замерли. — Аскар, помоги им встать. Бальтазар, посади это... недоразумение на лошадь. Данте, прекрати ее дразнить. Мы так никогда не уедем. Нас уже даже догнали, пока вы здесь веселились.

— А ты не завидуй, — хмыкнул Данте, вставая. Опять же за шкирку, он поднял меня и, перехватив другой рукой у талии, потащил к лошади.

Там, воспользовавшись моим немощным состоянием, Бальтазар забрал меня и усадил в седло.

Довольно улыбающийся Данте, проходивший рядом, получил носком сапога по ребрам.

— Лилит! — уже заорал Заквиэль. — Прекрати.

— Он первый начал, — ткнула я пальцем в Данте.

Тот распахнул удивленные, полные невинности синие глазищи.

Н а выезде из города мы прихватили с собой Вадика.

Я просветила его, а заодно и асуров по поводу своей практики, безумно обрадовав при этом мага-недоучку. По его словам, ехать с Полуденым он опасался, а Алегра, девчонка, едущая с нами, жуткая зануда и зубрила. Я честно пообещала сделать все в моих силах, чтобы оставить в памяти всех участников этой практики только самые веселые воспоминания. Сочувствовали уже хором.

Обижаться на них я не стала.

Правда, Данте в итоге еще досталось. Мне удалось приманить осу, после чего я пустила ее на правое дело — покусать лошадку. А потом ехала с умиротворяющим чувством того, что полностью отомщена, наблюдая, как вредный демон отряхивает перепачканную одежду. Конечно, он сразу понял чьих это шаловливых рук дело, но доказать ничего не смог, лишь злокозненно косился в мою сторону.

Не долго думая, я пожаловалась Заку на недобрый взгляд его дружка. Тот вздохнул и просветил меня в том, что дважды скинуть асура с лошади мало кому удавалось, и уж тем более не нашего хваленного Данталиона. По-хорошему меня за такое стоило бы вновь отшлепать. Только жалко. И вообще — сама виновата. Но в общем-то и Данте давно напрашивался. Так что оба хороши. Как дети малые...

Мы с Данте переглянулись.

Следующим с лошади полетел Заквиэль.

На этом и успокоились. Потому как совместные козни объединяют.

Когда мы подъехали к владениям графа, нас уже ждали его сыновья.

— А где Элоиза? — тут же спросил Константин, давно и небезнадежно влюбленный в мою сестричку. Это он ей прикрасы парка показывал.

— Позади. Скоро будет.

Место они нашли хорошее. В лесочке, рядом с озерцом. Я их всех перезнакомила. Братья, конечно, удивились моим новым друзьям, но не слишком.

— От тебя стоило этого ожидать, — прокомментировал старший.

Бали разжег костер, братья поставили над нашими головами небольшой навес, девчонки расстелили одеяла и накидали подушек, Ирида просветила Вадика, как ставить охранный контур от насекомых. Ну, а я, как главный лоботряс, полезла на дерево. Аскар меня поддержал, и мы уже как два нетопыря висели вниз головой. Асур еще и крылья раскрыл, так я вообще завизжала от восторга. Вслед за нами потянулся и Бали, но его попытки залезть на дерево были предусмотрительно предотвращены бдительным Заквизлем, который стащил огненного демона за ногу. А вреднюга Данте еще предложил и нас снять, методом сотрясания яблок с дуба.

Я обиделась, тут же вырастила упомянутый фрукт и запустила им в обидчика. Тот по привычке увернулся.

— И как вы его терпите? — удивилась я.

— Привыкли, — пожал плечами Аскар. — Мы же с колыбели вместе. Тебя-то твои сестры терпят.

— То сестры. А я ведь помню, как вы говорили, что не братья.

— Но выросли-то вместе. Кровь может и разная, а воспитание-то одно. Мы всегда все делали вместе. Вот и стали ближе, чем некоторые родные братья.

— Но как же так получилось?

— Мы расскажем. Но только все вместе. Хорошо? Чуть позже.

— Пойдет, — кивнула я.

И принялась дергать его за крылья.

Аскар даже успел рассказать мне о каких-то травках, тыкая пальцем куда-то вниз, пока нас все-таки не заставили слезть. Если точнее, слететь. Асур раскрыл крылья и, подхватив меня на руки, осторожно опустил на землю. Я оценила и попросила потом полетать еще.

Будущие магички тут же оживились и потребовали продемонстрировать крылья и им. Эх, не зря при моем стихийном опросе Аскар пользовался такой популярностью. Зверски замученный демон едва выжил после тисканий четверки юных ведьмочек. Завистливо пыхтя где-то в стороночке, Бали бормотал под нос «у меня тоже крылья есть».

На еду я набросилась с звериным аппетитом. Еще бы, ужин вчера пропустила по независящим от меня обстоятельствам.

Позже мы с остальными учениками пытали здешних русалок на предмет условий труда и жизни. Те дружно жаловались на жадного водяного и редких утопленников. Сами же все норовили обнять Вадика, но бдительная Ирида стоически отбивала покушения. В обмен на неизвестно как затесавшееся в мою походную сумку зеркало, не иначе Люся что-то перепутала, русалки притащили со дна потрясающие в своей аляповатой красоте бусы из ракушек, которые я тут же напялила на себя, и оброненное когда-то золотое колечко. Только оно оказалось слишком большим для наших девичьих пальцев, и мы отдали его Вадику. Тот был счастлив. Оказалось, женщины никогда не делали ему подарков.

Заинтересованно переглянувшись, мы взяли парнишку в обороты и разговорили на тему, что еще никогда не делали ему женщины. Оказалось, мой стыдливый друг (как же он краснел!) никогда еще не целовался. Ему было сердечно пообещано исправить это упущение. От такого обещания лицо Вадик приобрело цвет спелых яблок, и он был немедленно зацелован до синевы.

Я смеялась вместе со всеми, но мне и самой, если честно, раньше как-то не до поцелуев было.

Элоиза и Константин под шумок ушли гулять. Знаю я их гуляния. Когда я прошлой весной им на головы вместе с веткой свалилась, то отвлекла совсем не от праведных речей и

декламации стихов.

Мариша в коем-то веке поймала Калепа, вечно пропадающего в гарнизонах, и начала так активно с ним заигрывать, что у того аж челюсть отвисла.

— А ты что думал, братец? Она у нас девушка бойкая. Свободная магичка. А нам все можно, — хмыкнула я. — После пятидесяти лет все моральные условности все равно отпадают. Вы бы знали какие анекдоты ходят про магичек. — Я улеглась на животик и, задрав босые ноги, посмотрела на Глашу. — Помнишь, ты нам рассказывала? Повтори для всех. Ну, тот, где про столетнюю девицу.

Глаша рассказала.

С минуту мы не могли нормально говорить, давась от смеха.

Рядом завалился Аскар, притащивший из лесу целую плошку каких-то ягод.

Со словами «эй, я тоже хочу», под второй бок улегся Бали.

Мы какое-то время перетягивали плошку, пока я не предложила ребятам сходить и насобирать еще, а не объедать бедную девочку. Совесть если и не проснулась, то заворочалась, надавав наглецам подзатыльников, и меня оставили в покое, отдав все сладкое богатство на растерзание. Правда, бока все также грели.

Я лежала и смотрела, как в костре играют две саламандры. Бали поманил одну пальцем, и она послушно вылезла, с нежностью тыкаясь в его ладони.

От такого зрелища все люди на этой поляне замерли.

Склонив голову на плечо Бали, я наблюдала, как маленькая огненная ящерка танцует в его руках, как блестит ее шкурка, как тлеют угольки глаз.

Увлечшись, я и не заметила ревнивого взгляда в нашу сторону, который мне так дорого стоил впоследствии.

Затем я все же вытрясла из Аскара нужное мне знание.

А случилось все так...

Я шутливо дернула за заплетенную по случаю зеленую косичку и поинтересовалась:

— Слушай, Аскар, а почему у вас такие волосы длинные? С цветом уж приставать не буду.

— Проживешь сколько мы, и не такие вырастут. По нашим законам до ста лет волосы остричь, мы вообще не имеем права. Для нас позором является, если тебе насильно срезали даже часть волос, за это страшно мстят. А вообще волосы мы состригаем только в знак великой скорби. У некоторых такие длинные вырастают, что чуть ли не волочатся, — с завистью сказал он.

— Мне тоже всегда хотелось иметь такие же волосы, как у сестер. Ты их видел? Они все светленькие, у Присцилы вообще словно золото. Только у Симиллы они темные, да и то такие, что я в детстве даже лизать их пробовала, думала, что шоколадные.

— Ну и как?

— Как волшебные яблоки. В общем, не повезло мне с волосами. Ты же видишь, воронье гнездо. Да еще и эта Шала их укоротила. Обидно!

— Не грусти, малышка. Хочешь, я дам тебе список трав, сделаешь отвар.

— Хочу! — просияла я.

Когда он начал диктовать, у меня глаза на лоб полезли — и в этом надо полоскать свои волосы. Потом все же дошло, что Аскар просто забавляется. Разозлившись, я уселась ему на живот и хорошенько на нем попрыгала, пока меня не спихнули. Но я упрямая. Залезла на него во второй раз, теперь на грудь, схватила за горло и навела на себя морок.

— Что, ж-жаба душит? Ква-а?

Все, кто выдел стокилограммовую, здоровенную лягушку, сидящую на бедном Аскаре, покатались со смеха.

Потом мы зачем-то поперлись искать нужные травки, набили ими полную сумку, да еще и Аскар надергал огромную охапку лесных цветов и всучил их мне.

— Зачем мне этот веник? — удивилась я.

— Ну... это букет, — вроде растерялся демон. — Тебе не нравится?

— Нравится, наверное, — попыталась присмотреться я к венуку. — А что мне с ним делать? — Кажется, до меня начало доходить. — Его тоже заваривать надо?

— Какое заваривать, — разозлился он. Вырвал букет и запустил им куда-то в сторону. — Вот ведь... ведьма. Я ей цветы дарю, ухаживаю, а она из них все что-то приготовить норовит.

— Прости, Аскар. Я не знала, что это подарок.

— Тебе что, раньше никто цветов не дарил, или только для отвара?

— Не дарил, — потупилась я. — А зачем мне они? Если понадобится, всегда в оранжерее надергаю.

Он смотрел на меня, как на слабоумную. А до меня все никак не доходило.

— В следующий раз, когда какой-нибудь идиот вроде меня подарит тебе букет, скажи просто «Спасибо» и сделай вид, что тебе нравится.

— Что нравится?

— Букет, — был на грани истерики Аскар. Да, нервный он. Может ему валерьяночки посоветовать попить? — Женщины вообще-то должны любить, когда им цветы дарят. Но ты явно ведьма.

— А! — дошло до меня. — Ты поэтому мне этот букет всучил. А зачем?

— Что, не понятно? Потому что ты мне нравишься, — прорычал демон и... бросился прочь.

Я даже обалдела от такого. Стою, глазками моргаю, в себя прийти не могу.

Ну надо же!

В озвращалась я, с трудом протискиваясь сквозь кусты. Пред Аскаром они сами расходились, а мне тут лезь сквозь дебри. В довершение всего я рубашку порвала, зацепившись рукавом за сучок. Ткань затрещала и разошлась на плече.

Это было последней каплей.

Я заревела. Глупо и бесполезно, знаю, но сделать ничего с собой не могу. Сажу на поваленной березе и размазываю по лицу соленые капли.

Чуть успокоившись, я встала и пошла к ручью, который протекал неподалеку. Надо было умыться, не появляться же у всех на глазах такой зареванной. Положила сумку рядом, сняла сапоги и залезла в родник ногами. Закатав рукава, я умылась и сделала несколько глотков свежей, хрустящей воды.

Сверху упал листок, его понесло по течению все дальше и дальше.

«Вот и осень», — некстати подумала я. И загрустила. Мы должны вернуться с практики до холодов. Потом придет холодная зима, и я снова начну болеть и жутко мерзнуть в натопленном дворце. И с завистью смотреть, как дети играют в снежки, и кутать горло в теплый шарф. А снег будет кружить по огромному пустому парку, заноса дорожки и старый дуб. Я буду выходить на балкон в тайне от всех, открывать рот, позволяя снежинкам падать в него, смеяться от ощущения прикосновений невесомого хрусталика и танцевать под сплошной стеной белой пурги. А потом свалюсь с температурой и буду с тоской смотреть на белый мир за окном. Мир, где кружит губительный для меня снег.

Я открыла глаза... и замерзла!

Вокруг, в радиусе пары метров от меня лежал снег.

Крик оборвался только после того, как меня подбросило вверх, и я поняла, что сижу в знакомых объятьях.

— Я нечаянно! — посмотрела я во все понимающие лиловые глаза.

Зак засмеялся:

— Как всегда! С тобой все нормально, девочка?

— Холодно. — Я посмотрела на свои босые ноги, покрасневшие от ледяной воды.

Демон нахмурился. Отнес меня подальше от уже начавшего таять снега и усадил на бревно. Заквизель сел рядом и поставил мои уже значительно замерзшие конечности себе на колени. Потом снял с себя длинный жилет, расшитый шелком, и надел на меня.

— Так лучше? — спросил он, растирая мои окоченевшие ножки.

— Значительно. Спасибо. Что ты тут делал?

— Тебя искал. Надо бы Аскару уши надрать, тоже додумался — оставить принцессу одну в лесу. Это надо так...

— Ничего. Я же не какая-нибудь перепуганная домашняя мамзель. А ориентироваться в лесу меня братья в детстве научили.

— Тогда чего орала?

— Представь себе — открываешь глаза, а вокруг зима. Ты только сестрам не говори, ладно? Я ведь еще и рубашку порвала. Вот, — показала я на дырявый рукав.

Заквиэль улыбнулся и погладил меня по голове.

— Ты просто чудо.

— Ну почему со мной всегда так? Вечно я делаю что-то не то и не так. Стоило только подумать о зиме, и меня засыпало снегом. А одежда? Ты не поверишь. Заквиэль, хоть на моду мне чихать, но на одежду я трачу больше, чем сестры. В моих рубашках пол замка ходит, если на них налезает. Когда дырка на заметном месте, принцессе вроде как нельзя надевать такую вещь, а слугам сойдет. Ты можешь себе это представить. И вот опять! Что со мной не так? Почему играть с магическими штучками мне лучше, чем ходить на балы и приемы. Я что, ненормальная?

— Нет, ты просто другая. Всему свое время, Лилит. А если ты так расстроилась из-за Аскара, то плюнь на него. Болван в этом случае он.

— Он все вам рассказал?

— Еще бы, — хихикнул Зак. — Пришел один, ну мы и спросили, где тебя потерял. Он рассказал. Говорит «я ей букет дарю, а она мне — как его заваривать?» Мы чуть не лопнули от смеха. — Заметив, как я покраснела, демон решил меня подбодрить. — Сам виноват, думать-то чем-то надо было. Он ведь привык, что все от него без ума. Аскар у нас вообще женский любимчик.

— А я знаю, — хмыкнула я и рассказала о своих изысканиях в бане. Заку польстило.

— Эх, жаль только, что обе уже заняты, — вздохнул он, имея в виду Эльку и Ириду.

— Почему заняты?

— Понимаешь, девочка, мы видим ауру намного легче, чем ты, и умеем в ней разбираться. И смотря на них, я вижу, что сердца этих дам заняты.

— Здорово! Я тоже так хочу. Научишь?

— Попробуем. А ты-то кого выбрала? — хитро глянул Зак.

— Нагоса, — захихикала я.

— Кто это?

— Гидра. Я так ее назвала. Может она и не дракон, но ведь похожа отдаленно.

— А Нагос никогда и не был драконом. Нагос изначально был змеем с несколькими головами. Он оберегал богов во время обучения и всей молодости, охранял их. Асуры до сих пор украшают перила лестниц в своих храмах так, чтобы напоминало тело Наги, с головой в основании перил. У тебя хорошая интуиция. Ты вообще молодец, девочка. — Заквиэль взял меня за руки и посмотрел в глаза. — Ты самое удивительное существо, какое мы только встречали. У тебя доброе сердце и чистая душа. Так что не обращай внимания на то, что думают о тебе другие. Делай, что хочешь сама. Ведь это твоя жизнь. — Он мягко поцеловал мои холодные руки. — Не волнуйся попусту. Идем ко всем, а то твои сестры будут волноваться.

Когда мы прилетели — я все же развела демона на дармовой полет, — девочки действительно волновались. Еще бы, они меня знали.

— Ты чего, замерзла?

Я и рта не успела открыть, как Заквиэль заявил:

— Не мудрено, она там такого снега наколдовала. Ой! Оставь мой хвост в покое.

Но сестрички уже все слышали. Так что издевалась над хвостом демона я уже чисто из мести.

— Снег! Ты наколдовала снег? — побледнела Беатриче.
— Ну-ка иди сюда, — ухватила меня за руку Элька и потащила к костру.
— Да что случилось, — не поняли демоны и Вадик.
— Наша Лилит просто не выносит снега, — просветила Смила. — Ей и трех снежинок хватает, чтобы начать чихать. А уж в метель ее и к окну лучше не подпускать.

Я показала всем язык и, отвоевав в боях с Данте —, кто еще мог устроить со мной потасовку, остальным жизнь дороже — шпикачку, насаженную на полочку, сунула ее в костер. За колбаску тут же ухватилась одна из саламандр и потянула на себя.

— Эй, это мое! — обижено надула я губы, когда у меня украли обед. — Бали, приструни своих зверюг. Я есть хочу-у, — заголосила я.

Сидевший рядом на корточках Данте вздохнул и без слов сунул мне в руки новую шпикачку. Я от такой щедрости даже обалдела. Ну, надо же!

Он хитро подмигнул мне и пошел за новой.

С едой я разобралась быстро. И снова переев, завалилась на гору подушек.

Проснулась примерно через час. Поясница жутко затекла, и я попыталась ее потереть. Но моя рука увязла в чьих-то волосах. Я оглянулась через плечо.

— Вот хамство!

На моей пояснице пристроил голову Бальтазар. Его рука нежно так обнимала мой зад, а хвост оплел ногу. Не, ну это вообще наглость!

Я осторожно зажала ему нос пальцами. Демон потряс головой и открыл заспанные глаза.

— Ты чего хулиганишь.

— А ты чего здесь разлежся.

Он улыбнулся всеми клыками. Ну как можно злиться на такого обаяшку?

Рука сама потянулась потрепать его по огненно рыжим волосам, в которых тут же и запуталась. Я улыбнулась. А Бали поймал мою руку и принялся... кусать пальцы. Немного ошалев от подобного, я нагло подключилась к игре. Не долго думая, я ухватила его за язык. Бальтазар выпучил глаза и застонал. Глаза демона полыхнули огнем, а язык раскалился до состояния горящий головешки. Я взвизгнула и, вырвав руку, подула на обожженные пальцы.

— У-у, злюка!

Бальтазар соорудил забавную мордашку.

— Прости, девочка. Я не хотел делать тебе больно. — Он сел и, взяв мою руку, начал дуть на пальцы, уже, кстати, не болевшие. Но ему я признаваться не стала и старательно изображала смертельно раненую. — Ну, хочешь... чего ты хочешь?

— И ты сделаешь? — постаралась я не выдавать свою заинтересованность.

— Что угодно.

— Тогда ты поймаешь мне саламандру, что бы она жила в камине башни?

— Договорились. Сейчас ловить?

— Когда хочешь. Но чтобы ты точно принес ее в замок.

— Если хочешь, я могу попросить ее присматривать за тобой. Саламандры очень верные, и они защищают от пожаров.

— Здорово! — захлопала я в ладоши.

— Ну что вы тут устроили. Никакого покоя.

Это заворочался рядом Аскар. Я тут же переключилась на него. Перевалившись через спину асура, я заглянула в сонное, недовольное, но такое красивое лицо.

— А мне саламандру обещали подарить.

— Зачем она тебе?

— Чтоб была, — поразилась я тугоумию дорогого друга. — А где Заквизель с Данте? — оглянулась я.

Вся наша компашка, за исключением двух демонов, дружно отдыхала. Просто поразительная солидарность.

Аскар и Бали переглянулись:

— Тренировочный бой!
— Чего? — не поняла я.
— Идем, увидишь. — Меня схватили за руку и потянули куда-то в дебри леса. Хорошо хоть Аскар шел впереди, кусты и зловредные ветки с покорностью раздвигались перед ним. — Только тихо! — предупредили меня.
А потом ветки в очередной раз раздвинулись, открыв нам вид на небольшую поляну.
Так я впервые увидела яркую иллюстрацию к статье об асурах. Особенно к тому пункту, где говорится «Опасны во всех смыслах».

Глава 6 Все чудесатей и чудесатей

Э то зрелище заслуживает отдельного описания.
Нет, это зрелище вообще заслуживает всего!
Демоны стояли друг напротив друга, чуть согнув колени и наклонившись вперед. Раздетые, тела их прикрывали лишь длинные юбки с разрезами по бокам, босые ноги... И длинные гладкие палки в руках.
До чего же они изменились в тот момент, если не волосы, я ни за что бы ни узнала своих необычайных друзей в этих монстрах.
Кожа Заквизля потемнела до фиолетово-черного цвета. Черты лица стали больше походить на звериные — выдающиеся изгибы бровей, вытянутая вперед челюсть. Мышцы разбухли, а плечи словно раздвинулись. На внешней стороне рук, от запястья до локтей, появились шипы, так же как и у основания шеи — на ключицах. За спиной высоко поднятые крылья.
Раскрывать нетопыриные крылья Данталиону не было смысла, за его спиной клубился ветер. Кожа приобрела иссиня-черный цвет и блестела, как начищенный агат. Лицо так же трансформировалось, линии заострились, щеки впали, крылья носа разошлись, а ноздри задрались вверх, губы стали тонкими как две ниточки, у висков появилась еще пара рожек. Шипы у него вышли на предплечьях, по три у запястья, на спине.
Секунда, и палки замелькали в их руках так, что я не могла за ними уследить, не то чтобы хоть что-то понять.
Мне пришлось опереться на плечо Бали и прикрыть глаза.
Все происходящее дальше я видела глазами духа.
Демоны кружились в легком вызывающем танце. Их движения, неуловимые простому взгляду, обладали стремительностью стрелы и грацией хорошего клинка. Удар — отвод, удар — отвод. Начинаешь теряться в этом сумасшедшем ритме. Замечаешь лишь мелочи: как отведенный на несколько сантиметров назад корпус позволяет избежать удара, чуть заметное движение рукой становится опасным отвлекающим маневром, легкий взмах крыла позволяет удержать тело в нереальной для человека позе.
Только что полыхала яростная схватка, но уже через мгновение они стоят напротив друг друга в таких позах, словно ничего и не было, так что начинаешь подозревать себя в безумии. Но уже через три удара сердца бой возобновляется.
Все повторяется вновь. Удары, стук скрещенных древков, блеск тел и глаз.
Я вижу, как взмахом руки разрывается плоть на плече, а удар палкой о ребра вызывает пугающий звук.
Пытаюсь вздохнуть, но от напряжения это удастся не с первого раза. Как бьется сердце, как оно болит! До крови прокусываю губу.
Мне страшно.
Раскрываю глаза. На груди что-то жжется.
Я распахнула ворот рубашки, и точно — след от когтей горит изнутри.
Так вот значит когда выходит воплощенный дух — когда мне страшно!
Глубоко вздохнув, я заставила себя успокоиться.

Закрыла глаза...

Дух даже не успел высвободиться, как все закончилось.

Даже сквозь закрытые веки, внутренним зрением, глазами духа я видела тот удар. Неотвратимый, как пришествие дня и ночи, как восход луны. Пущенное в дело, основание древка врезалось в солнечное сплетение с такой силой, что, сшибив с ног, отбросило тело метров на пять в сторону.

Мне зажали рот рукой, видно, я все же попыталась его раскрыть, хотя бы просто от удивления.

Заквиэль выпрямился и одним движением вогнал древко в землю на добрую десятину.

Данте, не разгибаясь, поднял одну руку вверх.

— На что спорили? — подал голос Аскар, выходя из кустов.

— Как всегда, все веселье без нас, — вздохнул Бали, отпуская меня и подталкивая вперед. — Так что за ставка?

Зак оскалился, именно так выглядела улыбка в этой ипостаси.

— А что, просто поразмяться мы уже не можем?

— Вы кому поете, — хмыкнул Аскар. — Чтобы вы да без повода дрались? Это еще мы можем сцепиться по какой-нибудь глупости, а вы у нас идейные.

— Очень больно? — легонько коснувшись плеча, склонилась я к Данте.

Он поднял на меня потемневшие глаза и... Так я еще никогда никого не боялась.

— Она здесь что делает? — сквозь зубы процедил демон. Да с такой угрозой в голосе, мне даже дурно стала.

Наверное, я сделала попытку упасть в обморок, но меня ласково уцепили за локоток и отвели в сторону со словами:

— Не обращай внимание. Он и так-то не самый приятный парень, а как проигрывает, вообще совесть теряет.

— А она у него есть? — проявила я интерес.

— Молодец, девочка! — хохотнул Зак. Подошел ко мне и одним движением посадил к себе на руку. Мне ничего не оставалось, как положить руки ему на плечи. — Не испугалась?

— Чего?

— Демонов. Не самая симпатичная ипостась, согласись.

Я хмыкнула:

— А чего бояться? Это вы просто меня с утра не видели. Вот где страшно. Зеркала регулярно лопаются от этого зрелища.

— Потрясающая девица, — вздохнул асур.

А я тем временем принялась изучать трансформацию вблизи. Поскребла кожу, толстую, хуже буйволиной, но мягкую и удивительно шелковистую. Покачала шипы на ключицах. Проверила, как вытянулись уши.

— Здорово! — восхитилась я. — Мне нравится.

— Детка, ты его так совсем затискаешь, — рассмеялся Бальтазар. — Слезай давай, а то нам завидно.

Я вздохнула, пришлось сползать с теплых рук Заквиэля.

На обратную трансформацию ушло несколько секунд, все просто вернулось. Даже не интересно, зато хлопотно: чем легче проходят изменения, тем больше сил и магии на это расходуется.

— Ой, — вспомнила я, пока демон не оделся, — я давно хотела посмотреть... откуда у вас хвост растет?

Позади раздался хохот, а Зак покраснел.

— Может быть в другой раз?

— Это когда? Через пару десятков лет, когда снова встретимся?

— Э-э, может не надо?

— Заквиэль, да ты никак смутился? Неужели врут, и у демонов есть таки стыд?

— Вот ты и доигрался, — съязвил Аскар. — Показывай.

— Ладно! — недовольно пробурчал асур и, повернувшись ко мне спиной, приспустил пояс юбки.

Как я и думала, позвоночник изящно перетекал в хвост, избегая таких излишеств, как копчик. У основания он толще и менее подвижный, чем все остальное, но и крепче, тут его, как ни старайся, не сломаешь. Хвост Зака, как и у других асуров, покрыт черными, с особенным отливом, волосками, которые так же поднимались неширокой полосой по позвоночнику к самой голове. Точно такая же дорожка шла внизу живота.

— Ну, — скептически спросила я, — и чего ты стеснялся? У меня даже любопытство разыгралось, думаю, чего он там прячет. А все так банально.

Зак снова покраснел и натянул юбку чуть ли не до талии.

— Интересно, там нас не обыскались?

— Нет, — покачал лохматой головой Данте, хорошо, не у меня одной волосы умеют торчать в разные стороны. — Мы когда уходили, всех усыпили. Только вас не стали.

— Почему?

— Эти двое потом обиделись бы. А тебя Бальтазар прикрыл. Кстати, как выспался, удобно?

— Еще как, — улыбнулся чертяга. — Спал, как в раю.

— А меня вообще никто не спрашивал, — возмутилась я. — В следующий раз буду арендную плату брать.

— Я откупился, — возразил Бали. — Кто тебе саламандру обещал подарить?

— Это за покусанный палец и ожоги.

— Ну тогда... в следующий раз сразу таксу выставляй.

Я хихикнула, представляя себе это.

— Кстати, раз все спят. Кто-то обещал мне чего-то там рассказать интересного. Думали, что отвертитесь? Так я ведь достану.

Асуры друженько вздохнули.

— Идем на берег. Я проголодался, — умоляюще посмотрел на меня Зак.

— Там и расскажем, — кивнул Аскар. — Куда мы денемся.

На том и порешили.

Расстелив одеяла чуть подальше от всех, мы перетащили сюда пару блюд с едой, бутылку с вином и фрукты. И улеглись, словно лучи вокруг солнца. Я тут же ухватила шмат ветчины и булку, отняла у Аскара нож и сделала бутерброд. Потом подумала и добавила туда кружочки помидора и листик салата. Асуры завистливо поглядели на это произведение кулинарного искусства и начали строгать себе что-то подобное.

— У, а ваш шлушаю, — напомнила я, активно двигая челюстью.

— Начнем сначала, — посмотрел на меня Заквиэль. — Раньше существовали две расы — асуры и дэвы. Между ними шла извечная борьба. Потом произошла катастрофа, и обе расы объединились. В результате этого союза дэвы получили один важный артефакт, используя который изгнали асуров. Вдобавок ко всему со временем память о нашей расе истерлась. Благодаря дэвам, мы приобрели дурную репутацию. Это было не век и не два назад, а тысячелетия. Мы ушли в царство Варуны. Но святой человек предсказал, что, — демон горько вздохнул, — наш мир восстановится, когда «владыка царства стихий возьмет в жены дочь вольского короля». Со временем это пророчество как-то забылось, пока не появилось ваше королевство — Вольск — и его король. Так, ладно, чего я один рассказываю. Мне тоже кушать хочется. Данте рассказывай.

Синеволосый асур вздохнул, отложил бутерброд и начал рассказывать дальше:

— Ну, решили наши мудрецы, раз есть королевство, должна у короля быть хоть одна дочь, которая пойдет замуж за такое рогато-хвостатое чудо, как асур. Но короли нам все время отказывали, не нравились мы им. Пару столетий назад положение в царстве резко ухудшилось, появились кое-какие проблемы, и нашей власти стала угрожать реальная опасность. И надо было такому случиться, что именно в разгар всей этой баталии у нашего владыки, наконец, рождается наследник, хотя этого уже давно никто не ждал. Чтобы спасти

ребенка, были приняты кое-какие меры. Наследник родился, а вместе с ним на свет в тот же день появились еще три ребенка мужского пола. И наш правитель забрал их из родного дома и вырастил со своим сыном наравне. Все дело в том, Лилит, что до определенного момента даже мы сами не знали, кто из нас наследник, а кто его тень. Нас растили на равных, и даже отец никого никогда не выделял. Он стал нам родным, для всех четырех.

— Но зачем?

— Сама подумай, — хмыкнул Аскар, — когда в стране смуты, кого легче убить — одного наследника или четырех. Нас так вырастили — мы друг за друга убьем любого. И поверь, воевать с одним асуром, пусть даже с наследником, куда проще, чем с четверкой асуров, натренированных для подобных боев. Это страховка. Нас четверо, но наследник-то один. Когда ему придет время сесть на трон, трое отойдут в сторону, и преданней телохранителей, советников и друзей будет не сыскать. А сейчас мы тени друг друга и самих себя. Мы даже разлучаться надолго не можем. Просто потому что начинаем волноваться и тосковать. Я же тебе говорил — мы ближе, чем иные братья. Потому что нас воспитывали как одно целое.

— Но вы-то знаете, кто есть кто? — ткнула я в них вилкой.

— Не так давно, как хотелось бы, — наморщил нос Зак.

— И кто?

— Я! — хором ответили асуры.

— А другого ответа никто и не получит, — тряхнул своей гривой Аскар, — это тоже входит в нашу обязанность. Кто бы ни спросил, и как бы ни спросил, ответ един. А спрашивать могут по-разному, может любимая женщина, лежа в постели, а может и каленое железо. Это не важно.

— А как же невеста?

— Тут сложнее, — посмотрел на меня Бальтазар. — Понимаешь, девочка, мы и сами сбиты с толка. Отец никогда нам раньше не говорил о своем договоре, а мы и не спрашивали. Просто не одно поколение наши послы приезжают в Вольск и просят у короля руки его дочери. Но раньше нам всегда отказывали. И тут приходит Гремори и говорит, что вольскому принцу требуется помощь. И у владыки царства появляется идея. Он заключает договор с вашим отцом. Ждет, когда его сын повзрослеет и достаточно созреет для таких дел вольские принцессы. А потом заявляет нам — езжайте-ка вы в дальнюю страну за невестой для наследника. А как он женится, так и трон ему свой передам. Вот мы и приехали. Только выбор оказался неплохой, да только растерялись мы чего-то.

— А потом вам на головы свалилась я.

— Да. И оказалось, что у вас здесь очень даже весело. Ты не поверишь, малышка, как скучно бывает в нашем царстве. У нас даже призраков нет.

— Как это нет! — ужаснулась я.

— Насильственных смертей у нас почти нет, болезней так же. Асуры могут жить сколько угодно долго, хотя мы все же и смертны. А погибаем мы в основном на поле боя. И уж точно не на родной земле. Так что призракам просто неоткуда взяться.

— Да и вообще скучно. Может для других это и рай земной, но нас особенно в него не пускают. Так что мы прекрасно понимаем тебя и то, что такое строгие наставники.

— Значит, вы у нас как бы в отпуске? Везет! Я тоже в отпуск хочу, — загнусавила я.

— Так приезжай к нам, в царство Варуны, — уставился на меня темно-зелеными глазами Аскар.

— Хорошо, — мне эта идея понравилась, — только годика через два, два с половиной.

— Это не интересно, — наморщил очаровательный нос Бали. — Мы от скуки с ума сойдем.

— Мне учебу надо закончить.

— Так у нас маги не хуже ваших, — согласно качнул головой Аскар.

— Даже лучше.

Я ткнула головой о плечо Бали и вздохнула:

— Куда я сейчас поеду. Вот стану магичкой настоящей, тогда посмотрим. Тогда мне уже никто не указ. Тогда и приеду. Ведь не зря же Консуэла меня на коротком поводке держит, боится, как бы Академия не разгневалась на мое самоуправство. Не будь я королевским отпрыском, давно бы прогнали. А так побаиваются. Я приеду, если вспомните и позовете.

З а этот импровизированный пикник мне, конечно, попало. Да еще как!

Магичка разоралась так, что стены дрожали и через минуту замок накрыла приличных таких размеров тучка, вылившая на землю недельную норму осадков. Меня еще кто-то за язык дернул спросить, как она это устроила — так, на будущее.

Мачеха тоже в стороне не осталась. Все возмущалась по поводу морального облика своих «дочек». Тьфу, даже обидно. Ну, пропадали где-то, ну, в компании мужчин, ну, и ладно. Все ведь нормально. Ничья честь на той полянке не осталась. Чего так орать?

Потом за воспитательный процесс взялся его величество. Папочку не устраивало то, что я увезла ползамка в неизвестном направлении, при этом подбив родных сестер к нехорошим действиям, показав дурной пример гостям да еще и графских сыновей совратив. В этом месте папа запнулся, покраснел, видно, сообразив, что ляпнул, и уточнил — на непотребные гульбища на их территории.

Ответ для всех я припасла один — я никого не подбивала, за собой не тянула, не принуждала. Просто поставила всех перед фактом, что уезжаю, а если кто-то решил присоединиться, это его личное дело.

И, хлопнув дверью, ушла... да, в башню. Благополучно скрылась там от всех до ужина.

А ужинали мы, как всегда, все вместе. Любил наш папочка это «вместе». И детей своих любил.

Только я, глупышка, не ценила его своеобразной любви.

В окно постучался полувоздушный голубок, привлекая к себе внимание. Затем, не взирая на стекло, прошел внутрь комнаты. Демоны, как один, подняли головы и посмотрели на него.

— Что там у нас? — заинтересовался Аскар.

На лапке голубка оказалось письмо. Как только его сняли, посланец растаял, словно его и не было, разлившись в воздухе розовым облачком с запахом лаванды.

— Папочкины шутки, — вздохнул Бальтазар.

— Читайте. Там явно ничего хорошего, — вздохнул Данте.

— Хорошо, хорошо. — Аскар раскрыл свиток. — «Поторопитесь. К Черной луне вы должны вернуться в царство вместе с невестой». Все!

— Зато емко. — Заквиэль с трудом подавил тяжелый вздох.

— Надо торопиться.

— И без тебя знаем, — с тоской в голосе сказал Данте.

— Тогда пора искать невесту, а не сидеть здесь, сложа крылья.

— Из кого? Беатриса и Элоиза крепко заняты. Не будем же мы разбивать девочкам их невинные сердечки?

— Тогда кто же остается?

— Присцила и Симилла. — Бальтазар вздохнул. — Ну и наша очаровательная колдунья.

— Лилит! — все же не удержал вздох Заквиэль.

Асуры дружно опустили головы.

— Это невозможно.

— Невозможно, — согласился Аскар, потирая переносицу. — Но было бы весело. Представляете такую владычицу? Дэвы сдохли бы от зависти.

— Или от смеха. Одно из двух.

— Так или иначе, но нам надо выбирать.

— Слушайте, и как у этого короля вышли такие хорошенькие дочки?
— Думаю, этот король в молодости был довольно привлекательным мужчиной.
— А мне кажется, все дело в женщинах, которых он выбирал. Вы видели портреты его бывших жен? Красавицы, как на подбор.

— Да и нынешняя не подкачала. Если не считать стервозности, то королева очень даже ничего.

— Эх, что-то мне подсказывает, что стервозность есть у каждой из сестричек, только некоторые ее хорошо маскируют.

— Даже у нашей малышки?

— Еще бы. Ты попробуй не дать ей то, чего она хочет.

— Да уж, — Бали кивнул огненной головой, — это верно.

— Она у него саламандру в личное пользование вытребовала, — сдал его Аскар.

— Это за что же?

— А он ее покусал.

— Что ты сделал?

— Ябеда! Она мне, между прочим, чуть язык не вырвала.

— Ну, слава создателю, — вздохнул Зак. — А то я думал она только с Данте дерется. Ты чего, на меня обиделся? Чего молчишь-то?

— Мы вас слушаем, — приподнял темно-синюю бровь демон.

Зак моргнул:

— Мы?

— А вы разве ни чувствуете?

Асуры переглянулись и дружно так, в три голоса заорали:

— Лилит!

От злости, ну и от великого стыда, перешедшего в чрезмерную наглость, дух так дернул чертягу за хвост, что Данте подскочил на стуле.

— **Т**ы заходи, не стесняйся.

Он встал на подоконник и посмотрел на сидящих в креслах.

— Думаешь, я это умею?

— Наглости у тебя всегда хватало, — хмыкнул второй.

— Что вы здесь делаете?

— То же, что и ты, наследник.

— Не так громко.

— Не волнуйся. Девочка спит. Мы позаботились об этом.

Он посмотрел на большое для такого маленького существа ложе, где, запутав ноги в одеяле, спала девушка. Каштановые волосы разметались по подушке, руки раскинуты по матрасу, на хорошеньком личике полная беззаботность.

— Когда же мы перестанем думать одинаково?

— Минимум лет через двести, — ответил один из теней. — С учетом, что проведем их порознь.

— Вот кажется и наш запоздавший товарищ. Эй, заходи, последним будешь.

— Вы чего здесь делаете? — спросил четвертый, влезая в окно. Как будто дверей не было.

— А ты? — поинтересовался наследник.

— Я?

— В общем — мы четыре идиота, — резюмировал тень.

— Вот-вот. У нас осталось слишком мало времени. И каждый решил взять то, что хочет.

— Ее души хватит на всех.

— По кусочку для каждого. Да она завтра и встать не сможет.

— Но ведь та магичка, Люсинда, встала. И даже на экзамен поехала. А она куда слабее

Лилит.

— Вы вспомните, как она упала там, в саду, — посмотрел на них наследник.

— В тот день она устала. А сегодня девочка только развлекалась.

— Ага, наколдовав снег и поиграв с духом. Это кроме мелкого колдовства.

— Что ты хочешь этим сказать? Чтобы мы ни трогали ее? Ты этого хочешь, наследник?

— С чего ты это взял?

— С того, что мы тебя знаем столько же, сколько и себя. И мысли, как вы уже заметили, у нас сходятся.

— Сходятся? — насмешливо посмотрел на тень он.

— Неужели тебе так трудно признаться?

— Ты ведь желаешь ее чуточку больше, чем мы. И не хочешь делить девочку с нами.

— Не помню, чтобы я страдал эгоизмом. Вы бы заметили.

— Прекрати! — громко и очень уж яростно сказал один из них.

— Что? — удивился наследник.

— Прекрати морочить нам голову. — Он больно схватил его за плечи, отчего клыки сами собой вышли наружу. — Если ты так хочешь ее, женись, это будет самое простое решение. Своей нерешительностью ты же не себя мучаешь, а нас. Это мы не знаем, как вести себя с ней, мы сбиты с толка. То, что ты влюблен в нее, для нас не секрет. Как и то, что мы все влюблены. Только как нам добиваться ее взаимности, если есть ты с твоим правом. Если ты решишь, она будет твоей. А если нет, то пусть сама выбирает, с кем ей быть.

— А если я хочу, чтобы она сама выбрала?

— А если выбор будет не в твою пользу? — приподнял бровь другой.

— Пускай. Тогда я хотя бы буду знать, что она счастлива.

— Ты так уверен, что один из нас сделает ее счастливей, чем можешь ты?

— Разве счастье в титуле? Что еще может отличить меня от вас?

— Сердце. Ты не знал? Ты ведь действительно любишь ее так преданно, как не сможем мы. Может быть, именно это и имело в виду предсказание. Может, именно она тебе и нужна. Забирай ее. И больше чтобы мы не слышали от тебя таких речей. Никому не отдавай свою любовь.

— Вы ведь отдаете, — растерялся демон, следя за своими уходящими друзьями.

— Для нас это не так трагично, как было бы для тебя.

— И у нас нет твоей возможности жениться на человеческой женщине.

— И папочка не требовал нас выбрать из дочерей короля вольского. Вот тебе и решение.

— Останься здесь и подумай о своем поведении, — блеснул глазами тень.

— И не противно тебе все знать? — усмехнулся наследник.

— Не все. Это и обидно.

Он рассмеялся.

А когда друзья ушли, осторожно подошел к постели и сел на самый краешек, в ногах.

— И как меня угораздило выбрать из целого мира тебя, мой ангел?

С утра меня мучили модистки. Ну и сестры конечно.

Дался им этот бал.

Но я дала слово и почти не баловалась, пока девочки и лучшие портнихи королевства издевались надо мной.

Ну, почти...

Только превратила какую-то тесемочку в руках модистки в симпатичную змейку. Откуда же мне было знать, что она их до смерти боится. А еще обратила все пришпиленные к заготовленной ткани будущего лифа бантики в замечательных, красивейших бабочек. Этого тоже никто не оценил. Меня даже не слушали, когда я предупредила всех, насколько не люблю бантики. Затем я принялась намагничивать иголки, заставляя их склеиваться.

Но мое отнюдь ни ангельское терпение закончилось, когда пришел парикмахер с

помощниками и начал напяливать мне на голову целую коллекцию париков разного цвета и степени завивки.

Если, взглянув на себя разодетую в шикарное платье из шелка и шитья, я вдруг осознала, что не так уж и плохо, как думала, то белый, словно снег парик все испортил.

— Я лучше пойду со своим вороньим гнездом, чем с этим василисковым.

А уж когда меня начали уверять, что это последний писк моды, я заметила — предсмертный, не иначе замочил ее кто за такое непотребство. А вот на уверения в том, что именно так одеваются при дворах первых государств континента и что вообще я ничего не понимаю в красоте и вкуса у меня нет, я согласилась и вспылила.

Ленты и кантики, тесемки и бантики, иголки и ножницы, расчески и шпилечки — все полетело в стороны. Я заткнула рот визжащей модистке куском ткани, связала другую, подзадорила ножницы погоняться за парикмахером, нахлобучив ему парик задом наперед.

В общем, развлекалась, хоть душу отвела. Не все же мне мучиться, стоя столбом и изображая из себя куклу.

Но потом активизировались камеристки, сестрички и Агриппа, призывающая меня к порядку, и мне ничего не оставалось делать, как бежать. Да поскорей, а то сестрички мои распрекрасные уже ленточек в руки понабрали, точно вязать бедную меня будут.

Говорю сразу, если бы не длиннющая юбка, так и норовившая с меня сползти (еще бы — на иголках да наметке держалась) и туфли на тонких каблуках, фиг бы меня кто догнал в тот раз. Да еще и угораздило меня свернуть в тот коридор, закончившийся лестницей. Туфлю там потеряла, и пришлось тратить время, чтобы снять вторую. Я бежала, напевая какую-то песенку, типа «Врагу не сдастся наш вурдалак», перемежая ее с бранными словами, в основном в адрес слуг, плохо выметавших пол, отчего я уже поколола себе все ноги. Те провожали меня такими безразличными, привыкшими ко всему лицами, что даже противно становилась. Нет, теряю квалификацию.

Меня уже догоняли, когда из ближайшей двери вышли так хорошо знакомые мне фигуры. Я тут же вклинилась меж ними и спряталась, крепко вцепившись в чью-то спину.

— Не отдавайте им меня. Они меня му-учают!

Асуры от такого обалдели и стояли, раскрыв рты.

— Так, — задыхаясь от гонки, потребовала Беатриче, — хватит бегать, иди сюда, несносное создание!

Выжитые, как лимоны, нас обступили камеристки. Сами они против демонов не пойдут, боятся чертей разноцветных, а вот сестер подначат.

— Хватит прятаться, — поддержала сестру Элоиза.

— Что случилось? — ожили, наконец, асуры.

— Ничего особенного, — пожала плечами Беатриче. — Помните, эта особа обещала хорошо себя вести на балу. Вот мы ее к этому и готовим.

— Ты обещала, — напомнила Симилла.

— Мне никто не говорил, — отняла я голову от спины Бальтазара, — что придется три часа стоять на табуретке, ожидая, когда меня закончат утыкивать булавками, да еще потом пялить себе на голову это недоразумение, которое вы париком зовете. Даже, зараза, не снимается.

— А ты как думала?

— Я думала, вы мне платье выберете, начесик сделаете из того, что есть, вечером в сторонке простою — и все. Об издевательствах и пытках речи не было.

— Кто над тобой издевается, убогая? — вздохнула Элоиза. — Нет, ты все-таки не наша сестра. Ты скорей на брата похожа. Как была пацанкой, так и осталась. И что нам с тобой делать?

— Вынуть из корсета и на свободу отпустить.

— Ага, — подленько улыбнулась Присцила. — И выиграть пари.

— Ну, нет уж! Хорошо, — недовольно решила я и вышла из своего надежного укрытия за спинами демонов.

— Неужели ты приняла хоть одно здоровое решение? — поразились Беатриче.

Я тут же нырнула за плечо ближайшего асура. Им оказался Данте. Чему я, если честно, порадовалась, вот пусть и спорит сестричка с ним, раз сама выбрала.

— Такой глупости я никогда еще не совершала, — пришлось признаться мне. — Но что не сделаешь ради победы в споре. Давайте так, я разрешаю закончить это дурацкое платье, а вы отменяете парик. Пойдет?

— И что по-твоему мы сделаем с этим куцым хвостиком?

— Куцую косичку, — предложила я.

Наверное, не стоило так расслабляться, потому как в этот момент сбоку к нам подобралась одна из камеристок и попыталась вытащить меня, вцепившись в руку. От подобной наглости я оцепенела и уставилась на эту курицу. А та тянула, даже не обратила внимания на то, что рука демона тут же легла мне на талию.

Данте оскалился (я сама чуть в обморок от такого не шлепнулась!), выставив на показ все свои клыки, вместе с враз увеличившейся челюстью и второй парой рожек. Глаза его опасно потемнели. Вот ведь... все чудесатей и чудесатей! Ох, чего-то я в этом демоне пропустила.

А камеристка, не долго думая, коротко так взвизгнув, потеряла сознание.

Меня тут же оттянули назад и крепко обняли за плечи.

— Данте, — возмутился Заквизель, прижимая меня к себе, — хватит пугать девушек. Что у тебя за привычка дурная? Тебе бы в руки дубину, ну точно бы орк вышел.

— А что, — усмехнулся Бали, — хорошая техника, показал даме клыки и тащи бездыханное тело к себе в пещеру.

— Приступай, — любезно отошел в сторонку Данте, улыбаясь уже по-нормальному. Всего с шестью небольшими клыками, четыре сверху и два внизу. Я прям балдею, когда он так делает.

— Какой же ты все-таки...

— Ну и что нам теперь с ней делать? — приходя в себя, спросила Беатриче.

— Пусть эти две берут и тащат ее на ближайший диван, — предложила Присцила. Да, эта особенно церемониться ни с кем не любит. — А ты, Лилит, хватит прятаться за чужими спинами и клыками, иди в свою комнату. Надо снять с тебя платье. А то еще чего-нибудь отвалится.

Я пожала плечами. Это она верно подметила, а то стой потом, жди, пока все снова пришпилят.

Здрав нос, я гордо прошествовала к сестрам. Еще бы, мне все же удалось их сделать, пусть и с помощью асуров. Гордость как рукой сняло в тот момент, когда я услышала треск рвущейся ткани и почувствовала легкий холодок снизу.

Так и есть, все-таки наступила на подол, оторвав его от корсета. Хорошо хоть панталоны на мне были по колено, да все в кружевах. Красивые такие панталоны, новые, у Симиллы взяла, все равно у нее их тьма, а мне на примерку понадобились.

Покраснев до состояния перезревшего помидора, я подобрала подол и, закинув его на плечо, гордо прошествовала к себе в комнату.

Но, дойдя до конца коридора, я не выдержала и обернулась:

— Черная луна, когда это?

Демоны перестали смеяться и дружно опустили голову.

— Завтра ночью, — с грустью ответил Зак.

— Новолунье, — пояснил Аскар.

— Мы уезжаем завтра утром. — Данте передернул плечами.

— Ты нас проводишь, девочка?

— Ну конечно да! — Я поторопилась отвернуться, чтобы никто не видел плачущую принцессу.

К вечеру стали происходить вообще странные вещи.

Для начала пришла Консуэла и принесла мне странное одеяние. Длинное, облегающее фигуру и расходящееся к низу клиньями гадэ, платье цвета солнца, расшитое золотыми нитями. Верная Люся, не говоря ни слова, соорудила мне что-то на голове, затем вышла.

— Что происходит, магиана?

— Мы готовимся к одному древнему обряду. Скоро тебе все объяснят. Веди себя хорошо.

У Консуэлы было такое загадочное лицо, что мое любопытство разыгралось не на шутку. Очень захотелось узнать, что же задумала магичка.

Шли мы, как ни странно, такими темными коридорами, что если бы не длинный плащ с капюшоном, быть мне перепачканной пылью с головы до ног. Воздух здесь был затхлый, спертый и какой-то неживой. А я-то думала, что знаю этот замок, как свои пять пальцев. Оказалось, я шестипалая.

Консуэла привела меня в уютную комнатку с небольшим окном и камином, парой кресел у него и объемным баром. Лично мне здесь понравилось.

— Добрый вечер, папочка, — улыбнулась я и, подойдя к сидящему в кресле отцу, поцеловала его в щеку.

— Лилит, детка, сядь, пожалуйста, мне надо с тобой поговорить.

Я послушно села. Но тут же начала крутиться. Мне мешали излишне изогнутая спинка кресла и опутывающая ноги ткань платья, а еще тот плащ, давящий на плечи.

— Какой же ты еще ребенок, — вздохнул отец.

Что-то в его голосе мне не понравилось. Тело охватила нервная дрожь.

— Папочка, — позвала я.

— Не смотри так, Лилит. Тырываешь мне сердце.

Я потерла кончик носа:

— А как так? — и свела глазки вместе, имитируя крайнюю степень косоглазия.

Отец засмеялся. Только смех этот не нравился мне еще больше.

— Не пугай меня. Что-то случилось?

— И да, и нет, моя милая. Понимаешь, Лилит, я спрятал это очень далеко, но все равно каждый раз, когда у меня рождалась дочь, доставал эту вещицу, чтобы понять. Но тебя проглядел. Посмотри, — протянул он мне что-то.

Страх накатил на меня разрушительной волной. Пальцы вдруг начали дрожать, и пришлось вцепиться в подлокотники.

Я смотрела на перстень с белой пластиной сантиметров пять в длину и около трех в ширину, обхватывающую пол пальца. Станные руны сплетали ее. И свет идущий изнутри камня. Этот перстень я уже видела, и помнила его так четко, словно проносила не один год.

Мне стало все понятно. И мой странный сон, и поведение близких людей.

Только одного я не понимала — как они могли?

— Чье это решение?

— Асуры пришли ко мне утром. И сказали, что заберут тебя. Мы пытались их отговорить, но это бесполезно. Они уже все решили.

— Когда только успели. Вчера еще голову ломали. — Мне пришлось закрыть глаза руками, что бы прийти в себя. Я ощупала голову, проверяя. Так и было — Люська как-то умудрилась заплести волосы в венец, а говорили «жуцый хвостик». — Где сережки? — вдруг вспомнила я.

— Какие сережки, — не понял отец.

— Должны быть сережки. Длинные такие.

В этот момент вошла Консуэла с ларцом в руках. И вопросительно так глянула на отца. Тот кивнул. Магичка облегченно вздохнула.

— Я не собираюсь устраивать истерик, — сообщила я.

— Ты со всем согласна? — удивилась она.

— Нет! Но разве меня кто-то спрашивает. Вы принесли серьги?

— Откуда ты знаешь?

— У меня был сон. Я только сейчас его поняла. А ведь могла еще все исправить, — тяжело вздохнула я.

Консуэла достала длинные серьги, чудной работы, тонкие, как паутинка, пластинки в виде вытянутого четырехугольника. На каждом уголке покачивалась сверкающая капелька. Серьги были чудо как хороши. Такой искусной работы я ни разу не видела. Люди на такое не способны, значит, это создание асуров.

Вместе с ними на свет извлекли колье и браслет того же комплекта. Все это надели на меня.

— Зачем?

— Для красоты, — пожала плечами магиана.

— Какая красота? Вы меня хоть раз видели? Я и красота несовместимы. Ой, магиана, а как же моя практика и учеба.

— Вы ей не сказали, ваше величество? Хорошо, тогда скажу я. Асуры не хуже нас знают — не окончив учебу, ты никуда не поедешь. Поэтому мы решили — сначала ты заканчиваешь Академию, а уже потом едешь в царство Варуны и выходишь замуж.

— Так я сейчас не... А что будет сейчас?

— Обряд обручения. Еще не свадьба, но уже соединение. Ты станешь невестой демона.

Я поежилась, так мне не понравилось это новое звание, пусть я лучше буду «чудом ходячим», но не «невестой демона». К тому же непонятно какого.

Вот что больше всего меня раздражало в этой истории.

Ну ладно, почему асуры остановили свой выбор на мне, я еще могу понять — отчего не взять понравившуюся игрушку, раз разрешают выбрать любую. В конце концов, на пару сот лет я их развлекаю, а дольше мне не прожить. Но вот то, что я не знаю, кто же из четверых будет моим мужем, меня убивало. Разыгравшееся любопытство просто сводило с ума.

Вот черти разноцветные!

А еще было непонятно, кого бы я сама хотела увидеть на этом месте.

Наверное, Заквиэля, ему я доверяла больше всех, он заботлив и всегда все понимает.

Или Аскара, с его мягкостью и озорством?

А может Данте с его воздушными крыльями и хитрым прищуром?

Хотя у Бальтазара есть все тоже, что и у остальных.

М-да. В каком-то веке есть выбор, да и того сделать самой не дадут.

Отец протянул мне коробочку с лежащим на подушечке перстнем.

— Одень пока. Потом отдашь наследнику.

Странно, в самую пору.

Кольцо сначала показалось мне холодным, но потом с каждой секундой белый камень начал вбирать в себя мое тепло. И через пару минут оно уже горело, раскалившись докрасна, пока неожиданно не растаяла на моей руке.

Я подняла ошарашенный взгляд на отца с Консуэлой. Та взяла меня за руку и начала ощущивать безымянный палец.

Но вместо кольца на руке стало появляться кое-что другое. У самого основания безымянного пальца вроде бы появилась родинка, которая, пару секунд подумав, дала росток. Он оплел палец целиком, давая побеги и листья, маленькие, треугольные, в виде сердечек. На ногте раскрылся цветок. Покрыв один палец, росток начал переходить на другие. Я с ужасом наблюдала, как рисунок, словно сделанный коричнево-зеленой краской, опутывал мою ладонь. А стоило мне потереть его, как растение воспользовалось возможностью и перескочило на другую руку.

Все закончилось минуты через три. Тогда растение перестало ветвиться, а на пальце проявилось кольцо. Вот только рисунок все никак не желал стираться.

Дверь открыла фигура в темном балахоне и позвала с собой. То есть мы так поняли, а фигура-то молчала. Может на край халатика этого наступить? Вот и посмотрим, чьим голосом будет ругаться. Жаль пришли мы быстро, а то я уже и примерилась, трех шагов не хватило.

Все было как во сне. Не в смысле — сказка, а в смысле — где-то я это уже видела.

Темное помещение, волшебные светильники по углам дают мутный свет, в центре что-то типа пюпитра, с толстенной книгой, типа той, которой я Нагоса дубасила. Ее, бормоча себе под нос, кто-то читает, все тот же балахон и капюшон, натянутый до самого подбородка. И тот самый запах!

Сердце начало замедлять, пропуская удары. Знаю, я побледнела и покрылась испариной.

С меня заботливо сняли плащ, а вместо него надели невесомую, шифоновую тунику нежно розового цвета, с брошкой на животе, скалывающую две полы.

Кто-то дотронулся до лба, я заметила лишь тень.

По спине прошел холодок.

А я едва не заплакала, так страшно и непонятно мне было.

Потом меня на несгибающихся ногах подвели к центру комнаты. Я почувствовала, как рядом со мной кто-то встал, но повернуть голову боялась до ужаса. Голос чтеца стал громче, но слова все равно не понять. Помню, как меня попросили протянуть руку, затем оцарапали палец и окунули его в небольшую чашу. Сразу стало щипать, и это ненадолго привело меня в себя. Не знаю, показалось ли мне или растение на моих руках двигалось, шелестя листиками.

Кубок протянули тени рядом со мной, краем глаза я видела все тот же черный балахон, что красовался на остальных асурах. Уж их плавность движений от человеческих я отличить могла. Эх, плохо — асуры примерно одного роста.

— До дна! — прошептали мне, передавая кубок.

Я девочка послушная. Ну, иногда. Выпила все. Еще бы, к тому времени в горле так пересохло, что хоть у нареченного глоток воды проси посреди церемонии. Мало того, оказалось, что в кубке вино, сладенькое такое, ароматное. В пору еще затребовать.

Эй, уважаемые, винца еще не нальете? Напьюсь с горя, женитесь потом сами.

То ли вино подействовало, то ли нервы ни к черту, то ли запах этот одурманил, но все остальное было словно в бреду.

Перед глазами все плыло, звуки сливались, внимание рассеянное.

Несколько раз я впадала в транс, выпуская духа, который видел, к сожалению, не больше меня. Чтеца за книгой, отца с магичкой у дальней стенки, две тени по бокам, высокая фигура рядом со мной. Наверное, дух тоже напился, потому как даже ауру различить не мог. Все вокруг ему казалось ярким и разноцветным, даже сам воздух.

В конце мне стало так плохо, что это буйство красок я начала различать даже без духа. Меня слегка качнуло. Силы решительно куда-то направились, наверное, им не понравился мой наряд. Как впрочем и мне самой.

Меня берут за руку и осторожно сжимают ее. Слабость начинает проходить, сила вливается тонкой струйкой через пальцы.

Я перевела взгляд на наши руки. Как тогда, во сне. Мои белые пальцы, покрытые росписью, золотившейся сейчас, и рука моего жениха, сухая, темная, ладно, черная как ночь. «Смена ипостасей», — поняла я. На пальце белое кольцо.

Хм, когда мы успели обменяться кольцами?

На моем безымянном пальце сверкает уже другое. Тонкий ободок и овальная пластина черного, блестящего камня. Станный выбор. Лучше бы я оставила то белое, и свободу.

Когда церемония закончилась, я едва стояла на ногах. Уж не знаю, сколько она продолжалась, но едва рука, поддерживающая меня, разомкнула свою хватку, я начала оседать. Меня тут же подхватили на руки и куда-то понесли.

Я бесцеремонно пристроила голову на чужой груди, назвался женихом, так мучайся, и упрямо мешала вписываться в косяки узких дверей потайного коридора. За что меня все же приложили щиколоткой об угол. Застонав, я возмутилась легким бурчанием под нос и, слегка смазанным моей слабостью, ударом в грудь столь неаккуратному типу.

На что тип стоически промолчал, хотя я почему-то уверена, прятал под капюшоном ухмылку.

Лезть под покров этой завесы мне не очень и хотелось, все же сон был весьма

поучительным.

Где-то на сто пятом повороте я потеряла сознание.

Нет, все-таки пить мне вредно!

Выходить замуж — тем более!

Кажется, я вновь осталась без ужина.

И проснулась уже в полной темноте ночи.

Жутко хотелось пить, есть и провериться у психиатра.

Наверное, я произнесла это в слух, потому как в руки мне тут же ткнулся стакан с водой. Обрадовавшись ему как родному, я выхлестала сразу все.

Затем, все так же со стаканом в руке, заботливо прижимая его к груди, опустила голову на подушку и прикрыла глаза.

Только где там спать, мозг как иголкой укололо. А стакан-то откуда?

Я резко села.

Тоже зря. Так как с размаху врезалась в кого-то лбом. Звук вышел — заслушаешься, пустой в обоих случаях. Вокруг заплескали звездочки. Это заклинание я в детстве наложила, чтобы сестричек посмешить, и до сих пор снять не могу.

— Да уйдете вы, — попыталась разогнать я их одной рукой, а другую прижала к пульсирующему лбу. — И без вас плохо.

— Дай, посмотрю, — услышала я тихий голос, не похожий ни на чей. Красивый, очень красивый.

Хм, и знакомый. «Это он звал меня там, на арене», — узнала я.

Пришлось убрать руки с лица. Хотя чего боялась, в темноте и так ничего не видно, кроме очертаний, равно подходящих ко всем асурам.

Он разогнал рукой продолжающие мельтешить перед глазами звездочки и нагнулся ко мне.

— Да, неплохо приложилась.

Ощупав пальцами лоб, я обнаружила там здоровенную такую шишку. И даже свела взгляд к верху, пытаюсь увидеть, что же там происходит, вдруг действительно торчит, как рог? Мне чего теперь, асурой рогатой ходить?

— Не переживай. Сейчас все исправим.

И действительно исправил. Просто взял и поцеловал в пульсирующую точку на лбу. Боль как рукой сняло. Я специально проверять полезла, лоб чистый, без намека на шишку. Звездочки даже растерялись в поисках места повреждения, наверное, тоже к психиатру записаться решили. Радостно показав одной из них — самой въедливой — язык, я окончательно разогнала небесные светила.

— Здорово! — прокомментировала я.

— К психиатру больше не хочешь?

Я помотала головой.

— А есть? Я тут с кухни бутерброд увел, решил, что ты проголодаешься.

— Хочу!

Я жевала здоровенный бутерброд, запивала все это горячем чаем (интересно, откуда кипятков-то) и, кажется, была на седьмом небе от счастья. Какое-то время я рассматривала движущийся рисунок на своих руках, который слабо светился в темноте, а затем спросила:

— Что это?

— Знак того, что ты стала невестой асура.

— Он навсегда?

— Нет. До свадьбы.

— Мне что, теперь так и ходить с расписанными руками?

— Нет, роспись будет пропадать. А появляться только когда рядом окажется другой асур или чтобы предупредить об опасности. Это в своем роде защита. Прости, я не хотел доставлять тебе столько неприятностей, — почти без перехода сказал он.

Я даже подавилась.

— Тогда почему я?

— Потому что — ты. Неужели это надо объяснять? — Он забрал у меня чашку и взял мои ручки в свои красивые довольно широкие ладони. Забавно, я начала дрожать. — Потому что мне *ты* нравишься, а не кто-то другой. Я *тебя* хочу. — Демон коснулся колечка на моем пальце. — Мне хочется, чтобы ты всегда была рядом со мной, разве не так выбирают себе жен другие? Я-то чем хуже?

— Гневным папочкой, — улыбнулась я.

— Ты ему понравилась, — осторожно коснулся он моей головы.

— Я же вам там все разгромлю.

— Пусть. Будет повод построить новое. А то скучно, знаешь ли.

— Разве такая жена нужна владыке и царству?

— Не знаю как царству, но владыке нужна такая жена, чтобы с ней ему было хорошо, чтобы его спина всегда была прикрыта. С тобой мне хорошо, — мягко провел он по моей прическе.

Так, прическа? Я запустила туда руку.

— Ну и какой идиот догадался оставить меня спать, не расплетя это?

— Тебе очень идет, — как бы извиняясь, сказал демон.

— Но не спать же с этим. А я думаю, чего голова так болит.

Пришлось вынимать из волос шпильки, которых там было штук сто. Асур принял в этом активное участие.

— Кстати, — вспомнила я, не разгибая головы, — ты чего здесь делаешь, наследник?

— Ты без сознания была. Обряд забрал у тебя очень много сил. А брать их у меня ты пока без контакта не можешь.

— Как это — без контакта?

— Не дотрагиваясь. Научишься когда-нибудь. А пока мне пришлось держать тебя за руку. Потом я и сам не смог уйти, просто смотрел, как ты спишь. Оказалось, что во сне ты ничуть не лучше чем обычно. Даже молнией в меня запустила. И ругалась сквозь сон.

— Я? — от возмущения пришлось даже голову поднять. — Не может этого быть!

— Может! — улыбнулся демон (улыбки в темноте не вижу, но знаю, что она есть). Наследник запустил пальцы мне в волосы и осторожно их дернул, заставив оставшиеся шпильки разлететься в стороны. — Я много нового узнал. Так лучше? — растрепал он мои космы.

— Да! — едва смогла выдохнуть я.

Что же это происходит? Сажу на своей постели, рядом демон, отчего-то такой родной и в тоже время незнакомый. А в мыслях ни с того, ни с сего появляется такое!

Ко мне просто никто раньше так не прикасался.

Что там в эту минуту пришло в голову моему новоиспеченному женишку, я не знаю, но он наклонился и поцеловал меня.

Каково это, целоваться с демоном? Я к своему удивлению заметила, что отвечаю взаимностью. Хорошо это или плохо — не знаю, я ни с кем больше не пробовала. А с ним было приятно.

Так что очнулась я от этого... хм, очарования?... только когда почувствовала, как он накрыл ладонью мои пальцы, лежащие на его щеке.

— Не надо, — прошептал асур, нежно целую меня в нос, затем в лоб, затем... У-у, это я так завтра вся в засосах проснусь.

— Почему?

Демон тяжело вздохнул. Затем протянул руку, и на его ладони появилась свечка. Просто появилась из ниоткуда.

— Давай так, любопытное создание, мы зажигаем свечу, а завтра ты уезжаешь со мной в царство Варуны. Или же мы оставляем все как есть и встречаемся через два с половиной года. Ну?

Это жестоко! Мне хотелось зажечь свечку и узнать, кто же такой мой ночной гость, кроме того, что мой жених, асур и вообще подозрительная личность. Но в тоже время я не представляла, как завтра куда-то уеду, что не доучусь, что оставлю свою семью и так далее, так далее, так...

Так! Полегче задачки у него нет?

Наверное, с ответом я затянула, так как асур легким движением словно смял восковой черенок, и он растаял.

— Все понятно. По мне лучше бы мы зажгли все свечи в комнате, — с грустью в голосе признался он. — Целых два с половиной года!.. Я буду очень скучать по тебе, родная.

— Приезжайте к нам.

— Это невозможно. Мы и так подвергаем тебя опасности. Запомни, малышка, никто не должен знать о том, что произошло сегодня. Никто, даже твои сестры. Ты меня поняла?

Я кивнула, если честно, немного испугавшись этого тона.

Демон это почувствовал. Или увидел, в темноте они видят лучше кошек. Но вместо слов просто обнял меня, по этой дурацкой привычке асуров пересадив к себе на колени. Это помогло.

— Я никогда не сделаю тебе больно, мой ангел. И другим не позволю. Я никому тебя не отдам. Потому что... — Он приподнял мое лицо, заставив смотреть в тень под капюшоном. Не самое познавательное зрелище, но я почему-то угадывала его чувства, — ты самое дорогое, что у меня есть. — Демон поцеловал меня, а затем, прошептал: — Не бойся, — вновь склонился губами к моему рту.

На лице осталось тепло его дыхания, а затем...

Я почувствовала, как от меня что-то ускользает, что-то теплое, знакомое, родное, оставляя за собой пустоту. Сказать, что я испугалась, это не сказать ничего — меня охватила паника. Упершись ладонями ему в грудь, я попыталась оттолкнуть от себя демона, но его руки лишь сильнее сжали меня, а уже через секунду по телу медленно разлилась слабость. Так вот о чем говорил Колиостро, «асуры пьют душу». Мою душу, и я ничего не могу сделать.

Теплые губы, наконец, накрыли мой рот в самом нежном поцелуе.

— Все хорошо. Все хорошо, моя девочка, — зашептал он, проводя губами по моему лицу. — Я не сделаю тебе ничего плохого, верь мне. Взамен я дам тебе... себя.

Тепло вновь коснулось моих губ, но теперь текло не *из*, а *в* меня. Оно заполняло все пустоты, и те, что сделал сам асур, и те, что жили в моей груди с самого рождения. Оно растекалось во мне, как сладкая патока, принося ни с чем несравнимые ощущения. Не телесное, а душевное наслаждение. Счастье, какого еще не было в моей жизни, покой, удовлетворение и... любовь!

Как же это прекрасно.

Я сидела в его руках, прижималась головой к сильной груди и пыталась справиться с бушевавшей собой.

А в моей груди жила его душа. Теплый пульсирующий комочек чего-то удивительно светлого и нежного. Что же он сам испытывал, взяв кусочек моей души?

Я подняла взгляд.

— Испугалась? — тут же спросил демон.

Врать ему, все равно что врать себе — говоришь, но это ничего не значит.

Поэтому я кивнула. На слова сил не было. Точнее, силы-то были, но так не хотелось ворочать языком.

— Прости, мне следовало тебя предупредить, родная. Но ты же видишь, я теряю от тебя голову.

— Не вижу, — хихикнула я.

— Тогда чувствуешь. Ты ведь чувствуешь, вот тут? — коснулся он моей груди.

Я улыбнулась — чувствовала. Сквозь тонкую ткань ночной сорочки, пальцы демона жгли не хуже раскаленных угольков. Это прикосновение отзывалось во мне, словно

узнавание. Что-то не давало покоя, пока я не поняла.

— А еще здесь, — положила я его руку на свой живот, точнее немного ниже пупка.

Демон вроде бы смутился.

Мне нравилось слушать его дыхание, биение сердца, короткие, глубокие удары, чувствовать кого-то родного рядом.

Не знаю, сколько мы так сидели, крепко обнявшись в ночной темноте, но к своему позору я уснула.

Мне снились странные красивые сны.

Потрясающие города, величественные храмы, богатые дворцы и самые удивительные сады.

Три тени за спиной.

Длинная пика с развивающимся знаменем на конце, зажата в латной перчатке. Мужчина позади меня улыбается асурьими клыками. Я автоматически отвечаю тем же. Не весело как-то. Длинные косы падают на грудь, голову обнимает тонкий обруч с хрусталем посреди. В лице чересчур много решительности, явно задумала нечто нехорошее. Оборачиваюсь. Позади куда не взгляни — люди. Армия? На мгновение сердце замирает от страха и тоски. А через секунду я шепчу:

— Моя армия! — И за спиной вырастают крылья. Широко разведенные в стороны, золотисто-серые. Крылья моего духа-птицы. — Ну что, начнем? Кто не спрятался, я не виновата!

И лишь перед самым пробуждением пришло что-то тревожное. Я лежу на мокрой траве, тело разрывает боль. Я разлепляю глаза. В воздухе завис мой дух, с ужасом вззирающий на меня. Встать не получается, что-то держит меня, причиняя боль, грудь жжет, а по одежде разливается жаркая кровь. Из последних сил протягиваю руку к птице. Сердце замирает...

Глава 7

Ваша карта бита, плотите по счетам

О х, и до чего же они въедливые и любопытные.

— Ну?

— Чего «ну»?

— Ты сказал ей, что любишь ее?

— Зачем?

— Значит, не сказал.

— Вот дурак! Потому что надо было.

— А я раньше не верил, что от любви глупеют. Думал, врут. Оказалось, правда.

— Эй, прошу без оскорблений. Она и так все поняла, чего говорить-то.

— Нет, ты точно болван.

— С чего ты вообще взял, что она поняла? Наверное, сидит сейчас бедняжка, страдает, понять не может — чего ты к ней привязался.

— Я отдал ей все, что только мог. Наверное, даже переборщил, ну да ладно. Главное — она знает.

— Через пару дней, как только твоя аура растворится в ней, Лилит не будет так уверена. Тебе стоило все же сказать.

— Пара дней? — задумчиво произнес наследник. — Плохо, что мы не можем остаться на это время и проследить — все ли идет в порядке.

— Прекрати. Не ты первый, не ты последний. Она будет любить тебя. Как это не выглядело бы странно.

— Да уж. Любить того, кого ни разу не видела. Сочувствую я девочке.

— Почему это ни разу. Нас-то она видела.

— Ага. И будет любить всех четверых. Чтоб не промахнуться.

— Заткнись! Не наступай на хвост. И так тошно. Как же не хочется уезжать, — затосковал он.

— Ну, ты попал. Не стоило тебе с ней говорить. А то ты совсем размяк.

— Она не испугалась, когда нашла тебя рядом?

— Напугаешь ее, пожалуй. В лоб мне дала, а так нормально.

— Эй, а где подробности?

— Мы тебя слушаем.

— Чего вам еще?

— Расскажи, — затребовали подробностей тени. — О чем вы там болтали полночи? Или вы не болтали?

— Я сейчас какому-то хаму хвост в бантик завяжу. Перестань. Она же совсем ребенок.

— Что тебе раньше совсем не мешало.

— Это же другое дело. К тому же, это было бы все равно что распечатать бутылку лучшего вина и уехать на два с половиной года. А потом еще удивляться, почему оно выдохлось и половины уже нет. Что, мне тогда всех приложившихся искать?

— Зачем?

— Убить. Я ревнивый.

— Ты неисправим!

— Что радуется.

Таких восторгов у меня давно ничего не вызывало. Это было сравни детскому открытию чего-то большого и красивого.

О-очень большого. Я с замиранием сердца смотрела на огромную зверюгу, сидящую на поляне.

Дракон! Настоящий дракон.

У нас их не водится, во всяком случае, никогда не замечали. Драконы предпочитают горы, а сейчас в основном живут на западных границах обитаемых земель. Не то, чтобы дальше шли совсем необитаемые, просто кочевники и варвары государств не имели, а следовательно, никаких нормальных дел с ними иметь было невозможно. Время от времени они появлялись на приграничных землях, если желали что-то продать или купить, но торговцы туда и носа не совали, а значит — там никого нет. Хотя с той же регулярностью племена нападали на границу, разоряли селения, захватывали товары и людей, а иногда и земли. Но ненадолго, так как общими усилиями был создан Драконий патруль, охраняющий наши территории.

Элита магов служила там. Стать в паре с драконом, разве можно мечтать о большем молодому магу, только заканчивающему Академию. Какие приключения, какая команда, какие люди и какие драконы! Я просто зачитывалась томами приключенческой литературы, где храбрые маги в паре с верным драконом наводили порядок в мире. Доспехи, мечи, добрые друзья, спасенные по дороге прекрасные принцессы... Тут я скромно хлопаю ресницами и вздыхаю, на прекрасную я не тяну, да и спастись скорей надо от меня. Боевые заклинания и заговоренные амулеты, таинственные артефакты и загадки. Ох, как же я это люблю!

— Ну, как, хорошая змейка?

— Обалдеть! — выдохнула я.

— Сам ты — змейка! — обиженно выпустил пар из ноздрей дракон.

— Здравствуйте, — я даже присела по такому случаю. — Меня зовут Лилитана. Я... в восторге от вас!

Дракон скосил на меня левый глаз и протянул коготь для... когтерупокожания?

— Я Элвил. Мне льстит. Приятно встретить хоть одну принцессу, не страдающую манией величия. А то все считают, будто я только и думаю, как бы их утащить к себе в логово. А на кой они мне там? Начитаются, дуры, книжек всяких.

Я покраснела.

— Мне все как-то больше нравится роль мага. Ну, знаете, активности в этом больше. К тому же во всех книжках, что ни принцесса, то блондинка. При том натуральная и платиновая. С голубыми невинными глазами и одной извилиной в голове. Бр-р, терпеть таких не могу.

— Я тоже! — обрадовался Элвил. — А вы читали последнее произведение...

— Может, хватит, клуб любителей книги, — отвлек нас Бали.

— Мы тут уезжать собрались, а ты отвлекаешь нас от прощания с этой милой особой, — поддержал этот беспредел Зак.

— Ну вот, встретишь, наконец, интересного собеседника, настоящую принцессу и мага, а вы сразу кричать. Уйду я от вас.

— Эта принцесса уже занята, — насупился Аскар, — так что поищи собеседника в другом месте.

— Аскар, как не стыдно, — посмотрела я на асура. — Оскорбляешь благородное существо. Можно сказать, дракона чистой души, знающего толк в принцессах.

— Ага, а еще вкус и способы приготовления, — хмыкнул Данте.

Показав ему язык, я все же отошла от предмета своей новой страсти.

Асуры как раз заканчивали паковать седельные сумки, прицепляемые к драконовой спине. А на меня с новой силой накатила тоска. Как же не хотелось их отпускать.

Я смотрела на эти милые мордашки с рожками и уже была готова расплакаться.

— Ну, чего ты расстроилась? — приобнял меня Заквиэль.

— Жалко!

— ...У пчелки, — тут же отозвался Данте, даже не поворачиваясь к нам.

Я погрозила его спине кулаком и снова ткнулась носом в грудь асура.

— Эх, черти мои разноцветные, как же я теперь без вас буду? С кем мне из дворца сбегать и по тавернам шляться? Кто будет меня смешить и поддерживать? Может, вы никуда не поедете? — с надеждой посмотрела я в глаза демонам.

— А может лучше ты с нами поедешь? — ответил мне тем же Аскар. Обожаю эту ходячую лужайку!

— Нет. — Я вздохнула, получилось очень громко и тоскливо.

— Ну не надо так, малышка, — посмотрел на меня Бальтазар, подходя ближе. — Мы тоже будем скучать. Правда. Очень сильно! — Он забрал меня из рук Зака и обнял сам.

— Вас четверо, я — одна. Разницу улавливаете?

— Ничего. Время быстро пройдет.

— Может быть. А что мне делать, пока оно идет? Никогда не умела прощаться, — поморщилась я, понимая, что еще немного — и зареву.

Демоны это тоже поняли. Поэтому Данте откуда-то вытащил туфлю и показал мне.

— А знаешь как мы невесту искали? Решили, кому туфелька подойдет — ту и возьмем.

Я хихикнула.

— Ну и как?

— Пришлось идти к королеве сначала, вдруг ее. А мы тут ищем, ведь пришлось бы ее забирать. А королева посмотрела на этот башмачок и говорит: «У всех девочек ножки маленькие, а это, похоже, лыжня, значит, Лилит потеряла».

— Ах, ты! — разозлилась я. Выхватила туфлю и замахнулась на вредного асура. — Знаете, есть такое девичье гадание, встаешь и кидаешь за спину башмак. Вот сейчас как кину, кому в лоб попаду, я не виновата.

— И что тогда будет? — тут же заинтересовался Данте.

— Шишка будет. А я еще добавлю.

— Давайте попробуем? — оживился Аскар. — Вдруг, правда!

— Конечно правда, — Бали взял туфлю и словно взвесил на ладони, — если каблуком в лоб попадет, та-акая шишка получится. Загляденье.

Я хихикнула, а затем отняла туфлю:

— А давайте!

Демоны переглянулись и заулыбались:

— Где нам встать?

— Детский сад какой-то. Все Асурендре расскажу. Вот порадуетя, чем его детишки тут занимаются, — насупился дракон.

— Не зуди, Элвил, — попросил Зак. — Забавно же.

Асуры встали в линию за моей спиной, я мысленно представила эту картину, оценила расстояние и шепнула пару строк заклинания. Не знаю, как они, а я играть честно не намерена. Они меня тоже обманули. Размахнувшись, я кинула туфлю за спину.

Не имею даже представления, что же там произошло, но когда я обернулась, демоны лежали в кучке и дружно ругались. А вокруг весело плясали звездочки. При том вокруг каждого.

Пришлось просить помощи у дракона, все это время с любопытством разглядывавшего нас.

— А они попытались ее поймать, — просто ответил Элвил, весело щурясь на этот кавардак.

— Вот черти разноцветные, — взмахнула я руками.

И пошла к ним. Нет, разматывать этот забавный клубок я не собиралась. Наоборот, села рядом и начала методично связывать хвосты демонов, приговаривая:

— Дураки. «Верь нам», а сами так обо мне думаете. Как не стыдно. Думали, накладываю чары, чтобы узнать своего женишка. Глупость! А еще друзья называются.

— Ну, прости!

Чертяги еще несколько минут покопались, развязывая свои хвосты и отгоняя надоедливые звездочки. Однажды у меня даже получилось наложить заклинание с летающими птичками, весело щебечущими над ухом. Но оно было очень нестабильно, поэтому я его и не использовала.

— Ты правда обиделась? — первым подошел Бали.

Я тяжело вздохнула:

— Нет, просто неприятно. — Щелкнув асура по лбу и вызвав тем одну радостную звездочку, я ухватила ее пальцами и прицепила к чуть длинноватому носу Бальтазара. — Качественное заклинание, — прицокнула языком.

— И долго нам так ходить? — поразился Аскар.

— Вот встретимся снова и расколдую.

Он вздохнул и мягко обнял меня.

— Мы будем скучать.

Я усмехнулась.

Это странное «мы». Они всегда говорили «мы». Вот что интересно, женишок-то мой всегда говорил лишь за себя, не применяя это пространное «мы».

Помотав головой и отогнав эти мысли, я в который раз призвала себя к порядку. Сегодня утром я решила — подумаю об этом завтра. Что даже одна единственная мысль о происшедшем может испортить все прощание. А я искренне сожалела об отъезде демонов.

— Знаю, Аскар. Я тоже буду скучать. — Потрепав его по ярко-зеленой головушке, я обернулась к остальным демонам.

В их колдовских глазах было столько грусти, столько тоски. Ну как можно не любить эти очаровательные мордашки.

— Нам пора, малышка.

Я вцепилась в плащ Аскара. Потом покраснела и медленно разжала пальцы.

— Тогда давайте прощаться?

Демоны вздохнули. И посмотрели на Заквиэля. Вечно они все на него сваливают.

— Мы... не знаю я, что говорить. Сами отдувайтесь. Почему всегда я?

— Хорошо! Начну я, — решил Бальтазар. — Лилит, мы были очень рады знакомству с тобой. И у нас есть для тебя кое-что на память. Саламандру я уже отправил к тебе в башню, все как мы договорились. А еще хотел отдать вот это, — протянул он странную штучку на

цепочке. Артефакт, поняла я. — Это я забрал у той девчонки, с которой ты дралась. Подумал, тебе оно пригодится. Кое-что я там конечно подправил, сама потом разберешься.

— Огненные кинжалы, — вздохнула я, принимая подарок. — Спасибо, Бали. — Я встала на цыпочки и чмокнула его в щеку.

Тот расплылся в улыбке.

— У меня тоже есть для тебя подарок, — посмотрел на меня зеленоглазый Аскар и протянул здоровенную книгу. — Это написали асуры. Справочник по использованию трав. Думаю, тебе будет что почитать здесь.

— Лучший подарок книга? — хитро улыбнулась я. — А искусство составления букетов здесь есть? Ну, не красней так, Аскар. Обещаю исправиться. — Его я тоже поцеловала в щечку, подставленную для такого случая.

— Ну, а мой подарок не так осязаем, как остальные, — оказался рядом Данте. Подняв руку ладонью кверху, он дунул на нее, подняв облачко какой-то пыли, тут же осевшей на мне. Я попыталась чихнуть, но синеволосый демон зажал мне нос двумя пальцами, за что получил более чем не ласковый взгляд. — О нем ты узнаешь в свое время. Тебе понравится мой подарок, девочка.

— Что бы это ни было, но спасибо, Данте. И знаешь, каким бы врединой ты ни был, я все равно буду скучать по тебе.

Он улыбнулся и обнял меня:

— Удачи, малышка!

— А это от меня, — протянул мне ладонь Зак. На ней лежал темно-фиолетовый браслет из какого-то неизвестного мне камня. — Это защитит твою душу. Носи его всегда. Заодно он проконтролирует твой дух, не даст выйти аватаре. Кстати, на будущее — это не ястреб, это феникс, длинный хвост, немного другой клюв, крылья. У вас они просто не водятся, а у нас живут и гнездятся.

— Спасибо, Заквизель.

— Мы будем ждать тебя.

Я грустно улыбнулась.

И тут со стороны раздался грохот взрыва. Прикрыв глаза, я спросила:

— Замок?

— Ага, — подсказал Данте.

— Моя башня? Заберите меня, а?

В общем, башня пострадала не так сильно, как я думала. Ну, разнесло немного крышу, повыбивало стекла, испортилось все оборудование — какие мелочи на фоне всего остального, что теоретически могло произойти. Позже оказалось, что даже вины моей в этом не было. Хорошо, почти не было.

Весь сыр-бор произошел из-за подарка Бальтазара. Огненная саламандра, поселившаяся в моем камине, решила не дожидаться прихода взбалмошной принцессы, а устроить разведку... боем. Ее привлек один из ингредиентов, стоящий в колбе на столе, саламандра сунула в него нос, вследствие чего и произошел взрыв. Лично мне этот ингредиент выдавали под расписку и то под чутким руководством магианы. А тут вроде как забыли... вот и результат.

Консуэла жутко возмущалась по поводу чрезвычайной неуместности подарка моего красноволосого друга, но потом огненная зверушка, стыдливо тыкающаяся в мои ладони, совершенно не обжигая их, очаровала и ее. Назвав наш замок зверинцем магических масштабов, магичка махнула рукой на пребывание здесь еще и саламандры.

Что же касается наших отбывших гостей, то первые дни я тосковала по ним, а потом начался тихий ужас.

Мне стало так плохо. Я места себе не находила, часами металась в своей комнате. Голова кружилась, кровь кипела, даже температура поднялась. Пришлось забыть, что такое сон, спокойствие, голод, наконец, есть мне уж точно не хотелось. Только плакать и тяжело

вздыхать. Ни помогало ничего.

Когда это заметила магичка, решила, что я заболела. Даже предположила, что уж с моими талантами я вполне могла подхватить какую-нибудь заразу.

А Элоиза как бы между делом, шуткой спросила, уж не влюбилась ли я.

Вот тут-то я и поняла все, что мучило меня так долго. Правы оказались обе. Да я подхватила от демона болезнь, имя которой — любовь.

Он ведь сам вложил в меня это чувство, как семечку в горшок полный земли. Что ж, почва оказалась плодородной. И семя дало росток.

Как глупо любить того, кого не знаешь, и в тоже время такого родного.

Прекрасный принц на серебряном драконе.

Ну почему мне всегда так везет на глупости и нелепицы?

Ко времени бала, которым меня так упорно пытались напугать, я уже взяла себя в руки.

Я стояла в центре залы и смотрела на танцующие пары. Внутри как никогда было пусто и тоскливо. Меня одели в красивое платье, обули в те самые туфли, подняли волосы наверх, в общем, упаковали как конфетку. И что самое интересное, даже сестры заметили — это все пошло мне, поражая даже их, хотя кто-кто, а девочки никогда не сомневались, что я хорошенькая. А загадочная задумчивость во взгляде, кроткий нрав, отличавший меня в те дни, привлекли небывалое количество кавалеров. Так что мой план по отсидке в темном уголке не удался. Пришлось танцевать и выслушивать пустые речи молодых аристократов и талантливых колдунов.

В общем, спор я выиграла без особых усилий. А в качестве приза потребовала разорение царской оружейни ровно на один клинок. Мне он давно нравился, только кто даст оружие девчонке? А на практику такой и взять не стыдно.

Сперва короткий меч ладно лежал в моей девичьей ручке. Затем он был пристегнут к бедру, после чего меня послали на экспресс курсы по владению оружием.

На практику я выехала уже в полной боевой готовности.

Вадик, конечно, тоже заметил перемены, куда же деваться. Но он парень тактичный и, пару раз спросив, в чем же дело, заткнулся. Зато кареглазый маг въедливо выспрашивал меня о пребывании в нашем дворце асуров, о нашей дружбе и похождениях. Кое-что я рассказала, обратив все в занятные байки, о чем-то умолчала, где-то вообще ушла в несознанку.

Примерно через год я вновь научилась непринужденно смеяться и стала почти прежней.

Почти...

Иногда мне казалось, что острое чувство в груди убьет меня. В такие моменты я ненавидела этого мерзавца — как он мог отдать мне это и уехать, как он вообще мог?!

Любить тень — безумие. Но я любила! Тот короткий миг, что он сидел рядом, тот шепот, те слова, те прикосновения, те поцелуи, ту грусть...

Он снился мне, но с утра я, увы, не помнила лица. Лишь голос. Этот чарующий голос.

Я ненавидела его за острое чувство одиночество, неведомое мне ранее, за боль от разлуки, за незнание...

И я любила его. Просто любила.

Время шло, и я научилась жить с этим внутри, научилась делать вид, что ничего не произошло, научилась просто быть собой, а не кусочком его души, оторванным и брошенным.

В двадцать лет, в день моего рождения, во двор неожиданно приземлился Элвил. Сердце совершило невообразимый кульбит, хотя я понимала — мне не увидеть демонов раньше намеченного срока. Оказалось, он принес подарки по случаю круглой даты. Их было хоть отбавляй. Я еще полдня разбирала коробки. Ровно до тех пор, пока не наткнулась на черный чехол без подписи. В нем лежали шпильки для волос. Самые красивые, какие я только видела, потому как кончики их венчали яркие звезды, усыпанные какими-то непонятными мне золотистыми камнями. А на самом дне лежала записка.

«Мне полдня пришлось биться головой о стену, чтобы объяснить ювелиру, чего же я хочу. Надеюсь, результат тебе понравился, и шишки были не напрасны. Просто помни — я тебя жду».

Элвил на правах гостя пробыл у нас пару дней, позволив мне вдоволь наиграться в великого мага, покататься на его спине, а магичкам надергать такой дорогой в наших краях драконьей чешуи. Кто бы видел, с какими хищными лицами подкрадывались они к Элвилу, когда думали, что он спал. Мы чуть животы над этим зрелищем не надорвали. Впрочем, он был не против. Дракон вообще оказался довольно миролюбивым и ленивым экземпляром. Нам лучше.

Специально я его, конечно, не расспрашивала, но о том, как поживает моя распрекрасная четверка, все же узнала. По возвращению им был большой нагоняй от Асурендры, так назвал дракон правителя асуров, земля полчасу ходуном ходила. Сейчас они в полном здравии совершают какой-то марш-бросок по горам.

Когда я не смогла удержать глубокий вздох, Элвил положил голову с печальными глазами рядом со мной и тоже вздохнул, что в его исполнении вышло как два облачка пара.

— Да все с ним нормально. Скучает правда. Делает вид, что нет, но меня-то не обманешь.

— О ком это ты?

— О том, о ком ты вздыхаешь, принцесса. Я все вижу.

Положив голову на его длинный нос, я сказала:

— Плохо мне. Если бы я знала, что все так будет.

— Что бы сделала?

— Надавала бы по рогатым башкам, пока они этой глупости не задумали. Тоже моду взяли — за меня решать, кого мне любить, кого нет. Ох, и будет же весело кому-то.

Дракон засмеялся.

А с утра улетел домой. Еле успела посылочку к спине прицепить. С яблочками.

На балу по случаю моего дня рождения я блистала всеми звездами в волосах.

Кстати, о волосах. С помощью давних советов Аскара, мне все же удалось с ними более или менее справиться. Расти они начали, в стороны особо не торчали. Только появилась новая проблема — цвет начали менять. То были непонятно какого каштанового оттенка, а теперь это определенно темно-медные локоны. Уж и не знаю, кому спасибо за это сказать, то ли Аскару, то ли возрасту, то ли крови нежити, которую мы повадились пускать на практике.

Последнее, кстати, Вадькина теория, поддержанная Полуденом.

С ним отношения я тоже наладила. Магом он оказался сильным, талантливым, если не сказать гениальным, и как учитель мне очень нравился. Несмотря на то, что подружки-ученицы крутили пальцем у виска, типа «ты чего девка, такой мужчина видный рядом ходит, глаз томных не сводит, а ты в сторонке теряешься». А как им объяснить, что не нужен мне он, свой ведь где-то ходит. И вообще я почти замужем. Да и по сравнению с асурами этот видный как-то теряется. Взглядов томных я за ним тоже как-то не замечала, все больше ехидные.

Правда, последние полгода появилось какое-то напряжение.

Но с наступлением весны мы выехали на практику.

Там-то и начались первые странности.

Мы устроили засаду, поджидая упыря. А я изображала из себя невинную жертву, привязанную односельчанами к дереву на откуп страшному чудовищу.

— Так не туго?

— Нет, главное, чтобы развязался легко.

— Может тебе перчатки снять, не удобно все-таки?

— И с поцарапанными руками потом ходить? Нет уж. — Еще чего, чтоб при приближении нежити они расцвели буйным цветом.

— Как хочешь. Справишься? — уже в который раз спрашивал он.

— Идите, учитель. Ведь спугнете. Я больше такого плача прощального, как устроили

мне в этой деревне, не выдержу.

— Учитель? — тихо сказал Полуден и коснулся моей щеки. — Всегда лишь учитель.

Я удивленно посмотрела на него, совсем обалдев от этого тона.

«Ну надо же!» — подумала я, прежде чем ощутила шевеление листочков на руках.

— Он идет, убирайтесь же.

В общем, ничего приятного.

Потом начались вообще чудеса.

Полуден не отходил от меня ни на шаг, я даже шарахаться от него начала. Вот, думаю, дожили! Совсем с ума сошел наш великий и могучий.

А однажды, когда мы опять таки сидели в засаде на одном не очень приятном кладбище, Эрик, воспользовавшись моей сосредоточенностью на другом предмете, довольно профессионально подмял меня под себя и принялся целовать. Я с пару минут подождала. Нет, отнюдь мне не понравилось, просто хотела понять, смогу ли я хоть что-то почувствовать. В итоге заключила, что если что и чувствую, то мокрую землю под спиной, промозглый весенний ветерок, заступающий под одежду вместе с руками мага, и... мне почему-то в кусты ближайшие захотелось, видно, не стоило пить столько кваса накануне.

Попытки отодвинуть назойливого мага успехом не увенчались, колдовать нельзя — нежить почувствует, вот и пришлось действовать проверенным способом. Я резко согнула ногу и коленом заехала Эрику в самое уязвимое место.

И тут же поползла в ближайшую растительность, сказав лишь многообещающе:

— Ща вернусь, продолжим. Больше я квас не пью.

Когда я вернулась, Полуден все еще не разогнулся, а сидел на коленях и напряженно дышал. Больно вышло, наверное.

— Теперь можно продолжить. На чем мы остановились? А, вот, — я отвесила ему пощечину всей ладошкой, добавив самую малость магии.

Думаю, в ту ночь меня вполне могли привлечь за избиение учителя. А это в магических кругах карается очень строго. Благо домогательство собственных учеников вообще облагалось таким позором, и через сотню лет припомнят.

Возвращались мы не в лучшем настроении. Меня волновало окончание учебы, возможность подержать свой диплом в руках, бал выпускников. Ну и конечно... Нет, не будем об этом думать.

Элоиза вот-вот должна родить мне первого племянника, Беатриче передала ей письмо и пожелание легкого разрешения.

Сестры уже вышли замуж, старшая — за принца, средняя — за графа Константина. Сейчас папочка готов сосватать Присцилу. Скоро дойдет и до Симиллы. Только меня давно здесь не будет. Я буду далеко, в волшебной стране, рядом со своим любимым... мужем.

Наверное, я улыбнулась при этой мысли, потому как Эрик покосился в мою сторону.

— Хочешь домой?

— Еще бы! Нас два месяца не было. Меня ждет любовь всей моей жизни. — Я засмеялась, смотря в растерянное лицо Полудена. — Мой Нагос.

— Тебе не надоело возиться с ним?

— Что вы, нет. Вы же сами знаете, как сильно меня уважают, когда я запрягаю его в карету и катаюсь по городу. Эту пятерку вороных знает каждый столичный маг.

— Еще бы. Прятать под личиной коней пятиглавую гидру! Как тебя за эти шутки не наказали, удивительно.

— Да кто ж меня накажет, сиротинушку-то? И заступиться за бедняжку некому. — Позволив колдуну вдоволь насладиться моими невинными, скорбными и такими слабоумно-наивными глазами, я добавила, сильно давя на букву «г»: — Хучь не погнали, и то благодарность.

— Лилит, прекрати. Слышал бы твой батюшка.

— И чего он сделает, руками разведет? Он мне не указ. Я магичкой родилась, что ж поделаешь. А Консуэла тоже не может со мной ничего поделать, все-таки с принцессой дело

имеет, да и вы тут еще вмешались.

— Эта безнаказанность пугает меня. Представляю, что будет с миром после того, как ты получишь свой диплом. С твоим талантом к разрушению.

— Ничего не будет, — заверила я. — У вас в термосе чая не осталось? Так горячего хочется.

— Озябла? Сейчас посмотрю. Остыл уже, — вздохнул Полуден.

Я достала из седельной сумки чашку и протянула:

— Наливайте. — Он вылил мне остатки утреннего чая. А я склонилась над чашкой и прошептала: — Уголек!

Она появилась тотчас же. Маленькая огненная саламандра скользнула по моим рукам, поежилась на ветру и с интересом заглянула в чашку. Ящерка быстро оценила ситуацию и, обвив глину хвостиком, заставила воду закипеть.

— Спасибо, моя радость. — Я погладила ее по гребню и заглянула в черные с едва заметным тлением глаза, за которые саламандра и была прозвана мной Угольком.

— И как ты держишь эту гадость в руках, — поморщил нос маг.

— Нормально. Она тепленькая и меня не жжет. И почему вы так ее не любите. Сколько раз Уголек спасала нас от печальной участи замерзнуть холодной ночью. Разве не понятно после этого, что она верная подруга.

— Это огненная саламандра, Лилит. А у огня нет понятия верности.

— Угу. А гидру нельзя приручить.

Я бросила на учителя насмешливый взгляд. Как же ему нравилось подвергать мои уже сделанные дела сомнению. И что ему с этого?

Через пару дней после удачной сдачи экзамена, когда я получила звание магианы, к нам приехали послы из царства Варуны. Я, конечно, не стала даже надеяться увидеть своих чертей, иначе мне так бы и сказали. Предлог был простой — они якобы должны сопроводить меня в свое царство в гости. Да, просто гости.

Асуры похоже и сами были уверены в этом предлоге. Их было трое. Такие же красивые, как и мои чертики, рогатые, хвостатые. И цветов они были разных — голубого, сиреневого, желтого. С такими серьезными лицами и жесткой военной выправкой. Меня это позабавило.

Отец не хотел расставаться со мной так скоро после возвращения с практики, и мы назначили отъезд через четыре дня. А до этого времени я попыталась их развеселить. Хотя в письме, которое они передали королю, было строго подписано уже знакомым мне почерком: «Не травить, не спаивать, не обнимать». Хм, надо будет попробовать.

Через пару дней асуры отошли и довольно мило всем улыбались знаменитыми клыкастыми улыбочками. Половина придворных тут же разъехалась, припоминая прошлый раз.

Больше всего я сейчас жалела об отсутствии моего Вадика. Молодой маг был послан по распределению в какой-то замшелый городок на год — для практики. Я с ним и проститься не успела. Вот дела.

На третий день мы решили поехать на пикник. Я пригласила Присцилу и Симиллу, а так же трех бывших учениц магианы Консуэлы, оставшихся во дворце — Ириду, Люсинду и Маришу. Ну и конечно трех красавцев-асуров.

Меня, правда, смущало увлечение Симиллы одним из них — голубоволосым Сепаром. Когда я попыталась образумить сестричку, сказав, что через несколько дней им уезжать, она беззаботно ответила:

— Это даже к лучшему. Я ведь ни хочу ничего такого. Он мне просто нравится. У него такие глаза. Я таких никогда не видела. Он чем-то напоминает твоего Аскара. Только этот как-то... мне милее, что ли.

— Милее? Глупенькая, это же демон, это же асур!

— Помнится, кто тебе в свое время это только не говорил, а ты все гнула свою линию. Так дай теперь мне отстоять свою симпатию.

— Пожалуйста, Симилла, ты ведь не знаешь, ты не понимаешь, чем придется платить за эту симпатию.

— А ты чем платила? — дерзко обернулась ко мне сестра.

«Бунтарка», — с восхищением подумала я.

— Слишком многим.

— Ты ведь и сама была влюблена в одного из них. Мы с сестрами тогда долго пытались понять в кого именно, но к единому мнению так и не пришли. А когда они уехали и ты начала чудить, Беатриче запретила нам говорить на эту тему. Так кто он был?

Самой бы кто сказал.

В общем, от нее я так ничего и не добилась. Пришлось взять за хвост асура.

На той прогулке я специально утащила его подальше и, встав напротив, посмотрела в действительно чудные голубые, прозрачные и зыбкие, как омуты, глаза.

— Я запрещаю вам даже прикасаться к моим сестрам и подругам. Тем более пользоваться их душами.

Асур надменно так, чересчур вольно глянул на меня:

— А то что, магичка? Ты будешь злиться? Или ревновать? — нахально погладил он меня по щеке.

Я закатила глаза:

— Самодовольный индюк. Ты бы сначала думал, с кем связываешься! — Ну конечно, человеческий маг, будь он хоть сам король, для них не указ. Тогда попробуем так. — А то завязанный бантиком хвост самое слабое, что можешь получить.

И я сняла с руки перчатку.

Коричнево-зеленая растительность вольно раскинулась по ладони и пальцам, трепетные листочки и соцветия слабо колыхались на неведомом ветерке. Кольцо с черным камнем тут же выступило сквозь кожу.

Паренек оказался умным. Мысленно сопоставив кое-какие факты, он пришел к нелестному для себя заключению и, в конце концов, упал на колени.

— Простите меня, госпожа.

— Идиот, встань немедленно.

Он подчинился, глядя на меня во все глаза. В два. Было бы больше, вылупил бы и их.

В общем, этот вопрос мы уладили.

Я потом раз сто жалела, что вообще завела этот разговор. Жалела, что поехала на тот пикник, что вообще родилась на свет такая невезучая. Хотя кто бы еще, крайней всегда была я.

Мы выехали в сторону замка около шести часов, нас уже должны были ждать к ужину. Но нам так хотелось полюбоваться на разгорающуюся весну.

Я как всегда ехала верхом, пренебрегая умоляющим взглядом Сепара. С тех пор, как он узнал истину — чуть ли пылинки с меня не смахивал, под обалдевшими взглядами соратников и злым — Симиллы. Она-то думала, что я у нее парня отбила. А мне своего девать некуда.

Сердце разрывалось от страха и радости. Я почти не могла думать ни о чем другом, кроме как об этих встречах. Со всеми чертягами сразу и с одним единственным.

Единственным!

И перестала обращать внимание на свои руки, пропустив то мгновение, когда рисунок зажегся красным.

Они выступили из леса сразу со всех сторон. Человек десять, не меньше. Хотя почему человек? Это были демоны.

Почти сразу остановив коня, я просто нутром почуяла опасность. Лошадь замерла у кареты, где сидели мои сестры и магички.

— Тш-ш! — показала я им, осторожно подбираясь к висевшему сбоку короткому мечику — уже привычка, стоившая многим жизни.

Сама я была одета в простенькие брючки, рубаху, темный камзол и высокие удобны сапоги. За пацаненка больше, конечно, не принимали, но и принцессу никто не признавал.

— Чего вам надо? — выступил вперед один из послов.

— Самую малость, — ответил высокий незнакомец властным голосом. — Нам нужна лишь принцесса. Невеста наследника.

У меня сердце в пятки ушло. Ну и пробило:

— А морду вареньем тебе не намазать?

Кажется, кто-то поперхнулся.

С нами было только пятеро стражников, кучер и мальчишка лакей. Что они могут против асуров? Я видела их бой и знаю, на что примерно способны эти существа.

Плюс три асура с нашей стороны, навряд ли чертяги послали мне слабаков. Три неопытные магички. И одна принцесса-раздолбайка, это я.

— И кто же там у нас такой глупый?

Я бросила в карету взгляд. В частности на Люсинду, которая отличалась неплохими способностями к телепатии. Может хоть она сможет позвать на помощь. Только плохо, далековато от города. Под непонимающими девичьими взглядами мое сердце дрогнуло.

— Я люблю вас, — проговорила я одними губами и тронула коня вперед. — А ты клыки-то не скаль, а то повыпадают ненароком.

— Уйди, — зашипел на меня Сепар.

— Еще чего. Я никому не позволю преграждать путь королевскому экипажу. Не для того я диплом получала.

— Колдунья, — понял асур в длинном плаще. И скинул капюшон. — Ты хоть знаешь против кого идешь?

— С дороги, — рявкнула я и кинулась вроде бы обычным с виду файрболлом.

А асуру надо было подумать, прежде чем связываться с дворцовыми магичками. Это не замшелый боевой маг средней руки, только и способный упырей колышком дырывать. Нас такому учат, мама родная, закачаешься. Тысяча и один вид противоядий от мышьяка. Не говоря уже о тактике ведения боя. Лопух ты, милый.

На прошлом опыте кидания всякой дряни в очаровательные мордашки демонов я научилась — они отражают удары не в сторону, как обычные люди, а вверх. Этот не был исключением.

Взлетев над лесом, где мы имели сомнительную честь попасть в засаду, как дикий кролик в пасть волка, огненный шарик рассыпался ярким фейерверком. Теперь главное, чтобы из города его вовремя заметили.

Я ухмыльнулась и начала отводить коня, пятясь задом.

Асур окинул меня взглядом:

— Эту не убивать. Я заберу себе ее душу.

— Попробуй, — приподняла я бровь, нахватавшись ведь дурных привычек. Надеюсь, подарок Зака меня не подведет.

— Убить принцесс, — дал он команду, холодным как металл голосом.

Впрочем, он и был металлом.

Из кареты тут же вышли другие магички. Я присоединилась.

Длинные клинки асуров быстро справлялись с людьми.

А я и не поняла, как оказалась с одним из них лицом... к морде. Он довольно оскалился, видя мое замешательство, за что и получил зарядом малой шаровой молнии в пасть. Создавать шарики долго, и я взяла в руки огненные клинки. Демон, стоящий напротив, был слишком быстр, чтобы я смогла его убить, да и измором это чудовище не возьмешь, поэтому я лишь пару раз чиркнула по темной коже огнем, разозлив врага еще сильнее. В меня ударила силовая волна, откинув на колесо. Я зашипела наподобие змеи.

Эх, Нагоса бы сейчас сюда.

Хватит мечтать, ты все же боевой маг, а не испуганная девчонка.

Я ударила другой волной, прикрывающей молнию. Промазала. Пришлось повторять.

Позади кто-то закричал, и я увидела, как на землю осела Люсинда, из груди ее торчал осколок льда.

Белый как снег асур махнул мне рукой.

Ненавижу снег.

Убью, заразу.

Выхватив любимые огненные клинки и продемонстрировав их ледяному, я склонила голову на бок, призывая начать наши игры.

Ни знаю, что за бес в меня вселился, но я начала двигаться так, как никогда раньше, со скоростью, позволявшей уворачиваться от атак асура, а это немало. Хотя пару раз в меня и попали его сосульки, вырастающие прямо из рук — одна саданула по плечу, другая ударила в ногу. Ничего серьезного, оценила я. И продолжила еще более злая.

Накинув морок, я пару секунд незамеченная двигалась к нему, а затем кинула оба клинка. Они вошли аккуратно в верхнюю часть груди демона. Он закричал, и из ран за клубился пар.

Ах, вот как!

— Уголек, — шепнула я, отводя руки назад. Почувствовав теплое тельце ящерицы, я спрятала ее в рукав, выкинув другой рукой кинжал наугад, лишь бы отвлечь.

Доля секунды демону понадобилась, что бы отвести его, но мне и этого хватило для следующего броска.

...Огненной саламандры ему под ноги. Умная ящерка тут же кинулась на врага, точно зная, что ей надо делать. Она вцепилась ему в лицо, заставляя кожу плавиться.

Я тоже ждать не стала, бросилась на него с двумя клинками в руках. И так удачно засадила их демону в живот!

— За Люсинду!

Асур рухнул на землю.

— Ли! — закричал такой родной голос, и я увидела сидящих на земле коленопреклоненных сестер.

Над ними, словно выбирая, стоял тот металлический демон с ятаганом в руке.

В глазах на мгновение потемнело.

— Нет! — закричала я, перекрывая шум битвы. — Не надо!

Демон поднял на меня свои бесцветные глаза.

На опущенную руку прыгнула саламандра и ловко вскарабкалась на плечо. Склонив голову, я потерлась о нее щекой и поцеловала в мордочку с умными преданными глазами.

— Возвращайся к хозяину. Передай, что я любила их.

По рваному рукаву скатилась огненная слеза, и саламандра исчезла.

А я начала медленно подходить к демону, с любопытством рассматривавшему меня, разве что голову на бок не склонил как собака.

— Никто не смеет делать больно моим сестрам, асур.

— А я все думал, где третья принцесса, а это оказалась замарашка.

— Лил, сделай что-нибудь, — попросила Симилла, слезно глядя на меня.

— Все! Я сделаю все. Отпусти их, демон. Ведь тебе не они нужны, а я. — Асур заинтересованно поднял брови. Клинки выпали из моих ослабших рук. — Я невеста наследника.

— Неужто?

Я сняла с рук перчатки.

Узор горел кровавым цветом. Листики свернулись, превращаясь в кинжалы, а цветы прикрыли бутоны, словно поджигая их. Кольцо же налилось красным.

Мне уже было понятно — помощи не будет. И то, что это последний день моей жизни.

Важно лишь — как его проведу.

Я умру. И это меня ни сколько не беспокоит. Главное — отстоять жизнь близких. Они ни в чем не виноваты, а я выбирала свой путь сама. Мне и платить.

Демон глянул на мои руки, перевел взгляд на лицо.

— Занятно. У нас с наследником сходные вкусы. Так вот какая она — будущая владычица царства Варуны. — Он рассмеялся.

А я сжала огненные клинки, вновь появившиеся в руках.

— Отпусти их. Мои сестры ничего вам не сделали.

Демон ухватил Симиллу за волосы и заглянул ей в глаза.

— Они дороги тебе? Хм, люди! Я хочу, чтобы ему было больно. Так, как будет больно тебе, юная Владычица.

Тело Симиллы выгнулось, в глазах застыл крик, а из тела чуть ниже груди, вышел кончик ятагана. Присцила взывала от страха.

А я сжала клинки сильнее и бросилась вперед. Но добраться до асура мне не дали, отбросили силовой волной.

Надо мной почти сразу встали Ирида и Сепар. В руках магички горели магические шары, асур сжимал клинок из воды.

Я криво улыбнулась.

— Госпожа, с вами все в порядке? — спросил голубоволосый.

— Жива, — ответила я, вставая.

— Приведите девчонку, — кивнул своим войнам стальной асур.

Нас окружило пятеро. Одного убил Сепар, получивший в итоге удар клинком сзади. Ирида лишь ранила одного, после чего упала, отброшенная силовой волной. Я осталась одна и стояла, опустив выросшие клинки до самой земли. Крутанувшись вокруг своей оси, я отогнала демонов на добрых пять шагов вокруг себя.

Красноволосый сделал движение рукой, пламя клинков затрепетало, но не растаяло. Я усмехнулась, предостерегающе помахав одним из них.

У меня и раньше были подозрения, что четверка демонов кроме всего дали мне и другие свои дары, почти непроницаемую защиту. Непроницаемую для нежити, но не для асуров.

— Зачем вам я? Зачем вам смерть? Эти люди вам ничего не сделали.

— Они мешали нам. Они были преданы тебе. Они были дороги тебе. Ничего личного, принцесса. Нам нужен наследник. А ты короткий путь к нему. Твою смерть он точно почувствует. — Войны расступились, давая ему дорогу. Очень высокий, сереброволосый асур, с холодными безжалостными глазами. Будь моя воля, никогда бы не перешла такому дорогу. Но не мне выбирать врага. — Я хочу, чтобы ему было очень больно.

— Легче будет кинуться в пасть оборотня. Смерть выйдет легче. А то что-то ты выбрал мудреный способ самоубийства.

— Наглая девка, — хмыкнул красноволосый.

— Дохлый асур, — отозвалась я.

Меня точно воспитали неправильно. Инстинкта самосохранения вообще в помине нет.

Он оскалился всеми клыками. Я повторила, наведя марок, свою визитную карточку.

Ну что ж, терять мне нечего.

Просто умирать не хотелось. Всего-то.

Я развела руки с клинками в стороны, приглашая к бою.

Ах, да. Совсем забыла, честью они не отличались.

Упав от удара силовой волны, больше подняться я не смогла.

С начала шевельнула пальцем. Затем раскрыла глаза.

Трава. Трава какого-то странного цвета. Запах...

Кровь! Вот что перепачкало траву, чей запах забивался в ноздри и не давал дышать.

На глазах выступили слезы.

Они убили их всех.

Присцила, Симилла, Люсинда, Мариша, Ирида.

Мои девочки, мои подруги, мои близкие люди.

Я села на колени и взглянула на свои окровавленные руки. Все одежда и пол-лица, та

часть, которою я лежала на земле, были испачканы в крови. Ко мне медленно возвращалась чувствительность и силы. Хотя я и не была связана, этого и не надо в окружении асуров.

Вокруг лежали тела моих друзей, поляна утопала в крови, в воронках от взрывов магии начала выступать вода, кое-где валил дым.

Поле боя. Моего боя. Боя, где я проиграла.

— Странный выбор у наследника. Другие вроде бы посимпатичней были, — хмыкнул кто-то над ухом. Я подняла голову и посмотрела на асура.

— Думаешь, в женщине главное внешность? — это уже тот ублюдок, убивший сестер. Он подошел ко мне и ухватил за подбородок. — Дай ей меч, и она вновь кинется на тебя. Таким не страшно умирать, ведь так? Тебе страшней видеть смерть других.

— На твою с удовольствием взгляну.

— Храбрая девочка. Такая гордая, такая сильная. За это он выбрал тебя? Посмотрим, что он скажет, когда я заберу душу его невесты. Всю, без остатка.

— Подавишься.

— Уж не первый раз. Как и тебе. Он ведь пил твою душу? И отдал тебе свою. С частичкой его души мне будет проще победить наследника. — Он склонился и чуть прижался к моим губам.

За что получил заряд молнии.

— Тварь, — зашипел он и ударил меня по лицу, да так, что я вновь упала. — На ней охранный амулет. Найдите его.

С меня содрали камзол и в четыре руки обшарили все карманы и тело. Браслет я носила на предплечье, и для легкости его снятия мне разорвали последний целый рукав. Нет, ну рубашек не напасешься.

— Работа Заквизля, — подсказал какой-то умник.

— Огненное оружие Бальтазара. Что же дали тебе остальные?

— Длинную косу и пару хороших шуток.

— Выходит кроме души у тебя больше ничего нет? Ты такая же пустышка, как и твои сестры, дорогая. — Асур похлопал меня по щеке и распрямился. — Надо уходить, пока не прибыла подмога из города. Здесь все уничтожить. А эту ко мне на лошадь. Заберем с собой, посмотрим, чего можно добиться от четверки, имея невесту одного из них.

Я перекатилась с бока на спину и посмотрела в небо.

По идеальной голубизне перевернутой чашки плыли легкие перистые облака. В этом году весна пришла рано и неожиданно ярко. Деревья давно утопали в зелени, цвели сады, пели птицы.

За два с половиной года до этого я знала, что все изменится и что мой дом в дальнейшем научится жить без меня, что город переживет отсутствие шумной принцессы, отец найдет другого, кого будет звать каждый раз, когда что-то происходит, комнату в башне закроют, а в ветвях старого дуба будут сидеть только птицы. Но не думала, что и весь мир расстанется с одной очень взбалмошной колдуньей.

Я умру, ну и упырь с этим!

Буду знать плату за любовь демона.

Только небо над головой все никак не отпускало меня, а я уже собралась с ним прощаться.

Как бы мне хотелось сейчас вновь взлететь.

Я тихо и очень ядовито засмеялась. Перевела взгляд на валяющийся невдалеке браслет.

— Вы допустили несколько ошибок, демоны, — тихо заговорила я, но у асуров слух отменный. — Во-первых, с вами нет повелителя воздуха. Во-вторых, вы даже не представляете, как умирают вольские принцессы.

Я закрыла глаза.

Грудь разорвало со страшной болью, я выгнула спину, перебирая руками по влажной от крови земле. Конечно можно и менее болезненным способом, только хочется почувствовать это в последний раз.

Он вырвался с криком, расправил крылья и взметнулся ввысь, манивщую его.

А потом взглянул вниз, на поляну.

Перья загораются красным от ярости и боли. А когти увеличиваются до состояния клинков. Таких же острых.

Несколько рогатых существ склонились над телом девушки, над моим телом, рассматривая разорванную грудь. Им не услышать стук ее сердца, не почувствовать дыхания, не увидеть душу, клубящуюся вокруг.

Потому что я здесь.

Бросившись вниз, дух откинул одного из демонов и яростно вонзил когти в его податливую плоть, затем рванул ее в стороны, разрывая в клочки.

Тоже будет и с остальными.

Вы не видите меня, вы лишь чувствуете неясное присутствие. Вам не скрыться и не отмахнуться от моего удара. Вы лишь плоть и неясная душа. Я же боль умирающих. Надежды, мечты о будущем — всего, что есть и было в сердце юной принцессы, влюбленной в демона.

Я ваша смерть!

Демоны кинулись в стороны, и их стало куда сложнее ловить. Но никуда вы не уйдете, ваши крылья из плоти, мои крылья из чувств, а они куда легче возносят нас.

Этому птица дала достаточно высоко подняться, прежде чем напала, разрывая крылья на мелкие полосы. Затем вцепилось в плечи и совершенно отчетливо, так что его душа затрепетала...

— Дохлый асур.

И выпустила лететь вниз на растерзанных крыльях.

Это был уже третий. Одному я вскружила голову. Хм, она так забавно закатилась в какие-то кусты.

И в этот момент я почувствовала, как слабею. Силы уходили, как вода сквозь пальцы. А мне надо было еще столько сделать, со столькими покончить.

Дух слаб.

«Вернуться или сделать это в последний раз», — опять решал он. И выбрал второе. Все равно нечего терять.

Черное тело покорно двигалось уже на полном автоматизме. Удар, прыжок, наступление, удар, шага назад, качнуться вперед на полкорпуса, и тут же взмах крыльев.

Все внутри клокотало от гнева, и устоять против него не могли уже все трое. Выставляя клыки, он бросался на них с яростью дикого зверя.

Лишь на мгновение он замешкался из-за пронзившей его боли в груди, но этого хватило противникам, чтобы нанести ответный удар.

Наследника отбросило в сторону. Он и не подумал подниматься и продолжить бой. Грудь продолжало рвать от боли, не позволяя даже вздох сделать, не то что встать.

И в этот момент он заметил яркое сияние проявившегося на пальце кольца.

— Лилит, девочка моя!

Тело вновь содрогнулось от боли, и он почувствовал, как силы уходят от него вместе с сознанием.

Все остальное он видел уже глазами птицы.

Ее глазами.

Сила ударила, сбив с ног, точнее — с крыльев.

Перевернувшись в воздухе, он оглядел свои засверкавшие тысячами огней перья.

Ангелы-хранители тоже нашлись, где раньше-то были.

Закричав, дух вновь бросился на растерявшихся асуров. Теперь они хоть и видели его, но отклониться и убежать все равно оказались не в силах.

Птица остервенело трепала труп пятого по счету демона и глазами выискивал следующего, последнего, когда увидел его.

Стальные волосы блестели на заходящем солнце, заляпанная в крови одежда ладно сидела на фигуре, глаза, полные ярости и насмешки, смотрел на него. Дух испугано замер, взирая, как асур поднимает короткий меч и с силой вгоняет его в грудь лежащей у ног девушки.

— Нет! — кричит кто-то в унисон с духом.

Разворачиваясь, он идет прочь.

А дух чувствует, как умирает его тело.

Я открываю глаза. Мне так больно. «Вот и все», — думаю я.

Со мной лишь мой дух, мой защитник, мое Я.

Его перья светятся так полубившейся мне гаммой. Значит, пришли. Не оставили меня наедине со смертью.

— Не умирай, любимая...

Я протянула руку, чтобы попрощаться...

И поняла, что это был последний удар моего сердца.

О н спрятал лицо в ладонях.

— Что случилось? — спросили тени.

А он разогнулся и закричал так громко, как только мог.

Сердце рассыпалось на части от боли. А злосчастное кольцо, столь поздно позвавшее на помощь, соскользнуло с пальца и покатилося по полу. Раньше его было невозможно снять, так туго оно сидело.

— Лилит... мертва.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ВЕДЬМА

Легко ли быть невестой демона?

Скажем честно, даже опасно. Мало того, что впереди маячит свадьба, так ведь ты еще и выжить попробуй. Что, не удалось? Тогда какой с мертвеца спрос.

Глава 1

Привет с того света

Я спрыгнула с лошади, хотя мне уже заботливо протягивал руки симпатичный паренек.

Хм, младше меня где-то на год. Милый, ты вообще-то знаешь, как медленно стареют маги? Мне ведь и лет сто может оказаться. Больше, чем твоей бабушке. Или для тебя это просто добавит пикантности? Сообщив ему все это взглядом, я заставила парнишку покраснеть. Так-то лучше. Нечего руки тут распускать. А то ведь еще новые отращивать придется.

Вообще-то я его не виню. Даже в потертых штанах и залатанной курточке выглядела я отлично. Правильные черты лица, может, немного резковатые, но мне шло, кожа чистая и словно святящаяся изнутри, только над губой маленькая кокетливая родинка. Что там у нас еще? Огромные карие глаза с золотыми искрами. Ну и в довершение ко всему длинная коса багряного цвета. Это не говоря уже о ладной фигурке, формы которой иногда с трудом помещались в особо узкие корсеты.

Тут я просто обязана пояснить — таких размеров мой бюст достиг самостоятельно, в то время как и кожа, и волосы все же стоили мне определенных трудов в своем укрощении. То веснушки высыпают, то с вороньим гнездом по утру проснусь. А вот родинка вообще была делом наживным, точнее, рисованным.

Выглядела я лет на двадцать. И только знающие люди да маги (что не всегда одно и то же) могли сказать, что это не так. Маги видели мою силу, не соответствующую институтке, а простому люду было достаточно заглянуть в упомянутые глазки. А там такое — некоторые сразу шарахались, а особо впечатлительные лезли под лавку и мелко дрожали.

Глаза — зеркало души, а я натура экспрессивная, да и мысли иногда такие бродят, самой страшно становится.

— Где хозяин-то?

— В светлице дожидается, — пригнул голову паренек.

— Так веда, чего встал. Или я по-твоему сама угадать должна? За это плата отдельная, мне ее с тебя требовать?

— Н-нет, — перепугался бедолага. Зря я так, конечно. Хотя сам виноват, нечего проезжих ведьм глазами мозолить. — Идемте за мной.

Он провел меня в уютненькую, действительно очень светлую комнатку.

Коренастый, дородный мужичек сидел на лавке и попивал чай из блюдечка. Он окинул меня взглядом и поморщился.

— Я колдуна просил приехать, а не девку.

«Не ценитель», — подумала я.

— Звать-то как?

— Танюхой кличут, — состроила из себя дурочку.

— А где маг-то выписанный, Танюха?

— Тыг я и есть маг-то, — гыкнула я.

— А не молода? Мне-то лучше мужика какого постаршей.

— С бородой да колпаком? — подсказала я. — Так то мой хозяин, он меня и послал к вам. Говорит, слетай девка на метле, опосля я приеду с кон... косиль... сильюмом.

— С чем?

— Уже прибыли? — зашла в комнатку тетка. Ладная такая, в переднике да юбке цветастой, с румяными щеками, натруженными, привыкшими к ведению хозяйства руками. Глянула на меня оценивающе, под лавку не полезла, но все поняла. — Идемте, госпожа, я вам все расскажу, пока Василий чая откушает.

Я кивнула и пошла за ней в большую кухню, пахнущую травами и луком.

— Да ты садись, — улыбнулась она. — Я тебе чая горячего налью. Вот пирожки, только испекли. А тут блинчики да сметана с медом. Кушай, не стесняйся. Устала наверно с дороги? От города не так уж и далеко, но с нашими дорогами то. Как тебя звать изволят?

— Таня, — улыбнулась я. Женщина мне нравилась, простая и проникательная.

— Надо же, имя-то наше. А я думала, какая-нибудь Гневенивера.

— Это еще почему?

— Ведь магичка, а у них имена обычно путаные. Да и личико у тебя такое.

— Какое? — заинтересовалась я.

— Не наше. У нас все покруглей да поскуластей. А ты прям как иноземка какая. Да и волосы у тебя странные, наши все светленькие да чернобровые. А тут смотри какая краса до пояса, — прицокнула тетка. — Дочурке бы моей такую, а то мучается девка, с ее реденькими волосиками.

— Так я настойку сделаю. И у нее такая будет.

— Ну, если так. Да ты перчатки-то снимай, тепло тут у нас.

Я заглянула за отворот перчатки и, облегченно вздохнув, начала их стягивать.

— Нам, магам, руки лучше беречь.

— Такие надо. Смотри, пальчики-то какие тонкие да ладошки ладные. Прям как у аристократки. Ты случайно не из ихних? — подозрительно сощурилась женщина.

— Не знаю. Сирота я. Меня тетка-ведунья подобрала и выходила. У нее и колдовать училась. — Смотри-ка, даже ни словечка не соврала.

— А как к магу-то попала?

— Господин Оливье в ученицы взял. У меня же получается, образования нет

нормального. А маг такого уровня может дать протекцию в университет на сдачу выпускных экзаменов. Нас у него двое. Он ведь считается лучшим магом в Ринии. Это просто счастье, что он взял нас в услужение.

— Да уж не бесплатно, наверное, — хмыкнула она.

— Что вы, он нам даже стипендию платит. Процент от вырученных денег. Его ведь часто вызывают, на всех клиентов времени не хватает. Вот и посылает нас. Заодно и опыт получаем хороший.

— Не плохо маг устроился. Чужими руками жар загребает.

— Такова плата. Пока у нас нет диплома, мы никто. За все надо платить.

Женщина хмыкнула. И отвернулась к очагу.

Я ее понимала. Эту прописную истину знают все, но многие просто не признают. И ожидать такого признания от девчонки никто не будет.

Но я знаю.

— Что, никак не разожжете? — спросила я, заметив, как мучается хозяйка с печью.

— По осени печь переложили, да неудачно как-то, дымит и зажигается плохо.

— Давайте помогу. Уголек, — позвала я. По руке знакомо скользнул теплый хвостик, а на пальцы легла симпатичная мордашка с гребнем и тлеющими глазками. В груди сразу потеплело. — Привет, малышка. Расскажешь, где сегодня была?

Саламандра затрещала на своем огненном языке и почему-то стыдливо ткнулась мне в ладошку. Эх, перекормила я ее в свое время, вон какая здоровая выросла. Раньше на ладошке умещалась. А теперь, если положит голову на кончики пальцев, хвост как раз до локтя доходит. Но я все равно любила это создание.

— Какая забавная зверушка, — улыбнулась хозяйка.

— Что ты натворила, Уголек? — Сердце пронзило чем-то острым. — Что случилось?

Ящерка вздохнула и заглянула мне в глаза.

— Хорошо, не буду спрашивать. Просто ответь, ты была в царстве? — Она кивнула. — Ну и как? Они счастливы? Попытку закатить глаза можно воспринять как согласие? Не волнуйся за меня, Уголек. Я рада.

Черта с два я рада! Точнее — с четыре.

Ненавижу, ненавижу его!

— Лучше помоги разжечь печку. А я поделюсь с тобой пирожком, — помахала я перед носом саламандры половинкой сдобы. Та проследила за ним голодным взглядом и соскочила к печке. Залезла по белым стенам и уселась в топке. Огонь загорелся тут же. — Теперь пока вы не погасите его, огонь будет гореть исправно. Киньте ей пирожок. Уголек ужасная обжора.

— Это саламандра, — поняла женщина. — Как же ты ее держишь в руках, это же чистый огонь?

— А я не представляю, как это держать в руках поварешку. Для меня это выше любого понимания. Всякому свое. Хозяйка, может быть, объясните, зачем вызывали колдуна из самой столицы?

— Да муж все мой. Пока мы ему говорили, что колдун нужен, Василий отнекивался, а как с крыльца сам навернулся, сразу в город за лучшим магом послал. Домовой у нас чудит, девонька. И странно так. Ведь дом полная чаша, все хорошо, хозяйство ведем исправно. Вот и испугались мы — вдруг каку беду пророчит. Поговори с ним, присмири да расспроси. Ведь житья нет и от пакостей его, и от страха. Вдруг действительно что плохое чувствует, они ведь... другие.

— Домовой? Где у вас сеновал? Соберите мне пока крынку молока и большой пирог в чистом белом платке. Узнаем, что хочет сказать ваш домовый. А я пока по дому похожу, вы не против?

— Сейчас все сделаем, госпожа ведьма.

— Зовите меня по имени, а то неловко как-то.

— Лет-то тебе сколько, девонька? Уж, наверное, мне ровесница.

— Мне двадцать четыре года.

— Батюшки, как Петру моему. Сынку старшему.

Я ушла. Дом оказался большой, уютный и действительно справный. Все здесь было на местах и в полном порядке. Чистенько, ладненько. Хозяйственный нижний этаж, жилой второй и детская на третьем, чердачном. Когда я туда вошла, на меня уставились ясноглазые девчонки, хозяйские дочки.

— Привет, красавицы, — улыбнулась я.

— Здравствуйте, — удивленно ответили сестрички. Хорошенькие. Одной лет двадцать, другой семнадцать, обе красавицы статные.

— Не бойтесь. Меня Таней зовут. Можно я вон к тому оконцу подойду?

— Конечно. А вы кто?

— При маге состою. Так что если что — обращайтесь, — говорила я, подбираясь к смотровому окну под самой крышей. Легко слевитировав к нему, я оглядела близлежащую окрестность. М-да, ничего примечательного. Чего этому домовому не живется, жирок на пузе не наращивается? — Понадобится что, — меж тем продолжала увещевать девчонок я, — чистотела для кожи, от завистниц оберег, приворот-отворот... обращайтесь. Да, привороты у меня хорошие получаются, не один отворот не берет. — Я вздохнула.

Была за мной эта беда. До сих пор по городу с опаской хожу. Кто ж знал, что по доброте моей душевной такое случится. А всего-то надо было дочку одного местного богатея приворожить к мужику. Она-то красавицей вышла, а папашка ее за дружка своего решил выдать, а тот страшнее любого упыря. Толстый, от жира лоснился, плешивый, один глаз кривой, другой рябой, на обе ноги ковыляет, а руки такие длинные, что ими при ходьбе помогать впору. Я его как увидела, дар речи потеряла. Меня богатеи спрашивает: «Ты чего это, девка, побледнела-то, али тебе дурно?» «Нет, — говорю, — не пойму просто, чего ваша дочка без зелья такого доброго молодца не полюбила, дурная она что ли?» Те конечно разулыбались. А я стою, не знаю, что делать. Видела я ту красавицу, жалко стало за этого уродца такую отдавать. Только мэтр Оливье смотрит так на меня пристально, догадывается да кулак показывает, как же — такие деньги обещаны. Ну, а как мне пойти на такое, на своей же шкуре узнала каково это. Ну и наколдовала. Дала им два пузырька — один для жениха, другой для невесты. А сама вечером к девке побежала, да и все рассказала. Говорю, не хочешь в такое чудовище влюбляться, компенсируй мне потери. Девчонка долго не придурылась, отдала пару побрякушек. А наутро им в питье были подмешаны мои зелья. Уж не знаю, что там не так пошло, но если мужик от невесты своей отказался, то деваха та влюбилась, что кошка гулящая. Но почему она меня для этого выбрала, до сих пор не пойму, я ведь в тот пузырек так, общеукрепляющего настоя налила. И ничего ее не берет: какие отвороты не делала — все бесполезно. Ходит за мной, словно собака, в глазки заглядывает. Сраму-то сколько!

Мне как всегда нагоняй, вычет из стипендии. Но я не в накладе, про сделку с невестой я ничего не сказала.

А хозяйские дочки заинтересованно округлили глазки. Значит, зацепило. Что ж, будет подработка, лишних денег не бывает.

Я слезла с окна. И бросив в их сторону взгляд, пошла прочь. Надо будет, сами найдут.

Минут через десять я нашла нужное мне помещение — большой амбар с добротными перекладинами на крыше. Залезла туда, разложила снесь. И начала, причавкивая, медленно и со вкусом это все поглощать. Вскоре показался и сам домовый, заинтересованно повел носом-пипкой.

— Эй, хозяин, угощайся.

Он отказываться и не собирался, уселся рядом и со скоростью, которой позавидует даже Уголек, начал поглощать припасы.

— У, голодный. Тебя что, не кормят?

— Как же — кормят, но халява вкуснее, — хитро сощурился маленький мужичок. Был он росточком немногим выше кошки, лохматый, на личике только носик да вокруг глаз

волос не было.

— Какая же это халява. Мне может и да. А тебе то нет, у твоих же домочадцев взяла.

— Да знаю. Все ведь слышал что бачили, не глухой.

— Тогда скажешь чего шалишь, или мне хозяевам врать?

— Чего не сказать, ведьма ты пригожая, может чаво подсобишь. Скучно мне. Сколько лет живем — ничего не происходит, уж и потешиться нечем. Василий этот мужик хоть и работающий, да глупый, все веселье — пиво попить да сыновей повоспитывать. Жинка его баба справная, по дому хлопочет, да тока если каку сплетню узнала, никому не расскажет. А мне тоже увлекательно, что там за двором делается. Детки их подрастаю, уж не балуют как в младых, а гулять им батька сильно не велит. Ну и чем здесь увеселиться?

— Давай меняться. У меня что ни день, то новая беда. Очень весело бывает.

— Не выйдет так, ведьма. Ты сама знаешь, что кому на роду написано, так и тому и бывать. Мне домовым, тебе магичкой. И ничего не сделать.

— Ничего? Хм, не согласна. Но твое право самому решать, как хочешь жить.

— А ты как хочешь? Всю жизнь ведьмой по селеньям работать?

Я посмотрела на него. И легла на живот, свесив ноги, и положив ладони под подбородок.

— А что в этом плохого?

— Не знаю. По обыкновению молодые девицы грезят о чем-то. Вона дочки хозяйские о нарядах шелковых, убранствах парчевых, злате-серебре, камнях там всяких. Да о принце на белом коне, и в палатах княжеских погулять балу, о таком мечтают.

— А если все это уже было? И шелка, и принцы, и балы. Счастье-то не в этом.

— А в чем тебе счастье, ведьма?

— Забыть.

— Но разве этого ты жаждешь?

— Я покоя хочу. Тебе ли не знать, бессмертный дух, как тяжело дается жизнь. Все, хватит. Расскажи лучше о домашних своих, а я уж помогу, чем смогу.

В итоге под мерный голосок домового я задремала. Мне снилось что-то хорошее — старый дуб, летящий дракон, солнечный свет сквозь кружево листьев над головой, родной город, личико племянника. Белое кольцо, одетое на палец женской рукой.

Пусть, это меня уже не касается. Пусть, пусть, пусть!..

Зачем ты предал меня, любимый?

Я застонала и потрясла головой.

Стоило сначала вспомнить, где нахожусь, прежде чем делать резкие движения.

Взвизгнув, я свалилась вниз. Хорошо хоть подо мной куча соломы была навалена да вил в ней не торчало, а то получилось бы чудное блюдо для нежити — ведьма на вертеле в собственной глупости.

— Эй, вы живы? — Меня схватили за плечи и вытащили из охапки сена.

Выдав экспромтом пару замысловатых ругательств, я успокоилась. На меня взирали удивленные голубые глаза.

— Это значит — да? — переспросил мужчина, рассматривающий меня. Довольно симпатичный, высокий, темноволосый, чубатый.

— Если бы убила, ругалась бы еще громче. — Оценив высоту балки, я поняла насколько удивление парня обоснованно. Упавший обычный человек в эту кучку сена с такой громады, разбился бы. — Ну что за глупая привычка, как будто спать больше негде.

— Вы там... спали?

— Угу. Есть претензии? Я кого-то зашибла?

— Нет. Но странно все как-то. А, я понял, вы ведь... колдунья, про которую мне мамка с сестрами рассказывали.

— Значит, ты хозяйский сын. Будем знакомы, Таня, — протянула я ему руку.

Он довольно неловко ее пожал, все так же рассматривая меня. Что ж, пожалуйста, мне не жалко. Только дырку не прожги и руками не тянись. А то потеряешь ручки-то.

— Петр, — ответил он. — Я вас себе другой представлял.

— Какой же?

— Взрослее что ли.

Я рассмеялась:

— Так и я не девочка.

— А ведете себя именно так.

Обижаться я не стала, вот еще. Вместо этого, воспользовавшись протянутой рукой, встала. Петр поддержал меня, пока я, стоя на одной ноге, вытряхивала сено из сапога. И даже вытащил пару травинок из волос.

Кольцо на пальце протестующе проявилось, напоминая о себе. Ну я же не виновата! А о том, что понравилась этому пареньку, и без тебя вижу, вон как глазки заблестели. И вообще заткнулось бы, ему, значит, можно, а мне — нет? И с чего вообще вылезло. Давно пора исчезнуть.

Даже если Уголек мне не сообщила, я ведь бы все равно узнала. Это видение мучило меня каждую ночь, а теперь и день. Белое кольцо в чужих руках.

«Ну и пусть», — снова повторила я про себя.

«Да не «пусть», — отозвалось сердечко. — Ведь больно».

«Для приличия мог бы и подождать», — ехидно заметил внутренний голос. Что для них четыре года, не так уж и много. Я еще на том свете и обжиться не успела, а он уже другую завел. Тьфу, даже думать не хочется, кому я отдала лучшие... часы? своей жизни.

— Что это, — заметил кольцо Петр. — Вы замужем?

— За магией. Волшебное, — пояснила я, стряхивая наваждение с руки. Ничего себе, оно не только не исчезло, но и разбудило рисунок. Тот нехотя расцвел на моих руках. — Обалдеть! Эй, вы чего? Что случилось-то? Опасность, но откуда? И где вы были, когда я на крышу лезла?

— Что-то ни так? Какая опасность?

— Никакая. Ах, вот оно что. Дружок мой объявился, — облегченно вздохнула я. — Что ж, пойдем, поздороваемся. Ты со мной?

— Да, — даже не думая, ответил Петр. А зря.

— Не боишься?

— А чего бояться? — разошелся паренек, шагая рядом со мной в сторону леса.

— Сейчас уведешь. Эй ты, червяк-переросток, вылезай давай, — закричала я, остановившись на полянке.

Из кустов показалась змеиная голова, затем другая, затем еще две, ну и пятая напоследок. Паренек схватился за меч.

— Не лезь, — посоветовала я.

В руках выросли два кинжала. Усилием воли я вырастила их до изогнутых сабель.

Крылатый змей прыгнул на меня весь разом. Я отскочила в сторону, он повторил попытку. Развернувшись на месте и прочертив в воздухе огненную линию, отстранила его достаточно, чтобы хорошенько размахнувшись, проскользнуть саблями по чешуе. Змей бросился в сторону, а я успела вскочить ему на хвост и, взобравшись по широкой спине, свести оба клинка к уязвимому месту между крыльев. Гидра рухнула замертво. Пнув ее, я наклонилась к одной из голов. И в этот момент змей совершил бросок, откинув меня метра на три назад.

«Вот идиот», — подумала я, заметив, как Петр встал между нами. Он размахнулся и саданул мечом по удивленной гидре. Послышался скрежет металла, полетели искры.

Я разлеглась на травке, подперев щеку рукой.

Парень еще пару раз попытался продырявить обалдевшую от такой наглости гидру, вызывая лишь искры во все стороны. Ничего так и не добившись, он в конце разозлился и вновь бросился на чудище. Его оперативно подмяли под себя и ухватили двумя головами за руки, а одной склонились над лицом. Две другие заискивающе посматривали на меня, типа — ну как?

— Нагос, выплюнь, это может быть нестерильно. И слезь с него, толстяк ты этакий. Куда я вас так раскормила?

Гидра тут же подчинилась и завиляла хвостом, а так как хвостом у нее считалось около метра тела, вышло впечатляюще, заодно Петру наподдала по мягкому месту. Правильно, нечего на это место приключения искать. Особенно если рядом ведьма.

— Ты его знаешь?

— Еще бы. Это Нагос, мой друг.

— Тогда почему вы дрались?

— Чтоб не расслабляться. Это тренировка. Ты чего, с друзьями никогда не дерешься? Мы так друг друга проверяем. Да и мечом ты зря размахивал. Простое железо его не возьмет. — Нагос залег рядом, положила на меня разом все пять головушек и блаженно вздохнул. — Я тоже соскучилась. Ты без меня не шалил? Вот и правильно, хорошая гидра.

В дом мы вернулись где-то через пару часов. Я опять проголодалась и пошла подлизываться к хозяйке. На меня махнули поварешкой, прикрикнули, чтоб ждала ужина.

Ужина? Я за!

Только как я домой поеду по темноте? Хотя можно и не ездить, займемся вечером нашим домашним духом. А профессору что-нибудь напоем про полтергейст.

Оставшееся время я занималась просьбами девушек. Одной надо было свести прыщи с лица, другой избавиться от соперницы. Никаких проблем, чистотел у меня всегда в седельной сумке есть, а простейший отворот я за пять минут наколдую. Всего-то нужно одну часть особого настоя парню дать, другим на соперницу попрыскать. Чего легче, если вы подруги. Зато в тот день от нее будет так вонять, что он к ней больше никогда не подойдет. Конечно, если это не настоящая любовь, иначе я не помощник — таких пакостей не делаю.

Я вообще миролюбивая особа.

Кхе-кхе! Какая?

Миролюбия у меня не больше, чем надежды у каторжника в соленых рудниках, а оттуда еще никто не возвращался. Просто есть вещи, на которые мне никогда не пойти. Такие, как убийство невинного, кража у обездоленного, богача бессовестно обую, если есть возможность, предательство близкого и... есть то, на что я никогда не пойду.

Я никогда его не придам.

Вечер прошел очень хорошо. Мы сидели в большой светлице, беседовали, я рассказывала последние столичные новости, меня слушали, раскрыв рты. В углу примостился домовый и весело поглядывал на окружающих.

Потом я пошла помогать хозяйке с чаем, решила заварить кое-какие травки, и поговорила с ней. Рассказала, что домовый недоволен затянувшимся детством молодежи. Пора бы им свои семьи создавать да детишек на радость бабке с дедом наделать. Домовой детей больно любит. Успокоила ее, сказала, что ничего плохого он не видит, только надоело ему болото это, пора двигаться дальше.

Хозяйка согласилась. И хитро так прищурилась:

— Сама-то в золовки ко мне не пойдешь? Смотрю, Петру ты приглянулась. Глаз с тебя весь вечер не сводит.

— Его проблемы. Я ведьма. К тому же у меня уже есть жених.

— Тоже маг?

— А как же. Я его лет с восемнадцати знаю. И вернее друга мне не найти.

Тетка хмыкнула. А я порадовалась. Врать я никогда не любила, да и не умела. А вот умолчать здесь, преувеличить там — вполне способна и делаю это без зазрения совести.

Выспалась вполне сносно в одной из комнат для домашней челяди.

С утра плотно позавтракала, взяла собранную хозяйкой корзину с разнообразной снедью — для «бедных студенток» — села на коня и поехала домой, в столицу Ринии.

Ну, правда не совсем, пару часов я провалялась на солнышке, рядом развлекались Нагос и саламандра. Мне было хорошо и спокойно. Впервые за последние пару месяцев.

Ну вот, снова весна.

«Нельзя позволять себе воспоминания», — повторила я. В который раз уже.

В этом разморенном виде меня и нашло очередное видение.

В руках лежали рукояти огненных клинков, упирающихся в землю, корпус чуть вперед, глаза горят — излюбленная боевая стойка. Помню, как развевался на ветру кончик косы. И спина, упирающаяся в мою спину. Взмах металла, и рядом падает тело.

Я не вижу кто, не знаю где, лишь чувствую это доверие к тому, кто закрывает мою спину.

Стоял уже полдень, когда у главных ворот показалась моя скромная персона. Стражники лишь мазнули взглядом, пропуская уж не в первый раз.

— Эй, девка, — окрикнули меня, когда я была уже в довольном отдалении. — Ты случаем не Таня, мага Оливье ученица?

— А если так? — напряглась я, рассматривая начальника смены, вышедшего из пристройки.

— Так он тебя обыскался. Уже и девчонку присылал спросить, проезжала ты ворота али нет.

— Ну вот, сейчас опять попадет.

До дома, где находилась контора мага, а заодно наша комната, оставалось всего ничего, когда из двери выскочила измочаленная Ксенька.

С этой девчонкой я познакомилась у Оливье, которому она служит вот уже третий год. Хорошая, шустрая деревенская девчонка, решившая выбиться в приличные маги, а не тянуть свой век местной целительницей да ворожеей. Я к ней успела привязаться, хотя и старалась все больше держаться на расстоянии. Ксенька это чувствовала, поэтому по пустякам ко мне не приставала, вела себя любезно, нисколько не заискивающе, хотя и понимала, что я весьма во многом превосхожу ее в магии и жизненном опыте.

— Танюха, — помахала она мне рукой. — Ну где же ты пропадаешь? Который час тебя ищу. Монсеньер уже загонял совсем.

— А чего ему надо-то? Он ведь знает, путь в эту дыру не близкий.

— Да гости к нему нагрянули, про тебя выспрашивают. Он и старается. Видать, знатные гости.

— Гости говоришь, — сощурила я глаза и перебросила уздечку в другую руку. — Ох, не люблю гостей. А как выглядят?

— Не знаю. Приехали, сразу к мастеру пошли. Он меня крикнул, спросил вернулась ты или нет. Я ответила, что с утра тебя не было, но ты с вечера ворону говорящую мне отправляла, обещая вернуться только к полудню. Вот с тех пор и ждут. А сами они в плащи с ног до головы укутаны, кто там поймет. Ты чего так побледнела-то?

Не побледнеешь тут. Мне разом и подурнело, и поплохело, и вообще чуть на изнанку не вывернуло.

— Вот что, Ксенька. Иди к мастеру, скажи, дескать я еще одну ворону прислала. Что вернусь к вечеру. Поняла? А сама посмотри на этих гостей повнимательней. На руки их, на лица, на волосы. Сколько там гостей-то, помнишь?

— Четверо. Да что случилось? Это неприятели твои, которых вечно так боишься?

— Приятели, неприятели — какая разница. Некому ко мне приезжать, понимаешь? Некому!

— Хорошо, проверю.

Колдунья ушла, оставив меня стоять в узкой подворотне и трястись, как листик на ветру.

«Нет, — думала я, — этого не переживу».

Приманив птицу, нашептала ей нужный текст и скинула с плеча.

«Так, — заставила я себя думать, — если оправдаются мои опасения, что будем делать? Все вещи у меня в том доме, да еще и надежды на нормальную жизнь. Конечно, можно послать Ксеньку собрать все по-быстрому да уносить ноги. Но если один раз нашли, то и

второй не упустят. Что мне теперь, всю жизнь бегать?»

Ксенька явилась быстро. Глаза как два фонаря горят.

— Странные они. Мужики все четыре. Молодые, красивые такие. А вот руки у них действительно странные. Когти на них, понимаешь, самые натуральные когти.

— Спасибо. — Устало привалившись к грубой кладке дома спиной, я признала, что худшие подозрения оправдались. Я сняла перчатку и осмотрела руку. Листочки двигаются спокойно, цвет нормальный, кольцо уходит и не собиралось. Чтобы это значило? То, что опасности нет, несмотря на поджидавших в доме демонов? Но... я вздохнула. Ведь знаю ответ, кто ждет меня в этом доме. Кольцо не зря проснулось. Оно пророчит встречу. — Отведи Русака в конюшню, ладно? — попросила я подругу. Та кивнула. Правильно. Нечего говорить.

Вынув из ножен короткий мечик и вызвав огненный клинок, я вошла в дом.

Первый этаж — небольшой магазинчик с амулетами и готовыми снадобьями, лаборатория, совмещенная с кухней. Второй — библиотека и личный кабинет мага. Под самой крышей наша с Ксенькой комнатка.

Шагая по дощатым половицам, я даже не думала таиться — все равно услышат, почувствуют, поймут. Дверь открыла простым ударом магии. Сделала несколько шагов внутрь.

Маг побледнел. Ах да, он не привык видеть меня в гневе, не привык к оружию в женской ручке, к взгляду исподлобья и к готовой убивать нелепой, забавной Татьянке. Что ж, приятно познакомиться.

Первый мой взгляд достался ему. Если бы Оливье мог, давно бы испарился. А так просто замер в своем любимом кресле.

На второй сил катастрофически не хватало. Поэтому я просто попыталась обозреть комнату одним ракурсом.

О, все в сборе!

Легким движением руки я развеяла огненный клинок, а затем убрала меч в ножны за спиной. Не потому что не боялась остаться безоружной, просто знала — против любого из них не выстою и минуты, вздумай они напасть.

Наверное, эта мысль отразилась как-то на моем лице, хотя сейчас я старательно изображала из себя кусок льда. Асуры нахмурились.

— Мы не собираемся делать тебе ничего плохого.

— Ага! Сказала стая волков овечке.

— Ну, на овечку ты не тянешь. Она не входит вооруженная до зубов.

Я щелкнула челюстью:

— Об этом не подумала. Надо озадачиться. Клыки что ли вырастить. Не проконсультируете?

— Всегда пожалуйста. Сейчас и начнем.

— Давай все сначала? Привет, малышка!

Я вздрогнула от этого обращения.

А они смотрели на меня, как на призрака, как я смотрю на сшибленную каретой дворняжку, которую вчера подкармливала украденным из кухни пирожком. От этих взглядов мне стало плохо, ох как плохо. Я почти услышала, как рушится с таким трудом возведенная плотина на пути моего прошлого, и боль вновь топит меня.

Эти глаза, ну как их можно забыть?

— Привет! — ответила я совсем ни так насмешливо, как готовилась. Эх, рано, рано они объявились, еще лет сто и мне, возможно, удалось бы подготовиться к этой встрече. — Как вы меня нашли?

— Тебя не интересует зачем? — посмотрели на меня темно-зеленые глазищи.

— Это следующий вопрос. Так как?

— Твоя саламандра. Та, которую я тебе подарил, — напомнил Бальтазар. — Она найдет тебя где угодно. К тому же оказалось, что ты с ней теперь неразлучна.

— Уголек, — прошептала я, складывая руки под грудью, как немой запрет. Ящерка медленно выползла из камина. Значит, ждала меня здесь. — Ты подлое, неблагодарное пресмыкающееся.

Саламандра горько вздохнула, отчего ее шкурка озарилась красными язычками пламени.

— Ты стала жестокой, Лилит.

Я горько ухмыльнулась:

— Лилит умерла, разве вам никто не сказал? Мне очень жаль. Ее родственники, кажется, все еще принимают соболезнования, вам лучше обратиться к ним.

— Откуда же тебе знать о ее смерти?

Выхватив из-за спины меч, я швырнула его в противоположную стену:

— Этот меч я вытащила из ее груди.

— Что же с ней случилось?

— Ее предали, — пожалала я плечами. — Однажды ей сказали — мы всегда будем с тобой, я тебя никому не отдам. А потом ее убили. Говорят, такое бывает, если излишне заиграться, если поверить в свою неуязвимость и значимость.

Воспользовавшись тем, что я отвлеклась, Уголек ловко залезла по моему рукаву на плечо.

— Ну, ты мне это так стеснялась сказать? — заглянула я в черные глазки ящерицы. — А я тебя еще пирогами откармливала. Как не стыдно, Уголек? — Саламандра постаралась всем своим видом показать как именно ей стыдно, чем вызвала мою улыбку. Восприняв это как хороший знак, она ткнулась мордой мне в щеку и что-то затрещала.

— Она говорит, — вызвался переводчиком повелитель огня, — что считала — так будет лучше. И что любит тебя.

Погладив ее по гребню, я только вздохнула.

— Я тоже тебя люблю. И не злюсь. Хотя могла бы и предупредить.

— Мы ей запретили. Хотели сделать сюрприз.

— Что же, он удался. Теперь вы может быть исчезнете?

— Что? — удивились демоны.

— А вы ожидали, что я обрадуюсь вашему появлению?

— Ну, хватит, — наморщил нос Заквизэль. Он демонически быстро, я даже ничего сделать не успела, подошел ко мне и сжал в объятьях.

Я попыталась вырваться, но через секунду замерла.

Мне стало хорошо, как тогда, в мои наивные восемнадцать. Я прижалась к нему, и из глаз сами собой потекли слезы.

Да, Данте всегда все знал, но Зак знал и то, что надо сделать.

Как же я по ним соскучилась. По моим чертягам, по веселым друзьям, по беззаботному детству, по дому.

А Зак покачал меня в руках и вздохнул.

— Мы... мы так долго не смели и надеяться на это. Но поверь нам, и на секунду не смирились с тем, что тебя больше нет. Лилит, девочка, как же мы рады вновь видеть тебя. Даже просто знать, что ты жива.

— Я тоже рада, Заквизэль, что жива, — хмыкнула я.

Он улыбнулся:

— Чувство юмора ты, как я вижу, не потеряла.

— Куда же без него.

— Ты правда хочешь, чтобы мы ушли?

— Не знаю, — пожалала я плечами. — Ты меня может все же отпустишь?

— А ты не сбежишь?

— Куда? Ты сам подумай, — ткнула я его пальцем в рогатый лоб, — если бы хотела убежать, приперлась бы сюда? У тебя маразм. Тьфу, мнительность. Хотя одно другое не исключает. И вообще, что мастер Оливье подумает.

— А мне фиолетово.

Я рассмеялась и потрепала его по волосам.

— Но мне-то нет.

— Не стесняйся, Таня, — подал голос маг. Смотри-ка, отошел. — Мне это все крайне любопытно.

— Я тоже всегда этим страдала. А ваше любопытство излишне. Думаю, вы уже обо всем смогли поговорить с этими занятыми господами, пока меня ждали. Теперь мы бы попросили вас выйти. Вы не возражаете, монсеньер Оливье? — такому невинному взгляду позавидовала бы и монахиня пред алтарем.

— Конечно. — Он встал. — Я всегда подозревал, что ты не так проста, как пыталась казаться. Но чтоб настолько!

— Насколько?

— Чтобы связаться с асурами.

— М-м. Какая невинная шалость.

Оливье попытался открыть дверь, но его попытки не увенчались успехом. Обернувшись, он растерянно посмотрел на демонов.

— Надеюсь, господин Оливье, — поднял на него взгляд, который невозможно было выносить, асур, — вы понимаете, что не должны распространяться о том, чему были свидетелем.

— Д-да.

Правильно, колдун, я бы на твоём месте тоже испугалась. У этого с виду флегматичного демона особый способ внушения.

Дверь открыл легкий порыв ветерка, столь же обманчивый, как и его повелитель.

Вздыхнув, я села в кресло мага и разве что ноги не закинула. Нет, все-таки подумала — и закинула. Правда, тут же и навернулась, но это мелочи. Главное — сделать то, чего давно хотелось.

— Детка, ты жива?

— Частями. Одну часть точно отбила, — вздохнула я, потирая ушибленный зад. Он был любимый и тщательно взлелеянный, поэтому его жалко. Я с тоской во взгляде посмотрела на Аскара.

Тот тут же встал и подошел ко мне. Для начала крепко обнял за плечи и поцеловал в висок.

— Я так рад тебя видеть.

— Аскар, — улыбнулась я.

Он провел рукой по моей попе, и боль тут же ушла. Заодно с прыщем, назревшим там вчера. Как удобно, а!

Ничего больше сказать мы не успели.

Дверь с оглушительным грохотом распахнулась, едва не слетев с петель, и, на миг показав обалдевшего парня за ней, тут же захлопнулась. С той стороны послышался мат.

И где же он таких слов-то набрался?! Даже у демонов кончики ушей заполыхали.

На этот раз дверь открылась медленно, явив нашему взгляду моего хорошего друга. В одной его руке был меч, пальцами другой он зажимал нос.

— Я, кажется, нос разбил, — прогнусавил блондин.

— А ты почаще дверь пинками открывай. Догадался, тоже мне — великий маг и герой. Ты бы еще файрболом в нее метнул. Вот Оливье бы обрадовался.

— Ой, дверью больше, дверью меньше... Ты за полтора года их уже двенадцать в щепки разметала. Нос посмотри. Да, кстати, привет! — махнул он демонам.

— Привет, Вадик, — ответили они хором, чуть прибалдев от происходящего.

— Вот кого мы забыли спросить, когда искали Лилит, — цокнул языком Бали.

— Что ты здесь делаешь? — подозрительно сощурил синие глаза Данте.

— Кровью истекаю, — весьма нелюбезно ответил маг. — Лил?!

— Аскар, посмотри ему нос, — попросил Зак.

— Нет, — возразила я. — Иди сюда, горе ты мое луковое. — Вадик подошел и покорно встал на колени. Я достала носовой платок и поднесла к носу, убирая руки мага. Кровь хлынула в два ручья. Положив обе руки на его лицо, я шепнула заклинание. — Все. Теперь говори, как путешествие, все нормально?

— Да. Скучно конечно, не то, что здесь. Я безумно соскучился.

— Знаю. Ты чего так долго шел? Когда еще ворону послала.

Вадик хмыкнул. Вот ведь испортился парень. Как в Магический Патруль пошел, сразу разболтался. А ведь таким скромником был.

— Ворона твоя... — Он встал. Оглянувшись, Вадик не нашел ничего лучшего, как плюхнуться свой зад на пуфик. — Ты меня так больше не пугай. Представляете, два месяца меня не было, а вчера вечером приехали, наконец. Ну, я к тебе не пошел, решил с утра. Сегодня чего-то замотался с этими отчетами, да еще главный нас на построение погнал. И тут прилетает твоя птица и орет на весь плац: «Топай ко мне. У меня тут ой-ой-ой». У старшего инфаркт, ребята ржут, как кони сивые, а эта паршивка еще и на архимага нагадить умудрилась. Не, ну где ты таких находишь? Это же не птица, а террористка какая-то. Услышав все это и поняв, чем мне грозит твоя выходка, я еле вырвался. Испугался, конечно, до полусмерти. Ты могла текст нормальный надиктовать?

— Я когда волнуюсь, говорю, что думаю.

— Ну, я хотя бы так не торопился. А то ведь опять взыскание припишут. Вечно из-за тебя страдаю.

— Так кто же знал. Да не очень-то и торопился. Пока ты там развлекался, меня могли уже в капусту порубить. Я девушка слабая, беззащитная, меня каждый обидеть может.

— Угу, с летальным исходом для обидчика, — съязвил Данте.

Я бросила гневный взгляд, потом хрюкнула, а затем вскочила и полезла обниматься. Честно, сама от себя такого не ожидала, но эта безобидная подначка окончательно разбила все мое недоверие.

Обхватив его одной рукой за шею, другой я растрепала синюю шевелюру:

— У-у, вредный демон.

— Злобная девчонка, — не остался он в долгу, дергая меня за косу. Затем все же обнял за талию, вот лентяй, хоть бы встал, и уткнулся носом в живот. Я слегка опешила. — Тебе не стоило... умирать, Лилит.

— Я тоже вроде была против. А, — поняла я; мне никогда не удавалось угадывать его мысли, — для всех. Так было надо, Данте. Слушай, а почему у тебя такие волосы короткие, — не поняла я, вытягивая прядь волос. Точно, косички на висках куда длиннее остальных волос. Раньше самые длинные пряди на затылке дотягивались чуть ли не до талии, а эти были немногим ниже плеч.

Данте вздохнул, я чуть с подлокотника не свалилась и посмотрела на Зака.

Тот повернулся, демонстрируя такие же обрезанные космы.

— Помнишь, малышка, я говорил тебе, — вмешался Аскар, его лужайка была той же длинны, что и прежде, но явно тоже когда-то укороченная, — асуры срезают волосы в знак скорби. А четыре года назад мы потеряли очень дорогого нам человека.

— Ой, — поняла я. Как же стыдно мне стало. Получается ведь, из-за меня они обстригли свои шикарные длинные волосы.

— Не волнуйся, Лилит. Они скоро снова отрастут. А все, что было, не изменить.

Я вздохнула и встала. Данте нехотя выпустил меня из рук, на мгновенье сжав кончики пальцев. Все-то он понял.

Интересно, а знает ли он, что тогда, в свои наивные восемнадцать, я чуть не влюбилась в него?

Наверное, нет. Я и сама-то поняла, что отношусь к Данте немного по-другому, совсем не так, как думала раньше, лишь когда они сцепились с Заквиэлем, до темноты в глазах испугавшись за синеокого демона. А потом засунула свои чувства куда подальше, очень смущаясь их. Еще бы, мне тогда показалось так невозможно — могущественный асур и

девчонка-студентка. А потом все это «веселье» со свадьбой, и стало совсем не до этого.

Все-таки воздушные крылья до сих пор очаровывали меня.

Обо всем этом я подумала мельком, встав у окна. Сейчас мне было как-то не до этого.

Перчатки кое-где все же испачкались в Вадькиной крови, но я упрямо их не снимала. Тонкий шелк скрывал мои руки более пяти лет. Полгода в лесной хижине я прожила без них, а потом снова надела, как только вышла к людям. Вот теперь еще и кольцо появилось.

Зачем они здесь, почему бы им не оставить меня в покое, разве мало горя они принесли мне и моим близким, разве мало забрали, разве не все предали?

Разве месть стоит того, что бы жить с этим грузом?

Стоит!

— Лил! — позвал Вадик. — Может быть, действительно пришло время рассказать все. Я же до сих пор не знаю, что тогда произошло. Ты так и не сказала, как выжила. Никто точно не знает о случившемся в тот день. Только то, что на вас напали несколько асуров.

— Десять, — тихо подсказала я.

— Что?

— Я сказала — десять. — Развернувшись, посмотрела на демонов. — Скажите, разве это честно, выставлять десять всесильных властителей против кучки людей? Семь человек, просто человек, среди которых старый кучер и мальчишка. Три магички, три асура, две перепуганные принцессы. Ну и одна виновница — в моем лице. Это же... бойня. Три асура и разгневанная магичка, которая уже все поняла, вот кто мог оказать отпор. И все погибли. За одну глупую меня. Вот что произошло, Вадик.

Я никогда никому не рассказывала этого. Вообще ничего. Ни старушке-травнице, выходившей тот полутруп, ни Лукинешне, деревенской ведьме, взявшей меня в свой дом и продолжающей дело своей товарки. Никому.

Потому что знала, как это не легко.

Правда, Лукинишна сама догадалась, не обо всем, но примерно. Как она сказала, слухи о резне у столицы дошли и до них, и о том, что там погибли королевские дочери да молодые магички, тоже знал весь Вольск. Только добрая женщина приняла меня за одну из последних.

А рассказывать оказалось очень больно, хотя слова сами лились из моих уст. Слишком часто я думала об этом и перебирала в голове каждую секунду боя.

— Как ты тогда выжила?

— О, их никто не предупреждал, что некоторые принцессы готовы убить себя сами. Очень просто, Вадик, я решила пожертвовать последними минутами жизни для того, чтобы прихватить с собой в Тантрас этих убийц. И выпустила воплощенного духа. Они думали, что я умерла — у меня же вся грудь была разорвана. А ауру они не видели, потому как она уже витала над их рогатыми головами. Очень злобный дух, знаешь ли, похуже любого асура будет. Вот только мне не дали закончить. Я до сих пор готова умереть ради того, чтобы утянуть с собой главного мерзавца.

— Не говори так, Лилит, — тихо сказал Зак.

— Почему? — дерзко вскинула я голову.

— Твоя жизнь дороже его.

— Но не тех, кого он убил. Это он своей рукой убил моих сестер. И меня.

— Мы знаем.

Я посмотрела в зеленые, кристально ясные глаза. Они как бальзам на раны. Только не в этот раз.

— Мы видели, как он убил тебя. Как проткнул грудь мечом. Этим самым, — кивнул в сторону Бальтазар. — И как перестало биться твое сердце. Ты хочешь, чтобы мы снова пережили этот ужас?

— Видели? — недоверчиво посмотрела я на демонов.

— Помнишь, я говорил тебе... Дух может убить тебя, высосав все силы, — посмотрел на меня Данте. — В тот вечер тебе каким-то образом удалось совершить бесконтактное

подключение к нашим силам. И ты потянула нас за собой.

— Что-то не нравится мне это «нас», — наморщила я нос.

— Не нас, — покосился на остальных Бали, — наследника.

Что ж, еще одна загадка разгадана.

— Не стоило ему снова звать меня.

— Звать? — приподнял бровь Данте.

Вот, черт!

На это я не стала отвечать. Он говорил, пусть сам и рассказывает.

А я здесь вообще так, мимо пробегала. Они видите ли и без меня знают, как меня убивали. Видели они. Будь моя воля — я бы продемонстрировала, как это бывает, когда вам в грудь загоняют кусок холодного металла. А самый дорогой голос называет перед самой смертью «любимой».

И каково это метущемуся духу понять что делать — догнать мерзавца или же попытаться спасти себя, ради кого-то, чей голос не оставляет даже в эту минуту, чей голос и значит — жизнь.

— Но как ты выжила?

— Не выжила. Я умерла. Но только вспомните, вы же сами сказали мне, кем на самом деле является мой «ястребок». И если он был в силах вернуть чужую душу на место, неужели не воскресит свое тело.

— Феникс!

Глава 2

Допрос с пристрастием

О чнувшись, я с удивлением поняла, что жива.

Из груди торчал меч, кровь хлестала ручьями. Но сердце упрямо билось. Не долго думая, вырвала из себя мешавшую дышать железяку. Забавно, но это я его выбрала, выиграв в споре. Короткий мечик. Будь он длиннее, мне бы ни за что не справиться самой. От боли я потеряла сознание.

А, открыв глаза, увидела Уголька, сидящую на моей груди. Она не оставила меня, не ушла. И спасла мне жизнь — прижгла раны, пока я была в отключке. Рядом стояла верная кобылка, с которой мы прошли всю практику. Ее натаскивали для воина, и поэтому она никогда не оставляла раненого хозяина. Мне с трудом удалось сесть в седло.

Последний раз взглянув на залитую кровью поляну, я не нашла ничего лучшего, чем поджечь ее. Мне не хотелось, чтобы кто-то видел это, так безобразно все выглядело. Теперь я знаю, огонь на том месте горел еще сутки, а позже его засыпали могильным курганом.

Ехала я до тех пор, пока не упала из седла. А так как со времен практики натренировалась спать верхом, то произошло это не скоро и довольно далеко от столицы. Там меня заметили лесные жители и Вирь-ава — хозяйка леса. Она пожалела девушку, к тому же заметила мое необычное происхождение, в смысле магии, а не принадлежности к королевской семье. Вирь-ава вновь посадила меня в седло и отвела лошадку к хибаре старушки-травницы, которая жила в лесу.

Так начался новый виток борьбы за мою жизнь.

Пару суток я пролежала в абсолютно бессознательном состоянии.

А вот потом, оправившись от смерти, вышел мой бессознательный дух.

Родной дом позвал меня сильнее, чем сама жизнь. Я легким сквозняком пролетела по коридорам, заглянула в комнаты, коснулась еще таких привычных вчера вещей. Дворец был погружен в траур.

В большой светлой комнате, некогда служившей нам классом, плакала Консуэла, потерявшая четырех своих учениц, четырех дочерей.

В детской рыдали младшие сестрички и брат.

В своих покоях, осторожно смахивая слезинки с длинных ресниц, пряталась

покрасневшая растрепанная мачеха.

Отца я нашла в кабинете. Он постарел лет на десять, покрылся морщинами и окончательно поседел. В глазах застыла тоска. Напротив него в кресле кто-то сидел.

— Огонь мы не стали тушить, — рассказывал отец. — Магиана уверила нас, что это ее огонь, а кому как не знать, если не наставнице. К вечеру следующего дня пламя стихло. Мы почти ничего не нашли на этом месте. Наш некромант вызвал душу одной из погибших там магичек. Она рассказала, что на них напали асуры, которым была нужна моя дочь. Ирида всегда была храброй девочкой, она стояла до последнего, защищая Лилит. С ее слов — их всех убили. Но что с Лилит, она не знает. Позже мы нашли вот это, все остальное оплавилось, — папа кинул на стол мой браслет.

— Это подарок Заквиэля, — произнес бархатистый, довольно приятный голос. — Он должен был хранить ее душу.

Любопытства духу было не занимать, и он полез проверять личность этого знатока.

Асур. Выглядит лет на сорок, благородных сорок. Красивый, величественный. Волосы цвета золота и сияют ярче солнца. Демон света!

— Но не сохранил ее саму.

— Боюсь и душу тоже. Ваша дочь погибла. Сочувствую вашей потери. Простите меня, Эрнест. Мне надо было предусмотреть и подобную возможность.

— Ничего уже не изменишь. И моих дочерей не вернуть.

— Клянусь, я найду тех, кто это сделал.

— Только, думаю, мне до этого уже не дожить. Но твою клятву приму. Что же касается нашего соглашения, то мои младшие дочери еще слишком малы. Как только они подрастут, я готов выполнить наш договор, Веельзевул.

— Нет, Эрнест. Вы уже сделали все, что должны были. Вы отдали свой долг. Это я не смог его уберечь. Ускользнула словно вода меж пальцев. И не думаю, что мой сын отважится взять в жены сестру своей погибшей невесты. Да, мы должны были праздновать свадьбу, а теперь наши миры погружены в траур. Не смотрите на меня так, Эрнест. Она была невестой наследника, будущей супругой владыки асуров. Мы скрывали обручение два с половиной года, но некоторое время назад стали готовиться к свадьбе.

— Как там поживает ваша четверка? Лилит к ним очень привязалась.

— Я знаю. Когда они вернулись без невесты, я очень рассердился. А мальчишки начали на перебой рассказывать, какую замечательную девочку они тут нашли. Жаль, я не был с ней знаком, даже не видел.

— Идем, — встал отец. — Я покажу тебе свою малышку.

Они пошли в одну из гостиных. Дух последовал за ними, так как любопытство сгубило не только кошку, но и целую толпу ведьм.

— Этот портрет мы заказали, когда Лилит было семнадцать. — Отец указал на огромное полотно в полстены, где вся семья была в сборе. — Она не очень-то любила долго сидеть на месте, поэтому художник с ней намучился. Вот Лилит, эта девчонка с улыбкой на устах. Даже здесь она не такая, как все, видишь. Она утверждала, что это неправильно, если на семейном портрете она будет ненастоящей. Без своих вечно торчащих косичек, разодетая как кукла. Поэтому здесь она такая, какой была обычно. Когда удавалось втиснуть ее в платье, а это случалось не так часто. Ну, как тебе такая невестка?

Асура явно надо было откачивать, в таком состоянии он находился, смотря на того подростка с угловатой фигурой, растрепанными космами и ехидной улыбочкой на устах. Художник попался хороший, он ответил на все мои издевательства, изобразив без прикрас, в естественном виде, так сказать.

Отец хихикнул. Даже сейчас он не терял того чувства юмора, что унаследовала и я.

— Здесь ей было семнадцать. А этот портрет мы делали около полугода назад. — Король кивнул в сторону и снял черное покрывало с рамы, открывая картину.

Да, помню, было дело. Мачеха тогда потребовала писать портреты всех своих незамужних дочек, для подготовки к сватовству. Ну и меня, раз я тоже королевская дочь.

И он вышел очень занятный. Я сама настояла на том, какой хочу здесь быть. Стоящая у стола молодая магичка. Коричневые брюки, высокие ботфорты, расшитый золотыми нитями камзол, заливхватски надетый на одно плечо, просторная рубашка, узкий жилет, так выгодно подчеркивающий мои девичьи формы. Нижняя часть волос свободно свисает ниже лопаток, верхняя забрана в изящный венец, удерживаемый шпильками из звезд. Одна рука на толстом гримуаре, рядом с моей любимой саламандрой, другая свободно свисает вниз. Мне самой этот портрет очень нравился. Особенно выражение лица, здесь оно вышло довольно насмешливое, но не глупое, а скорей ироничное. А в глазах танцуют золотые искры.

— Девочка сильно изменилась, — с удовольствием смотрел на портрет отец. — Такой она стала. Кто бы мог тогда подумать, что из гадкого утенка вырастит такая знатная птица. — Еще бы, феникс очень знатная птица. — Даже здесь она колдунья.

— Да, — кивнул мой неудавшийся свекор. — У моего сына оказался хороший вкус на женщин.

— Боюсь, когда он ее встретил, Лилит больше походила на первый портрет.

— Асуры всегда умели видеть куда дальше людей. Эти звезды мне знакомы. Такие появляются, когда мальчишки ударяются головой.

— Это шутки Лилит. А звезды в ее волосах принес дракон. По тому, как трепетно она к ним относилась, я понял, что это подарок вашего сына. Лучше посмотрите сюда, это тоже ее проделки, первоначально этого не было.

— Обручальное кольцо?!

— Всем остальным она объяснила, что просто перепутала руку, с ней такое вполне могло случиться. А когда спросил я, то ответила, что просто это такая же часть ее, как вечно рванные рубашки. Лилит всегда была исключительным ребенком.

— Теперь я, кажется, понимаю, почему он выбрал ее, даже с условием ждать нескольких лет. Как жаль, что она так и не стала моей названной дочерью. Вы не против, если я останусь на пару минут здесь один?

— Конечно, нет.

Отец вышел. А я уже хотела последовать за ним, когда услышала полусшепот:

— Лилит, останься.

Дух удивленно замер.

— Я знаю, что ты здесь. Владыка асуров вмещает в себя власть всех стихий. Поэтому я чувствую тебя. Меня предупреждали, что после смерти ты могла перейти в другое качество — свободную душу. Поэтому я не удивлен. — Асур посмотрел на портрет так, словно я там. — Я просто хочу сказать, как мне жаль, что вышло все именно так.

«Да ну», — подумала я, медленно переходя в другое качество. Неосознанный дух, благодаря тренировкам с Полуденным, научился плавно становиться воплощенным. Я почувствовала, как распахиваются крылья, и громко закричала со всей болью пережитого мной.

Асур встретил яростный взгляд феникса стойко.

— Мы не хотели делать твоей семье больно. Если бы я мог, то все бы исправил. А ты прости нас. Если тебе будет от этого легче, мы найдем и убьем того, кто сделал это с вами.

Вот это меня взбесило.

— Я сама его убью.

Феникс уже собрался уйти прочь, сил-то у меня оставалось немного, как его догнал голос:

— Прошу тебя, не приходи к нему. Мой сын любит тебя, и это будет слишком больно для него.

Отвечать я не стала, просто выбила окно в последней яростной вспышке.

Потом еще пару недель то просыпалась, то снова уходила путешествовать духом. Травница все это время исправно выхаживала меня, а когда я окрепла достаточно для небольшого путешествия, отправила к своей бывшей ученице, живущей на окраине одного

замшелого городка.

У тетки Лукинешны я прожила более полугода. Ведьмой она оказалась очень хорошей, справной, и многому меня научила. Пробитая насквозь грудь заросла, даже следа ни осталось. А вот с пустотой в этой самой груди дела обстояли хуже. Первое время я вообще каждого шороха пугалась, хватаясь то за меч, то за фэйрбол, а когда и рубала пустоту огненными клинками.

Это безобразие начало проходить только когда однажды тетка разбудила меня криками. Выглянув в окно, застала странную картину — вокруг дома носилась гидра, а за ней с кривеньким мечом Лукинешна.

— Нагос, — заверещала я, вываливаясь в окно.

Увидав меня, гидра с радостью бросилась навстречу. Перепуганная тетка, решив, что он меня сожрать собрался, кинулась на перерез с разведенными в сторону руками. На полпути они встретились. На это не хватило бы никаких звезд, так хорошо гидра и тетка приложились друг о друга. Головы гидры переплелись меж собой, одна даже потеряла сознание, другая прикусила язык, ну а третья, кажется, просто кого-то прикусила и теперь смотрела на меня с явным страхом, потому как в ее пасти застряла нога ведьмы. Тетка тоже слегка заблудилась в конечностях — в своих и Нагоса. В общем, я их расцепила и сразу оказалась вся обслюнявлена радостной гидрой и обругана Лукинешной.

В тот день я впервые в своем посмертии смеялась.

Посмотрев на это дело, тетка махнула рукой:

— Пусть живет. Только в дом ни ходить, кур не есть, козу не пугать, народ не разгонять.

Мы с Нагосом дружно закивали, а это то еще зрелище, когда кивают пять змеиных голов.

Как мне позже рассказали, в вечер, когда... я умерла, гидра металась по загону, словно взбесившаяся, а уж когда вдалеке полыхнула зарница, вообще от нее спасу не стало. В ту ночь она и вырвалась. Больше в столице ее не видели. Говорили, где-то в окрестностях шарит, и вот шельма, все же нашла.

С тех пор поправляться я стала быстрее. Да и веселее стало. Бывало, встанешь с утра и слушаешь, как тетка гидру четырехметровую распекает. А та лишь вздыхает и виновато кивает.

Я начала помогать по хозяйству, а так как руки у меня кривые, то помогала недолго. Затем мне доверили мелкие заказы. А потом и более значимые. В общем, первые холода я встретила уже более или менее похожей на человека, а не на труп ходячий.

Старуха-травница принесла мне какую-то травку, которою я спасалась от аллергии на снег. Болела, конечно, но ничего серьезного, как я уже боялась.

Правда, от кошмарных снов никакими травками было не спастись, и я по-прежнему нередко просыпалась от собственных криков.

Он перестал мне сниться. О чем я почти жалела.

Как только впервые почувствовала весна, мы отправились на большую ярмарку. Я решила продать свою верную лошадку, слишком не подходило это видное, благородное животное моей новой жизни, да и кое-что из вещей, обнаруженных мною в седельных сумках, включая украшения.

Как-то так вышло, что из подарков асуров у меня остались только те, что дал Бальтазар. Ну и невиданный подарок Данте, который так и не проявил себя.

Ух, попадись мне эта вредина. Подарил не пойми что.

Попадись...

Хотя я начала подозревать, что подарок воздушного демона — это перенятая у него манера держать себя. Под маской спокойствия оказалось очень удобно прятать неугодные чувства и боль.

Как только сошел снег, я собралась уезжать.

Тетка очень переживала по этому поводу, привязалась она ко мне, да и я к ней. Но

ехать было надо. Сказала бы бежать, но только в моем состоянии не побегаешь. Разбудив перезимовавшую в норе Нагосу, я проводила последний вечер в доме своей благодетельницы, когда она и поделилась своей догадкой о моем происхождении. Отнекиваться я не стала, и так все ясно. Тогда тетка и предложила мне погадать. На дорожку.

Бросив кости, она долго рассматривала их. Потом вздохнула.

— Длинная у тебя дорога, девонька. Ох, трудная. Но ты не бойся, высшие силы в этой битве к тебе благосклонны. Не для того они тебя по жизни вели, чтобы теперь бросить. Твоя главная сила в друзьях, в добрых людях, что окружают тебя. Теперь посмотрим врагов. Вот они. Злые у тебя враги, могущественные. Они тебе козни будут строить, со свету сживать. А оружие против них... странно, кости говорят — душа.

Я хмыкнула. Хорошее оружие, только не все мне с рваной грудью ходить.

— А тому, кто меня на меч наткнул, я смогу отомстить?

— Ох, плохие это мысли, милая, — глянула на меня Лукинешна. — Прощение — лучшее лекарство от боли.

— Вот попинаю его хладный труп и тут же прощу. От всей души прощу, честно.

— Страшно мне за тебя, Танюша. Бросила бы ты эти мысли. Но кости сейчас спросим. Вот, говорят — сильного соперника выбрала, не по зубам он тебе.

— Зато по душе. Дальше что есть?

— Сейчас про сердце спросим.

— Не надо. — Но кости уже упали и ведунья с интересом на них уставилась. Меня тоже любопытство пробрало: — Что там?

— Мудрено. Сердце твое занято, да колечко на палец надето. Хм, так ты замужняя что ли? Вот он, избранник твой, — ткнула она куда-то в кучку костей. — Сила в нем огромная. Да тоска на сердце. Так, а это что за новости?

Кости сами собой задвигались, выкладывая рисунок. Сначала вроде фигуры человеческой, да с крыльями. А потом выложились в нечто типа вилочки или веточки.

Собравшись в кучку, кости замерли. Тетка еще разок глянула в них и даже обомлела:

— А второй-то здесь откуда?

— Второй?

— Да. словно была одна линия, а от нее другая пошла. Что ж, один уйдет — второй появится? Да, фартит тебе, девка. Один воздыхатель, второй. И все не слабые. На этого посмотри — крепкий, сильный. Воин что ли?

— Куда же мне второго? С первым что делать не знаю.

— Так, значит, ты замужняя?

— Мужа нет. Колечко есть да акт купли-продажи. На девку с магической силой, бесовским характером да нужным папенькой. — Я фыркнула. — Заведешь тут себе любовника, когда тебя что корову на базаре продали. Деньги взяли, а корову потом привести обещали. Вот правда, заведу себе любовника, что он делать будет? Хм, надо озадачиться!

Озадачилась впоследствии, попробовала. Кандидат в любовники отделался испугом и легким заиканием. Ну и упырь с ним, решила я, надо думать — с ведьмой связался, а не с девкой кабацкой, а нам раз расхотелось — не удержишь силком. А вот по голове дурной схлопочешь.

Так что ничего из этой затеи не вышло, ну не могу я быть с кем-то еще. Как раньше ничего не чувствовала, так и теперь в груди пустота.

Зато как вспомнишь своего ночного гостя, аж мурашки по телу.

Вот что чужая любовь делает.

Конечно, любить я его продолжала даже на смертном одре. Тут бессильна любая магия.

Уехать пришлось далеко. Не одну границу пересекла, прежде чем отважилась хотя бы осмотреться.

Так и жила, как когда-то мечтала, только теперь радости от этого много не испытывала.

С весны по самую глубокую осень ездила по городам и весям, работу всякую брала, кто что предложит, хороший маг всегда где-нибудь да нужен. Правда, без грамоты много не

сделаешь, да ладно. Я свою с помощью магии подправила, для другого мага не пойдет, а простому человеку и этого хватит. Зимой же я устраивалась помощником, когда к знахарю, когда к колдуну, в общем, как получалось.

А как пригодился мой опыт по вскрыванию замков!

Да и вообще в мелком жульничестве.

Перебивать меня, конечно, никто не перебивал, но иногда такие вопросы задавали, я вновь научилась краснеть.

Ну не ожидали же они от меня полной откровенности. Ага, так я им и рассказала все в мелких подробностях. Только то, что посчитала нужным.

— Так я и не понял, — нахмурил зеленые брови Аскар, — как ты ожила?

— Не знаю, по веской причине своей трупной окоченелости. Помню последний удар сердца, а потом как очнулась. Все. Что там вытворял дух в это время, я не в курсе. Но если кто особо любопытный, может попытаться меня еще раз мечиком пырнуть. Правда, за результат я не в ответе.

— Она теперь всегда такая? — склонился Бали к Вадику, говоря при том достаточно громко.

— Бывает и хуже. Сейчас она просто немного растерялась.

— И меня кто-то циником называл! — удивленно приподнял брови Данте.

— Ага, — не стала отпираться я и начала загибать пальцы. — А еще наглым, бессовестным, зловредным...

Договорить не дали. В меня врезался поток воздуха, уронив вместе со стулом. Я отстреливалась уже из-под стола файрболами. После чего на стене остались такие милые подпалины.

— Ах, так! — закричал Данте и через секунду уже сидел на столешнице.

Под стол был запущен странный шарик, при ударе которым по коже пробежал слабый электрический заряд, больше похожий на щекотку. Я ответила липкой цветной бомбочкой, способной перепачкать что угодно. Ну, или кого.

— Эй, я-то здесь при чем, — возмутился Бальтазар. — Устроили детский сад.

— Все, кто не спрятался, я не виновата. — Главное предупредить.

Следующему досталось Заку. Затем Вадику и Аскару.

Только Данте оставался противно чистым и хитро ухмыляющимся.

Но и он допустил стратегическую ошибку, подпустив свой хвост слишком близко к краю столешницы. За что был безжалостно сдернут. Я уперлась коленом в грудь распростертого демона и, все еще сжимая кончик хвоста в кулаке, потрясла им пред носом асура.

— Ну что, сдаешься?

Данте оскалился во все клыки, я тут же скопировала.

Потом ухватила ножницы со стола и начала методично кромсать кисточку хвоста, удобненько устроившись на животе асура.

Посмотрев на это безобразие огромными от негодования глазами, тот кивнул:

— Хорошо, хорошо, сдаюсь. Хвост отдай, злобная девчонка.

Я хмыкнула и покинула насиженное место. И тут же упала на стул и согнулась в три погибели. Данте встал, отряхнулся и занял место на краешке стола.

— Ну у вас и видок, — улыбнулся он.

Демоны и бедный Вадик с ног до головы были перепачканы краской. Отсмеявшись, я повела рукой и сняла с них свое колдовство.

— Лил, ты взрослеть собираешься? — вздохнул маг, рассматривая свою чистую одежду.

— Обижаешь. Конечно, нет.

— Кстати, вы может быть просветите, как вновь повстречались? — решил Заквиэль.

Вадик усмехнулся:

— Занятная была история. Я все это время в Магическом Патруле служил. Вот как-то

поступила к нам заявка, будто в одной деревеньке неладное творится. Ну, мы и поехали проверить. Приезжаем, а нам говорят: какой-то чудил, да заезжая ведьма изгнала уже. Мы плечами пожали, ведьма так ведьма. Поехали дальше, соседние деревеньки проверить. И тут нам рассказывают, завелось у них чудище страшное, не дракон, правда, но очень похож. Только заезжая колдунья его извела. Едем дальше, в следующей деревне та же история. Ну, мы думаем, буйствует нежить. Начали выпрашивать, что за чудовище тут злобствовало, и выяснили — по описанию похоже на гидру. А ведьма, говорят, молодая была, красивая девка, да так исправно мечом махала, от змея только искры летели. Странно, думаю, искры-то откуда? Только через неделю подловили эту зверюгу. Я смотрю на нее и чую — ворожкой от зверя несет. Мне бы еще тогда вспомнить про гидру-то пятиглавую, а я от растерянности и не подумал даже. Вот пошли мы против этой змеюки, а она хитрая, сильная, ее же магией простой не возьмешь, сначала металлом дотянись. А от этой мечи отскакивают да искры летят. Гидра тоже проворной оказалась, словно тренировал ее кто против воинов стоять, — покосился на меня Вадик. — Разметала она нас по сторонам, и как ко мне кинется. Ну все, думаю, Орлийский, поздоровайся с дядей Аидом. Так этот зверь, вместо того, чтобы добросовестно мне глотку перегрызть и на клочки порвать, облизывать стал да хвостиком вилять. И тут слышу голосок: «Сколько раз тебе говорить, не подбирай всякую дрянь на дороге». Поднимаю голову и вижу девчонку. Вроде что-то знакомое, да в толк взять не могу, что именно. Белая коса до пояса, формы такие занятные. Только личико вроде знакомое. А гидра швырк к ней за ноги и давай хвостом мести. Вы хоть раз видели, как этот дракон недоделанный за нее прячется? Все равно что телегу в кармане занывать. Тут-то меня и пробило. Смотрю и поверить не могу — Лилька с Нагосом стоит. Мне аж плохо стало.

— Он в обморок шлепнулся, представляете. Как институтка какая, — хихикнула я.

— Еще бы. Я ее давно уж отпел, а тут стоит, глазками на меня поблескивает. Как призрака встретил. Она меня отряхнула, на ноги поставила.

— В лоб дала, чтоб пялиться как дурак перестал.

— Я ее потом еле отмазал. Хорошо хоть на нее дело не завели, по статье о мошенничестве.

— Ага. За половину гонорара, — насупилась я.

— Если бы меня в том патруле не было, вообще бы все изъяли.

— Если бы тебя не было, мы бы быстренько смылись. Никакие маги не удержали. В первый раз, что ли. А то ободрали как липку.

— Да за такое, — даже привстал Вадик, — в ведьмину яму на недельку. Кто бы знал, какая из принцессы выходит мошенница, — посмотрел он на демонов. — И где только этому учат?

— А если с голода помереть не хочешь, и не такому научишься. У меня другого выхода не было. Уже осень началась, а денег почти нет, ну неудачный год выпал. И как мне зиму пережить, как Нагосу в спячку лечь? Вот и пришлось пудрить мозги деревенским. Уж парой монет могут поделиться, а мне и этого хватит. Я же много не брала, с понятиями ведьмочка. Хуже от этого никому не стало. Ведь верно? — посмотрела я на притихших асуров.

Те взирали на меня с таким удивленным выражением симпатичных мордашек, что я неловко начала передумывать, что же могло ввести этих невозмутимых демонов в такое состояние.

— Вы чего?

— Просто, Лил, — подсказал дружок, — наши демоны не могут понять, как принцесса могла докатиться до мелкого мошенничества.

— Не такого и мелкого, — обиделась я.

— Ага, ты еще волшебные яблочки припомни, которые оптом продала тому торговцу. Не в этом дело, а в том, кем ты была и кем стала.

— Хм, а в чем разница? Была принцессой-магичкой, а стала свободной магичкой. В чем здесь разница?

— В неустроенности, Лилит, — подсказал Зак. — В том, что тебе пришлось пережить.

Я медленно подняла глаза.

— Это мой выбор. Я могла вернуться к отцу. Могла уехать подальше и предъявить свой диплом с отличием, и передо мной открылись бы многие двери.

— А могла позвать нас, — вспыхнул Бальтазар.

— Мы бы пришли, — поддержал Аскар. — Мы бы смогли защитить тебя.

— Поздно защищать, Аскар. Они уже погибли. Да и я тоже. Теперь я буду защищать себя сама. Ни на кого не надеюсь. Рассчитывая только на себя.

— И что же ты собираешься делать дальше?

Я пожала плечами.

— Жить. Просто жить. Надеюсь, к осени Оливье даст направление в Академию и свое попечительство. И я снова сдам экзамены.

— Зачем?

— Видите ли, у меня есть диплом на имя Лилитаны Вольской. А я бы не хотела афишировать это имя. Поэтому мне нужен официальный документ. На имя Тани Лил. Это Вадик придумал, еще во времена нашей совместной практики, чтобы случайно не проговориться. Он же привел меня к Оливье. Это оказалось кстати, денег у меня почти не было, а зимой я по городу могу передвигаться мелкими перебежками и то в ясную погоду. Вот и жду, когда получу свой диплом. Потом соберу вещи, куплю лошадку и поеду куда-нибудь. Как маг я ведь способная. Покатаюсь немного по королевствам, а там может устроюсь на какую-нибудь службу. Хотя в тот же Патруль. Не в этой стране конечно. Здесь я уже достаточно накуролесила. Лет через пятьдесят, когда на трон сядет мой племянник, наверно, вернусь в Вольск. По-семейному постучусь в двери замка. Уж Агриппа меня узнает. Навещу родные края, посмотрю на то, что осталось от моей семьи. Залезу в башню, наконец, я по ней скучаю. И сниму-таки с портрета нормальную копию. А то Вадькина такого паршивого качества, мало того, что краски все расплылись, так еще и развеялась через неделю.

— Ну, я же боевой маг, а не дворцовый. Это тебя воспитывали шпионить и мастерски копировать важные документы, — огрызнулся маг.

— Ну, мечом я махаю не хуже тебя.

— Ага. Особенно когда у тебя огненные клинки. Представляете, она Нагоса заговорила на металл. Он гидру не берет, только искры во все стороны. Зато огненные клинки — пожалуйста.

— А это чтобы такие буйные идиоты, как в вашем Патруле, мне гидру не испортили. Иначе ведь придется вылезать из засады и самолично шею мылить. А то, что дерусь я лучше, говорит не о том, что я хороший боец (на самом деле довольно посредственный), а о том, что ты плохой. Сколько Полуден в тебя умения не вкладывал, меч как палку держишь. Нет бы чему у него поучился.

— Когда, если он около тебя все крутился.

— Вадик, Нагос, надемся, этот чванливый маг нигде не нарисуетя? — посмотрел на нас Бали.

— Нет. Полуден уехал из Вольска после гибели принцесс, — отмахнулся Вадик. — Говорил, что не может пережить потери своей лучшей ученицы.

Я наморщила нос. Вспоминать об этом человеке я не очень-то любила, как бы много он мне ни дал.

— Что-то не так? — тут же нахмурился Зак. — Он обижал тебя?

— Нет.

— Обидишь ее, пожалуй, — хмыкнул Вадик. — Эрик с нее пылинки сдувал. Только такой облом — Лил его потуг в упор не замечала. Забавно иногда было. Примерно как Аскар в прошлый раз с букетом. До сих пор не пойму, как ты с ним на последнюю практику поехала. Надо было тебе все же настоять и Консуэлу взять. Мало ли чего.

— А что могло случиться, — напрягся Бали.

Лучше бы этот доброхот недоделанный помолчал. Но ему же невдомек, что кто-то из этих красавчиков мой жених.

— Да ничего, — огрызнулась я. — Это у Вадика вечно дурные мысли. Если что Полудену и надо было, так это не я, а мои способности владеть воплощенным духом. Ему так хотелось покопаться во мне и узнать, что же я там прячу. Только кто ему даст. Я всегда носила подарок Заквизеля, а на практике ставила мощную охранку. Помнишь, тогда ночью ему плохо стало? Вы еще не знали, что подумать. Так это он нарвался. Нечего лезть, куда не следует.

— Ты поставила охрану?

Я усмехнулась. Еще бы. Интересно, сколько вы с ней прокопаетесь, прежде чем вскрыть, или же она сдастся вам с легким звоном?

— Мы не тронем твою душу, Лилит. — Ну как у него это получается? На лбу что ли у меня написано? Надеюсь, хоть не теми выражениями, которыми думаю. — Она священна.

— С каких это пор?

— С тех самых. Ни один добропорядочный асур не смеет тебя тронуть.

— Зато недобропорядочный очень даже может.

На меня вновь накатили старые обиды. Стало очень холодно, как телу, так и душе. Наверное, нельзя так долго прятать боль, вот сейчас и расплачиваюсь.

— Вадик, ты не мог бы уйти, — посмотрел на него Зак. — Нам надо поговорить с Лилит.

— С чего это? — вжался в кресло маг. Попробуй выковырай.

— Есть вещи, которые тебе знать не стоит, — опасно завибрировал воздух. Ох, недолюбливает он Вадика.

— Это про... вашего принца что ли? Не стоит. Я и так все знаю.

Демоны напряглись и угрожающе забили хвостами.

— Откуда?

— Слышал ваш разговор на пикнике. Снотворное я растворил, нас этому учили в Академии. Вот и подслушал случайно. А потом, когда вы уехали ни с чем, да еще и Лилит чудить начала, все понял. Не так это и сложно. Если вам так нужна была принцесса, а вы ее с собой не забрали, значит, выбрали ту, что сейчас уехать не может. А это только Лилит. Да еще руки ее разукрашенные. Я их видел.

— Так почему ты мне ничего не говорил? — удивилась я, автоматически поджимая руки.

— Зачем? Ты бы еще дерганей стала. К тому же это не моя тайна. Я думал, захочешь — расскажешь, а нет — так нет.

— Ты лучший друг, какого только можно желать, — улыбнулась я.

— А мы? — обиделся Аскар.

— А вы худшие враги, какие только могут быть. Так что с вами тоже лучше дружить. Просто из жизнелюбия. Итак, мне кто-нибудь расскажет, как вы узнали, что я жива? Помнится, даже Веельзевул был полностью уверен в моей смерти.

Демоны дружно покосились на Зака. Ну конечно, кто еще-то говорить сможет?

— Видишь ли, девочка, — начал он несмело. Чего боялся, покусая я что ли? Так он в ответ тоже не плохо ципануть может, вон клыки какие. — При обряде обручения связываются души. Это словно ниточки, тонкие, но разорвать их почти невозможно. И... Веельзевул настоял на передаче престол своему сыну. А это возможно только если он будет женат. Вот! Ты чего?

Я перестала хихикать и посмотрела на асуров.

— Так это вы боялись мне сказать, что ваш наследник снова жениться собрался? Брось, Зак, я это давно знала. Мне Уголек рассказала.

— И... Что ты об этом думаешь? — чуть испуганно смотрел на меня Аскар.

— Баба с возу — волкам сытнее.

Асуры взирали на меня с таким ужасом в глазах, будто я оскорбила их бабушку,

обвинив в распутстве. При том в преклонном возрасте, в котором она сейчас находилась.

Ну-ну. Будете знать, что я чувствовала в тот момент, когда прочитала выведенные саламандрой руны на полу у камина. И каково это — прожить столько лет, словно с кинжалом в сердце. Любить и ненавидеть одновременно.

— Что?

— То. На свадьбу приглашайте, с удовольствием приду. Поплачу где-нибудь в уголке, новобрачной цветочки потаскаю, а если посчастливится — в подружки пойду. У меня как ни как две сестры замуж вышли, да братец женой обзавелся. Так что не забывайте. Если что, Уголька с приглашением отошлите.

— Лилит, — излишне разволновался Аскар, — ты понимаешь, о чем ты говоришь?

— Вполне. Меня этот расклад как раз устраивает.

— Устраивает? — вспыхнул Бали. Вскочив с места, как ужаленный осой в одно место, во всяком случае подпрыгнул он примерно также, демон рванул ко мне и больно схватил за плечи, даже немного приподнял. — Думаешь, нас это устраивает? Ты о нас подумала?

— А обо мне кто-то думал? — посмотрела я ему в лицо. Точнее в морду, где начали проступать звериные черты трансформации. — Когда рядили в то платье, когда кольцо на палец нацепили, когда душу выворачивали? Разве вы думали, хочу я этого или нет? Разве вы спросили, согласна ли я? Так что не говорите теперь о себе. Мне плевать, я отвечаю только за себя. И еще Бальтазар, не смей делать мне больно, — разозлилась я. Дернув плечами, я вырвалась из рук демона и, сделав легкий жест, бросила в его сторону слабую волну.

Которая, впрочем, откинула асура на пару метров назад. Не плохо! Значит, заклинание действует, во всяком случае, на растерянных огненных демонов.

Я рассеяно потеряла плечо. Ведь синяк будет. Как хорошо, что я магичка. Немного напрягшись, я заставила организм начать восстановление изнутри.

— Так вот для чего это заклинание, — догадался Вадик. — А я думаю, чего ты в библиотеках пропадаешь да тренируешься с какими-то странными формулами. Здорово!

— Так или иначе, Лилит, уже ничего не изменишь, — посмотрели на меня чуткие лиловые глаза. — Мы начали проводить церемонию обручения. Кольцо владыки наделось без каких-либо проблем, оно даже раскрасило руки невесты. Но только когда ей надели обручальное кольцо, оно соскользнуло.

— Понимаешь, малышка, — подхватил Данте, — когда ты умерла, кольцо наследника соскочило с пальца, а это может случиться только в случае разрыва связи. Когда его снова надели, оно почувствовало связь, только не с новой невестой, а с тобой. Обручение не состоялось, потому как уже было. Ты жива, а значит, осталась невестой наследника.

— Невестой демона, — хмыкнула я. Сама же тайком пыталась стянуть злосчастное кольцо с пальца. Оно и не намеревалось поддаваться, на пальце прокручивалось свободно, но не снималось. Вадика за мылом что ли послать? Так ведь дурак подумает не о том, предложит заодно веревочку притащить и табуреточку отодвинуть. — Ну, и как разорвать эту связь?

— Это невозможно.

— Как так — невозможно?

— Для того, чтобы снять обручение, нужно согласие обоих, — пояснил Аскар. — Это же почти развод. А принц его давать не намерен.

— Как не намерен?

— Пока, — кивнул Зак. — Может лет через сто у тебя и получится убедить его в необходимости такого шага, но не сейчас. И прекрати дергать кольцо, оно все равно не снимется. Лучше покажи руки.

Я спрятала их подальше под стол, еще и меж колен зажала. Мысль о мыле не отпускала.

— Ну и что теперь делать? — засопела я.

— Перестать маяться дурью и выйти, наконец, замуж. Ты и так четыре года отлынивала от этого.

Я подняла на них взгляд и задрала одну бровь. Не зря училась!

— А вы заставьте, попробуйте. И мы посмотрим, нужна ли вам будет *такая* владычица.

Демоны переглянулись.

Правильно, девушка я талантливая, с выдумкой. Будут вам порты на дереве детским развлечением.

Явно затосковав, они решили:

— Ладно. Жизнь долгая. Там посмотрим.

Смотрите, смотрите. Только глазки не сломайте.

— *Т* ебя сморчок опять зовет, — вздохнула Ксенька, беря в руки ступку.

— Пусть зовет. Сам же вчера требовал омолаживающий эликсир. Пусть пока перетопчется.

Подруга взирала на меня с таким удивлением, будто я на ее глазах превратилась в вампира. То есть несколько озадаченно, а так же как настоящий маг, тут же просчитывающий ходы для обезвреживания. Я ее понимала. Еще вчера стоило Оливье только позвать, я неслась, как за большим призом. Хотя и верно, мы всегда во всем пытались угодить приютившему нас колдуну, надеясь на его снисхождение до похода в Академию и подачи заявки на прохождение выпускного экзамена.

Вот вам! Ксенька уже второй год, считай, на него работает, а он даже не пошевелился. Только ругать может. Эх, Вадька, подкинул ты мне работенку. И ведь не уйдешь уже, полтора года гидре под хвост.

Я тяжело вздохнула.

— Натворила чего? — участливо покосилась подруга.

— Чего я только не творила. Знаешь, Ксенька, я ведь даже однажды умудрилась Нагоса продать. Превратила его в пятерку залихватских коней, сама бандиткой прикинулась и толкнула эту красоту на одном рынке. Дядька, что их купил, правда, ушлым оказался и половины стоимости, какую можно за таких коней заплатить, не дал. Но ты можешь представить сколько это? Я таких денег и в руках не держала. — Точно-точно, у меня для таких больших покупок всегда камеристка или служка какой был, мне крупных денег не доверяли. — А как я из того городишки удирала, когда заклинание раньше срока развалилось. Ведь все нормально было, пока дядька тот ночью, обмыв с дружками, на свою покупку любоваться не пошел. И кто его просил руки к лошадам тянуть. Ну не любит Нагос, когда ему по мордам лапищей такой стучат, да перегаром дышат. Так ведь еще и целоваться полез, на радостях, наверное, что так ловко провел глупую девку. А я ведь такого и искала, ушлого да жадного, чтоб в лошадок всматриваться не стал, а то у них в пасти такое было! Куда же я клыки-то дену, ни одна магия этих зверюг не берет. Так этот дурак что удумал, покататься с друзьями решили. И начали коников распрягать. А я им строго-настрого эту вольность запретила, говорю, кони привыкли вместе ходить, поодиночке дичают. Не послушали. Ну и получили разгневанную такими вольностями крылатую гидру в отдельно взятой конюшне. Ох, и наподдала же им Нагос. Хорошо хоть я решила проследить и спала в ту ночь на сеновале в той же конюшне. Но убежать пришлось срочно. Вот это я называю «натворила».

— Да уж. С такой владычицей царство рискует лопнуть от смеха.

— С такой владычицей царство в принципе рискует. Что ты здесь делаешь? — обернулась я.

Демон стоял, привалившись плечом к косяку, и наблюдал за нами. Все такой же, отметила я с восхищением. Гибкая сильная фигура, длинная туника поверх брюк и рубахи, перехваченная на поясе ремнем с ножнами, язвительный взгляд, синие волосы, гривой лежащие на плечах, маленькие рожки. Ну, разве не очарователен?

Сердце екнуло, не дожидаясь ответа.

— Мы ждем тебя уже полчаса.

- Всего то? Ну, по сравнению с прошлым разом сущие мелочи.
- Еще бы. Мы можем долго ждать, но если будем уверены, что ты придешь.
- Я занята.

Пестик заходил в ступке с такой силой, что начал поскрипывать. Я добавила еще гусяного жира и чабреца, доводя массу до нужной консистенции.

Ксенька стояла, открыв рот, и рассматривала гостя. Правильно, я до последнего дня насмотреться не могла, такие они занятные типчики.

Внезапно пестик вырвался из моих рук и заходил самостоятельно, да еще с такой скоростью, какая даже самым ловким рукам не снилась.

- Данте! — возмутилась я, бросая на демона далеко не лестный взгляд.
- Когда ты закончишь, то придешь?
- Не факт.

Поджав губы (надо же — рассердился, это что-то новенькое), Данте закрыл хвостом дверь и подошел к столу. Критично рассмотрев наши сваленные в кучу травки и кое-какие баночки, он поморщился. Еще бы, в моей старой лаборатории в башне все компоненты были разложены по баночкам, надписаны и выставлены в ряды на стенках. Но это была не моя заслуга, мне было достаточно и пяти минут, чтобы превратить чистенькую комнатку в бардак. Мы с Ксенькой привыкли работать именно так — стихийно. Да и грязненько у нас тут, вон очаг уже какую неделю собираемся почистить.

Мне вдруг стало стыдно. Ведь совсем как ведьмачка какая деревенская. Дернуло еще волосы под платок убрать и спереди завязать, оставив кончики торчать наподобие заячьих ушек. Передничек заляпанный, платьице, бывшее когда-то благородно-черным, посерело. Но если в мою бытность принцессой это меня нисколько бы не смутило, то сейчас я больше всего хотела провалиться под землю.

— Что это будет, — ткнул он пальцем в кашицу, напоминавшую сейчас взбитые сливки.

- Мазь от подагры.
- Пациент выживет? Я тебе даже укол иголки не доверил бы лечить.
- Обиженно засопев, я отвернулась к подруге:
- Поставь это к огню, пусть прогреется.

Ксенька протянула все еще дрожащую руку и забрала ступку. Нервы у девчонки ни к черту.

У меня не лучше, заметила я, смотря на свои подрагивающие пальчики. Лучше бы Заквизеля послали, с ним договориться легче. А с этим разве договоришься? Угу, до крупных неприятностей.

Данте тем временем начал ходить по лаборатории, собирая какие-то скляночки из нашего арсенала. Настороженно наблюдая за ним, я поймала себя на совсем не праздной слежке. Я рассматривала его — красивое лицо, плавные движения, гибкое тело, демоническая ловкость. Есть чем полюбоваться. А я же вообще в ступор впала, разглядывая это хвастато-рогатое чудо.

- Что ты делаешь? — не выдержав, поинтересовалась я.
- Не мешай.

У, какие мы злые!

Собрав какие-то экстракты и выжимки в один флакончик, Данте заставил его быстро-быстро закрутиться в воздухе. Перемешивает, поняла я. Закончив, он открыл флакон и, смочив пару пальцев, легонько коснулся моей шеи.

— Что это?

Но носом я уже все поняла. Духи! Он сделал духи. Для меня. Никто никогда такого не делал. А запах мне очень понравился.

Выглядел демон очень довольным собой, так и подмывало сказать пакость. Похлопав ресницами, я вдруг поняла, что не смогу.

Так кстати раздался звонок колокольчика, предупреждавший о посетителе.

— Пойду, проверю, — решила смыться я. Даже за дверь выглянула, но тут же закрыла и навалилась на доски, как будто с той стороны ее пытаются вышибить. — Меня здесь нет. Я... Меня съел взбесившийся домовой. Ксень, ну поговори с ней, а то ведь сюда попрется.

Мой слезный взгляд возымел действие, и подружка с тяжким вздохом пошла в магазинчик.

— Что случилось? — не понял демон.

— Ничего. Ты меня не видел. И вообще на поминки приехал, понял?

Прижавшись к стенке, я произнесла заклинание и медленно с ней слилась, обретая невидимость, главное теперь не двигаться, иначе появятся мазки.

Когда я уже приготовилась, в комнатку ворвалась всклокоченная девица.

— Где она? Ведь знаю, что где-то здесь. Я следила, она сегодня не уходила. Где она?

— Госпожа, — увещевала Ксенька, ходившая за метущейся девицей, — ее здесь нет, не вернулась еще.

— Не ври мне. Она приехала, я у стражи справлялась. Танюша, выходи. Да не бойся ты, ничего я тебе не сделаю, вот букетик принесла, — выудила она веник какой-то. — Где ты?

— Видите, нет ее. Ну хотите я передам, что вы приходили?

— Как же так, не выходила она.

— А вы чего хотели? — пожал плечами Данте. Сам он стоял так, что как раз закрывал меня своей спиной. А она у него была довольно широкая, что я и использовала довольно удачно. И наблюдала за всем из-за его плеча. — Ведьма, чернокнижница. В печную трубу дунула, в два пальца свистнула, к ней черт-то и прилетел. Оседлала она его и вылетела. Еще и нагишом, наверное, как у них принято. Ой! — вскрикнул он и потер зад, за который я так удачно ущипнула. Будет знать, как извет наводить.

— Вы думаете? — округлила глаза девица. Звали ее Нюской, и была она красавицей, глаз не оторвешь, правда, не мне, я на нее уже вдоволь налюбовалась, аж тошнит.

— Конечно. Они всегда так делают, вы не знали?

— Так вот как ей удастся от меня скрываться. Ну все, больше не убежит.

Короче, выперли ее с горем пополам. Настойчивая баба оказалась.

— Кто это был? — удивился Данте.

Ксенька хмыкнула и вкратце поведала историю моей ворожбы, чем немало позабавила демона.

— А ты не думала что это не зелье никакое, — сощурил он глаза. — Может, она и вправду влюбилась.

— Я что, парень, чтоб в меня девицы влюблялись.

— А что, ты разве о таком не слышала?

Я покраснела. Сильно так, до свекольного цвета.

А чертяга, еще раз хихикнув, воспользовался моей растерянностью и, подхватив на руки, перекинул через плечо.

— Будешь вырываться, — предупредил он, — уроню.

Я ему верила.

— Эй, так не честно!

— Зато правильно. Тебя вообще бы следовало именно так до царства везти. Только рот заткнуть.

— Но это же насилие. Я не хочу. Не будете же вы мне делать больно?

Данте неожиданно остановился.

— А ты не думала, что и сама делаешь больно? Если понадобится, мы тебя так и до Варуны донесем. И нечего упрячиться, Лилит. Я не позволю делать наследнику так больно, как делаешь ты, малышка.

Хотела бы я посмотреть ему в лицо, хотя заведомо знаю, что все равно ничего бы не поняла.

Сгрузив меня в кабинет, где собралась вся честная компания, Данте вновь надел на себя эту маску вечного спокойствия, что так любил.

Осмотревшись, я скорей по привычке подозрительно сощурилась. Понятно, что при маге ни о чем, затрагивающем болезненные темы, говорить не будут, да и он ругать меня в присутствии асуров не отважится. А вот потом... у-у, что меня ждет.

Я вжалась в кресло.

А асуры вели себя более чем вольно. Аскар облокотился о спинку кресла, в которое меня скинули, Заквизель сидел в своем вытянув ноги, разве что не лег, Данте примостился на уголке рабочего стола мага (к его немому возмущению), а Бальтазар попросту паялился в окно. Милая, почти семейная картина. Вот только не люблю я портреты в интерьере.

— Чего вы так долго?

— Там такая история, — тут же сдал меня Данте. — Расскажу, обхохочетесь.

Я громко фыркнула.

— Зачем звали?

— Знаешь, девочка, — как всегда первым начал Зак, — мы тут с мэтром Оливье посовещались и решили — пора тебе свой диплом в Академии забирать.

— Чего?

— Завтра мы идем в твою Академию и забираем диплом, — просто сказал Бали.

Мне ничего не оставалось, как кивнуть, хотя я так и не поняла, как они собираются это проделать.

— А экзамен? — все же спросила я.

— Ты его уже сдала однажды, — поморщился Аскар. — Зачем тебе это снова.

— Но как?...

— Детка, не забивай себе голову подобной глупостью, — лишь отмахнулся Данте. — Тебе нужен диплом? Так ты его получишь.

— А сейчас собирайся. Мы идем в торговый ряд.

— Зачем?

— Поменьше вопросов, малышка. Ты хотела поездить по королевствам, не отпрашиваясь же ты так?

— Наша священная обязанность, — погладил меня по голове Аскар, — сделать все, чтобы тебе в этой поездке было комфортно. И как можно безопасней.

— К тому же кто-то хотел лошадку, — нежно улыбнулся Бальтазар.

— Желательно дикую и необъезженную, — бросил хитрый взгляд Данте. — Хоть какая-то возможность уравновесить шансы.

Глава 3 Шанс на будущее

В ешняя молоденькая луна серебрила ночь. Казалось, небо готово осыпаться миллиардами звезд, как дерево плодами по осени, таким оно было спелым. Легкий ветерок носился по еще клейким листочкам деревьев, путаясь в них, словно баловник-мальчишка в камышах. Воздух посвежел и наполнился чем-то оглушительно сладким и тоскливым, прокалывающим грудь насквозь, как предчувствие чего-то волшебного. От всего этого кровь бежала по венам куда быстрее, дышалось одновременно и легко, и болезненно, щеки горели, а глаза светились, как две свечи в ночи. Из маленького огородика доносился запах первых цветов и нагретой за день земли. Стрекотали кузнечики.

Как и у котов, у них сейчас лишь одно на уме — любовь. Впрочем, не говоря уже об остальных животных, люди тоже подвергались этой ласковой, опасной, порой заразной болезни. Кто их мог винить? Только не я.

На улице послышалось девичье хихиканье и басок парня. Парочка проходила мимо. Это невольно вызвало улыбку.

Сверившись с книгой, я добавила в варево три щепотки шафрана.

Есть вещи, которые следует делать только ночью. Такие как хихиканье с пареньком на узких улочках, первые робкие поцелуи, воровство, грабеж, страшные сказки и охота на

некоторые виды нечисти. Долго можно перечислять. Так вот, некоторые зелья тоже лучше готовить ночью. В основном из-за их резкого запаха, способного отбить желание даже мимо проходить.

Мое было из таких. Раскрыв окна в лаборатории и запечатав лестницу, чтобы не потревожить Ксеньку, спящую в нашей коморке, я занималась своим грешным делом.

Это забавно, магов чаще всего изображали благородными старцами с окладистой белой бородой до колен (самая короткая притом), с мудрым лицом и обязательным магическим шаром в руках. Магичек или попросту ведьм, как сгорбленных женщин в каком-то рванье, у котелка с обязательной кошкой у ног и парой лягушек в колбах. Несправедливо, ведь верно? И те, и другие умеют делать магические шары, да и у котелков маги стоят так же часто, как и женщины. Хотя, надо признать, по-настоящему сильных магиан не так уж и много, большинство ведуньи и ведьмачки средней руки. Ведунов мужчин практически не встречается. Но жижу-то они варят так же.

Вот и верь после этого в равенство полов.

Я начала напевать, купая в полученном отваре свой новый плащ. Слова лились легко и непринужденно, рождая новое заклинание.

*Ни дождь, ни снег, ни вольный ветер
Меня с дороги не свернет,
И путник дрызг тех не заметит,
Его тепло твое спасет.
Ты развеваешься, как знамя,
Ты крыла бабочки легчай,
Ты крепче стали, жарче пламя,
С тобой в пути мне веселей.*

Не знаю, сколько я так мурлыкала себе под нос, пока проныра Уголек не скинула ложку с длинным черенком. Я нагнулась, чтобы ее поднять, и только тогда заметила живую темноту в углу.

Хмыкнув, я вновь отвернулась к котлу:

— Я тебя еще вчера ждала.

— Надо было подумать.

— Тебе никто не говорил, что много думать вредно?

— По тебе и видно.

О, мы сегодня злые!

Как же — обидели его, какая-то человеческая замухрышка «нет» сказала. Что ж, сам виноват, надо было прежде думать, видел ведь кого выбирал. А я простушкой никогда не была.

Отвечать на такое было выше моего достоинства. Да и первой начинать разговор как-то больше не тянуло. Пусть сам говорит, раз пришел.

Кстати, я действительно думала, что он зайдет на огонек. Не все же чертягам за него говорить, это ведь не честно — их четверо, а я одна.

А он стоял и молчал, будто я в чем-то виновата.

Все тот же черный балахон до пят, капюшон, закрытое тенью лицо. Даже если зажечь тысячу огней и стащить с него это безобразие, магия все равно не позволит мне увидеть его, это было и так понятно. Только искушение от этого не становилось меньше.

Сейчас-то чего таиться, вроде здесь я, и как выяснилось, все так же его невеста. Сними он с себя эти покровы, может и я бы открылась. Но он молчит и не двигается, только смотрит.

Чувствую я это. И то, как пробегает по спине холодок и накатывает жар тоже.

Что поделать, ведь я всего лишь влюбленная в демона девчонка.

Глаза потихоньку начинают расpirать слезы. Уже почти ничего не видно. Только и

остается, как помешивать варево, лишь бы он не видел этого безобразия.

Ну как это возможно, любить-то я его люблю, но иногда так прибить хочется.

— Ты очень сильно изменилась, Лилит.

О, голос прорезался?

— Все меняется. В какую хоть сторону-то?

— В тебе появились горечь и боль.

— Еще бы.

— Ты же знаешь, если бы мог что-то изменить, я бы это сделал.

— Знаю. Все было решено заранее. Цепь чужих решений, разрушивших мою жизнь. Теперь я никому не позволю решать за себя. Если что не так, уж лучше буду ненавидеть себя.

— А ты меня ненавидишь?

Как же, совершь тебе, пожалуй.

— Временами.

— А остальное время?

Так я тебе и скажу.

— А в остальное время я вообще предпочитаю не чувствовать. Так знаешь ли легче. Руки не тянутся к чему-то холодному и острому.

Легкое прикосновение к основанию шеи заставило вздрогнуть. Я замерла, как испуганный заяц.

— Я могу вылечить тебя от этого. Вся твоя защита может согдиться на пару минут развлечения простому асуру, но не мне. Зачем, если твоя душа и так принадлежит мне.

Его пальцы скользили вдоль моего позвоночника, а голос был таким тихим и гипнотизирующим, я невольно едва не поддалась очарованию. Не стоило ему в конце своей речи допускать эти собственнические нотки.

Вот я и встрепенулась.

— Не смей! Я больше никому не отдам то, что принадлежит мне. В том числе и душу.

— Меня ты тоже не отдашь? Я ведь тоже принадлежу тебе.

— Тебе расписку написать — «претензий не имею»? Может, тогда меня оставят в покое.

— Ты можешь исписать хоть тысячу листов, — голос-то стал куда жестче, — это ничего не будет значить. Все самое главное написано вот здесь, — коснулся он моей руки, на которой царила вечная весна. — И этого уже не стереть. Как не вырвать мою душу из твоей и наоборот.

Ну зачем он так? Мне же больно, разве не видно?

— Я ни о чем не просила. И хочу просто жить.

— Разве я тебе мешаю? Ответь мне прямо, Лилит. Ты хочешь быть моей женой?

И что ему ответить? С переменным успехом? Или решу, когда увижу его лицо? А может то, что два с половиной года было слишком много, но шесть — слишком мало? Что я должна ответить ему? Что?

— Посмотрим...

Он вздохнул. И опустил голову.

Ну, прости! Мне тоже нелегко говорить любимому «нет».

— Хорошо, — вполне так миролюбиво ответил демон. — Впереди у нас вечность. А отец спокойно проправит еще ни одну сотню лет. Я не буду тебя торопить. Просто знай — у тебя есть к кому и куда возвращаться.

Осторожно, словно опасаясь, что убегу, он обнял меня и прижал мою буйную головушку к своей груди. Только я ничего против не имела.

— Ты правда меня отпускаешь?

— Правда. Надеюсь, не навсегда. — Я почувствовала, как он улыбается. — Мы всегда будем с тобой. И больше не допустим прежней ошибки. Ты мне очень дорога.

— О, а как я себе дорога! — попробовала пошутить я.

Он провел ладонью по голове, и я знала — больше не злится.

Вместо этого демон стал таким мягким, таким нежным, что я сама потянулась к нему. Уж не знаю, то ли целуются асуры как-то по-особому, то ли я такая разборчивая, только таких ярких чувств больше ни с кем не испытывала. Он лишь коснулся, а я уже как дышать забыла.

С начала архимаг долго смеялся.

Я бы его поддержала, если бы от этого не зависело мое будущее.

Еще бы — приходят к нему, ректору Академии магии, четверо в плащах, тащат за руку несколько упирающуюся девицу (ну не хотелось мне быть высмеянной) и прям с порога требуют для нее диплома магианы. Притом кто-то особо наглый добавляет — «с отличием». Ух, я ему покажу! Девица стоит, глазами хлопает да упорно пытается вырвать-таки свою ручку из чужой хватки и смотаться, отделавшись испугом. Это лучше, чем позор.

Когда первый приступ смеха прошел, архимаг ткнул корявым пальцем в некое чудо, хлопающее ресничками, аж ветер поднимался. Дурак, ветер поднимался ни от моего моргания, а от того, что у кого-то заканчивалось терпение. У кого-то очень сильного.

— И за какие такие заслуги я должен дать этой выскочке то, что некоторые заслуживают десятилетиями?

— За талант, — хмыкнул гость.

— Ага, к разрушению и мелким пакостям.

— Не таким уж и мелким, — возмутилась я, считая своим долгом это продемонстрировать. И размахнувшись, шлепнула его ладошкой в лоб. Словно только этого и ожидали, звездочки кинулись в пляс. Я радостно хмыкнула, поймала одну из них и покрутила в пальцах.

В голову пришла забавная идея. Быстро припомнив заклинание, я прошептала его. А затем запустила возмущенно пищавшей звездочкой в стену. Попутно срезав верхушку разросшегося фикуса на столе архимага, она врезалась в стену и глубоко погрузилась в дерево, лишь два лучика болтались на воле.

Хм, не плохо! А если внести изменения в уже существующие заклинания, то получится, что каждый раз, когда вас бьют в лоб, дают вам дополнительное метательное оружие.

— Мой... Мой фикус! Мой коллекционный фикус! — закричал архимаг, трясаясь над растением.

— Э-э, может попробуем получить диплом в другой Академии?

— Поздно, Аскар. Но не будем сбрасывать эту идею со счетов. Если вдруг девочке вновь захочется пошалить, — с угрозой в мягком, подозрительно шелковом голосе сказал Заквиэль.

Напустив на себя самое искреннее раскаяние, я похлопала невинными глазами. Демон вздохнул.

— Итак, — продолжил Бали, — думаем, она продемонстрировала вам, что вполне способна на небанальную магию.

— Более чем небанальную, — хихикнул Аскар.

— Да как вы смее! Вон отсюда! — закричал покрасневший, как ошпаренный рак, архимаг, тыча пальцем в дверь.

— Не волнуйтесь так, — попыталась успокоить его я. — Вы из-за цветочка расстроились? Так это же поправимо. — Щелкнула пальцем, заставив фикус разрастись лучше прежнего. Уж что делать, это заклинание приходилось использовать часто, с моими-то талантами.

— Вот видите, девочка очень способная, — довольно кивнул Зак. — Вы просто обязаны дать ей диплом магианы.

— Я никому ничего не обязан. Сейчас придет охрана и выкинет вас отсюда.

— Никто не придет, колдун. Никто не придет.

У меня по спине побежали мурашки. Захотелось спрятаться за его спину, лишь бы иметь уверенность, что обращаются не к тебе.

Архимаг покраснел, побледнел и рухнул на стул.

Да-да, такими словами лучше не пренебрегать. А то этот тип и разозлиться, может.

Хотя, хм, я этого ни разу и не видела — по-настоящему злым. Но подозреваю, что этого более чем стоит бояться.

Асуры скинули плащи, повесили их на руку.

Ректор подавился.

Укоризненно посмотрев на демонов, я подошла к почтенному господину и совсем поплебейски ударила по спине. Тот давиться перестал, но теперь взирал на меня еще более удивленно, чем на асуров.

— Они не черти, — пояснила я. — Копыт нет, я проверяла. Они хуже. Те хоть появляются, когда вы напиваетесь, а эти еще и активно спаивают. Нет, ну честно, я как с вами, больше никогда столько не пила. — Демоны разулыбались. — Но если вас пошлют к чертям, то это точно к ним.

— Чего... чего вы хотите от меня? — дрожащим голосом спросил маг.

Вольские маги были знакомы с асурами, как с древней расой, благодаря войне. А этот просто мог и не знать, с кем повстречался. А вот то, что их стоит бояться, понял сразу.

— Мы вам сказали — диплом магианы для этой милой девушки. Немедленно.

— Но для этого нужен экзамен, поручители.

— Поручители мы. А главный экзамен в своей жизни она уже прошла. И поверьте нам — кто-то другой его бы провалил.

— Экзамен — это условность, — наморщил нос Аскар.

— Можете считать, что она его прошла на ваших глазах, — ослепительно улыбнулся во все клыки Данте.

Даже так обаятельно. На сердце от этого сразу как-то потеплело.

— Мы же говорили, она талантливая. Великолепно заводит друзей. — Бальтазар погладил меня по волосам, заплетенным сейчас в косу. Я улыбнулась ему в ответ. Когтистая лапка сжала мою руку.

Он всегда был моим оружием, моей защитой.

— Вы готовы предоставить нам нужный документ? — строго так посмотрел на ректора Зак.

— Если вы настаиваете, — сдался архимаг.

А я обрадовалась, как в первый раз.

И тут же повисла на шее Аскара.

Демоны привычно рассредоточились по кабинету главного ректора Академии магии Ринии.

Заквиэль вытянулся в кресле, Аскар сунул нос в горшки с цветами, Бали ухватил какой-то артефакт из запечатанной магией шкатулки, а Данте живым напоминанием сидел на уголке ректорского стола.

— К-как писать попечителя? — поднял глаза ректор.

— Вот, бумаги от мага Оливье, — передал запасливый Заквиэль.

— А, ваше имя, магиана? — с заметным закосом в сторону демонов спросил ректор.

— Таня Лил, — не отвлекаясь от листания весьма полезного гримуара, ответила я.

Когда все формальности были завершены, ректор протянул мне документ. Лицо у него, надо было сказать, очень перекошенное. Ему бы с таким лицом толпу разгонять. Не будь здесь асуров, я бы испугалась. А так лишь улыбнулась в ответ.

Все же как хорошо, когда тебя защищают такие друзья.

На радостях я зацеловала всех асуров разом, прижимая к груди столь долгожданный документ.

— Ну что, — улыбнулся Аскар, — идем отмечать?

Я усмехнулась:

— Меня чур не спаивать.

П онятное дело, разошлись мы опять под утро.

Только я уже не стала ложиться.

Поднялась на чердак, взяла собранные заранее сумки, чмокнула спящую Ксеньку в пухлую щеку, оставила ей записку с подарком и спустилась вниз. Мне пришлось покопаться в лаборатории, набирая нужные настойки и зелья. Тут же оставила послания для мэтра Оливье и Вадика. Наскоро запрягла лошадку и еще до открытия ворот явилась к выезду из столицы Ринии.

Спать не хотелось. Резвая, молоденькая коняшка легко несла меня к границе королевства. И подальше от друзей.

Не то, чтобы я совсем не хотела их видеть, просто ведь начнется такое! А что, а где, а как? Да уж не маленькая, сама разберусь, куда мне ехать, на что жить, что творить. Да и из глупых ситуаций самой выкручиваться.

Недалеко от города к нам присоединилась Нагос. Лошадка сначала встала на дыбы, и я, конечно, свалилась с нее. Но все оказалось поправимо. Я встала, коняшка успокоилась, Нагос поостыла. А то ведь облизывать сначала кинулась, вот лошадь и не выдержала эти добрых полторы центнера радости и счастья.

Где-то во второй половине дня мы сделали привал на берегу живописного пруда. Живописного, если вы любитель ужасов и мрачности.

Наскоро перекусив припасенными пирожками, я поняла, что не доживу до вечера и, наказав Нагосу нести бремя часового, разлеглась на травке и чуть прикорнула.

Я знала, что в этот раз опять придет видение. Мозгов как-то хватило, чтобы понять — они приходят, когда выбран путь и нога встала на новую тропинку, которую мы зовем жизнь.

Прекрасный красный дракон падает с небес пронзенный длинной молнией. Мои запачканные кровью руки, щиты, выставленные на полном автомате, клочкотание сердца.

Полные ненависти голубые глаза...

Просыпалась я медленно. Сначала почувствовала запах костерка, а затем вкусно потянуло жареными сардельками. Мой желудок призывно заурчал, расталкивая все еще спящий мозг и требуя прекратить эту экзекуцию.

Я медленно открыла глаза.

— Проснулась, спящая принцесса? — посмотрел сверху Бали, на коленях которого покоилась моя голова.

Сев и помотав осоловевшей, словно спьяну, головой, я позволила себе осмотреться. Так и есть — демоны садистски жарят шпикачки на костре.

— Леса что ли вам мало? Обязательно было начинать это безобразие прямо у меня под носом? — начала капризничать я. — Пришли, расшумелись. Честной ведьме уже и прикорнуть нельзя. Требую возмещения морального ущерба! В качестве откупных возьму три штуки. Да еще хлебушка подайте. Вот спасибо.

Оперевшись спиной о грудь Бальтазара, я впилась зубами в горячую сардельку. Конечно, обожглась и долго махала рукой на припухший язык. На запах тут же вылезла Уголек и потребовала свою долю.

— На диету тебе пора, — ничего не оставалось мне, как вздохнуть, отламывая кусочек шпикачки. — Скоро поднять будет невозможно. Отъешься до размеров Нагоса. Бали, ты это видел? Твой подарок меня объедает.

Демон усмехнулся, но не ответил. Знал, зараза, что подсовывал.

Вечерело. От пруда подуло холодом, и мне припомнилось, что вокруг еще царит весна, а ночи весной отнюдь не так теплы, как дньки, когда кажется — вот оно, лето.

— Пожалуй, я сегодня никуда больше не поеду. — Покрепче прижавшись к Бали, я позволила ему обнять меня рукой за плечи и пригрелась. Желания лезть в сумки за курткой не было.

— Ну, это ты поздно решила, — хмыкнул Аскар. — Надо было так с утра подумать.

— Вы чего, обиделись что ли? Ну ничего себе!

Оправдываться мне не хотелось, а попытайся я им объяснить, выглядело бы все именно так. Поэтому мне ничего не оставалось, как пожать плечами и вернуться к своей шпикачке.

— Ты хоть понимаешь, как мы испугались, когда не нашли тебя с утра, — решил не оставлять тему без развития Зак.

— Именно поэтому я оставила записку.

— Нам твоя записка... — вспыхнул и тут же потух Бали.

— Ну хоть ты не зуди над ухом. Будь хорошим демоном.

— С тобой стало невозможно разговаривать, — засопел Аскар.

А я пожалала плечами.

Тогда к нам подошел воздушный демон. Сев на корточки так, чтобы быть со мной примерно на одном уровне, он спокойно сказал:

— После того, что мы уже пережили, однажды потеряв тебя, те несколько минут, пока не нашлось твое послание, показались нам пеклом Тантраса. Мы действительно испугались. Ты это понимаешь?

В горле встал ком. У меня даже голова начала кружиться от этого внимательного взгляда синих, как сапфиры, как вечернее небо, как глубокие воды океана глаз. В них же утонуть можно!

Пришлось срочно опускать взгляд и пытаться справиться с розовеющими щеками.

— Я об этом не подумала, — чуть слышно ответила я.

— А не мешало бы. — Данте вздохнул и встал. — Ты куда собралась-то?

— Не знаю. Просто мне надо было уехать. Все планы потом. Я ведь не от вас сбежала, вы меня и из-под земли достанете, если приспичит. Мне не понравился блеск в глазах Вадика. Он со мной собрался. Он ведь снова опекать меня начнет, как маленького ребенка. Да еще с Оливье объясняться и с Ксенькой. А так ушла и ушла. И концы в воду. — Ну вот, не хотела, а все равно оправдываюсь. Да, умеют некоторые проводить разъяснительные разговоры. Ему бы в контрразведку податься.

— Угу, — кивнул Зак. — В ближайшую лужу тебе не терпелось влезть. И чтоб погрязней.

Я спороть не стала. Сама ведь понимала, что влечет меня в этой свободе — приключения. Ведь засиделась я, мхом поросла.

— Ну, чего вздыхаешь? Не будем мы тебе нотаций читать. Поздно уже. Отцу твоему стоило об этом позаботиться. — Заквизель замолчал и покосился в мою сторону.

— Ты знаешь, что он... — подхватил Аскар.

— Умер? Знаю. Мне Вадик сказал. Он так и не смог пережить смерть своих дочерей. Сейчас там правит Филипп. У Эльки уже двое детей, а у Беатриче только сын. Я все знаю, что творится у меня дома. Ну, там где раньше был мой дом, — поправила я.

Демоны разом вздохнули.

— Кстати, — вспомнил Данте, — у нас для тебя подарок. Держи.

Это был холст сантиметров пятьдесят на тридцать, с уменьшенной картиной, висевшей в вольском дворце. Там, где мне семнадцать лет и я в помине не знаю, кто такие асуры, что такое боевая магия и как больно терять любимых.

— Откуда это у вас? — спросила я, рассматривая семейный портрет. Сделан он, надо признать, просто великолепно, хотя и сильно уменьшен, но ясен в подробностях. Мне так не сделать.

— Отец отдал, когда мы отправились на твои поиски. А у него откуда, не знаем.

— Зато я знаю, вот чего он тогда перед портретами рукой так повел. Я еще магию почувствовала, но определить не смогла.

— Ты встречалась с Веельзевулом?

— Не я, мой дух. Я тогда без сознания была после ранения, ну и душу самую домой потянуло. А там он с папочкой разговаривает. — Я громко фыркнула и встала. — Ох и разозлил же он меня тогда. Так и подмывало клюнуть его в одно интересное место пониже

спины.

— Вы... поругались? — округлил вишни глаз Бали.

— Ну, не совсем. Я выразила свое полное несогласие в ряде вопросов. Мне его «очень жаль» затолкать хотелось по самые гланды. Причем не через рот. В общем, погорячилась я. Да и он не лучше меня. Надо же думать, что новопреставленной девице говорить. А зачем вам эта картина?

— Он нам ее вместе с твоим портретом отдал, — пожал плечами Аскар.

— Отец сказал — теперь ты выглядишь примерно так, как на портрете. Он нас, если тебе это интересно, поверг в шок. Мы не сразу поверили, что это можешь быть ты.

— Это еще почему?

— Ну, изменилась ты очень, малышка. Подросла, — ухмыльнулся Бали.

— Я не подросла, Бальтазар. Перестала быть ребенком. Консуэла всегда говорила, что когда-нибудь я повзрослею. Просто не думала, что так. — Передернув плечами, я пошла к сваленным на землю седельным сумкам и вытащила из них куртку.

Она была новой, пахнувшей кожей и зельем, в котором я ее искупала от промокания и раздражения. А еще теплой, внутри специально была пристежка с гусиным пухом.

Еще раз развернув портрет, я посмотрела на лица столь любимых и дорогих сердцу людей. Моей семьи. Которой больше нет. Даже если я вернусь в Вольск, для меня она потеряна.

Я села у костра и посмотрела на демонов:

— Раз уж вы здесь, может расскажете о том асуре, который убил меня?

— Зачем? — хмуро взглянул Зак.

— Даже не думай, Лилит. Это слишком опасно.

Я поморщилась. Нет, это определенно раздражало. Как можно все знать или угадывать мысли?

— О чем вы? — проявил любопытство Аскар.

— О мести, — вздохнул более понятливый Бальтазар.

— Я уже кое-что поняла в том, как противостоять асурам, — заговорила я. — Разгадывала как шараду. Убить того, ледяного, мне помогли огненные клинки и саламандра. Это значит, здесь действует принцип противоположности. Огонь — вода, ну и правильно рассчитанный воздушный поток. Это я уже проверила. На Аскара можно подействовать ядами. Хотя тут еще вопрос. С электричеством я долго думала. А потом поняла, что это довольно просто, нужно использовать непроводники. Воздух вообще трудная, неуловимая материя. Тут, кроме пары наработок, еще есть вопросы. А металл? Его тоже можно расплавить, но какие температуры нужны? Я об этом думала. Заклинание выйдет слишком энергоемким и разрушительным. Если его применять, то только подальше от самого объекта, а это невозможно и в пустынном месте. Процентом двадцать, что я выживу после этого. А как еще погубить металл? Ржавчину что ли напустить. Хм, знаю я один заговор металла, который рассыпает его в труху, но подействует ли? Он ведь все-таки живой.

Я обернулась и застала демонов за рассматриванием меня. Только делали они это так! Даже меня смутили.

— Эй, вы чего?

— Девочка, больше никогда такого не говори.

— Тебе вообще лучше забыть о том... мерзавце.

— Это не должно быть твоим делом. Мы сами с ним разберемся.

— Разбирайтесь с кем-нибудь другим. Этот — мой, — насупилась я. — У вас там что, асуров зловредных не хватает? Вам мой личный враг понадобился!

— Лилит, ты не понимаешь.

— Так объясни мне, Заквиэль.

— Тебе с ним не совладать. Он действительно очень сильный. Слишком сильный.

Я отвернулась:

— Не хотите говорить, не надо. Меня от ваших секретов мутит. То не надо, сюда не

лезь, это не трогай. Мне плевать, чего будет стоить его смерть. Главное, чтобы он расплатился сполна. Расплатился со мной. Я за этим и хваталась так долго за жизнь. Когда все уходит, остается лишь одно — месть. Когда больно, выход один — сделать удар. Это моя плата, мой выбор. В конце концов, вы однажды решили за меня, добившись лишь моей смерти. Теперь я буду делать то, что хочу. А я хочу увидеть свою боль в его глазах.

— Лилит, пожалуйста, — коснулся моей головы Заквиэль, — не надо. Мы не хотим потерять тебя снова.

— Меня это не волнует. Вы вообще зря пришли. Я никогда не пойду с вами. Хотя бы пока не расплачусь. Вы начали это, но я не могу злиться на вас. А того кто убил сестер и подруг, буду ненавидеть всей душой. А она у меня как мы уже выяснили более чем воинственная.

— Это не твоя месть, малышка. — Я замерла, слушая этот голос, доносившийся из-за спины. — Я ведь не хуже тебя знаю что сам являюсь причиной твоей боли. Что не его, меня ты должна ненавидеть. Но верни время вспять, я все равно выбрал бы тебя. Только уже и на минуту от себя не отпустил. Я не меньше хочу его смерти, а наверное, больше, потому что чувствую твою боль и свою вину.

— Будим спорить, кому он должен больше? — ехидно поинтересовалась я, уже отойдя от первого шока.

— Я не хочу с тобой спорить. Я просто не желаю еще раз потерять тебя, родная. А это случится, если ты встанешь против него.

— Посмотрим. — Мне ничего не оставалось, как пойти на мировую. — Чем попусту трепаться, лучше бы рассказали, что это за демон такой. Все-таки лишняя информация не повредит.

Демоны опять дружно вздохнули и сели кружком вокруг костра.

— Это Хананель. Как ты уже поняла владыка металлов.

— Давай мы тебе сначала кое-что поясним про расу асуров, — перехватил Аскар. — Предводителя асуров именуют Асурендра, у него огромная сила и власть над большинством стихий. Таких могущественных асуров несколько, так как асуры разделены на много группировок. Но с тех пор, как мы живем в царстве Варуны, мы выбираем владыку. Единного над всеми. Иначе мы бы все перессорились и погубили себя изнутри. Им становится самый сильный из нас.

— Помнишь, мы говорили тебе, что в царстве Варуны не спокойно. — В лиловых глазах блистали искры. Это действительно становилось страшно, когда Зак поднимал на меня свой взгляд. — Все дело в нашей системе престолонаследия. Правит сильнейший. Это решается в поединке или же добровольно. Уже не одно поколение власть над царством наследует род Веельзевула. Это один из самых безболезненных способов передачи трона, от отца — сыну. У Веельзевула достаточно долго не было детей. Поэтому и начали появляться те, кто пожелал получить власть над царством. Наследник очень силен, но это несравнимо с властью его отца. Через него пробиться к трону гораздо проще. Какой бы силой царевич не обладал, но в данный момент Хананель сильнее. Он старше на несколько сотен лет, опытней, могущественней. Так что идти против него для тебя сравни самоубийству.

— Хананель сильный демон, — продолжал Бальтазар. — Повелителей металла не так уж и много. Но они все невероятно сильны, так как обладают властью не только над железом, но и над магнитными полями. Это во-первых.

— А во-вторых, — глянул на меня Данте, — он Асурендра.

— Ну, а в-третьих, — скривил губы Заквиэль, — он возглавляет большую группу. Отборные войны, воспитанные в самых строгих правилах древности.

— К тому же политика Хананеля нашла поддержку. — Подперев подбородок кулаком, синеглазый демон отвел взгляд в сторону. Было заметно, что Данте зол. Хотя как заметно, если не смотреть в потемневшие глаза, суровое лицо можно назвать просто каменным. Только мне и смотреть не надо было, я и так чувствовала. — Он ненавидит дэвов, а с людьми вообще не считается. Такой правитель первым делом пойдет войной. И разрушит наш

хрупкий мир. Асуры так долго его возводили. Мы в принципе даже нашли общий язык с остальными расами — людьми, гномами, троллями, даже эльфами. Но пойдя Хананель против кого-то из них, дорогу нам преградят дэвы. И будет новая война. Мы ее не переживем.

— Из-за чего вы с ними в ссоре? С дэвами.

— В ссоре — это мягко сказано, — поморщил нос Зак. — Дэвы обманули нас. Взяли то, что есть у всех, кроме асуров. Бессмертие.

— Что? Вы же и так практически бессмертны.

— Нас можно убить. Убить один раз — погубить навсегда. Мы можем жить сколько угодно долго, но наши души так же смертны, как и тела. У асуров нет бессмертия души. Она рождается и умирает вместе с нами. И никакого посмертия.

— Именно поэтому наши ауры время от времени нуждаются в подпитке, глотке чужой ауры. — Аскар опустил голову на сложенные ладони и посмотрел на меня своими темными глазницами. — Это сродни вампиризму. Мы никого не убиваем этим. У людей вообще аура очень быстро восстанавливается. А мы без этого умираем.

— Мы смертны больше, чем кто ни было.

От этого знания кровь в моих жилах похолодела. Я и представить не могла, как это — не знать реинкарнации.

— Агриппа рассказывала, когда я была маленькой, то говорила, что видела второе пришествие богов. — Я улыбнулась своим мыслям, вспомнив семейный призрак. — С неба спустилась хрустальная лестница, и по ней сошли трое. А в Писании говорится, что лестница была золотая, а богов — а четверо.

— Ты была права, Лилит. Богов действительно было трое, только один из них имел аватару, а кто-то принял ее за еще одного бога.

— И кем ты была в той жизни? — улыбнулся Бали.

Я пожала плечами.

— Не человеком, это точно. Мы как-то пытались колдовать по этому поводу.

— Ну и?

— Дворец еще неделю заикался, — пришлось признаться мне.

Демоны засмеялись. Ну как же смешно!

— Кстати, помните заклинание со звездами? — Я решила отомстить. — Так вот, я тогда вам забыла сказать, но заклинание необратимо. Так что мучайтесь.

— Что?

Я хлопнула ближайшего ко мне Аскара по лбу, вызвав хоровод веселых светил.

— Не снимается. Мы еще с Консуэлой сколько ни мучились по этому поводу, ничего не помогало. Это навечно. Хм, как приятно, каждый раз вызывая эти звезды, вы будите помнить обо мне. И это будет продолжаться целую вечность. Ну, хоть что-то оставлю после себя, кроме пары живописных развалин.

— Не говори так, Лилит.

— Не помню, говорили ли мы тебе, — приподнял брови Данте (учись, пока дают!), — но ты тоже будешь жить вечно. А не каких-то пару веков, как магичка.

— Как это?

— А ты думала, тебе дадут так легко уклониться от обязанностей? Как ты берешь силу у своего будущего мужа, так и бессмертие. Асуры в силах продлить жизнь своему подопечному как угодно долго, пока живут.

— Ну вот, — усмехнулась я, — а я-то уже представляла, как древней старушкой приду к вам и потребую на себе жениться.

— Ах ты, коварная бестия, — вздохнул мой синеглазый демон. И отвесил мне воздушный подзатыльник.

— Значит так?! Ну, держитесь.

В руках тут же загорелись разноцветные шарики.

Демоны дружно сели на корточки и распустили крылья.

Поняв, что так не честно, я призвала на помощь Нагоса. Та была только рада поучаствовать в шумной потасовке. Вот и получилось, что я верхом на гидре сначала погоняла демонов по поляне, перемазав их всех в краске. Правда, пару раз по ошибке сотворила фэйрболы, но честно извинялась за прожженные дырки и подпалины.

А потом им пришла неплохая идея разделить нас. Скинув меня со спины верной Нагоса, демоны удерживали ее подальше, в то время как я скатилась куда-то в кусты. Первым до меня дотянулся Бали. Вытащив сопротивляющуюся девицу из кустов, он попытался ухватить меня за шкурку, но не тут-то было. Направленным ударом потока воздуха я ударила ему в грудь, а потом добавила хорошим пинком, в результате чего демон был нейтрализован в пруду.

— Ну, как водичка? — съехидничала я.

Уж лучше бы молчала. Я не знала, что Бали умеет так ругаться! Лягушки во всей округе разом заткнулись, вслушиваясь в его непередаваемые рулады. Я и слов-то таких не знала, да чтоб так использовать те, что знакомы... Прямо обзавидовалась вся.

Лучше бы по сторонам смотрела.

На талии сомкнулись чужие руки, унося куда-то вверх. Уже через секунду меня посадили на голую до половины огромную сосну. Заорав, я прижалась к стволу, как к родному.

— Ну что, — гаденько так поинтересовались у меня над ухом, — будем вить гнездо?

— Данте, зараза, верни меня на место, — заорала я еще громче.

Против полетов я ничего не имею, хоть левитацию и не люблю. Но делать это ночью — чистое самоубийство. К тому же внизу ничего не видно, и кажется, что очень-очень высоко, а под тобой шевелится что-то ужасное.

— Кукушка-кукушка, а сколько мне жить осталось?

Наугад ткнув назад локтем, я чуть не свалилась, но результат был. Руки, все еще сжимавшие мою талию, разомкнулись, и послышался шелест крыльев.

Я сильнее вцепилась в ствол, вдруг осознав, что вся моя опора — это жиденькая веточка, на которой примостился мой зад.

Демон тем временем облетел дерево и встал на ветку чуть ниже моей. Так что теперь его лицо было примерно на одном уровне с моим. Скрестил ноги, сложил руки на груди, выражая всем своим видом «а мне здесь удобно».

Чтоб его!

— Тебе червячков принести? — приподнял он одну бровь.

У меня аж во рту пересохло.

— Сними меня отсюда немедленно!

— А ты попроси по-хорошему.

— По-хорошему — это как?

— Вежливо.

— Может, тебе еще и поклон до земли отвесить?

— Не плохо бы.

— Не дожدهшься, противный демон.

Присмотрев шишку поувесистей, я запустила ею в асура. Тот, понятное дело, уклонился.

Лишь клыкасто улыбнулся.

Я демонстративно отвернулась.

— Ну, я полетел?

— Куда? — вновь закричала я. — А я?

— Ты плохо себя вела.

— Ну, Данте. — Я решила покапризничать. — Это же не честно. Как я отсюда спущусь?

— Слевитируй, — пожал он плечами. Какими плечами.

— В темноте с такой высоты? Мне жить очень хочется.

— И что мне за это будет?
У меня аж глаза на лоб полезли.
— Я с демонами не торгуюсь.
— А! — деловито качнул он головой. И распустил крылья. Воздушные.
— Стой! — Ну не могла же я дать ему улететь. — Чего ты хочешь?
Демон озадачился.
— Звезды можешь убрать?
Я помотала головой.
— В Варуну тоже, ясное дело, не поедешь?
— Уж лучше до утра тут покукую.
— Вот, — разулыбался Данте, — покукуй!
— А ты не охамел, бесстыжая твоя морда?
— Не-а. Кукуй! Только громко и с выражением.
— Ах так!

Дотянувшись до ближайшей сосновой лапы, я сорвала шишку и кинула ею в демона. Затем еще и еще. В результате пару раз попала.

Немного переборщила, правда, сама чуть не свалилась. Хорошо навыки, оставшиеся с бурного детства, вспомнились — повисла на ветке на одних согнутых в коленях ногах.

Зато Данте перепугался. Бросился ко мне со всех крыльев. И вцепился так, что чуть хребет не сломал.

— Кхе-кхе! — напомнила я о себе где-то в районе его живота. Это «где-то» мне не нравилось.

Он медленно отстранился, все еще придерживая за плечи.

— Ты как? — с явным беспокойством спросил чертяга.

— Вишу неизвестно где вниз головой. Ты не поверишь, но в отличие от вас, я нетопыриных крыльев не имею, чтобы хоть как-то оправдаться.

— Прости, девочка.

Данте осторожно вернул меня в сидячее положение, но уже не на ветке, а в его руках. Я обхватила его за шею и довольно неприлично для почти замужней девицы прижалась. Просто как-то падать больше не хотелось. И вообще летать без такой поддержки. Ну и так, просто потому что нравилось.

— Испугалась? — тихо спросил он.

Я активно закивала. Ну, не говорить же ему: нет, милый, соскучилась. Что частично являлось правдой.

От этих крыльев я была просто без ума. Ничего не приводило меня в такой восторг, как они.

Когда мы, наконец, спустились на поляну, а делали мы это, надо признать, о-очень медленно, то застали забавную картину.

Бальтазар сидел на берегу той большой лужи, в которой искупался, и выливал из сапога воду. А Заквизель с Аскарком повязали мою гидру и испытывали ее на стойкость к железу. Та, понятное дело, вопила во все пять голов и пыталась кусаться.

Заметив такое безобразие, я побежала защищать домашнюю любимцу. Пусть у меня и нет дома, любимицы и так слишком много. Хотя бы по весу. Ребят я раскидала оперативно, благо они меня не ждали. В результате Зак оказался в кустах, а бедолага Аскар все в том же пруду.

Тут вылез взлохмаченный водяной и попросил прекратить безобразие. И почему-то ткнул в зеленую кочку, на поверку оказавшуюся демоном. Тот поднял голову и крепко обиделся. Очень крепко. Ругался он почище Бальтазара. Всю родню водяника вспомнил до последней кикиморы. Рыба начала из воды выпрыгивать, чтоб расслышать получше, кто и в каких позах развлекался с прабабушкой их почтенного водяного. Русалка, нашлась-таки даже в этом замшелом болоте, вообще на ближайшей березе уселась, ручкой головку подперла и с такой любовью на асура взидала, что сразу стало понятно — достал ее хозяин.

Поостыв, Аскар даже слегка смутился своей выходке. И прощение попросил за родственников водяного. Тот лишь квакнул:

— Д-д л-лад-дн-но... — И исчез в мутных водах.

А у нас была истерика.

— Ну, у тебя и фантазия, Аскар.

— Извращенец!

— И где только такого набрался!

— А повторить можешь? Я хоть запишу для потомков.

У асура был такой раскатный вид, что мое сердце дрогнуло.

— Плюнь ты на них. — Я взяла его за руку и уперлась подбородком в плечо. — А водяной теперь десять раз подумает, прежде чем приставать к честным людям. Ну, не совсем людям. И не совсем честным. Ты меня понял.

— **О** на точно спит?

— Я об этом позаботился. Спит, как ангел.

— Это не ангел, а маленький бесенок.

Он посмотрел на девушку, пристроившуюся в изгибах хвоста гидры. Прижав ноги к животу и плотно укрывшись одеялом, она мирно сопела.

— Ну, сам займешься или уйдем по тихому? — покачал в воздухе подвеской тень.

— Давай. Я все сделаю сам.

Тени встали и ушли в глубь леса, туда, где их уже ждали.

А он остался. Сел рядом с ней. И с минуту просто смотрел.

Затем взял ее руку, разукрашенную хной, осторожно проколол пальчик острым когтем. Капля крови упала на зачарованную подвеску и тут же расплылась по ней, засверкав алым цветом. Асур прошептал заключительные слова, и амулет, раз вспыхнув, остался лежать на его ладони холодным металлом.

Нежно поцеловав пораненный палец, он прижал к своей щеке руку возлюбленной.

Демон вздохнул и потянулся к шее девушки, чтобы надеть медальон. И что же там обнаружил? Другую подвеску. На тонкой серебряной цепочке висела звезда. Одна из тех, что он сам заказывал ей. Только металл шпильки был переломан и изогнут так, что создавал ушко для продевания цепочки.

Он улыбнулся. Значит, все ни так плохо, как казалось.

— Мы скоро встретимся. Обещаю.

Девочка вздохнула и к его удивлению довольно вятно ответила:

— Я буду ждать.

П роснулась я по привычке рано. Дала в нос первой попавшейся морде, не из злобы, а по поводу дурного настроения. Нагос конечно обиделась и даже отвернулась, но долго не выдержала и уже через минуту полезла жалиться. Мне ничего не оставалось, как чмокнуть ее в нос и попросить прощения.

Конечно, подозревала, что с утра не обнаружу своих разноцветных чертяг рядом, но расставаться было нелегко.

Сев у потухшего костра, я подкинула в него пару веток и швырнула фэйрболлом. Согрелась. Но только снаружи, в груди все покрылось корочкой хрусткого наста.

Потерев руками лицо, я встала, залезла в сумку и выудила оттуда кусок ветчины. Согреть его на костре и слопать, разумеется, поделившись со всей своей живностью. Потом погасить огонь и, оседлав покорную лошадку, тронуться в путь.

Я больше не знала куда поеду. Захотелось оказаться где-то далеко-далеко, где надолго останусь наедине со своим ретивым сердцем, чтобы хоть немного себя понять.

Въехав в настоящий густой лес, в котором извивалась эта дорога, я слезла с лошади и, пустив ее на лужок пощипать сочную вешнюю травку, разломала на пеньке кусок хлеба. Встав у пенька на колени, я улыбнулась.

— Здравствуй, матушка, моя благодетельница.

Она показалась уже через минуту. Сначала на полянку выскочил трусоватый заяц, по ветвям расселись белки, затем пришел молодой лось. Он меня не боялся и даже цапнул пухлыми губами за косу. Потом появилась она. Может быть, простому селянину и тем более изнеженному горожанину вид хозяйки леса показался бы уродливым и пугающим, но только не мне. Хранительница спасла мне жизнь и потом немало оберегала покой своей подопечной. Я же как могла, платила ей благодарностью — то там молодой лесок от короедов уберегу, то здесь зверушку невинную подлечу. Вот и живем мы в ладу и мире.

Обнаженная женщина с отвислыми грудями и клыками, выпирающими вверх, подошла ко мне и погладила по голове.

— Ты все знаешь, ты все понимаешь, матушка. Помоги же мне, дитяте неразумной. Направь стопы мои по нужному пути, не во зло лесу, к добру людям. Покажи мне тропу верную, как бы тяжело на ней ни пришлось. За мной долгов тебе — всю жизнь свою долгую не отплатить, так дай мне возможность хоть чем-то порадовать тебя, хозяйка лесная.

Доброе лицо женщины улыбнулось, и она кивнула.

На ладонь ее протянутую упало соколиное перо, коричневое, в пятнышках. Она игриво пощекотала им мой нос, дождавшись, пока я чихну. Крепко обняла меня, как родное дитя.

Ей не надо было рассказывать, как я прожила свою жизнь. Вирь-ава видела меня малышкой, играющей в лесу рядом со столицей, видела девчонкой-подростком, сбегающей из дома, видела юной девушкой, стоящей в звонком ручье, окруженном снегом в разгар весны, видела гордой принцессой, прощающей с жизнью ради мести, видела, как умираю. Она видела моих друзей на вчерашней полянке. Зачем ей что-то объяснять, хозяйка леса мудрей всех мудрецов на свете, ведь она женщина.

Отстранившись, она зачем-то полезла мне за ворот рубашки и показала то, что не заметила я — это была подвеска.

О ее происхождении можно было и не ломать голову, она слишком ярко говорила о своих дарителях. Это был серебряный кулон в виде клевера, каждый из четырех лепестков которого покрыт пластиной из своего камня. Зеленый нефрит, красная яшма, фиолетовый кварц, синий лазурит. Четыре лепестка наудачу. От талисмана, а это был именно он, слабо фонило магией, но не более чем как на простейшей охранке. Цепочка была тонкой и короткой, так что через голову не снять, а разорвать можно и не пробовать, будут демоны фигню всякую подсовывать.

Я дотронулась до лепестков пальцами. Они были теплыми и слабо покалывали кожу, выдавая свою истинную силу. Золотая звезда все так же продолжала лежать над ложбинкой груди там, где сердце. На ней я тоже неожиданно для себя почувствовала остаточную магию.

Вирь-ава улыбнулась мне и качнула головой.

— Ты ведь знаешь, матушка, кто он. Только мне не скажешь. Будь милостива, передай Лукинешне, что ее была правда, не врани кости про сердце. Все по ним вышло. Напророчили беду, да мне мученья. Прощай, добрая хозяйка. Спасибо тебе за милость. Встретимся еще.

Забрав перо, я села на коняшку и, помахав уходящему в дебри лесу, пустила подарок лесной владычицы по ветру. Перо завертелось и, остановившись, острым голым кончиком указало дорогу.

Только выйдя из леса в поле с прошлогодним сухостоем, я позволила себе расплакаться, ну не показывать же душевной женщине свои слезы.

Как будто ничему не научилась, не знала, не думала. Опять наступила на те же грабли. Да не лоб расшибла, а сердце вдребезги.

Ведь чувствовала — нельзя так глубоко всматриваться в эти очи, утонуть ведь можно. И что?

Сидит утопленница, слезами обливается.

Эх, раньше надо было думать.

Отмахнувшись от слез, я встала и пошла по пути, указанному пером.

Глава 4

Лекарство от скуки

Шел уже третий день моей бесцельной поездки.

Лошадка перебирала ногами, размешивая липкую грязь, но упрямо шла, понуря мокрую голову. Я куталась в длинный плащ, пропитанный защищающим от сырости зельем. Но только теплей и суше от этого не было. Влага пробиралась под одежду, пропитав собой уже все, разумеется, кроме плаща.

Перо, мокрое, но все еще волшебное, вело меня вперед. По его велению мы уже который раз объезжали деревни, встречающиеся на пути. Чему я, впрочем, не противилась. Будет лучше, если мы пройдем эти места незамеченными.

И лишь теперь я посчитала задержку обоснованной. Впереди высились горы. Именно туда звало меня перо. А лезть по скалам на лошадке просто глупо, это мне хватило ума сообразить. Тем более такой, как моя. Была бы она покоренастей да посильней. Так что придется пока оставить ее. А там слазим, проверим и, если все обойдется, вернемся за коняшкой.

Деревенька оказалась большой, просто городок уже какой-то. Нашлась и харчевня с конюшней. Передав лошадь пареньку-конюху, я, прихватив кое-что из сумки, вошла в большой зал.

— Любезный, — обратилась я к щуплому мужичку за стойкой, — вы не подскажите, где в городе можно оставить лошадь на какое-то время?

— Да у нас можно, — рассматривая меня за неимением других посетителей, ответил он. — Надолго?

— Еще точно сама не знаю. Может быть, все решить куда проще. Вы не знаете, горы можно перейти на лошади?

Хозяин усмехнулся:

— Детка, эти горы вообще нельзя перейти. До вершины еще никто не доходил. Да и мало кто решается подниматься туда достаточно высоко.

— Ну что ж, будем надеяться, что мне высоко и забираться не придется.

— А вы, госпожа ведьма, почто в наши края-то прибыли? Ищите чего?

— Дело у меня. Комнату на ночь у вас можно организовать?

— Конечно.

— А что, в деревне все спокойно, нечисть не шалит?

— А кто ей даст шалить-то с нашими заповедными местами.

— Наверху, что там?

— Горы.

Я далеко не лестно глянула на хозяина харчевни. Тот все понял.

Правильно, мужик, с магами лучше не связываться. Мы ведь даже не люди. Живем долго и неизвестно когда вновь возникнем на твоём пути и при каких обстоятельствах. Ведь могу душевно улыбнуться, уйти, а через неделю, когда из головы ты меня выкинешь, запылает твой дом неожиданно, да так, что ни водой, ни песком не затушишь.

Маги почтения требуют, а не языков подвешенных.

— Никто точно и не знает, что там в горах-то, — начал лебезить мужичек. — Знаем только, что путь наверх через ущелье один идет, а его может пройти только человек с невинным сердцем да чистой душой.

— Понятно. Значит, будем левитировать, раз пройти нельзя.

Взяв ключик от комнаты, я решила прогуляться по деревушке. Было еще довольно светло, солнце лениво скатывалось к горизонту, пронзая город своими розовыми, как кварц, лучами. Дождь прошел, и небо начало постепенно очищаться, порываясь перистыми полупрозрачными облаками. В вышине сновали быстрокрылые ласточки. «Торопятся, — отметила я. — Быть завтра дождю».

Деревня оказалась миленькой, называлась Сизая гряда и находилась у южного

подножья крутой горы. По улицам свободно бегали дети, большая хрюшка залегла в луже, пару котов засели на дереве. На крылечке одного из домов сидела пожилая пара и крепко держалась за руки.

А за самым крайним домом высился огромный дуб, приведший меня в восторг.

Скинув плащ, я с юношеской ловкостью забралась по скользкому стволу в мокрую крону. Решив, что здесь, пожалуй, слишком сыро, я создала небольшой шарик и, чуть подбросив его, активизировала легкое силовое заклинание. Ну, конечно, опять не подумав. Капли разлетелись в разные стороны, некоторые и вверх. А потом вниз. На меня.

Завизжав, я так замахала руками, что чуть не свалилась с ветки, на которой устроился мой любимый зад. Ну вот, снова мокрая, как курица.

Щелчком пальца вырастила яблоко. Не потому, что голодная, их много не съешь, разве что умирая от недоедания. Меня просто ностальгия пробрала.

Вытянувшись на ветке и прикрыв глаза, я вспоминала.

И незаметно уснула. Что-что, а поспать я всегда любила.

Мне снился большой дуб в парке вольского дворца. Небо над головой такое же, как и сейчас, пасмурное, холодный ветер пробирает до костей. От дворца вверх идет столб густо серого дыма. Несколько башен разнесены вдребезги. Мой дом, моя крепость пала. Я бегу туда. Вверх по ступеням, через поваленные колонны и разбитую мебель. Что здесь было? Кожу обдаёт холодом.

В главном зале довольнолюдно. А еще асурно.

Я встаю напротив трона, где сидит мой злейший враг. Рядом коленопреклоненный брат. Тут же рядом сестры, как они выросли!

— Она скоро придет, — покосился в их сторону Хананель. — Нам остается только ждать.

Я вынырнула из видения.

Точнее, меня из него вывели. Точечным попаданием яблока. Замахав руками, я все же свалилась на землю. Прямо в лужу. Фыркнув, подняла голову.

Так и есть — мальчишки.

— Вам никто не говорил, что бросаться в людей не хорошо?

Они засмеялись. А я, еще не отойдя от своего сна, разозлилась и швырнула им под ноги легкую световую бомбочку.

— Хотя бы потому, что человек может оказаться сильнее.

Яркая вспышка озарила все вокруг. Если ты не успел закрыть глаза, ослепит на несколько часов, а если все же успел, то минут на десять.

Мне было их не жалко. Дети должны учиться на чем-то, а правда жизни такова — лучше десять раз подумать, прежде чем с кем-то связаться.

«Ну вот, — думала я, шагая по голым камням, — мои разноцветные черти ушли, а вместе с ними и то тепло, что спасало меня. Сейчас в груди лишь боль».

Но я упрямая.

Должно же и мне когда-то повезти. Должна же и я быть счастлива.

Шуршание нарастало и, оглянувшись, я увидела, как из-за очередной каменной гряды выползает моя верная Нагос. Ткнувшись мне в грудь одной из своих голов, она лизнула щеку другой и заглянул в глаза третьей. Две другие подозрительно озирались, блюдя безопасность. Ничего не оставалось, как улыбнуться и переместиться на столь любезно предоставленную спину.

Путь пошел куда легче. Тело гидры ловко перемещалось по острым камням, неотвратимо скользя вверх. Солнце уже начало ползти к горизонту, когда мы вступили на пик очередной горы. Вид отсюда открывался изумительный.

Внизу лежали чудные поля, во впадинах скапливалась искристо-голубая вода, зеленая, как волосы Аскара, трава стелилась густым ковром, разбавленным яркими цветами. В голубое, прозрачное небо врывались великаны деревья с пышными густыми кронами.

Эта картина очаровала меня, приковав к месту на добрых пять минут.

Потом я оттаяла и решила поскорей спуститься вниз, чтобы коснуться этого рая.

Как ни странно, но с небольшой платформы, на которой я стояла, вниз вели выбитые в камне ступени. Только со временем они так истерлись, что ступать по ним следовало очень осторожно.

Я улыбнулась, спуститься без проблем и увечий невозможно, но только если ты не маг.

Нацепив на ноги заклинание левитации, я начала осторожно ступать по ступеням, впереди ползла Нагос. Спускаться предстояло не далеко, но тяжело. Ноги постоянно грозили соскользнуть с голого камня. Рукам почти не за что было зацепиться, кроме тех же острых камней. Я порезала о них руки, оставляя на серых скалах кровавые следы. Мне это не нравилось, любого человека легче всего найти по крови, мага тем более, его кровь с другой не спутаешь. Надеюсь, к вечеру пойдет дождь.

Когда спуск закончился, я вздохнула с облегчением. Плечи затекли, ноги одеревенели, а сердце kloкотало, словно не человек, а водопад спускался с гор. Напряжение практически извело мою магию и истощило внутренние силы.

Еще находясь наверху, я запомнила примерное расположение воды, так что найти ручеек не составило труда. Опустив руки в чистейшую воду, я с удовольствием почувствовала онемение. Порезы перестало жечь. Припав к ручью губами, я сделала несколько глотков. Умылась. А Нагос всем брюхом залегла в воду и блаженно высунула все пять раздвоенных языков.

Наверное, поэтому мы не почувствовали приближение.

Они вышли из-за зарослей орешника. Я едва успела вскинуть голову, когда получила силовой удар. Меня отбросило в кусты.

— Нагос! — позвала я зазевавшуюся гидру.

Та моментально встал передо мной, защищая от пришельцев.

Точнее, пришельцами были мы, а они-то казались старожилками.

Вот только разглядев, кто это, я чуть не села на зад. Чуть только потому, что уже на ней удобненько так устроилась.

Передо мной возвышались единороги.

Высокие кони с длинными ногами, мощной грудью, поджарыми бока, длинной густой гривой, челкой, падающей к умным глазам, бородкой, ну и, конечно, длинным рогом, идущим из лба.

Рогами они угрожали нам с Нагосом. Их было трое. Все самцы, как я заметила.

Один из них шагнул к нам, выставив вперед длинный рог. Нагос изогнулась и зашипела. Я и сделать ничего не успела, когда они вступили в схватку. Гидра извивалась и щелкала острыми, как бритва, зубами. Единорог вставал на дыбы и наносил удары рогом. За гидру я не боялась, заговоренной она была. А огромный конь казался слишком сильным, что бы гидра ему повредила. Да и товарищи не позволят.

Вот только внезапно рог окрасился красным.

— Нагос, ко мне! — закричала я, испугавшись за нее. Гидра зашипела, но подчинилась. Забавно, наверное, мы выглядели — огромная, более чем в три метра гидра с пятью пастями, оскалившимися во-от-такенными клыками, за спиной девчонки; я создала пару магических шаров. — Ползи к лестнице. Я за тобой.

Нагосу это явно пришлось не по вкусу. Уползать она не торопилась.

Единороги тем временем начали обходить нас вокруг, зорко следя за своими жертвами. Именно так себя чувствуешь перед этими сильными созданиями. Положив руку на чешую, я чуть заметно толкнула гидру, давая только нам понятный знак. Она бросилась в сторону, в то время как я сама, создав искусную иллюзию, отвлекла внимание единорогов.

Вырвавшись из круга, Нагос застыла, ожидая меня. Я махнула рукой, отправляя ее к лестнице. Потерять гидру мне не хотелось. А с этими я как-нибудь справлюсь.

Ранить чудесных животных мне не хотелось, поэтому о боевых заклинаниях даже не думала. А вот запас левитации на сегодня я еще не исчерпала. Чуть подпрыгнув, я активизировала заклинание и подлетела на добрых два метра. Затем, уловив поток ветра,

двинулась в сторону. Внезапно сила иссякла, и я начала падать. Холодная вода ручья приняла меня не так радушно, как в первый раз. Дно оказалась покрыто острыми камушками. Руки, не отойдя от первых порезов, покрылись новыми. Вода мигом окрасилась красным.

Щеки коснулось что-то мягкое и шершавое. Меня обдало волной тепла. Подняв голову, я нос к носу столкнулась с мордой единорога, с любопытством рассматривавшего меня.

— Мы не сделаем тебе ничего плохого, ведьма, — раздался голос за спиной.

Обернувшись, я нашла взглядом глаза песчаного красавца.

— Угу, а это вы нас так поприветствовали, верно?

— Мы ничего тебе не сделали.

— Вы ранили мою гидру!

— Нечисти в заповедных лугах не место.

— Нагос не нечисть, она моя подруга.

— Хм, мы, конечно, знаем что человеческие маги иногда берут подручных — сов, летучих мышей, кошек. Даже волков. Но чтобы крылатую гидру. П-пф, — вроде засмеялся он.

— Это еще что. Так, побочный эффект едва не проваленного экзамена. Видели бы вы других моих друзей. Можно мне встать?

— Конечно.

Я поднялась и вышла на берег. Сев на кочку, решила заняться саднящими руками. Сил на простейшее заращивание порезов не было. Вздохнув, пришлось плюнуть на это. Само как-нибудь зарастет.

Эх, Аскара бы сюда.

Сама того не понимая, я дотронулась до кулона на груди. Он оказался на редкость горячим и щекотал кончики пальцев энергией магии.

Ах, вот что это был за подарок демонов, поняла я.

Легко мазнув по зеленому лепестку, я захватила кончик силы и дотронулась ею до разрезанной руки. Ранки вмиг затянулись.

— Обожаю этого чертягу!

Еще из курса «Жити и нежити», а так же из лекции о волшебнорожденных, я помнила, что единороги имеют свою природную магию. И что великолепно чувствуют чужую.

Я осторожно подняла голову и посмотрела на реакцию единорогов. Мне дали понять, что чувствуют странную магию асуров лишь легким прищуром глаз. Значит, будем играть в «я ничего не знаю».

— Меня зовут Калгн, — приветственно склонил голову золотисто-песочный единорог. — Это Грах и Рен. Как твое имя ведьма?

— Таня.

— Нет, настоящее имя.

— Если вам так угодно, можете звать меня как хотите. Но это не значит, что я буду откликаться. Так, — встала я, — где эта злополучная ящерица. Нет, в качестве плаща она будет куда покладистой. Вы разрешите нам пройти через долину? Это очень важно.

— Куда именно?

Пожав плечами, я достала перышко. Крутанула его на пальце. Но оно не взлетело.

— Может быть, я уже пришла.

Я спала на постели из самого мягкого мха. Единороги привели меня на небольшую поляну, принесли фруктов и сказали, что здесь я могу прийти в себя и восстановить силы. Для меня это равносильно — поспать.

Сквозь низкие ажурные кроны проглядывало вечернее солнце, озаряя все вокруг, и меня в том числе, красноватым светом.

Сон упал легким покрывалом на мои опущенные ресницы. Этот бред был волшебной сказкой, полуночной мечтой. И я проваливалась в него, словно в мягкие объятья света, когда

лишь чувствуешь его на своей коже, когда он разливается по венам сладкой патокой, кружа голову. Как падение листа с кроны дерева, неспешный, томный, легкий, невыносимо грустный танец. Как запах роз зимой. И шелест ветра, и медленное кружение снега. Как сладость поцелуя, испытанная лишь однажды, но отравившая жизнь навечно.

Я упала в него и медленно приходила в себя.

Над головой было самое звездное небо, что я когда-нибудь видела. И резкий серп луны, восходящий над горами.

И это вовсе не заповедные луга, это вершина города, созданного, как казалось, отсюда из лунного света.

Я сижу, подтянув ноги к груди, в большом кресле на огромном балконе. Здесь, пожалуй, жарко, но я зябко кутаюсь в кусок пестрой переливающейся ткани, прикрывающий мое тело.

Страшно!

— Это твой город, он падет к твоим ногам, если пожелаешь.

Этот голос... Этот голос действует на нервы, как раскаленный металл на неприкрытую плоть. И в то же время завораживает, не давая даже обернуться.

— Не бойся, бесценная. Здесь тебе не грозит опасность.

— Где это — здесь?

— В Серебряном граде. Это мой дом. Когда-нибудь он будет и твоим. Хочешь, я подарю его тебе.

— Зачем? — удивилась я, рассматривая раскинувшийся у подножья башни город.

— За тем, что мне хочется подарить тебе весь мир. Надо же с чего-то начинать. Я лишил тебя отчего дома. Так позволь мне дать тебе что-то взамен.

— Но зачем мне город? Мне нужен лишь дом.

— Я построю его для тебя, родная. В самом красивом месте, самый прекрасный дворец для самой чудесной царицы. Для тебя, Лилит.

— Я не царица, зачем мне дворец.

— Скажи лишь, чего ты хочешь, я все сделаю для тебя, моя девочка.

— Отпусти. Не терзай мою душу. Отпусти меня.

Он молчал. Приблизился, я чувствовала это кожей, провел рукой в миллиметре от моей щеки и тяжело вздохнул. Подойдя к невысокому парапету, мое ночное видение, мой сон, моя любовь, наконец, ответил:

— Никогда.

— Но ты обещал, — даже встала я, — все, что я захочу. Хотя о чем я, твои обещания ничего не значат. И никогда не значили.

— Нет, Лилит. Я действительно готов на все, но не проси об этом.

— А о чем другом я могу тебя просить? Другого мне ни надо.

— И меня тебе тоже не надо? — обернулся он. А толку-то, все равно не понять.

Я смутилась под его взглядом. Не могла сказать «нет».

— Где ты был, когда я нуждалась в тебе? Когда ты был нужен мне? И не только когда меня убили, а до этого. Все эти долгие дни, когда я сходила с ума, будучи не в силах разобраться в себе. Когда я чувствовала себя лишь потерянным ребенком, твоим ребенком. Кусочком твоей души.

— Ты так хотела остаться дома. Я не смел нарушить наш уговор и прийти за тобой раньше оговоренного срока. Хотя очень этого хотел, поверь мне. Ведь здесь я чувствовал себя твоей потерянной душой. — Он снова провел рукой по моей щеке. — Как жаль, что я не могу дотронуться до тебя. Иначе наваждение пропадет. Магия, которая приводит тебя ко мне. Моя маленькая Лилит, мой нежный ребенок.

Я почувствовала, как по щекам текут слезы.

— Ну, не плачь, не плачь, моя милая. Вот, держи. — Он положил на мою ладонь семечку в несколько сантиметров длиной. — Посади ее там, где тебе будет хорошо, там, где ты захочешь построить свой дом.

— И что будет?

— Увидишь. Скоро рассвет, — кивнул мой возлюбленный на восток, где начали прорываться первые лучи. Как быстро! — Наш сон закончится, и я снова потеряю тебя.

— Но будет ли новый?

— Если ты позовешь. Тебе стоит только сильно захотеть и позвать меня.

— Как? Каким именем?

— У нас в таких случаях говорят Хабиби. — Он улыбнулся. — Позволь мне...

Склонившись, он едва коснулся моих губ.

И все исчезло.

Сколько я лежала в полной темноте, не знаю. Просто в какой-то момент поняла — надо открыть глаза. Все тот же луг, тот же мох. А я другая.

Словно между мной и былой болью опустилась ширма, не отсекая, а просто давая дышать спокойно. Между мной и прошлыми обидами появился кто-то, раскрывший крылья.

По коже прошел холодок, и я оглянулась.

На меня смотрели золотисто-карие глаза Калгна.

— Ведьма, — то ли уточнил, то ли позвал он. Кто их знает, единорогов?

— Согласна, — пожала я плечами, не желая отпираться. На утреннем солнышке лежать было более чем хорошо. Перевернувшись на бок, я с удовольствием подставила ему свое лицо. Может загар возьмется.

— С чем?

— Что я — ведьма. А у вас есть что еще мне предложить?

— Я пришел, чтобы проводить тебя на сбор табуна. Мы хотели поговорить с тобой.

— А он никак сюда не... Понятно, — скривила я губы, заметив обалдевшего от такой наглости единорога. — Мне надо принять ванну, выпить чашечку... — Хихикнув, я посмотрела на Калгна. — А это занятная мысль. Где у вас тут можно искупаться, чтоб вода была потеплей?

— Нас ждут, — нажал единорог.

— А утренняя ванна — нет. Не помывшись, никуда не пойду.

С самой недовольной миной, какую только можно сделать на лошадиной морде, Калгн проводил меня к небольшому источнику, из которого била теплая минеральная вода. Обрадовавшись, я плескалась в нем минут десять, смывая дорожную пыль, пот и остатки дождя. От полезностей, содержащихся в этой воде, кожа порозовела и стала куда более нежной. Что ж, я ведь женщина и могу побаловать себя таким удовольствием.

Единорог уже нетерпеливо переступал с ноги на ногу, а у него их не в пример некоторым — четыре. Мне все же пришлось выйти. Не утруждая себя такими формальностями, как одежда, я вернулась на полянку. Одеваться не хотелось, но пришлось, все-таки мероприятие намечается. Так как выбор был не большой, хм, мягко сказано, пришлось сооружать выходной наряд из того, что есть. Неизвестно как оказавшаяся в моих вещах белая ночная сорочка с оборочками пошла в дело. Сделав по бокам два разреза, я получила удобную вещь. Дело завершил длинный витой шнур от какой-то мебели, которым я по случаю побега перевязывала свои вещи. Подвязавшись им под грудью, я добавила тот ненавязчивый шик, которым в свое время так гордилась моя мачеха. И демонстративно вынула из-за пазухи оба кулона — золотую звезду и четырехлистник. Калгн покосился на них, но промолчал.

Он привел меня на большое поле, где уже собралось более двух десятков единорогов, затем мой провожатый встал где-то в стороне.

Меня внимательно осмотрели. Впрочем, я занималась тем же — изучала.

— Как тебя зовут? — обратился ко мне почтенных лет единорог.

Я посмотрела ему прямо в глаза и твердо сказала:

— Мое имя Таня Лил.

— Почему ты скрываешь то имя, что дали тебе при рождении? — поинтересовался другой. — В своем мире ты совершила преступление?

— Моего мира больше нет. Есть тот, который я делаю сама. Что касается преступления, то я вряд ли могла совершить что-то названное так громко. Хулиганство — может быть, но не преступление.

— Тогда почему изменила имя?

— Это логично. Когда один человек умирает, имя умирает вместе с ним. Для этого человека.

— У тебя есть враги?

— Врагов как таковых нет. Есть тот, кто хочет убить меня, и кого хочу убить я.

— Разве это не зовется враждой?

— Нет. Вражда предполагает равенство. А он не принимает меня за помеху. Для него — это просто ступень к более высокой награде. Для меня — долг.

— И кто же тот, кто не принимает мага, стоящего пред нами, в серьез? — спросил куда более молодой, но опытный и мудрый единорог. Он мне понравился. На моего папочку похож. Его коричневая масть играла на солнце, переливаясь золотистыми искрами.

— Тот, для кого я всего лишь человеческий маг, девчонка, посмевавшая бороться за свою жизнь. К чему этот допрос?

— Скажи — кто твой враг, и я скажу — кто ты. Разве не так говорят у людей?

Я позволила себе усмехнуться:

— Разве единорогам надо говорить так много, чтобы они поняли, кто перед ними стоит. Если бы вас что-то во мне не устраивало, вы бы и приблизиться к долине мне не дали.

— Ты прошла наши преграды. Как тебе это удалось?

— Какие именно? — нахмурилась я, на всем пути ни разу не почувствовав магическую преграду.

— Расщелину в скалах и ступени.

— Ну, если вы называете расщелиной ту гору, словно расщепленную надвое, то нормально. А ступени я преодолела с помощью магии.

— Они не пропускают враждебную магию. А та расщепленная гора бывает таковой только для тех, кто чист душой, — лукаво улыбнулся (мне так показалось это лошадиное выражение) тот шоколадный красавец.

— Сломалась ваша расщелина. Чистоту души у меня может заподозрить только глухой, слепой дурачок. Да и то спяна. Зачем вы меня позвали, обсуждать недостатки вашей охранной системы?

— Мы хотим узнать, правда ли то, что тебя сюда привело перо? И откуда ты его взяла.

— Это правда. Перо мне дала Вирь-ава. Моя спасительница и покровительница. Это путеводное перо я сама попросила. Хотела отплатить ей долг. Который никогда не отдать.

— Что за долг?

— Долг жизни. Она спасла меня. Дала мне жизнь. Как мать, которую я не знала.

— Кто ты, колдунья, — как-то очень серьезно взглянул на меня единорог, — раз за тебя заступает сама Богиня Мать? Если враги твои так сильны, а друзья верны, как гидра? Кто ты — прошедшая наши преграды и носящая знаки демонов стихий?

Я схватилась за звезду, висящую на моей груди.

В темных карих глазах единорога было что-то заставившее меня тяжело опустить голову и сказать:

— Всего лишь феникс, сгорающий в собственном пламени.

— Феникс — это символ незапятнанной чистоты. Значит, душа у тебя так же чиста.

Добрые глаза единорога вернули меня из странного состояния оцепенения.

— Эта птичка совершила много плохого. Как может не вымазаться в крови тот, кто убивал?

— А кто тебе сказал, что кровь отягощает душу? — лукаво посмотрел на меня единорог. Это становится диалогом, а не допросом на совете. Хм, занятно! — Душу портит зло. А в тебе его нет.

Пришлось кивнуть, признав его правоту. Не говорить же почтенному единорогу, что

кроме разделки полудесятка демонов на мелкие запчасти, я еще развлекалась мелким жульничеством и крупным обманом.

— Ты сильная ведьма, мы это видим. Как и невероятную магию, опутывающую тебя словно кокон. Магию майя, неподвластную человеку, но лижущую твою кожу, как преданная собачонка.

— У меня никогда не было собаки, — улыбнулась я. — Взамен у меня есть преданное это. — И вытянув руку, я продемонстрировала сидящую на ней саламандру. — Вам не зачем знать грани моих сил и знаний. Вам не стоит знать то, что я скрываю.

— Мы не будем пытаться. Но в твоих глазах скрывается столько тоски, что мы не можем не делать попыток понять и помочь. Так уж устроены единороги. Мы не только можем помочь тебе. Но и просим твоей помощи.

— Что?

— Если мы правильно поняли, Великая Мать послала тебя, чтобы помочь нам.

— Помочь в чем? — заинтересовалась я.

— Идем со мной, ведьма.

Он увел меня с поляны, и теперь мы шли по берегу небольшой речушки.

Единорог долго молчал, а затем, наконец, заговорил:

— Я Эдрр, вожак нашего племени. Мы живем в долине не одно тысячелетие. Это наш дом, наше пристанище, наша крепость. Она защищена со всех сторон, границы строго охраняются, магия сильна, не смотря на все твои обвинения. Нежелательные гости отводятся еще на границе. Но не так давно у нас начали происходить странные вещи. Нас начали убивать. Неслыханное преступление в собственных землях. Мы не знаем, что делать. Такого у нас никогда не было. Единорогов редко убивают, и убийцу всегда наказывают. Но не сейчас. Нам нужна помощь, ведьма. Мы ничего не можем сделать сами. Мы не чувствуем того, кто забирает жизни наших сородичей.

— Что именно происходит?

— Погибают молодые самки или совсем еще подростки.

— То есть те, кто не может оказать достойного сопротивления, — тут же просчитала я. Что ж магическое образование давало о себе знать. — И невинные. Как они погибают?

— Убивают и потрошат, как тыкву. Вырезают внутренности и рог. — Эдрр поморщился от омерзения и боли.

— Подождите, то есть то, что годится для магических действ. Рог — один из самых сильных компонентов некоторых могущественных зелий для заклятий, так же как и внутренности. Сердце единорога вообще считается всесильным. Кто бы это ни был, но он собирает именно это. Компоненты для колдовства.

Я задумалась. Вдолбленные Консуэлой знания начали всплывать в памяти. Все те заклинания, которые замешиваются на основе волшебной силы единорогов. На их природе. Ведь это действительно сокрушительная сила.

Что же можно сделать, обладая сердцем единорога?!

— Сколько было жертв?

— Пятеро.

Я округлила глаза. Пятеро!

— Это ужасно. Это безумно. Это страшно, — закрутилась я на месте волчком. — Кто же мог пойти на такое? И почему вы не заметили его?

— Мы сами не можем понять. Поэтому нам и понадобился кто-то извне. Ты поможешь нам, ведьма?

Преступление. Тайна. Опасность. Может быть, это то, что надо, чтобы отвлечься от собственных тяжких мыслей. Это имела в виду матушка, посылая меня сюда. Я должна остаться здесь. И сердце перестанет болеть.

Остановившись, я лукаво посмотрела на единорога:

— Только не называйте меня — ведьма. Зовите просто Таня.

— Но ведь это не твое имя.

— Мое. Я использовала его с детства. Ну ладно, если вам так не нравится это имя, зовите меня Лил.

— Значит, ты поможешь нам?

— Всем, чем смогу.

Потрясающей красоты конь с огромным рогом на лбу, согнул передо мной свою шею в поклоне.

В ечер я провела на той же поляне. Мы с Угольком развели костер и поджарили столь любимые шпикачки и сладкий хлеб. Саламандра грела мне тело и душу.

Под кроной густого и низкого дерева было легко и приятно сидеть. Правда, не хватало теплого бока Нагоса. Ну и дружеской беседы.

Единороги действительно ходили очень тихо, поэтому я заметила его только на краю поляны. Калгн вышел и тряхнул длинной челкой.

— Почему ты не спишь, ведьма?

— Почему я должна спать в такой прекрасный вечер? Ты-то что здесь делаешь? Только давай без «проходил мимо», старо.

— Я и не думал говорить это, — обиделся единорог. — Просто Эдрр просил меня сопровождать тебя повсюду на территории долины. Во избежание возможных проблем.

— А он умница, ваш вожак, — улыбнулась я. — Батюшку моего напоминает. Тот же ум под насмешливой маской держал.

— Глупо сравнивать Эдрра с твоим отцом, — начал раздражаться песчаный красавец. Все-таки он был чересчур молод и горяч.

— Почему? — заинтересовалась я, заваливаясь на бок и внимательно изучая морду гостя. Полянку я как-то незаметно переименовала в свое обиталище.

— Эдрр великий единорог, вожак табуна единорогов, наш повелитель, — с гордостью и придыханием восхищения ответил он.

А я хихикнула:

— Ты только не обижайся, Калгн, но я не желала оскорбить твоего героя. Просто понимаешь, мой батюшка вообще-то королем был. И очень даже дельным, народ его уважал и почитал. А каким воином был и политиком — закачаешься. Да и мошенником первостатейным, как положено хорошему человеческому королю.

Единорог удивился, заставив меня еще больше рассмеяться:

— А говорят, единороги чувствуют все. Вот только королевскую кровь как-то не учуяли.

— Не кровь мы чувствуем, а душу. А она не бывает королевской или нет. Это может быть душа правителя. Но и то не всегда это можно определить.

— А ты чего стоишь-то? Садись. Ой, я что-то ни то сказала?

— Ну, я же не лошадь, — усмехнулся единорог.

И натурально сел на зад. Я от такого слегка опешила и полезла разбираться, каким это образом его так скрутило. Так паразит Калгн еще и руки (или копыта?) на груди сложил.

— Что ты ешь такое вкусное?

— Шпикачки. Но они тебе не понравятся. Ну и жареный на костерке хлеб. Хочешь попробовать?

Единорог не отказался.

Д олина оказалась довольно обширной и мне понравилась.

Весь предыдущий и половину этого дня я и Калгн носились по ней, осматривая территорию в поисках остатков неведомой магии. В полдень сил уже не осталось, и мы расположились в тени плакучей ивы, на берегу реки. Немного отдохнув, я все же не усидела на месте.

Слишком много прошло времени. Расслабилась я.

Скинув башмаки и носки, избавилась от излишне узкого пояска и пошла искать

подходящее место. Нашлось оно быстро, все на той же речке, берега которой соединяло поваленное дерево.

Разутая, в просторной одежде, я вошла на ствол достаточно широкий, чтобы устоять. В руки знакомо легли клинки — два изогнутых катана, горящие как хвост жар-птицы.

Кстати, вопреки досужему мнению, жар-птица и феникс разные существа. Огненная птица вполне смертна и детенышей своих выводит банальным яично-гнездовым способом. В то время как феникс практически бессмертен, но его перья — не живое пламя.

Развернувшись, я резанула острым лезвием воздух.

Владеть оружием меня в свое время научил мэтр Полуден. Непревзойденный мечник, он достаточно вложил в наши глупые головы. А потом была дорога с разным людом, шатающимся по ней. Маленькая, беззащитная с виду девочка привлекала внимание многих. Не редко излишне «заботливые» платили за свои попытки прибрать эту невинность к своим рукам.

Я размахнулась и сделала практически невозможный для обычного человека пируэт, перевернувшись в воздухе, и снова вступила босыми ногами на теплую древесину. Устояла. Клинки резали воздух, мое тело двигалось практически без остановки, плавно и в то же время опасно.

Рубашка начала липнуть к телу, мокрая от пота. Коса тяжело ударяла, оплетая бока после резких движений. Ноги настолько привыкли к узкому стволу, что я не испытывала скованности. Только клинки все так же твердо лежали в руках.

Все так же опасно.

«Слишком хрупко», — усмехнулась я.

Злость накатила неожиданно и беспощадно. Слишком хорошо я помнила, как впервые вырастила из маленьких кинжалов длинные мечи, как открыл свою истинную сущность подарок огненного демона.

Я яростно вогнала клинок в податливый ствол по самую рукоять.

В такие моменты приходилось жалеть, что не умерла.

Но нельзя вымещать свою злость на ни в чем не повинном дереве, пусть давно погибшем и успевшим слегка подгнить.

— Я плохо в этом разбираюсь, но по-моему ты не плохо владеешь этими штуками.

Из ближайших кустов торчала голова Калгна. Ну, не одна голова, а вместе с шеей и всем остальным, только я видела лишь ее.

— Сносно для девчонки, — кивнула я.

— Зачем это?

— Магия не всесильна. Иногда жизнь может замереть на кончике клинка.

— И часто ты тренируешься?

— Если есть возможность. Вы прогнали Нагоса, и мне ничего не остается, как помахать мечиком в одиночку.

— Это ты эти штуки мечиком зовешь? Хочешь, я помогу тебе, заменю твою гидру?

Я заинтересованно блеснула глазами. Спарринг с единорогом, когда еще так повезет.

Ни слова не говоря, в три прыжка оказалась рядом с ним и замахнулась.

Драться с разумной лошадью оказалось очень трудно. Сильный мощный конь побеждал меня просто массой и норовом. А ведь у него еще были в запасе необыкновенная легкость движений и длинный, не уступающий в опасности моим клинкам рог. В общем, не просто мне пришлось. И это не плохо. Я так привыкла к мелким стычкам с не слишком ловкими людьми, стражниками или простыми разбойниками, да с предсказуемым Нагосом, что бой мог обернуться крупным проигрышем при встрече с более профессиональным противником.

В конце единорог так загонял меня, что пришлось просить перерыва.

От меня несло потом и копотью огненных клинков. Калгн, казалось, даже не сбивал дыхания.

Он указал мне путь к ближайшему теплему источнику, где я, бесстыдно раздевшись,

побарахталась с полчаса. Единорог тем временем просто лежал на травке и наблюдал за мной с любопытством, с которым я ковыряюсь кончиком меча в очередной убиенной нежити.

Надев мокрую, наскоро прополощенную рубаху, я завалилась рядом.

— Где ты научилась так? — кивнул единорог куда-то в сторону. А я поняла это как вопрос об эфемерных клинках.

— Выиграла в бою как артефакт. Меня ими чуть не прирезали, — усмехнулась я. — Артефакт растворяется в теле, поэтому очень удобен. Его не потеряешь.

— Я имел в виду драться. Молодая ты.

— Припечет, и не такому научишься. Это как вскрывать замки — чем больше вскрываешь, тем чаще тебя запирают. И тем больше опыт. Когда мне было лет двенадцать, произошла забавная история. Мы тогда послов каких-то принимали, ну и меня заперли от глаз подальше. Заперли по всем правилам. Ну, я обиделась. И так намагичила — в замке все замки поотлетали. Даже те, в которых и капли магии не было. А ты можешь себе представить, что такое открытый доступ во все уголки замка? Что тут началось! Пока все заперли, чуть полказны не унесли. А тут еще послы эти носы свои во все суют. Конечно, мне влетело по полной. Вот так-то.

— Так значит ты действительно принцесса?

Грустно улыбнувшись, я перевернулась на спину и посмотрела в небо. Как несколько лет назад.

*— Я все и я ни что,
Одна в безумном мире.
И нет других дорог,
Мне выбрана одна.
И холод по рукам,
И ветер в поле рыщет.
Мне не найти преград,
Чтобы сломать себя.*

— Зачем это?

— Хочешь, я расскажу тебе сказку? В одном сказочном царстве-государстве жила-была маленькая принцесса. Это была самая непоседливая и взбалмошная девчонка. У нее была семья, даже друзья. Хорошо ей было за крепостными стенами родного дома, и зачем рвалась она за них?

— Что было дальше?

— Выросла она. Словно разбудили. На этом сказка закончилась. Начался кошмар.

— Расскажешь?

— Мне не трудно. Так случилось, что она сама нашла свою погибель. Сама улыбалась им и не заметила, как накликала беду. Зло ворвалось на крыльях смерти, забирая тех, кого она любила. Заставляя принцессу убить себя, только бы не попасть в руки пришлых. Так и заканчивается эта история про глупую девчонку, говорившую: «Ну и пусть!» — всем, кто предупреждал ее.

— Ты кого-то потеряла?

— Всех! Я потеряла всех и все.

Перевернувшись, я прижалась головой к теплему боку единорога. Мягкая, немного шершавая шкура приятно щекотала щеку. Рядом с ним было спокойно.

— Ты знаешь, — медленно начал Калгн, — первой жертвой этого мясника была Исса, моя невеста. Так что я знаю, что такое боль. В тебе ее столько — можно затопить всю долину. Мне хочется помочь тебе.

— Вы что, сговорились, — покосилась я на длинный рог, единственную видимую часть тела (или не тела) Калгна. — Не нужна мне ничья помощь. Я сама о себе позабочусь. И не

хочу меняться. Слишком тяжело мне далось свое становление. Чтобы воскреснуть как феникс из пепла и крови, нужно постараться. И пока одна жизнь логически не закончится, не стоит начинать новую.

— Что ты имеешь в виду под логическим завершением?

— Смерть, — пожалала я плечами, удивляясь непонятливости единорога.

— Чью? — насторожился он.

— Желательно не мою. — Я хихикнула. — А то знаешь ли очень жить охота. Меня еще где-то ждут. — На лице заиграла улыбка при воспоминании о чудном сне. Что поделать, я любила своего таинственного гостя, и сердце все равно тянуло туда, где он.

— Где?

— Там, где есть частичка моей души.

Я встала. Сердце затопила сладкая, тающая на губах, словно прощальный поцелуй, грусть. Взмахнув руками, я лишь на мгновение навела морок, вновь вернувший меня в Серебряный град. В ту жаркую ночь, прошедшую за несколько минут.

Видение исчезло.

Обернувшись, я посмотрела на обалдевшего от такой ворожбы Калгна.

— Ну как, красиво, правда?

— Потрясающе! Ты действительно сильная магичка.

От такой похвалы я зарделась. Хотя единорог и был прав, даже архимагам порой было тяжело создать столь масштабный морок. Меня холодный пот прошиб от перенапряжения.

Но магический запас истратился разве что на половину! Вот это да. Для такого выброса энергии, без предварительной подготовки и даже без подходящего направляющего заклинания — это очень хорошо.

А ведь одно из проявлений магии майя — умение создавать иллюзии. Как же я раньше об этом не подумала.

— Теперь давай я тебе кое-что покажу, — встал единорог. Кивнув в сторону, он сказал: — Садись.

— Куда?

— Ко мне на спину.

— Но разве так можно?

— Не каждому, — хитро сощурился Калгн. — Но тебе разрешаю.

Я обрадовалась этому предложению, как ребенок новой игрушке. Уговаривать меня больше не пришлось. Применив левитацию, ловко забралась на спину песчаного красавца.

Он мчался по долине, практически не разбирая дороги. Земля податливо стелилась под его копытами зеленым ковром, от камней во все стороны летели искры, а вода разбрызгивалась яркой радугой. Единорог был подобен птице, летящей над землей. Ветер свистел в ушах, огибая круп Калгна, похожий на разящий клинок. А я сидела на гибкой спине единорога, каждой клеточкой своего тела чувствуя малейшее движение его мышц.

Когда он остановился и легко сбросил меня на мягкую травку, тело свалилось словно мешок с... ну нет, не настолько уж и безвольной я была. Просто шлепнулась на пятую точку, раскинула руки и уставилась в небо, которое бороздили стрижи — надо же, уже прилетели.

— Ну, понравилось? — ни секунды не сомневаясь в ответе, поинтересовался Калгн, гарцуя рядом.

— Еще бы. Потрясающе. Это такая свобода. Вот... все призраки Тантраса! Обалдеть. Это почти как летать.

— Что значит «почти»? — обиделся расстроенный в лучших чувствах единорог.

— Прости Калгн, может для кого-то эта гонка лучшее, что только может случиться в жизни. Для тебя это и есть свобода. Ведь так? А для меня свобода — это полет.

— Ты много летала? — заинтересовался единорог и сел рядом. Забавляло меня его сидение. Обычные лошади по любой причине падать на задницу не будут, да и спят они стоя, в отличие от единорогов.

— Прилично для человека. Правда, левитировать не люблю.

— Как же тогда летаешь?

Я улыбнулась. Сразу вспомнились тонкие крылья и невесомость. И глаза, рядом с которыми могли померкнуть любые крылья. Глаза, в которых больше неба, чем у меня над головой.

Любимый!

— Ты снова загрустила. Что-то случилось?

— Нет. Просто вспомнилось.

На поляну выбежал один из единорогов. Оглядевшись, он остановил взгляд на мне:

— Совершенно нападение. Эдрр вас зовет.

Мы тут же вскочили и бросились за ускокавшим единорогом.

Глава 5 Знакомые все лица

Когда я, бледная, скрылась в кустах, зажимая рот рукой, даже Калгн, следовавший за мной повсюду с преданностью влюбленной гидры, понял — ему лучше не соваться.

Согнувшись пополам, я выдала все, что ела, наверное, с самого вечера.

Отдышавшись и собравшись с силами, пришлось вернуться.

На небольшой поляне, разорванные в клочья, лежали останки животного... Только приглядевшись (чего на этот раз я постаралась не делать, предыдущая попытка закончилась в тех самых кустах), можно было опознать в этих разбросанных кусках плоти благородное животное — волшебного единорога.

— Это просто мясник, — выдохнула я, все еще борясь с приступами тошноты.

Отвернувшись, я оперлась о спину Калгна, который даже вздрогнул, настолько оказался потрясен увиденным. Пришлось трянуть головой, призывая себя и свое непокорное тело к порядку. Разорванный труп не самое ужасное, что доводилось мне видеть в этой жизни, в конце концов. Бывало и хуже.

— Ты чувствуешь здесь магию, Лил? — посмотрел на меня Эдрр. Я просто спиной ощутила его испытующий, болезненный взгляд.

— Слабо. Слишком слабо. Как след ветра, лишь слегка потревоженные травинки. Но я знаю того, кто почувствует, кто сильнее меня, да и видит больше. Только не мешайте и не трогайте меня.

Проведя по золотистой спине, я дала и взяла немую поддержку. Калгн последовал за мной к большому дереву, у подножья которого я и села. Опустившись рядом, он вопросительно посмотрел на меня, словно боялся и в то же время надеялся на помощь. Как я еще могла отплатить единорогам за их приют и доброе ко мне отношение?

Дух вышел медленно, через рот, вместе с дыханием. Поднялся в воздух и перешел в новое качество — феникс.

Птица хрипло закричала, разминая крылья. Внизу стонала девушка.

Он оглянулся и поморщился, вид мертвого обезображенного трупа раздражал его. А еще эта магия, клочками осевшая повсюду. Она светилась тусклым мертвенно-зеленым светом, с какими-то неестественными разводами красного. Досадливо дернувшись, дух понял: кто-то пытался замаскировать заклинание смерти и саму смерть с помощью магии.

Воплощенный дух не любил зло, оно было противно ему по сути, как оттенки тех чувств, что делали его сильнее и в то же время убивали, перерождая во что-то противоположное символу чистоты — фениксу.

Сделав пару кругов над останками жертвы колдовства, дух последовал по его следу в сияющей зеленой траве.

Пролетев до крайней точки, где следы были еще совсем свежими, как бывает влажным песок от легкого прибоя, феникс предусмотрительно решил оставить себе заметку, полоснув ствол ближайшего дерева когтями.

Теперь можно, а вскоре и нужно, возвращаться назад.

Облетев поляну подальше, дух опустился на землю возле тела девушки и разглядел ее. Иногда ему не верилось, что эта хрупкая оболочка принадлежит ему, так легко казалось ее порвать и так тяжело сдерживать внутри его самого.

«Несовершенна», — с раздражением заметил он. Тицеславия духу было не занимать. Подбородок надо бы чуть помягче, девушка все-таки, не мальчишка.

Закончив с ее внешностью, дух обратился к окружению. Точнее к легкому, как вуаль, кокону, оплетающему ее, словно саван. В нем чувствовалась чужая для феникса сила и магия, над которой сам дух был не властен. Но вопреки ожиданиям, противоестественное колдовство вовсе не раздражало его, скорее рождало что-то весьма похожее на нежность и благодарность.

«Защитники, волкодлак их покусай», — подумал дух с присущей ему насмешкой.

И переключил внимание на того, кто был рядом, на светящегося единорога. Оглянувшись. В золотистых глазах воплощенного духа зажглась усмешка и чуточку обида.

«Ну, ты у меня за все ответишь!»

Перейдя в качество несознательного духа, он втянулся в собственное тело через рот.

Я медленно выдохнула, дождавшись, когда сердце снова застучит в нормальном ритме. Получилось шумно. Мне еще пришлось какое-то время перестраивать зрение, чтобы потушить золотые искры в радужке. Наконец окружающее перестало расплываться разными цветами. Уж слишком пропитался мир единорогов их первобытной, мощной магией. Такая сырая сила мне вредна.

— С тобой все в порядке? — озабочился Калгн, сторожем возвышавшийся рядом.

— Жива, — по привычке отмахнулась я, медленно вставая. Сил хватит только чтобы дойти до места моего ночлега и что-то пожевать, иначе организм начнет есть самого себя. — Тот, кто совершил это, — начала я громко, так, чтобы нас слышали все, — мастерски использует заклинания сокрытия магии. Она растворяет их в смертоносных. Это сложно и слишком трудоемко. Но, думаю, стоит того, чтобы получить силы единорогов. Я найду ее. Но только завтра. Если вы позволите, конечно, — склонила я голову пред Эдррм.

— Конечно, девочка. Если ты смогла увидеть эту странную магию и сумеешь привести нас к ее обладателю, это уже не мало. Иди. Ты слишком ослабла.

Я положила руку на подставленную спину Калгна и, наконец, найдя опору, пошла с поляны. Уже почти скрывшись за кустами, я все же не выдержала и оглянулась:

— Вам было не страшно отдавать мне в напарники собственного сына?

— Я не жду от тебя зла, Лил, — через какое-то время ответил вождь табуна единорогов. — Мне нечего было бояться.

— Зря! — покачала я головой. — Неприятности липнут ко мне, как мухи к... ну, в общем вы поняли. Точно не к варенью.

С пару минут Калгн молчал, вышагивая рядом со мной. Только кого он пытался обмануть, магиану с двумя дипломами, духа-феникса с ясным взглядом или девчонку, которая считала его другом? Но уж точно не мою руку, лежащую на его спине и чувствующую напряжение мышц.

— У всех есть свои тайны, — вроде бы разозлился он. (Я-то здесь при чем?) — Ты же тоже не хочешь говорить о себе слишком много.

— Просто это не такая уж смертельная тайна, Калгн, чтобы скрывать ее. Я ведь тоже не босячка, ты же помнишь. Ладно, это ваше дело, — еле ворочая языком, отмахнулась я.

Калгн стряхнул мою руку и непонятно как закинул безвольное тело себе на спину.

— Держись крепче.

И он бросился галопом до моей уютной полянки. А уже там осторожно скинул. Помню только, как что-то жевала. Дальше ничего. Снова в обморок упала.

Ветер хлестал по щекам, снежная пурга окружала, не давая осмотреться. Я зашептала заклинание успокоения стихий, но закончить мне так и не дали. В грудь ударила мощная сила боевого заклинания, отбросив на добрых пять метров. Буря тут же улеглась, и сквозь оседающий снег мне еще удалось увидеть идущую ко мне фигуру. Только

рассмотреть моего противника уже не удалось. Кровь заполнила легкие и пошла горлом. Выплюнув сгустки, я попыталась встать.

— Когда же ты сдохнешь?

И в спину ударяет кусок льда.

Это никогда не было подвластной мне стихией .

— **Н** ам надо идти.

— С тобой все нормально? — взглянул на меня взволнованными глазами единорог.

— А что могло случиться? Мне просто надо было отдохнуть.

Потерев глаза, я перевернулась на спину и посмотрела в небо, по которому плыли перистые облака.

— Ты полночи ворочалась. Не хорошо как-то.

— Сон дурной, — отмахнулась я, медленно встав. — Давай позавтракаем и пойдем, надерем задницу этой злобной твари, убивающей вас.

Единорог усмехнулся.

Я по-быстрому сварила гречневой каши, которую всегда любила, сдобрила ее последним кусочком масла и умяла. Потом подогрела воды и сыпанула туда свой любимый травяной сбор, рецепт которого вычитала в книге, подаренной мне Аскаротом. Кстати, костер я не осмелилась разжечь, сегодня его заменила Уголек.

Калгн понюхал получившийся настой и довольно фыркнул.

Еще бы, зелененький демон знает, что посоветовать и что дарить.

Теперь я была готова к любому исходу дела.

Ну, почти готова.

Быстренько переодевшись, не особо смущаясь разглядываний единорога, я взяла из запасов пару бутылочек и мешочек с одним чрезвычайно полезным порошком.

Мы начали с места последнего преступления. Я великолепно помнила путь феникса, поэтому шла уверенно и вскоре обнаружила на одном из деревьев в лесу три глубокие отметины, оставленные духом. Отсюда продвижение пошло сложнее.

Не знаю, что было бы, если бы не ветвистая растительность на моих руках. То есть мои расписные пальчики. Рисованные листочки зашевелились, подавая мне знак об опасности. Я пригнулась, а в руках сверкнули пламенем клинки.

Попытавшись перестроить свои глаза на взгляд духа (последнее время у меня все чаще и чаще получалось делать это без особого труда), я увидела...

На небольшом пригорке стояло здание, возведенное явно с помощью магии, пропитанное ею и сокрытое. Три колонны на широком крыльце фасада, крыша шпилем взлетает вверх, окна отсутствуют. Даже расположение постройки говорило о ее задачах.

Алтарь!

Пропитанный кровью единорогов.

Ненавижу зло. И тех, кто сеет смерть.

Мазнув по лазуриту на листке талисмана (давно хотела поэкспериментировать) и приложив небольшое заклинание, я послала ураганный вихрь в сторону алтаря. Его, конечно, не разрушило, но потрепало конкретно. Крышу едва не снесло, это верно.

— Надо позвать наших воинов, — нерешительно начал Калгн. Но затем прижался ко мне боком. — Я не оставлю тебя одну.

— Не волнуйся, мы их позовем.

И запустила вверх огненный шар, взорвавшийся над нашими головами ярким фейерверком.

Раньше чем огненный цветок успел раскрыться, в дверном проеме возникла... Хм, женская фигура!

И тут же ударила в меня пульсаром. Нет, ну зачем так сразу. Я только постучала...

Легким движением отведя удар, я улыбнулась:

— Мимо! Попробуй еще.

Попробовала. Но я создала защитную сферу, и пламя не затронуло нас.

— Эй, ты может хоть представишься. А то не культурно как-то, — крикнула я, отмахиваясь от последних ошметков ее магии.

— А ты хочешь сказать, что не узнала? — надменно произнес довольно противенький сладковатый голос. Женщина спустилась на пару ступеней, выходя из тени.

— У меня память короткая, — пожала я плечами, в упор не узнавая девицу, стоящую напротив. За это время я стольким молодым ведьмочкам дорогу перешла, можно и запутаться. У меня, знаете ли, талант.

— Что ж, рада, что ты жива, Лилит Вольская. И я смогу своими руками убить тебя.

Я чуть поперхнулась. Это хуже, раз она знакома со мной принцессой. Старые враги? В то время врагов у меня не было. Да и неприятелей тоже особенно не наблюдалось. В особенности после того, как нас с Вадиком взял под свою опеку Полуден.

И только одной особе я насолила тогда до оскомины.

Длинные светлые волосы, рассыпанные по плечам, голубые глаза-сверла, кожа словно в инее. И надменный, презрительный взгляд.

— Шала.

— Узнала, наконец.

— Прости. Это было очень тяжело.

— Хватит трепаться, — разозлилась магичка. В принципе, я ее поддерживала.

— Значит, это твоих рук дело? Ты убивала единорогов. Своих-то сил нет.

— С твоей подачи, принцесса. После той битвы меня уже никто в серьез не принимал. А мне нужен весь мир. Я стану самой великой архимагианой.

Наверное, я излишне некультурно захихикала, иначе с чего глаза Шалы засияли такой ненавистью.

— Из тебя архимагиана, — пояснила я, — как из меня благородная принцесса. Реально, но роль не та.

Она разозлилась и ударила чем-то весьма глупым, без проблем отведенным мною в сторону.

— Ты помнишь это, — вырастила я в руках огненные кинжалы. Крутанув один на кончике пальца, запустила им в Шалу. Той это явно не понравилось. Обернувшись к Калгну, я прошептала: — Уйди, ее силы слишком действенны для тебя.

— Ну, посмотрим насколько ты сильная без своих дружков-демонов.

— Посмотрим.

Я кивнула, приняв вызов. Как знакомо. Несколько лет назад я так же стояла против Шалаизы. Только теперь, имея за плечами знатный опыт и мастерство практикующей магички, мне уже не страшно.

На этот раз Шаласка тоже подготовилась. В ее руках возник длинный жезл, белый, как снег. На такую невозможную чистоту способно только одно — рог единорога.

Внутри что-то вздрогнуло.

Клинок сам собой перерос в посох. Это было не самое привычное мне оружие, но оно не уступало Шалаизиному. В три прыжка она оказалась рядом и ударила в меня жезлом, усиленным магией. Я лишь слегка попятилась, раскрутив посох в руке огненной кругом.

А дальше мы сцепились, как две уличные кошки, разве что с палками в руках. От бело-красных всполохов кружилась голова. Кружились мы. Бой двух магов нашего уровня и обучения (Шалаиза как ни пыталась это скрыть в свои студенческие годы, репетиторы все же с ней поработали) выходил очень зрелищным. Мы были молоды, сильны и пылали лютой ненавистью друг к другу.

Наверное, выходило красиво. Со стороны. Внутри этого клубка было смертельно опасно.

Пару раз по мне скользнул льдисто холодный жезл, обжигая и ранив смертельным льдом. Только и я не последняя дура, умудрилась-таки засветить ведьмочке посохом в живот. Причем таким запомнившимся мне движением, подсмотренным (с разрешения,

конечно) у тех же демонов.

Шала отлетела на несколько метров и, не устояв на ногах, довольно неаристократично шлепнулась на зад, пропахав им еще добрых пару метров. Ну-ну!

— Посох отдай, — потребовала я.

— Может тебе еще чего надо, тварь.

И ударила жезлом в землю.

Поднялась снежная буря. Такая знакомая.

Ненавижу, когда мои сны сбываются. Ведь никогда ничего хорошего не приснится. Вечно гадости всякие. Хоть раз радостное увидеть. Ну, хоть чертят своих разноцветных.

Так, что-то я задумалась, а меж тем мне бы двигаться надо, а то поймают, как в прошлый раз. Это по неподвижной мишени легко бить, а ты по зайцу попробуй.

Пару кругов я пробежала. А затем споткнулась и весьма вовремя — над ухом просвистела внушительная льдышка. Шала всегда любила эту стихию, а мне приходилось ей противостоять.

«Да, пожалуй силой единорогов она уже побаловалась», — решила я, вставая на колени. И запустила в ее сторону пару магических шаров, приправленных заклинанием тумана. Послышался визг раненой девчонки, а совсем не архимагианы, как мечтала Шаласка.

— Глупая. — Я встала и взмахом руки развеяла пургу. — Думаешь, если я выжила прошлый раз, то не смогу постоять за свою жизнь в этот. Ты всего лишь человеческая ведьма, Шала. Просто глупая самоуверенная магичка, какой и я была когда-то. За убийство невинных тебе придется заплатить.

Шала медленно поднялась, опираясь на посох. Я ей не мешала, рукав порванного платья магички насквозь пропитался кровью, ткань на животе оплавилась и разошлась, обнажая обожженную, покрытую волдырями плоть.

А ведь она была красивой. И во что превратилась — в озлобленную ведьму.

— Ты... ты... Будь ты проклята, принцесса Лилит.

— Да куда уж больше, — отмахнулась я перекрещенными пальцами, лучшим способом защититься от таких слов и заклинаний. — Посмотри на меня, Шала. Я же принцесса, а разбираюсь с какой-то зарвавшейся магичкой. Тьфу! Калгн, где ваши... воины?

— Уже идут, — вышел единорог. — Значит, это она убила мою Иссу? — Калгн медленно двинулся на нее, угрожая рогом.

— Калгн, стой! — закричала я.

Но было слишком поздно. Шала ударила его силовой волной.

Единорог не устоял на ногах и повалился на бок. Умудрившись при этом подмять меня под себя. Единорог оказался таким здоровым, я едва дышала. Рубашку тут же пропитала кровь.

— Вот ты и попалась.

Быстро дотронувшись до крови единорога, я подняла придавленную руку ладонью вверх и даже не стала особенно заморачиваться по поводу заклинания. Оно возникло почти само собой, повинаясь лишь моему магическому приказу. Кровь единорога и магия человека, которые стали друзьями, дали неповторимый эффект — вокруг нас засиял купол.

Сила Шалы бомбила щит, расцвечивая его разными красками, но не прорывалась.

Грудь, придавленная крупом Калгна, нещадно болела. Дыхания хватало разве что на жизнь, но не на сознание.

Его-то я и потеряла.

М еня разбудила Уголек. Просто потому, что никто больше не мог. Оказалось, защитный купол так и закрывал нас, когда на поляну перед алтарем вышел Эдрр со своими воинами. Как они ни звали нас, мы вырубались конкретно.

Разлепив глаза, я размытым взглядом посмотрела на нахальную мордочку саламандры. И улыбнулась. Сквозь слезы.

Сняв оградительный щит, я начала медленно вылезать из-под огромного единорога.

Другие единороги, приподняв его, помогали мне. Как только я выбралась на свободу, тут же бросилась своему другу на шею.

Бочина песчаного единорога была изодрана, и сквозь ошметки плоти просвечивали ребра. Он еще дышал, но так слабо, что не оставалось никаких надежд.

Прижимая голову Калгна к себе, я тоскливо посмотрела на Эдрра:

— Вы были не правы, не правы! Я всегда приношу лишь несчастья тем, кого люблю. Я зло.

— Не бойся, Лил. Единороги куда сильнее, чем тебе кажется. Ну ладно, Калгн, вставай, хватит валяться!

И Эдрр коснулся его рога своим. Они оба засверкали, и тело Калгна осветилось сиянием. Раны начали заживать быстрее, чем несется бурная река. Уже через полминуты на шкуре единорога не осталось и следа раны.

Хитрец Калгн, не открывая глаз, перевернулся на спину — совсем как собака и, не убирая головы с моих колен, сощурился:

— Ты испугалась за меня?

— Ах ты... Пройдоха! — Я обхватила его за морду и поцеловала в нос. — Но как?

— Единороги умеют исцелять друг друга.

Я кивнула. А затем вспомнила:

— А где Шала?

— Кто это? — посмотрел на меня Эдрр.

— Магичка, которая убивала единорогов.

— Когда мы прискакали, здесь были только вы в этом куполе. Кто это был?

— Ее зовут Шалаиза, графиня Тулиркская. Я встречалась с ней раньше. Давно. Тогда ее, наверное, мало проучили за излишнюю гордыню и презрение ко всему живому. Она была ославлена. В Вольске ей не давали покоя, припоминая старый позор, и магичку увезли в другое государство. Через полгода отец Шалы попался на попытке заговора, был сослан и лишен титула. Вот она и решила добиться власти и признания самым простым способом, каким только знала — силой магии. Ее отец любил дочь и дал ей хорошее образование, видно, каким-то образом она нашла заклинания власти над единорогами. И решила забрать их силу. Посох у нее есть. Интересно, чего еще хотела эта демонесса?

Я встала, голова Калгна шлепнулась на землю. Звук вышел хороший. Глухой и пустой до смеха.

Алтарь оказался мне знаком по старым книгам, прочитанным под руководством наставницы. Открыв поток силы, который дал бы ритуал жертвоприношения единорогов, можно было выпустить ужасающую магию. Само зло.

Все пропиталось кровью и ненавистью. В углу, на столе лежали вырванные рога и замороженные внутренности священных животных. От этого зрелища я брезгливо поморщилась.

— Вы не против, благородный Эдрр, если я подожгу это грязное место. Есть у меня одно заклинание скорбного огня. Оно горит так сильно, как сильна скорбь по потере. Правда потом здесь навряд ли будет что-то расти.

— Не против. Для нас это место навек будет проклятым.

Из моих рук вылетели два шара — голубой и красный. Слившись в единый, они влетели в алтарь и на мгновение растворились там. А затем раздался взрыв.

Пламя очертило круг, словно сдерживаемое кем-то.

Оно плясало, пожирая зло, забирая наши потери, поглощая боль. Оно светилось в моих глазах. Как все горело в тот день!

— Что-то подсказывает мне, сейчас не первый раз, когда ты используешь это пламя? — лукаво спросил Эдрр.

— Вы правы. Пламя я создала, когда погибли те, кого очень любила, — начала рассказывать я, смотря на «Танец скорбного огня». — Мои сестры и подруги. Они все погибли из-за меня. Вот шутка богов — готовая заплатить своей жизнью, я потеряла все

кроме нее. Прими же мою клятву, благородный Эдрр. Тебе и твоему народу я доверю надзор за ней, чтобы больше никто не говорил мне — «тебе нельзя». Мне можно. Мне нужно! Вы примете клятву?

— Да, дитя, если ты считаешь нужным.

— Необходимым! — Я встала на одно колено и достала короткий мечик из ножен. Положив его на вытянутых руках, я заговорила: — Клянусь пред вами, дети богов, священные единороги, клянусь пред огнем, пред душами любимых мной людей. Я, Лилитана, дочь Эрнеста, посвященная Эл-лил, богине-луне, принцесса Вольская, я, носящая имя Тани Лил, клянусь жизнью врага заплатить за смерть и боль. Клянусь пролить его кровь там, где он убил вас, там, где лежит убитый горем наш отец и повелитель. Клянусь собственной душой — убить тебя Хананель, владыка металлов.

— Ты забыла условие отступления, — напомнил Эдрр.

— Ах, да! Условие отступление такое. Я отступлю от своей клятвы только в том случае, если тебя убьет мой возлюбленный. А то от этих демонов всего можно ждать. Клянусь! Прими мою клятву, народ единорогов.

— Клятва принята! — кивнул Эдрр. — Но не слишком ли она сурова?

— С клятвой или без, я все равно добьюсь смерти для Хананеля. Он убил меня, я убью его.

— Ты смелая девочка.

— Я безрассудная и невоспитанная.

— **Т**ы говорила там, на поляне правду? — пристал ко мне единорог. — Ты действительно меня любишь?

— Конечно, — без задней мысли ответила я. А надо было бы насторожиться, потому как следующее, что Калгн сказал, было:

— Я тоже тебя люблю!

Я поперхнулась:

— Хорошо... Э-э, в каком это смысле?

— С самым настоящим. Я тебя люблю.

— Обалдеть! У тебя с головой все в порядке?

— Все. Конечно, я понимаю — это невероятно. Но ты особенная, Лил. Я долго наблюдал за тобой — за тем, что и как ты говоришь, за тем, что делаешь, как двигаешься, как смотришь. И мне нравилось все это. Жаль, что ты не единорог.

— Это хорошо, Калгн. Иначе были бы проблемы. Пойдем купаться, а то я себя такой потрепанной чувствую. Да и ты на себя посмотри, грязнуля. Кстати, забыла сказать — ты мне два ребра сломал тушей своей неподъемной.

— И как ребра, — забеспокоился единорог.

— Нормально. На мне кости срастаются, что на тебе плоть. — Я дотронулась до подвески, которой была благодарна за исцеление.

Когда мы набрели на озеро, я, не долго думая, поскидывала одежду и подошла к воде. Только та оказалась столь грязной — купаться разом расхотелось. Поморщившись, я пробормотала одно из бытовых заклинаний и, образовав из него шарик, кинула в воду. Та забурлила.

Пока колдовство работало, я решила поваляться на травке. Рядом тут же завалился Калгн и предложил почесать ему пузико. Так и сказал. Я хихикнула и предложение одобрила, едва не зачекотав единорога до смерти.

Развлечению помешал некий обвешанный ряской и водорослями мокрый тип, который вылез из озера.

— Ах, вы подлюги. Чаго удумали, разорители. Я вам укажу, как тут хулюганить! — потрясал он маленьким кулачком.

— Водяной, — удивился единорог.

— Ах, ты коняга растакая, чагой-то вы туточки удумали? Чаго это вы тут занимались?

Мы с Калгном округлили глаза. Я покраснела, единорог, кажется, побледнел.

— Да ты, старик, вообще ополоумел, — запинаясь, начала я. — Мысли у тебя, конечно... пакостные. Да и фантазия нехорошая. И где такому набрался? Стой! — вдруг спохватилась, присматриваясь к водянику. — А я тебя откуда-то знаю. Точно, узнала. А ты меня?

Водяной повыпуклил рыбы глазки и тоже побледнел, хотя белее кажется некуда — и так прозрачно голубой. Ну и попятился задом в воде.

— Что, значит, сюда перебрался, грешник старый?

— Не губите, госпожа ведьма, не признал я вас, — заволновался он, озираясь со страхом.

— А характер, как я вижу, не поменял. Как был заносчивой кочкой, так и остался. Ничему тебя не научили.

— Ты его знаешь? — заинтересовался Калгн.

— Еще бы, встречались пару недель назад. Ну и история тогда приключилась. Хочешь, расскажу? Эй, жители лесные и водные, — закричала я, — вылезайте. Я байки травить буду про вашего нового водяника. И не простую, а всамделишную.

Сев поудобнее, я начала рассказывать про то, как повстречалась со своими друзьями у одного пруда, да и не пруда, лужи какой-то. Про то, как заигравшись, закинула одного из них в воду. А потом и другого. Как гневался на это водяник местный, и как проучил его за непочтительность мой дружок.

— Вы не подумайте, он вообще-то очень интеллигентный и хорошо воспитанный. Просто когда некоторые достанут, — покосилась я на притихшие камыши, в которые спрятался водяной, — мы все способны на многое. Вот и мой друг вспомнил все нехорошие слова, что, наверное, знал. Правда, надо признаться, ничего более пошлого я в жизни не слышала. В особенности в той части, где был подробный рассказ личной жизни самого водяного и членов его семьи. Помню, Аскар потом так смущался, мне даже его жалко стало. Да еще и дружки начали подшучивать. А водяной после этого даже заикаться стал. Еще бы, когда они так очаровательно улыбаются во все клыки, даже я нервничаю. В общем, я понимаю, почему водяник из того болота деру дал, такого позора при любой наглости не пережить.

Меня, конечно, слегка занесло во время рассказа, и теперь Калгн как-то подозрительно косился. И как только мелкие духи леса и русалка исчезли, фыркнул ну о-очень недовольно:

— Я так боялся, что это все правда. Значит, вот кто твои друзья и кто враги — демоны.

Пришлось кивнуть.

— Друзья у меня сильные, враги тоже. Но я не жалею ни о том, ни о другом. Чертыта — хорошие друзья, и я, пожалуй, по ним очень скучаю. Калгн, давай не будем об этом.

В тот вечер я действительно слишком скучала по ним, поэтому перед сном произнесла, как учил меня мой возлюбленный:

— Хабиби!

У единорогов я узнала, что оно обозначает: «милый, любимый». Так что я говорила это с чистой совестью.

М не нравилось это состояние неги и томности. И то, как сахарный сироп тек по венам. И ласка ветерка на щеках. Глаза открывать совсем не хотелось, но я все же пересилила себя и посмотрела вокруг из-под ресниц.

Он сидел на парапете балкона и смотрел на меня.

— Привет, — тронула улыбка губы.

— Я ждал тебя. Каждую ночь ждал. Ты веришь?

— С тебя станется. Ты всегда казался мне немного сумасшедшим.

— Почему? — даже не обиделся он, скорее заинтересовался.

— Ну, чтобы решиться взять меня в жены, надо быть не в своем уме.

— Да. Тогда я действительно сумасшедший. Я без ума от тебя.

Ну, в общем я не знала, что ответить ему. И даже покраснела.

Конечно, я могла сказать, что люблю его. Но на этом бы и закончилась моя вольная жизнь. После этого признания он не дал бы мне жить вдали от себя. Да и я уже не смогла бы. Мы оба знали это. И молчали.

Иногда я поражалась его терпению. Ждать, пока повзрелею. Отпускать меня на все четыре стороны, а при моей везучести — и в рай, и в ад. Другой давно уже перекинул бы упирающуюся девчонку через плечо и увез в свой дом. Только ничего хорошего из этого не вышло бы, только разделило бы нас еще сильнее. А этот терпит, знает ведь, мерзавец, что сломать меня не получится. Захочу, сама приду.

А я захочу. Однажды захочу. Каждому нужен дом и те, кто любил бы. И мне нужен. Он нужен. Очень.

Ну что за мука, как же хочется сейчас его объятий — теплых, родных, нежных. Как тогда прижаться к его груди и просто замереть. Просто слушать биение сердца.

Любимый, ну как же мне разобраться с собой? Как справиться с этим?

Я смотрела в сторону, он смотрел на меня. Знал ли демон о моих терзаниях или просто из солидарности молчал? Разве их поймешь.

Сев, я осмотрелась вокруг и, сама не знаю чему, улыбнулась.

Хорошо здесь было, во сне.

Город мерцал россыпью огней, взлетая в небо тысячью шпилей и куполов.

Встав на парапет, посмотрела вниз.

— Мои сны часто сбываются, — заговорила я. — Сегодня один из них спас мне жизнь. Сны напророчили мне тебя, сны предвидели смерть и духа надо мной. Сбудется ли этот?

— Если ты захочешь. Когда ты захочешь.

— А если не захочу?

Он опустил голову.

— Тогда мне останется только он, этот сон.

Легкий ночной ветер развеивал ткань моего одеяния, ласкал пряди распущенных волос, как рука старого друга. Как мог бы он... другой. Я смахнула набежавшую слезу.

И села на корточки рядом с ним, так, как будто пыталась заглянуть в лицо:

— Ну зачем я тебе такая? Почему ты не смиришься? Ничего у нас не получится.

— Откуда тебе знать, получится или нет, если ты даже не пробовала, и шага на встречу не сделала. Лишь только бегаешь от меня. Тяжело все время в одиночку бороться за это «нас». Что я тебе плохого сделал? — Заметив, как я приподняла бровь, он вроде недовольно сказал: — Ну, кроме того, что пошел на этот риск.

— Ты заставил меня. Вроде бы не дурак, но неужели не понимал, мне никогда не простить этого.

— Не понимал, — развел руками демон. Чуть не скинув меня при том. Я-то помню, что нам нельзя прикасаться друг к другу. — У асуров это совершенно нормально, мы так всегда поступаем. Я понял, что наделал, только когда ты сама сказала. Неужели ты никогда не простишь меня за это?

— Простить, может, и прощу, но как забыть.

— А как мне жить без тебя? — Он провел рукой вдоль моей щеки, породив у меня внутреннюю дрожь.

— Раньше как-то справлялся.

— Это очень тяжело.

— Ну не грусти, прошу тебя. — Сердце начало болеть от любви и нежности. А я смотрела на него, не решаясь дотронуться. — Хочешь, я тебя рассмешу? Мне тут один единорог в любви признался. Забавно, правда?

Но демон почему-то не смеялся, а как-то излишне серьезно заявил:

— Передай своему единорогу, чтобы он даже думать о тебе забыл. А то станет безрогом.

— Какой ты жестокий! — хихикнула я, все же насторожившись.

— Угу. В особенности когда дело касается того, что принадлежит мне.

Я чуть не подавилась:

— И что будет, если я предпочту тебе другого?

Демон усмехнулся. Нехорошо так усмехнулся, у меня аж мурашки по спине побежали. Здоровые такие, с Калгно копытце, при том топая точно также.

— Я убью его. Учти это, Лилит. Я не потерплю существование этого «другого». Для тебя мой гнев не страшен, тебя я и пальцем не трону. Но соперника убью.

— Кто бы им ни был?

— Кто бы им ни был.

«У-у, — подумала я, — вот попала!»

А демон обжог меня взглядом:

— Что ты задумала, малышка?

— Просто человеческие брачные правила не такие строгие, как ваши. Нам колечко не указ, — старательно ухмыляясь, дразнила я, надеясь перевести все в шутку. — Я...

— Не надо, родная. — Мой возлюбленный демон все-таки соизволил встать и подойти. Близко, слишком близко. Если бы я только двинулась, то либо дотронулась бы до него, либо свалилась бы в сверкающую пропасть города. — Ты сделаешь мне больно. Неужели тебе хочется именно этого?

— Нет. — Мне хотелось прижаться к нему, хотелось хоть немного побыть счастливой. — Я хочу дотронуться до тебя. Что за жестокие рамки волшебства?!

— Потому что это лишь сон. Твой и мой.

— И как долго он будет длиться?

— Волшебство разрушится, как только потухнет последняя звезда, — кивнул он на светящееся небо.

— Так скоро, — ужаснулась я. — А нельзя чтобы она подольше не гасла?

— Я постараюсь, — серьезно посмотрел он на небо.

— Хорошо иметь всевластного поклонника, — хихикнула я.

— Только всевластного мужа еще лучше. Может, стоит попробовать? Обещаю, тебе будет со мной хорошо. Я ведь все сделаю для тебя. Все! Конечно, я понимаю, что наверное опоздал с этим, но... ты выйдешь за меня замуж?

— Э-э! А от ответа будет что-то зависеть?

— Нет, — покачал он головой. — Ты все равно будешь моей. Когда-нибудь. Я только этим «когда-нибудь» живу. — Асур провел рукой вдоль моего плеча, и стало понятно, что он тоже, как и я, едва сдерживается, чтобы не обнять меня.

Мы так и слушали дыхание друг друга, пока на небе не осталась одна единственная звезда. Я не хотела расставаться, но волшебство нашего сна подходило к концу. Становилось невыносимо страшно. Я с мольбой в глазах посмотрела на него.

А он лишь на мгновение крепко прижал меня к себе.

— **Ч** то у тебя с лицом?

— А?! — посмотрела я на единорога. — Что у меня с лицом?

— Да и с головой не все в порядке, — решил Калгн. — Ты чего вся такая опухшая. Глаза вон красные.

— Песчинка попала.

— Это ты из-за песчинки все утро прорыдала?

— Чего тогда лезть, если и так все знаешь, — разозлилась я. Мы сидели на опушке небольшого леса и слушали птиц в ожидании Эдрра и его свиты. — Подслушивал что ли?

— Нет. Будить тебя пришел. А ты плачешь так, что все звери в округе заткнулись от такого концерта. Только волки поддержали. — Я шлепнула его по здоровой спиннице, чтобы не завирался. Только руку отшибла. — Что-то случилось?

— Ничего из-за чего стоит волноваться. Можешь списать на мои «женские нервы», так

папа мой говорил. Для него это был аргумент, оправдание любых истерик. Мудрый был человек. И в этом кое-что понимал. У него было три жены и семь дочерей. Папочка говорил, что женщинам просто необходимо внимание и никаких истерик не будет. Главное их занять. Хоть вышивкой, хоть сплетнями, хоть новым любовником.

— Пожалуй, твой отец действительно бы мудрым, Лилитана Вольская.

Я обернулась на голос Эдрра.

— Он был великим, — склонила я голову. — Просто ему досталась не та дочь.

— Если бы она была другой, думаешь, и все было бы по-другому?

— Да. Я бы принесла меньше боли тем, кого люблю.

— Тогда принес бы кто-то другой. Только возможно еще больше. Ты об этом не думала?

— Да куда уж хуже.

— Не будь ты сама собой, думаешь, спас бы кто-то твоего брата?

— Откуда вы знаете? — удивленно уставилась я на единорога.

— Ты слишком странная особа, чтобы ни проверить твое прошлое.

Увидев, как я нахмурилась, Калгн пояснил:

— У нас есть тайное место — озеро, в котором можно увидеть все, что только пожелаешь. Всего лишь надо попросить. Раньше мы не знали твоего имени и не могли проверить. Да и сейчас это не особенно надо, ты доказала нам, что достойна доверия. Но эта бюрократия!

Я засмеялась, представив единорога в очках и напудренном парике, облаченным в черную мантию и сжимающим свиток. Ну и колданула на дружка морок. Колоритная получилась картина. А как ему парик пошел, у-у.

Калгн, одуревши от всей этой красоты, помотал головой. Жаль, такой морок разрушил.

— Идем, прогуляемся, — позвал красавец Эдрр. На что я кивнула.

Мне понравилось гулять в компании сразу двух единорогов, к тому же таких любезных. Калгн носился кругами, много болтал и вел себя как обычный молодой пареньек, ну если не считать, что он был конем. Эдрр же наоборот степенно шел рядом, посверкивая своими дивными глазами на проделки сына.

— Ну, Лил, что ты собираешься делать дальше?

— Хм, — озадачилась я. — Как-то еще не думала. Меня вело сюда перо Вирь-авы. Матушка помогла мне сделать первый шаг, а дальше я должна идти сама.

— Трудную дорогу ты себе выбрала. Не боишься?

— Что вы, конечно... боюсь. Но как говорится: «Волков бояться, зубы отрастить!» Как, у меня получается? — продемонстрировала я фирменный оскал асуров.

Калгн, отвлекшийся на ловлю проныры-зайца, подскочил к нам и тут же шарахнулся в сторону, оценив мою «очаровательную» улыбочку.

— Ой, чего это у тебя?

Демонстративно нарастив себе еще и длинные лезвия-когти да большие звериные уши с кисточками на кончиках, я бросилась на единорога, завизжавшего от неожиданности, как испуганная шавка. Подумав, пришипандорила к своему задку еще и хвост. Неплохо получилось.

Бедный единорог испуганно покосился на меня и бросился прочь. Я понятное дело — за ним. Пару раз даже умудрилась укусить за объемный зад. Единорог испуганно верещал сквозь смех и звал спасти его от «жуткого оборотня». В итоге я обхватила его за сильную шею и повисла.

Повалившись на землю, единорог попытался меня скинуть и даже перевернулся разок, но только так, чтобы ни придавить меня. Я засмеялась и укусила его за ухо. Калгн оторопел от подобных вольностей, позволяя обнять его и уткнуться носом в густую, блестящую, словно на дню по пять раз расчесанную гриву.

Единорог тут же почувствовал смену настроения и настороженно покосился на меня:

— С чего эта грусть?

— Мне надо уходить.

— Зачем?

— Ну, понимаешь, Калгн, я и в дорогу-то пустилась, чтобы себя понять. А что тут поймешь за этими крепостными стенами. — Я села подле развалившегося на молодой травке пестрого лужка единорога. — Здесь хорошо, тепло и привольно. Но только мир за этими скалами не кончается. Там есть что-то еще. И я хочу это увидеть и понять.

— Что ты такого хочешь понять? По-моему, все предельно ясно — ты сильная магичка с вредным характером и... странным подбором друзей.

— Так-то оно так, — засопела я, поглаживая шелковистую шкурку единорога. — Только знаешь, шabutная я. Вечно не знаю, чего хочу. Того или этого, вверх или вниз, направо или налево. Белое или черное. Ну что за паскудный характер? — сокрушалась я.

— И куда ты собралась направиться? — возник рядом Эдрр.

Я пожала плечами.

— Вперед. А там посмотрим. Дорога куда-нибудь да приведет.

— Ох, чувствую я, придется тебе поплутать по выбранному пути. Темен он и тернист. Но ты правильная девочка. Справишься.

— Постараюсь. К тому же я так до конца и не выполнила наше соглашение. Шалу мы не покарали. Но я с ней еще поквитаюсь.

— Не сокрушайся так, девочка. У тебя все бы получилось, если бы не вмешательство одного чересчур горячего юнца, — покосился в сторону сына вожак.

Калгн пристыжено спрятал глаза, накрыв их копытом. Не, ну я иногда поражаюсь на этого единорога, ведет себя как шавка какая. О-очень большая шавка. Вот что значит единороги, зови их после этого банальным — лошадки.

Помнится, когда самая младшая моя сестричка Альберта впервые увидела коров, а было ей тогда лет шесть, тоже в восхищение кричала, тыкая маленьким пальчиком в черное с белыми разводами стадо: «Смотрите — лошадки!» Хм, что поделать, королевское воспитание. Этикеты там разные, танцы, уроки галантности и политики, не до коровок как-то.

Скучаю я по ним очень.

— А в ваше озеро можно мне посмотреть?

— Ну, если хочешь.

— Еще как хочу! Я же о таком только слышала.

Единороги повели меня в неведомый мне ранее тайный уголок долины. По дороге мы вновь сцепились с Калгном, а его отец лишь посмеивался, глядя на нас сверкающими мудрыми глазами.

— Вижу, вы крепко сдружились.

Песчаный красавец положил голову мне на плечо и вздохнул:

— Если бы ты была единорогом!

— Что тогда? — вроде заинтересовался папаша.

— Я бы не раздумывая посватался.

Засмеявшись, я сказала:

— Знаешь, Калгн, тебе тут велели передать, чтобы ты забыл об этом. — Я потерла кончик носа. — Обещали рога поотшибать.

Единорог даже остановился, оторопев от такой наглости.

— И кто это там такой рисковый? — выпятил он свою мощную грудь. Вот ведь мальчишка!

Эдрр понятливо покосился на меня и вроде усмехнулся.

— Да есть там один примечательный типчик, с парой рожек, хвостом и вот такенными клыками, — продемонстрировала я. — Ревнивый шибко.

— Дружок что ли твой, в болоте топлёный?

— А кто их знает, — лишь пожала я плечами, — чертей разноцветных.

— Ну, вот и озерце.

Деревья как-то разом расступились, продемонстрировав нам идеально круглый прудец. Аккуратненький такой, миленький.

— Скажи, кого ты хочешь увидеть, погрузив в воду руку.

Я подчинилась. Вода оказалась ледяной, разве что коркой не покрылась. Но я перетерплю.

— Беатриче Эрнест Вольская.

Вода пошла рябью и показала мне такой милый лик сестрицы, словно отражение в зеркале.

Таким образом, я увидела всех своих братьев и сестер.

Пальцы были уже конкретно отморожены, а силы покидали, тонкой струйкой убегая в холодные воды озера. Но мне вдруг захотелось увидеть еще одного человека. Точнее, нечеловека. Небога. Асура.

— Покажи мне... Данталиона, повелителя ветров.

Рябь перешла в значительные волны, а когда улеглась, я увидела свое рогатое чудо с воздушными крыльями.

Помилуйте, какие же у него глаза! Не утонуть, заблудиться немудрено.

На сердце не то что потеплело, запылало. Я с упоением смотрела в это такое родное лицо, пока неожиданно не очнулась, как ото сна.

Стерла глупую улыбку с лица и вынула руку из воды.

Ну, рукой эту трупную окоченелость можно было назвать с большой натяжкой. Я потрясла пред своим лицом этим обморозком и посмотрела на Эдрра:

— Вы, кажется, говорили, что здесь можно увидеть и прошлое?

— Говорил. Но с тебя уже хватит.

— Вы об этом, — кивнула я на готовый отвалиться, как у ящерицы, омертвевший кусок плоти. — Вылечу, мои руки то. Что надо сделать?

— Все тоже самое. Только скажи, что именно хочешь увидеть.

Я засунула бесчувственную руку в воду и сказала:

— Покажи мне то, что произошло четыре года назад у Вольской столицы. Покажи, как меня убили и как я ожила.

Растерзанное тело тонкой хрупкой девочки бесчувственной куклой лежит на земле. Грудь разорвана, бедро распорото, руки в ссадинах, грязная, вся в крови. И нет ей дела до того, как гибнут вокруг демоны, как их кровь льется, смешиваясь с ее.

Что-то в небе закричало и осветилось тысячью огней...

И стало страшно, когда бестелесная птица ринулась в бой.

Только бесцветные, блестящие глаза рассматривали пустую, как осушенный сосуд, девчонку. От этого колкого и острого, словно тысяча клинков, взгляда не укрылось ни то, как временами вздрагивало тело мертвячки, ни осветившиеся расписные руки, ни сияние колечка на безымянном пальце левой руки.

Демон встал, подобрал ее меч и дождался, когда дух наконец-то на него посмотрел. А затем с силой вогнал в и без того разорванную грудь.

Дух и девчонка кричат в один голос, им больно.

А демон встает и уходит. Довольный исходом дела.

В карих глазах девушки зажигается и медленно потухает боль. Она поднимает руку к своей собственной душе...

А затем умирает.

Дух заметался, зашипел, растеряв свои сверкающие перья.

Не в силах пережить, он бросается вниз и растворяется в теле девушки.

Секунда, одна, две, пять...

Тело выгибается и стонет. А рана на груди зарастает. Лишь меч пригвоздил тонкое девичье тело к земле, словно иголка бабочку.

— Все, хватит!

Я ударила по воде.

Все равно непонятно.

Я была мертва, дух должен был уйти.

— Теперь вы понимаете, — обратилась я к единорогам, вставшими над моей сжавшейся в комок тушкой, — почему Лилит Вольская мертва. Забавная была девчонка, только доверчивая. Такие долго не живут.

Сил не было даже на то, чтобы разморозить руку. И я предпочла скрыться от ноющей боли в сладких топях сна.

— *Это самоубийство, — покачала я головой.*

— *Или это, или девчонка умрет, — покачал головой толстый индюк в цветастом щегольском костюме, расходившемся на его жирном теле по швам.*

— *Думаете, мне, магиане, есть дело до какого там отребья?*

— *Ну, как угодно, милочка.*

Что-то происходит, я оборачиваюсь и вижу, как сотрясает тело худенькой гибкой девушки, стоящей на коленях рядом со мной. А затем она бездыханной падает на пол.

— *Теперь твоя очередь. Ну, ты будешь послушной? — тянет он ко мне свои руки.*

— **Т** аня, ты кричала!

— Закричишь от такого.

— Что случилось? — единорог заботливо обнюхал мои свалевшиеся за пару дней волосы.

— Как всегда. Ну почему мне снятся лишь плохие сны? Ну, за исключением волшебных. Как я устала от этих кошмаров. Когда же это прекратится? — Я потеряла лицо руками, изгоняя остатки сна. — Калгн, а ты не помнишь, что вчера было? Я ни черта не помню. Хотя нет, помню, — расплылась я в улыбке. — Одно. Мы случаем вчера не пили? А то мне это никогда хорошо не удавалось. Вадик говорит, что для меня алкоголь хуже дурман-травы.

— Не пили. Ты, правда, чуть не искупалась. Просто Зерцало тебя осушило, что пустынный после трехнедельного перехода — стакан воды. Ты чувствуешь-то себя как?

— Будь я по жизни пессимистом, сказала бы — как полупустой стакан. Голова раскалывается. — Я обхватила шею зверя и прижалась к ней. Проверив собственное состояние, я захотела дать кому-то в нюх. — А это что? Какой гад рогатый в меня столько чуждой магии запихал? Что, кому-то жизнь сахаром кажется? Так сейчас подправим.

Единорог застриг ушами и покосился на меня.

— Да ты труп напоминала. А рука у тебя вообще чернеть начала. Что нам было делать?

— Ага! А я думай, с чего у меня такое похмелье. Намешали. Как будто мне асуров не хватало, с их майя.

— Ну, прости!

— Ну, прости, — передразнила я дружка. По случаю утра и плохого настроения мне пришлось в голову похамить. — Сразу видно — лошадь. Ой, как плохо-то! Интоксикация у меня.

— Чего? — обалдел Калгн.

— Отравление переизбытком и смешением магии, — пояснила я. Надо же, не зря в Академию ходила. — В следующий раз пусть лучше рука отвалится. Да, что-то я вчера погорячилась. Как будто на рожу Хананеля в кошмарах не насмотрелась.

— Это тот блондинчик что ли?

— Блондинчик, — кивнула я, крепче прижимаясь к теплому бочку единорога. — Повелитель металлов, что б его перекосячило. Морда чугунная. С каким удовольствием я его попинаю.

— Это он вражина твой?

— А как же, он голубчик. Мразь ржавеющая. Найду, на шпильки сестричкам разделаю. Бр-р, холодно-то как.

— Тебя знобит.

— Угу. Слушай, Калгн, ты влюблялся?
— Конечно. Я в тебя влюблен.
— А в двоих сразу?
Единорог озадачился.
— Нет. Так меня вроде еще не сконфузило. А что? Тебе это зачем?
— Да вот думаю, как жить дальше буду. И как бы мне в дружках демонах разобраться. Вечно у этих чертей не как у людей.
— А как?
— Через одно место. Откуда хвост растет. Ух, я им эти хвосты в следующий раз в косичку заплету, будут знать, как честным девицам голову морочить. А этому чуду крылатому вообще по рогам надаю, чтоб больше не скалился во все клыки чужим невестам. Думать-то надо что делаешь. А то ведь попадают такие любительницы экстрима и ярких ощущений. Нет, Калгн, ты меня, конечно, извини, но все мужики — козлы, наворотят дел и в кусты. «Пока малышка, встретимся через пару лет». Тьфу! А ты что хочешь, то и делай. Самцы, никакой ответственности.
— Э-э, я тебе не мешаю?
— Что ты. Кому я еще поплачусь. Вадику, так он потом меня достанет. Или, пожалуй, сболтнет что-то не то. Больше и друзей-то нет. Я последний раз по душам разговаривала еще когда... живой была. Да и то, словно корабль на рифах, лавировала меж опасных тем. Корабли лавировали-лавировали, да не вылавировали. — Я тяжело вздохнула. — Люблю я его, понимаешь?
— Кого?
— Обоих. Только один меня выбрал, а другого выбрала я. Вот и вся разница. Кроме, может, трона. Только на кой мне трон? Прости меня, Калгн. У меня голова уже разрывается, так хочется хоть с кем-то поделиться.
— Ничего. Я понимаю.
— А я нет!

Д олина расстилалась за спиной зелено-голубым ковром. А я шла дальше. Точнее назад.
Ну, вот и все.

Глава 6

Если вас съел дракон...

У меня по коже бежали мурашки.
Не люблю я кладбище. Не боюсь, не чувствую омерзения или той присущей живым ненависти. Просто не люблю.
За холод, за сырость, за мертвяков.
Ну вот, кажется, вновь влипла.
Начнем с того, что заплатить мне обещали не шибко много — с десятков золотых. А по рассказам местных крестьян, не один маг убежал с этого заброшенного кладбища, сверкая пятками и громко матерясь на всю округу (тем самым всякий раз приносились сюда плоды просвещения, ибо уже с утра даже дети малые начинали бросаться новыми словечками). Но только я не маг, я магиана. Пожав плечами, смело ринулась в бой.
Ну, не в бой, в засаду. В нудную выматывающую скучную засаду.
Первые холодные ночи застали меня не в лучшем виде. Теплая куртка, заговоренная от промокания и раздирания, как-то неожиданно утопла во время охоты на водяную змею, новые блестящие сапожки пооббились носами, рубашки превратились в тряпье. Так что сижу я сейчас на заранее принесенном ельничке и дрожу от холода.
Даже огненная саламандра, примостившаяся на груди, не помогает.
Начал накрапывать дождик.

Ну-ну, решила я, что еще у нас новенького?

Третью ночь здесь кукую, хоть какая гадина бы наконец выползла. Руки чешутся накатать по полной, выместив все то, что накопилось.

По спине прошли мурашки, скрываясь где-то в районе лопаток. Чуть вздохнув, я кинула в рот последнюю карамельку и вздохнула.

Встав, я деланным жестом стряхнула с плаща прилипшую еловую иголку и обернулась.

Хм, никого?!

Но мое звериное чутье редко подводит. Оно скорее пропустит нежить, чем подкинет ложную тревогу. Этому чутью я доверяла, а значит, враг есть.

В руках выросли огненные клинки, бросая «веселенькие» отсветы на ближайшие кособокие могильные холмики.

Запомните раз и навсегда, никогда не идите против чумной девки с холодным оружием в руках. Чумным терять нечего.

Только здесь меня подвела моя же выучка, я так активно всматривалась в окружающие предметы, что пропустила что-то более важное.

Боковым зрением выхватив движение, развернулась и рубанула воздух.

И от клинка отскочила тень.

Да нет, не тень, что-то темнее, непроглядней, тоскливей. Такие тени откидывает боль.

Поняв, что я их заметила, тени выплыли мне навстречу, перестав прикидываться. Их было трое, непроницаемые огромные кляксы в виде человеческих фигур.

Тени медленно подплыли ко мне и начали плясать.

А я пыталась судорожно припомнить хоть что-то. Ну да, проходили. Бестелесные духи, тени умерших преступников, проклятых и похороненных без должных ритуалов.

Духи!..

Погасив огненные клинки, я свела руки домиком и прошептала охранное заклинание. Затем махнула, послав в ближайшего молнию. Тени это явно не понравилось. Она дрогнула и бросилась на меня.

Ну да, я та самая дура, которую можно так легко сцапать.

Прошептав заклинание, я выставила руки вперед ладонями, и они тут же засветились осколками солнца. Лучи, вырвавшись из пальцев, резали аморфные тела теней, будто горячий нож масло. Лемурии стонали и пытались сбежать, но «Божественный Свет» не давали им вырваться. А я едва стояла — заклинание было слишком изматывающим.

Саламандра на моем плече затрещала, и я едва успела увернуться от силового удара тени, бьющейся в конвульсиях. Лишь кончик ее вытянутой руки смог зацепить меня за ноги, подсекая словно плетью.

— **В** се, Уголек, заканчиваем этот балаган! Надоело, слышишь, надоело. — Я чихнула. — Ну вот, простудиться только не хватало. Еще бы, почти два часа в луже провалялась. Ну, чего смотришь, вот замерзну, умру, что тогда делать будешь? — Саламандра ткнулась горячей головой в мою холодную щеку и вздохнула. — Ладно! Не умру. Только ты меня не оставляй.

Мы, наконец, выбрались из завалов старого кладбища, и я засемила к стоявшему на холме дому старосты. Ворота раскрылись передо мной сами, выпуская траурную повозку.

Заметив меня, возникший икнул и вылупил стекловидные глазенки.

— Никак за моим хладным трупом собрались? А вот она я! — И продемонстрировала клыки.

Крякнув, мужичонка завалился на бок. А я прошла мимо, похлопав по крышке стоящего на телеге гроба.

Похоронить меня решили, ха.

Да я плюну в лицо тому, кто кинет в мою могилу первый ком земли. Просто потому что предпочитаю кремацию.

Легким движением раскрыв двери, я вошла в натопленную кухню. Хозяйка с черной

девкой посмотрели на меня не лучше мужичка. А я махнула на них рукой и как к родной прижалась к теплому боку печки. Саламандра тут же нырнула за заслонку — погреть свои косточки в открытом огне.

— Дайте попить чего-нибудь горячего.

Мне в руки сунули глиняную чашку с ромашковым отваром. Я не глядя осушила ее и только тогда тяжелым мешком свалилась на скамейку.

— Все, хватит! Пора на покой. Шучу, — покосилась я на вылезшую и страшно смотрящую на меня саламандру. За время наших скитаний она стала моей совестью. — Надо возвращаться в большой город. Морозы уже не за горами. Любезные, где мои вещи, не подскажите?

— В комнате вашей, госпожа, — поклонилась служанка.

— Сходи, пожалуйста, туда, принеси мешочек, что на столе лежит, да карту.

Поймав ключ, девчонка исчезла в доме. А хозяйка протянула мне плошку с горячим вчерашним супом и села на краю лавки.

— Значит, справилась с нечистью?

Я кивнула, засовывая в рот моченый в густом бульоне сухарик.

— И что за душегуб это был? Скольких он наших до умопомрачения довел. Скольких погубил.

— Да лемурии. Души преступников. Неупокоенные. Они способны запугать любого, а некоторые сходят с ума после общения с ними.

— И как же ты с ними?...

— А меня не запугаешь. Тоже мне — души. На мою бы посмотрели, не так заверещали. Чем они меня напугать могут? Исподнее свое показать?

— И откуда такое бесстрашие взялось, — хмыкнул хозяйский сын, стоящий в дверях.

Наивный думал, его не слышно.

— Результат неправильного воспитания. — Я облизала ложку и довольно вздохнула. — Ну, теперь можно пойти поспать. А завтра уезжаю. Так что если кому что надо, пусть приходят вечером. А вот и Ефросинья с моей картой.

И действительно, появилась служанка — невысокая, хрупкого вида девица с длинной темной косой. Ее щечки залила краска, когда она была вынуждена проходить мимо Ивана, сына старосты, занявшего половину дверного проема.

Я чуть заметно ухмыльнулась. Тут даже приворотные зелья не нужны, само все сложится, если не дураки, да родители не влезут.

Ну, а с этим мы разберемся.

— Спасибо, Фрося. Какие у тебя ручки-то ладные, дай посмотрю. — Я сграбастала рабочие, привыкшие к труду ладошки и долго рассматривала линии. Затем деланно покачала головой. — Повезло тебе, девица, богатой будешь. Да счастливой. Детки здоровые у тебя народятся. Да люди уважать будут.

Девчонка зарделась еще больше и отвела глаза. Ну, а хозяйка намотала на ус.

Разложив карту на столе, я подобрала под себя ноги и начала водить пальцем.

— Так, здесь я была, отсюда меня выгнали, здесь полно завистников, здесь мне вообще лучше не появляться. До Жарена я еще не доросла. Карнал... нет, тягаться с его Академией что-то не хочется. А вот Табольск... что же, пойдет. И название мне нравится. Что за городок, не знаете? Перезимовать-то там можно, или от скуки помру?

— Не советую, госпожа. Я там был. Город большой, стоит на караванном пути. Народа много. Но и бандитов не счесть. Мутный городок.

— А Академия там есть?

— Нет. Табольск не столичный город, своей Академии Магии у них нет.

— Это хорошо. Там, где есть Академия, нет заказов для таких одиночек, как я. Крупные заказы выполняют учителя и архимаги, за мелкие берутся многочисленные студенты. Чужака там не потерпят. А уж меня тем более. Там и своих прохиндеек полно. Ну что ж, Ефросинья, заварите мне, пожалуйста, вот эти травки. Проснусь, выпью. До вечера

меня не будить.

Позже мне удалось заработать на мелких делишках еще полдесятка монет. Ну, а утром отправиться в недельный путь до Таболяска.

Время уже поджимало, надо было укладывать гидру спать, а нам с Угольком искать уютную норку на время зимних морозов.

Что поделаешь — осень.

Однажды поутру, едва высовывая нос в холодный туман, я улыбнулась. На краю свернутой котомки, приспособленной под подушку, лежала коробочка. Под оберткой скрывалось письмо.

«В городе тысячи огней, я каждый день скучаю по твоим глазам, моя милая. И вечер стал временем надежд, а утро — тоски. Не забывай обо мне. С годовщиной!»

Только теперь мне вспомнилось. Ровно семь лет назад я надела белое кольцо, означавшее начало и конец всего. Наше обручение.

Семь лет!

Открыв коробочку, я обнаружила потрясающий витой серебряный браслет, усеянный самоцветами. В центре его переливался золотом удивительнейший кошачий глаз. На моем запястье он сидел очень ладно.

Судя по сияющей физиономии саламандры, подарок принесла именно она. За что я погладила ее по гребню.

— Он тебя послал? Если увидишь его еще, передай, что я... — пришлось набраться силы, чтобы сказать, — я люблю... Нет, не надо. Сама сегодня увижу и передам. А то ты у меня так почтовой вороной станешь.

До Таболяска оставалось еще три дня пути, вот я и решила заглянуть в ближайший городок, прикупить новую одежду, чтобы не голодранкой прийти, да и без куртки становилось тяжело.

Лавочки здесь были так себе, но цены по сравнению со столичными на порядок дешевле. По случаю я даже изловчилась купить себе платье. Красивое, с длинными рукавами, узкое по талии и с глубоким вырезом. Цвета корицы, с золотистой тесьмой. Ничего особенного, в принципе, но оно мне так шло.

Еще я прикупила пару новых рубашек, надеюсь, хоть на первое время хватит, теплые с завышенной талией брюки и, конечно, куртку, подбитую пухом.

Жуя вкусный пирожок с курицей и лисичками, я шла по главной городской улочке, ведущей к площади.

А там народ веселился. Растолкав всех локтями, а порой и хорошей порцией тока, я пробилась вперед и с интересом посмотрела на предоставленное зрелище. В клетках сидели трое.

Два здоровых мужика и пацан с длинными грязными космами.

— За что это их так? — кивнула я стоящему рядом мужичку.

— Дык преступники. Эти вот двое — убийцы да ворюги. А девчонка пособница ихня. Болтают, она их под топор и подвела.

— Так они ее и подставили под монастырь, — хмыкнул купец в шелковой рубаше, стоящий по правую руку от меня. — Говорят, ножичком пырнули и оставили на месте преступления, а она возьми, да выживи. И все про них на допросе рассказала. Чтобы знали.

Я кивнула и посмотрела на третьего, как оказалось — девушку. Молодая, тощая, что кошка бродячая, бледная. Жалко мне ее стало. Сама ведь и на острие напарывалась, и в переделку попадала не раз.

— Что же теперь с ними будет?

— Мужиков завтра поутру казнят, а девку бичом поласкают, руки поотрубают и вышвырнут за ворота. Воровка, может чему ее это и научит, — пожал плечами купец и

пошел дальше.

— Ага, если подельники к утру не пришьют, — крикнул мужик.

А у меня в глазах потемнело от гнева.

Пробившись ближе, я встала возле клетки, посмотрела на дюжих мужиков и прорычала сквозь клыки:

— Хоть пальцем тронете девчонку, души ваши прокляну. В лемурию обращаю! Все поняли, хлопчики? — Для показательности я еще и искр из глаз пустила.

Те вроде впечатлились.

— Зачем?

Готовая уйти, я обернулась. Из-под грязной челкой на меня смотрели ясные голубые глаза.

— Женская солидарность, — пожала я плечами.

— Пусть лучше убьют. — Девчонка отвернулась.

Глупая, тогда все будет зря.

Остановилась я на самом заветшлом постоялом дворе. Приготовления вышли недолгими.

В полночь я стояла за домом почтенного градоправителя и сжимала в руке скляночку.

Как только часы пробили двенадцать, швырнула ее под ноги и активировала заклинание. Повалил густой туман. Стражники сначала очень удивились и пошли за подкреплением, но далеко уйти им не дали, сонное заклинание пустилось следом за туманом.

Теперь надо действовать быстрее, а то скоро набегут здешние маги, почуя чужую ворожбу, да развеют все мое прикрытие.

Лисой пробежав по площади, я встала возле клетки. В руках возник маленький хрустальный шарик деактивации, который я ввела в тело девчонки. Она тут же открыла глаза.

— Ты?

Я приложила палец к губам.

— Замки открыть сможешь? Они магические.

— Эти-то? — скептически покосилась я на запоры. — Прости, но это даже не магия, так, детские игрушки. — Сделала легкий пас, и замок с легким скрежетом открылся. Только в тишине это прозвучало как набат. — Идем.

Ухватив девушку за руку, я потянула ее в сторону. По началу она вроде сопротивлялась, но потом безропотно пошла за мной. Еще бы, увидев, как я легким движением разметала бегущих к нам с другого конца улицы стражников.

Еще три взмаха и сложный пас, и рядом идут два припозднившиеся домой забулдыги.

До самого постоянного двора девица молчала, но когда я завела ее в свою скромную (какое высокое слово для этой норы!) комнатку, уже не смолчала.

— Что ты делаешь, ведьма, жить расхотелось? Зачем лезешь куда не надо, кто тебя просил?

— Никто. Мне просто хотелось помочь.

— Зачем?

— Тому, кто когда-то помог мне, тоже когда-то помогали. Не разрывать же причинно следственную связь. Может и ты кому поможешь, а этот кто-то спасет тех, кто не дал мне погибнуть.

— У, какая добренькая. И откуда только такие берутся.

— Нарождаются. Из крови родятся. Глупая ты, таких простых вещей не видишь. Вот, залезай в бадью, помойся. А то разит от тебя...

— Посидишь с мое, и не так разить будет.

Я хмыкнула, но на ус накрутила. Сидеть в тюрьме мне еще не доводилась. Обычно я сбегая раньше, чем меня до ближайшей клетки доведут.

— А если за нами придут? — вдруг обеспокоилась она, уже почти раздевшись.

— Пусть. Кто сказал, что это я там пакостничала. Не бойся, пока нам ничего не грозит,

следы я хорошо попутала. — С руки прямо в воду, совершив двойное сальто, прыгнула саламандра. Проследив за этим непотребством, я добавила. — А завтра я выведу тебя из города. Не впервой бежать, да Уголек?

Саламандра довольно фыркнула, ярко сверкнув угольками глаз. Черными, с красным отсветом на дне. Своей хитрой физиономией она мне Бали напоминала.

— А что это? — ткнула девчонка в зверушку, вновь примостившуюся на моем плече, хоть бы, гадина, сначала обсохла.

— Это Уголек. Она тебе воду грела. Ты ее не бойся, она не трогает тех, кто меня не обижает.

— Зачем было греть, я что, барыня какая, — заворчала девчонка, залезая в бадью.

Худая она была, кости вон торчат, да синяя от синяков.

— А что, только барыням в горячей воде лежать да бока греть? — Перебрав свою походную сумку и найдя нужный пузырек, я высыпала содержимое в бадью. Сунув туда руку, хорошенько размешала.

— Эй, ты чего?! — сжалась в комок девчонка.

Ах да, скромность! Все демоны Тантраса, когда она у меня заведется?

— Никто тебе плохого не сделает. Мойся. Вот тебе раствор, колтуны на голове промоешь. Здесь одежда, на подносе еда. А я пока пойду Бинки проверю. Надо, чтобы к утру она готова была. Только ты уходить не смей, ну или хоть предупреди, если что. Тебя кстати как звать-то?

— Катинка.

— А я Таня. Будем знакомы.

Пришла я только где-то через час. На краешке койки лежала девушка, теперь-то становилось понятно, что ей за двадцать. Льняные волосы разметались по одеялу, рубашка с портами оказались велики и бережно подогнуты. Спокойное дыхание говорило о смертельной усталости.

Жалко мне ее. Может она и воровка, да только я не лучше, сама сколько раз людей обманывала да плутовала. А страдать ей не обязательно. К тому же похоже, девушка не имела в этом городе хороших связей и покровителей, иначе бы ушла под чужое крылышко. Значит, и постоять за нее некому, да и руки новые нарастить вряд ли сможет, кто платить-то будет? Лично мне такие выкрутасы никогда не удавались. У нас по этому Мариша спец была.

Поморщившись, как от кислого, я отвернулась к окну и начала выплетать сеть заклинания.

Морок легко накинуть, когда он готовый, когда не раз отработан, а если придумывать все на ходу, то и морок получится кособокий, любой порыв ветра его в хлопья разнесет.

Пару часов я потратила на разработку и создание. Не торопясь, собрала сумки и только теперь заметила, как устала. А ведь еще надо силы беречь на содержание такого роскошества, как грамотный морок. Только солнце уже осветило восток, а значит, нам надо торопиться.

— Катинка, вставай, — потрясла я девчонку за плечо.

За что получила неплохой хук справа.

Сев на пол, я хорошенько призадумалась. А на кой мне это все!..

— Извини, рефлекс. — На меня смотрели такие голубые глаза, что гневаться я уж точно не смогла бы. Да и стоит ли переживать по поводу синяка на скуле.

— Хороший удар.

— А разве с моей профессией с другим долго проживешь. Я же воровка. Уж не знаю, чего ты там себе навоображала, но я не случайная жертва правосудия.

— А я бродячая магичка, — протянула я руку.

Катинка ее приняла и, дернув на себя с несвойственной такой щуплой особе силой, помогла мне подняться на ноги.

— Собирайся. Через пять минут выходим.

— А куда я без ботинок-то?

Вот об этом я как-то не подумала. И озадаченно потерла нос:

— Сейчас посмотрим.

По коридору разносился удивительно вкусный запах скворчащего в масле шпика и жареных яиц. Завтрак, с любовью подумала я. В ближайшую замочную скважину я сунула кончик пальца и прошептала заклинание сна, затем открыла и вошла. Ничего сложного.

Только помарочка вышла, здесь отдыхал здоровенный мужик с сапогами, в которые я могла бы влезть в валенках, да и то свободно бы оказалось. Правда, осмотревшись, я заметила длинный теплый плащ, подбитый мехом, такой в дороге бы пригодился. Да и не может же Катинка в одной рубахе ехать, холодно ведь. А новую куртку я пока носить не хочу, с моими талантами, да без магической поддержки еще до Таболяска в ней дырки появятся.

«Эх, гулять так гулять, воровать так воровать», — решила я и умыкнула плащик.

В соседней комнатке нашлось и искомое, довольно сносные сапоги, выглядящие даже франтовыми. Раньше они явно принадлежали этой надушенной мамзель, что почивает в постели с уса­тым мужичком.

Скинув найденное (хм, ну ладно, честно сворованное, хотя какое честно!) на пол перед Катинкой, я поспешно схватила вещи и сказала:

— Идем, но только тихо.

И мы прокрались, как две мышки. Согласна, одна мышь была явно сильно пьяной, потому как раз пять натыкалась на предметы, уронила вазу с давно увядшими цветами, вывихнула себе палец, и даже умудрилась свалиться с лестницы. При том оказалось, что данный грызун имеет такой словарный запас!

А к Катинке никаких претензий, ловкая, тихая девочка. И вазу поймала, и меня за шиворот придер­жала, и рот зажимала. За что и была нещадно покусана. Ну, это тоже рефлекс.

По дороге я прихватила еще и метлу, на что воровка съехидничала:

— Следы что ли замечать.

— Что за ведьма без метлы? — Погрузив все оставшиеся вещи на бедную Бинки, это так мою лошадку зовут, я кивнула: — Залезай.

— Как же ты?

— А я следы буду замечать. Садись, говорю.

В одном из темных переулков я навела морок, так что к только открывшейся заставе мы подходили уже готовые.

— Доброе утречко, — проскрежетала я старческим голосом. — Как служба, добрые стражнички?

— Нормально, батя. Вы куда с мальцом-то направились в такую рань?

Я перевела взгляд на «мальца».

— Дык господину надо к седлу с конем привыкать. Пора уже, пора! — улыбнулась я в морочные усы. — Не все же на завалинке валяются да о девках мечтать.

Катинка откровенно скривилась от такого. Еще бы, обрядила я нас занятно. Ее сделала недорослем прыщавым да нескладным. Себя мужичком-батраком, а метлу левитирующую вообще осликом прикрыла.

— Ну, всего хорошего, батя, — помахал нам стражник.

Так мы и выбрались из того городка, уже и название его позабыла.

За ближайшим пригорком, скрывшим нас от взглядов дозорных на крепостной стене, я пересела к Катинке и перекинула морок на левитирующую метлу. Теперь перед нами двое сидели — один на лошади, другой на ослике. Лично мне понравился собственных рук мухлеж.

Мы разъехались в разные стороны. Проезжая мимо леса, я свистнула, и из чащобы высунулись головы крылатой гидры. Воровка, конечно, сначала испугалась, но потом, заметив как гидра ластится у ног Бинки, успокоилась.

Кстати, за время наших совместных мытарств, моя лошадка и гидра вроде подружились. И когда Нагос отчаянно вихлял сзади, дабы скрыть наши следы, и время от времени играючи щелкал зубами у самого кончика хвоста коняги, та лишь кокетливо фыркала и забирала в сторону.

До вечера мы ехали, а потом я свалилась и сказала:

— Все, надоело! Больше до утра с места не сдвинусь. А то я и ту ночь не спала, а если и эту не отосплюсь... Ой! — вспомнила я.

— Чего?

— Я, кажется, свидание пропустила. На которое меня так настойчиво приглашали. Уголек, смотайся, а? Чего тебе стоит. Извинись там за меня. — Зверушка так на меня посмотрела, что мне не оставалось ничего делать, как тяжело вздохнуть. — Ну, да, ты права. По головке меня за такое точно не погладят. И не погладят, и не поцелуют, и не коснутся! — Я уткнулась носом в брошенный на землю походный рюкзак. — М-м, ну зачем тогда это мучение? Нас обоих это терзает. Ох, Уголек, что же мне делать? Завтра будет слишком поздно, а сегодня я не могу. А что если за нами пошлют погоню, нельзя же так рисковать. Уголек, что мне делать?

Саламандра разве что пальцем у виска не покрутила. Зато это сделала Катинка.

— Совсем сбрендил? Не, ну я сразу поняла, крыша у тебя капитально поехала, но чтобы так! Ты может еще с лошадей поговоришь?

— Говорила! — обиделась я. — Очень, знаешь ли, мудрые животные. Ты бы моего Калгна увидела, сразу шутить раздумала. Правда, это не совсем кони были, а единороги. Саламандра не простая ящерка. Руны она знает похлеще любого архимага. Да и обстановочку уже пронюхала. — Уголек блаженно задергала задней ножкой, пока я гладила ее под шейкой. — Что же мне делать? Он ведь обидится.

— Ты чего, дура? Куда ты собралась? На свидание ей видите ли надо! Ну и иди, — вовсю разоралась Катинка. Хм, попутчиков женщин у меня еще не было. — Сама разберусь.

— Куда мне идти? Никуда я не пойду. А вот как крепко буду спать, это вопрос. Да и что у нас за свидание получится, я ведь вечно буду дергаться, бояться. А у него хватит мозгов подумать, что это из-за него. Это ведь Заквиэль с Данте всегда все знают, а этот? — Саламандра демонстративно отвернулась, давая понять, что на эту тему говорить не будет. — Он ведь меня убьет за такие проделки, — тяжело вздохнула я, раскручивая браслет на запястье. — Ну, не убьет, ты права, Уголек, ни во сне, ни в жизни руку на меня не поднимет. Только знаешь, от слов то побольнее бывает. А он, мерзавец, умеет их выбирать. Письмо-то как написано, вроде и ничего нет, а каждое слово словно кричит. Да и за эти два месяца ничего хорошего мне не светит. И ведь ждал, подлец, — я хлопнула себя по коленям. — Ждал! — Видя такое проявление чувств, начавшая уже дремать саламандра приподняла голову. — Ну зачем он со мной связался? Все демоны Тантраса! Вот и посмотрим на сколько его демонова терпения хватит.

Вздохнув, Уголек вывела огнем на земле руну. Я подавилась и, схватив ближайшее полено, запустила в нее. Поймав его на лету, саламандра пережгла полено пополам и довольно затанцевала вокруг меня.

— Ух, зловредное существо! Значит я — дура? Это твои демоны идиоты, каких еще поискать. Нет, никуда я сегодня не пойду. Лучше выплусь.

Только в ночи наших свиданий я высыпаюсь просто отлично. Правда, тоска, боль и нежность еще долго мучительно колются острыми шипами.

— Ты выглядишь и говоришь, как влюбленная дура, — презрительно хмыкнула воровка.

— А я и есть влюбленная дура.

— **О** н уже второе крыло разносит.

— Угу, это кроме тех башен. Может хватит? — крикнул демон громко.

Но зачинщик всего этого безобразия с разбиранием прекрасного замка лишь зло

фыркнул. И продолжил свое дело.

Подошел третий и, облокотившись плечом о дверной косяк, спокойно посмотрел на этот разгром:

— Пусть пар выпустит. Не мешайте. Сам же потом восстанавливать будет.

— Я только не пойму, что на него нашло. Всю неделю таким счастливым ходил.

— Он этого дня с месяц ждал, повод как ни как.

— Все-таки она стала очень жестокой. Ну как так можно?! Ведь он и без того единственную лазейку нашел, а она и ту щитом прикрыла.

— Даже когда она погибла, он так не бесился.

— Тогда ему и самому жить не хотелось, не то чтобы громить Серенити.

— А сейчас, — усмехнулся демон, — надо бороться с желанием забрать ее и принести сюда, перекинув через плечо.

— Притом предварительно отшлепав за такие проделки, — захихикал его дружок.

— Как бы она потом сама кого не отшлепала.

— Вот поэтому и бесится — знает, что нельзя. Во, кажется успокаивается.

— Подождем еще минутку и подойдем.

Всевластный демон, не способный совладать с собственной невестой, сел на осколок стены и низко повесил голову так, что длинные пряди касались пыльного пола.

«А ведь завтра еще дворец восстанавливать, — подумал он. — Ну, или хотя бы башню, ведь без нее не к чему будет колдовство привязывать».

З а короткую ночь, встали мы с рассветом, я просыпалась раз двадцать. То мне шорохи спать не давали, то крики животных, то ворочавшаяся Катинка, то угрозы собственной совести. Чтоб она спала долго и крепко!

Уступив Катинке собственную лошадь, я привычно устроилась на спине Нагоса.

— Тебе не страшно?

— Нет. Преданней Нагоса нет на свете. Не обижайся, Уголек, но твое предательство я никогда уже не забуду, — покосилась я на насупившуюся саламандру. — Так меня подставить! Знаешь, что самое ужасное, ведь если понадобится, снова предашь.

— Зачем ты тогда ее держишь? — все так же зло посмотрела на ящерку воровка.

— Потому как это в ее природе. На всем свете существуют максимум два человека, которым она может меня отдать. — Саламандра подняла голову и с упреком вздохнула. — Ну ладно, нечеловеки. Хотя и не два. Про их папочку я забыла. Ты ведь ему тоже послушна? — Уголек кивнула. — Так вот, любому из них она вполне может меня доверить. Просто в прошлый раз она могла меня предупредить. — Посмотрела я на притихшую ящерку. — А на Нагоса управы нет. Его никто не может заставить. К тому же я перекрыла возможность чужого телепатического влияния на свой зверинец.

— Но ты как-то управляешь им. Почему другим невозможно?

Пришлось рассказать историю появления в моей жизни крылатой гидры. Опустив, правда, подробности о моем происхождении и о нестандартных помощниках. Катинку впечатлило. Особенно ей понравилось то, как я проучила Полудена за надменность.

— Правильно. Так им и надо. Надо же такое сказать — любовника себе завести. Может, он сам на эту роль и набивался?

— Было дело, — скривила я губы. — Только куда ему до... моих поклонников.

— Смотрю, ты время зря не теряешь. Поклонники, — хмыкнула Катинка. — И слово-то какое нашла приличное. И много у тебя любовников?

— Какие тут любовники, — тяжело вздохнула я. — Я уже не помню когда последний раз с парнем-то целовалась.

Да и не тянуло меня. Сколько раз пробовала, результат один. Прикосновение чувствую, но того волшебства нет. Да и как можно принимать ласки обыкновенного парня после того, что дал мне демон. А теперь я вообще буду всего бояться — после такого-то заявления.

Как подумаю о своем синеоком демоне, страшно становится. А что если... я же не

переживу!

— Куда ты собираешься? — после получасового молчания спросила Катинка.

— В Табольск. На время зимних морозов. Я, знаешь ли, мерзлявая.

— Так мы в другую сторону едим, — округлила голубые глаза воровка.

— Я что — дура туда прямой дорогой топать, когда чуть ли не каждый прокаженный в твоём городке знает, куда направлялась заезжая ведьма. Ну, сделаю петлю, тебя заодно провожу. Да и Нагосу надо местечко потеплее подыскать. А то он бедный весь издевался. Да, зверюга моя бесценная? — Одна из голов гидры обернулась и нежно лизнула меня в щеку. — А ты куда думаешь?

— Не знаю.

— Дом-то у тебя есть?

— Был, — горько усмехнулась она, — да сгорел. Некуда мне идти.

Я вздохнула:

— Что-нибудь придумаем. Как говорится, «если вас съел дракон, у вас есть по крайней мере два выхода». Разберемся.

Где-то через минут десять молчания Катинка осторожно спросила:

— А как ты те замки открыла?

— Это были не замки — так, детские штучки. Ты бы видела под какие замки меня в детстве сажали. Думаешь, помогало? К тому же меня тут кое-кто научил... хм, отодвигать ненужные щиты. Я между прочим эту теорию два года разрабатывала, пока не доказала ее действенность. Правда, все равно она тогда мне не особенно нужна была, я уже как-то сбегать перестала. Повзрослела, наверное. Зато в бою помогает, если противник щитом прикрылся и думает, что он под защитой. А нетушки! Единственная проблема, ну никак я не добьюсь этого милого чп-пок, когда сквозь него проходишь. И как у них получалось?

— Ты всегда такая болтливая?

— Когда как. Просто давно ни с кем нормально не говорила. С клиентами «по душам» лучше не говорить. А то такую скидку потребуют, «по-дружески», что себе в убыток. Прости, я тебе мешаю.

— Не мешаешь. Я вот думаю, почему ты с такими способностями простой ведуньей работаешь?

Я поперхнулась:

— Сдурела? Ничего себе — ведунья! У меня между прочим диплом с отличием. Ну, первый. А второй без, — пришлось признать мне. — Но если бы я попросила, мне бы тогда сразу и архимагиану дали. За особые заслуги перед фикусом. Ну и за возможность не видеть улыбок моих дружков. Так что я не ведунья.

— Кто ты тогда? Нет, ну правда, я о тебе ничего практически не знаю.

— А я о тебе.

— А что обо мне знать? — Пожала плечами девчонка. Она была на пару лет младше меня, да и (что самое интересное) выглядела тоже. При моих полных двадцати пяти реальных и не больше двадцати визуальных. Пацанкой она смотрелась, короче. Я прям такому обзавидовалась. — Когда мама умерла, мы с младшими братишками и сестрой остались одни. Потом пришли «добрые» люди и потребовали отдать нашу землю или заплатить определенную сумму. А нам и так еды только-только хватало. Ну, тогда я и начала воровать. А полтора года назад меня поймали и в тюрьму засунули на четыре месяца. За это время братьев и сестер куда-то вывезли, а землю отняли. Я, конечно, пыталась их искать, но только недавно наткнулась на нужную информацию, в том доме, где меня взяли в этот раз. Это был дом одного богатея местного. Меня два дружка поделщика наняли, я же в любую дырку пролезу, а они бугаи, каких поискать. Так вот, в сейфе я нашла кое-что интересное, а пока в бумагах рылась, один из дружков сзади подошел и пырнул меня ножичком. Думал, я там помру. А нетушки! Живучая я, — зло усмехнулась Катинка. — И как только в себя пришла у лекаря тюремного, сразу этих мерзавцев и сдала. Нечего бегать на свободе, раз такие сволочи оказались. Ну, а дальше появилась ты. Со своими глазами, — чуть подумав,

добавила она. А я приподняла бровь, обожаю реакцию на это кажущееся таким простым. Катинка пояснила. — У тебя глаза такие...

— Какие? — усмехнулась я.

Ведь знала какие, не каждый человек выдержит их взгляда. Люди все больше стесняются смотреть в такие глаза, говорят — словно в душу смотрят. А чего в этом хорошего, в чужой душе-то, да в ведьминой судьбе. Жизнь, смерть всегда где-то рядом. Мы даруем одно, видим другое.

И легкая поступь смерти нам как шелест ветра, пробежавший по щеке.

А мои глаза в особенности странны.

Все чаще я замечаю в себе новые перемены, воплощенный дух что-то делает со мной, набирая силу. Во время пребывания гостем в долине единорогов даже умудрился внешность мне подправить — подбородок смягчить. Сама не знаю как — он просто этого захотел. Долго еще тогда Калгн меня рассматривал недоверчиво, словно я это специально, чтобы его поугаать.

Вот и взгляд феникса все чаще стал проскальзывать в моем. И золотистые искры в нем горели ярче любых звезд.

Что поделаешь, обвинять в чем-то феникса я не смела. Он мне жизнь спасал, боролся вместе со мной, был мной. Только куда более мудрым и знающим.

Кстати, то, как выглядит настоящий феникс, мне показал мой возлюбленный во время наших с ним прошлой встречи. Большая удивительная птица села на парапет, просто поражая меня своей величественной красотой. Размером чудо-птица оказалась чудь больше орла, его же и напоминала внешне. Ну, или ястребка, как мне показалось в первый раз. Перья на шее блестящие, золотистые, на туловище — с примесью красных всполохов, в длинном же хвосте есть и розовые перья, лик круглый, на голове хохолок.

— Можно я его коснусь? — спросила я демона, зачарованно разглядывая феникса.

— Конечно. Тебе нельзя касаться только меня, — с нотой грусти ответил он.

Я погладила феникса по ярким перышкам, и он изогнулся, как кошка, ластясь под руками. Перья его были теплыми, мягкими, удивительно нежными на ощупь, хотя об их крепости ходят легенды. Гордый горбатый клюв игриво уцепил прядь моих распущенных волос. Видно, я ему понравилась. Даже крылья раскрыл, показывая себя во всей красе. Я оценила.

Демон стоял рядом и смотрел через мое плечо. Это «рядом» сводило с ума. Так близко и так недостижимо. Невозможность убивала.

И тело лишь сильнее трепетало от этой сладкой муки.

Ох, и влетит же мне от него!

Об этом даже думать было страшно, поэтому я вопросительно посмотрела на Катинку.

— Странные. Как будто ты всю подноготную знаешь мою. И почему-то стыдно становится, — опустила голову воровка. — Так, словно я тебе что-то была должна, да не сделала.

Я рассмеялась.

— Ты знаешь, Таня, мне ведь тоже в Табольск надо. Там мои братья с сестрой. Ежича в рабочий дом отдали, ему уже шестнадцатый идет. Ивана с Эдитой в приют пока пристроили. Только знаю, какая там жизнь, тоже небось батрачат. Забрать мне надо их.

— И что ты с этой детворой дальше делать будешь?

— Придумаю. Табольск город большой. Воровке найдется, чем себя занять. А ты чем будешь там жить?

— Не знаю еще. Это моя первая зима в качестве полноценной магианы. Может, на службу пойду к кому. А может, и сама чем займусь. Хорошему магу всегда найдется дело. Значит, поедем до города вместе. Давай останавливаться на привал. Есть очень хочется. Да и спать.

— Ты чего так тяжело вздыхаешь?

— Если я ночью чудить начну, не буди меня, пожалуйста, — предупредила я, просто

чувствуя — так легко мне не отделаться. — Уголек, ты в царстве была? — Саламандра кивнула. Не хорошо так. — Ну и как? Милая, не пугай меня, зачем так смотреть. Неужели все настолько плохо?

Ч то-что, а неприятности я просто нюхом научилась чувствовать. Вот и сейчас, засыпая с тревогой в груди, медленно открывала глаза, отнюдь ни так радостно, как хотелось бы.

Ни тебе обычного вдохновения, ни сладости, ни неги.

Как ушат воды на голову вылили. Или чего похуже.

Звездное небо над головой, звездный город под ногами, свет толстых свечей в высоких резных канделябрах затейливой формы.

Валять дурака не было смысла, и я почти сразу села, поджав под себя ноги. Оглянулась.

— А что с... со всем? — заметила я какие-то едва уловимые перемены на нашей террасе.

— Мелкая перестройка, — как-то недовольно ответил демон, стоящий у дверей за моей спиной.

Я кивнула, хотя не совсем понимала, что это может значить. Что с них возьмешь, с чертей? Умеют гады мозги пудрить.

Демон молчал. А мне и резона не было начинать первой.

Вместо этого я вдруг подумала, что со мной что-то не так. Обычно моим одеянием здесь был длинный кусок ткани, который демон называл сари, его цвет я так и не поняла, он менялся и блистал. Волосы всегда распущены густой волной. Но ногах мягкие туфли без каблука. А сейчас я выглядела точно так же, как и легла спать — в длинной рубаше из неотбеленного хлопка со шнуровкой на груди и в свободных коротких штанишках. На ногах лишь вязаные шерстяные носки, отданные старушкой вместо платы за мазь от болей в спине. Волосы еще с утра заплетены в не самую аккуратную косу. В общем видок еще тот.

Есть над чем подумать, правда?

Хотя, мне-то так даже больше нравилось. Удобно, а то таскайся с этой юбкой.

Подумав так, я решила сделать то, что давно хотела, да как-то не смела.

Потрогав пол ногой, словно незнакомую речушку, я встала и подошла к парапету. Перегнувшись через него и уцепившись ногами, я посмотрела на башню, где мы находились.

Очень высокая, без окон, сделанная из какого-то странного белого камня.

Но то, что было под башней, заинтересовало меня куда сильнее — развалины.

Выпрямившись, я похлопала глазами и даже мотнула головой, прогоняя туман, царивший в ней, и снова посмотрела вниз. Все равно — развалины.

— Э-э, — протянула я, не зная, как и спросить-то. — Занятная архитектура.

Что-то мне подсказало, демону вроде как... неловко? Эта странная эманация всегда меня поражала. А главное, было интересно — она двухсторонняя? Чувствует ли он меня так же?

Асур медленно с присущей им грацией обоюдоострого клинка двинулся ко мне. Надо признать, я даже дышать перестала.

— Что ты вытворяешь, девочка?

От этого голоса, веющего льдом, по коже пошел холодок.

— Смотрю вниз, — состроила я дурочку. Только кого обманывала, интересно?

— Что значит твое «занята»? Неужели я так много просил?

— Но... я действительно была занята.

«Зря, — подумала я. — Лучше бы молча кивала».

— Занята? Чем это интересно?. Что может занять тебя ночью?

— Были... обстоятельства... И... Да мало ли что! — вдруг неожиданно даже для себя разозлилась я. Не люблю, когда на меня давят. — Это мое дело, чем заниматься по ночам.

— Что ты хочешь этим сказать?

— То, что это только мое дело, чем я занята.

— Ты моя невеста, Лилит, и то, чем ты занимаешься, касается и меня. Неужели так трудно было просто позвать?

— Да ты и сам не плохо справляешься. Зачем ты вытащил меня сейчас? Верни меня немедленно.

— Вернуть? — разозлился он еще сильнее. Я попятилась. — Ну нет уж. Ты пропадала где-то два месяца, не давая никаких вестей. А теперь просишь вернуть. Хочешь, уходи! — демонстративно развел он руками.

— Ты... прекрати меня принуждать. Я буду делать то, что хочу.

— А что хочу я, ты разумеется не берешь в расчет.

— Квиты! — всплеснула я руками.

— Что? Хочешь сказать, я не даю тебе свободы? Я отпустил тебя, разве этого мало? Я дал тебе время. Я не стал торопить. А что получаю взамен? «Я занята»? Неужели я так много прошу, просто хотя бы время от времени видеть тебя. Может быть действительно поступить умнее, вытащить тебя из этого болота. Ты должна быть здесь, а не мотаться непонятно где, — продолжал кричать на меня демон. А это, знаете ли, страшнее любой грозы будет. На тот момент мне беседа с Хананелем виделась заманчивей, чем громовой голос возлюбленного. — Почему я должен терпеть твои выходки? То она четыре года где-то пропадала, когда все считали ее мертвой, то за два месяца не соизволила отозваться, словно это так трудно. А теперь она видите ли занята! Тебе не кажется, милая, — выплюнул он, в то время как я продолжала пятиться от разгоряченного асура (я уже была готова раскаться во всем, даже в воровстве с кухни пирожков в возрасте пяти лет, лишь бы он замолчал), — что ты перешла уже все границы моего терпения. Завтра же я посылаю за тобой Элвила и кого-нибудь из теней. Твое место здесь.

Вот этого я точно стерпеть не могла.

— Не смей мною командовать! Я тебе не комнатная шавка, чтобы решать за меня что, где и когда мне делать.

— Нет, — протянул он. У меня по коже побежали мурашки с пятак. Этот голос можно было назвать сладким, но даже глухой и слепой калека в это не поверил бы, от него шел холод и давила сила. Та, что способна сломать любой металл, подчинить своим желаниям даже ход светил. Голос принца асуров, не привыкшего, чтобы ему перечили. — Ты — моя. — Демон сделал еще шаг, и я поняла — отступать больше некуда, спина прижалась к стене. — Куда бы ты ни пошла, где бы ни пряталась — ты принадлежишь мне. Прими, наконец, это — ты моя.

— Перестань, — еле выдавила я из себя, полуживая от страха.

— Ты вернешься в царство и, клянусь, на следующий же день станешь моей женой. Потом ты получишь все, что пожелаешь. — Одной рукой он уперся в стену над моим плечом, пальцами другой провел вдоль губ. И я уже ни знала, что пугает меня больше — угроза в его голосе или эти странные порывы, меньше всего напоминающие нежность. — Хочешь путешествовать, пожалуйста, вместе со мной. Я дам тебе лучших магов в учителя и целые библиотеки великих книг. Хочешь, я принесу тебе голову Хананеля. Но ты станешь моей женой. Не прячь от меня глаза, Лилит. — Демон был так близко, так опасно, так остро. Даже сквозь сковывающий страх я чувствовала внутри себя ту тягу, ту болезненную слабость к нему. Я нехотя подняла взгляд, а он зашептал: — Как я люблю твои глаза. И тебя люблю, моя нежность.

— Тогда отпусти, — чуть слышно отозвалась я и опустила глаза.

— Никогда! — прорычал он мне в лицо. — Ты хоть знаешь что такое любовь асура? Мы не глупые люди, которые размениваются любовью как мелкой монетой. Для нас нет ничего священней ее. А ты предлагаешь мне отпустить то, чего больше никогда не будет? Как это по человечески — предавать тех, кто вам верней всех. — Его яростное дыхание откидывало пряди волос с моего лица, а я сжалась, опасаясь даже шевельнуться. — Не хочешь быть моей женой? Хорошо. Но это не значит, что я тебя отпускаю. Ты человек, Лилит. Просто человек. И я не желаю из-за прихоти глупой девчонки разрушать свою жизнь. Так

или иначе, но ты будешь моей, по своей воле или нет.

— А чего еще ожидать от демона, — зло выдохнула я, — созданного только разрушать. Я лучше по своей воле встану рядом с Хананелем, чем по принуждению с тобой.

— Не смей так говорить, милая!

— А ты запрети. Ну же, у тебя это великолепно выходит.

— Запомни, малышка, узнаю, что ты меня предала, убью всех, кто будет рядом.

— Мне выбирать!

— Тебе подчиняться!

Сама не знаю как это получилось. Просто я вдруг с силой ударила его по лицу.

И тут же проснулась.

Рука побаливала, а из глаз хлынули горькие бабьи слезы. Я перевернулась на бок и уткнула лицо в рюкзак. Не помогло. Уже через минуту переполошившись, Катинка сидела рядом и отпаивала меня вечерним отваром. А я редела и что-то говорила. Уже и не помню что, только главной была одна мысль — «все мужики — сволочи, и не важно — человек он или черт».

О тчаянно зевая, мы въехали в Табольск.

Небо уже заметно потемнело, предвещая не самую спокойную ночь. Как хорошо, что сегодня мы проведем ночь под крышей. Не хотела бы я оказаться под открытым небом в приближающуюся бурю. А она обещала быть шикарной. Уж поверьте ведьме.

Нагос уже мирно посапывала в найденной землянке, а мы, наконец, приехали.

— Есть хочется, — вздохнула я.

— Ага, — зевнула Катинка. — И спать.

— Сейчас приедем на постоянный двор, поедим да и комнатку снимем.

— На какие шиши?

— Заначка, — хмыкнула я. — Не беспокойся о деньгах.

— А не слишком многим я тебе обязана?

— Потом отдашь. Сейчас главное хоть куда-то наконец приехать. Как же я хочу бадью побольше с горячей водой.

— Ага, — кивнула Катинка, сидящая позади меня на Бинки. — И постель с простынями.

Я завистливо вздохнула.

— Ты чего, опять спать не будешь? — тут же почувствовала все воровка. Ох, кого-то она мне напоминала. Такого очаровательного, фиолетоволосого умницу. — С ума совсем сошла, сколько же можно.

— Сколько нужно.

— Тань, да что происходит? То ты истерики по ночам устраиваешь, то вовсе спать отказываешься. Что с тобой?

— Ничего.

— Да ладно. — Она помолчала, а затем опасливо начала: — Я же видела, ты меня посреди ночи разбудила своими стонами. В тебя как бесы вселились, вертелась вся и даже светила. Не хорошо так. Свет прям из груди шел.

— Откуда?

— Из груди. Золотой такой.

— Ты могла раньше мне об этом сказать, — разозлилась я. Даже локтем ей наподдала, чтобы знала.

Растянув ворот рубахи, я достала золотую звездочку из странного вида камней, сверкающих в заходящих лучах солнца.

— Ах ты, морда бессовестная, — выругалась я. — Дотянулся таки до моей памятки, мракобес рогатый. Не, ну все испоганит, до чего только дотронется, черт клыкастый. Попадись мне еще, собственным хвостом удушю паразита. Катинка, поноси пока ее. А то в сумки я боюсь такую вещицу класть, а у тебя уж точно не сопрут.

— А не страшно тебе отдавать такую дорогую вещь мне. Она наверное не мало стоит.

— Она бесценна. В мире таких только восемь штук. Как я знаю, семь других навечно остались в сокровищнице одного королевства. Их зовут Звездами Принцессы.

— Похожа на ту, которые появились у тебя вчера, когда ты о сук приложила со всего маха, — хихикнула воровка, даже не зная насколько близка к истине. — А откуда она у тебя, если такая бесценная?

— У меня есть друг близкий в том королевстве. Ему даже при дворе предлагали остаться, — гордо заявила я. — Только он, дурак принципиальный, отказался.

Но в Вольск ездит с завидным постоянством. Там ему всегда рады. За те два года к нему все как-то привыкли. Папа не имел ничего против присутствия молодого парнишки за нашими шумными обедами и ужинами, а порой и за завтраками. Сестры относились к нему тоже очень тепло, братья провели с ним не мало часов за своими мужскими делами и разговорами, в общем, прибавление в семействе прошло мирно. Только мачеха поначалу относилась к происходящему весьма настороженно, но вскоре и она смирилась. Даже Консуэла вскоре приняла нового ученика, который приблудился к ее группе, воспитывала и учила наравне с нами. Так что совместными усилиями мы вырастили великолепного придворно-боевого мага. Хотя бедному Вадке пришлось не мало натерпеться от других учеников, а порой и преподавателей Академии. Но пойти против таких сильных и весомых магов, как Консуэла и Полуден, никто в открытую не смел, а они оба активно нас поддерживали.

Так что когда год назад, в очередной свой приезд, Вадик попросил у Филиппа одну из звезд, столь дорогих мне при жизни, тот особенно не удивился. Брат знал, как мы дорожили нашей дружбой.

Остальные же семь были переведены в ранг семейной ценности (что защищало их от продажи), уложены на шелковую подушечку и выставлены в хранилище дворца под именем «Звезды Принцессы».

Бедный Филипп так и не смирился со смертью своих сестер. Наши комнаты были навечно закрыты, а башня запечатана. А еще он назвал свою старшую дочь Татьяной, те, кто знал мое второе имя, все поняли. По словам Вадика, старый дуб малышке явно приглянулся.

А мне на данный момент приглянулся большой постоялый двор с таверной. Туда-то мы и направились.

От мысли, что сегодня смогу спокойно спать, я медленно млела. Ну что ж, посмотрим. Поймай меня, любимый!

Н очь сегодня выдалась удивительно красивая. Небо в звездной дымке, легкий ласковый ветерок, серп луны, с усмешкой смотрящей на землю. И чего некоторым не спится?

Он подошел к сидящему на самом краю другу и, приподняв брови, спросил:

— Ну и долго ты еще собираешься дуться?

— Сколько надо, — огрызнулся демон всеми клыками.

— Это глупо. Лучше бы что-нибудь сделал, чем сидеть на одном месте и попусту злиться.

— Я и не злюсь. Я думаю.

— И много надумал?

Асур хищно улыбнулся. Опасно, заметил его друг и брат.

— Много. Не волнуйся, так все я не оставляю. — Он хмыкнул. — Помнишь, Лилит как-то сказала «Если вас съел дракон, у вас есть, по крайней мере, два выхода». И тут еще надо подумать, что лучше — пощекотать зверю язычок или вымазаться в... хм... вымазаться. Вот я сижу и думаю, что предпочесть — гордость или вымазаться.

— А тут как ни верти, результат один — все равно к ней побежишь. Как миленький. Долго ты не выдержишь.

— Угу, — кивнул демон, вставая и раскрывая за спиной крылья. — Но все же немного

подожду. Чего не сделаешь ради любимой женщины. Даже отпустишь, а потом начнешь ловить.